

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Христианство и модернизм

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

© Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1999.

Содержание

От издательства

Глава 1

Что такое вера

Изгнание Адама из рая

О молитве

    Тайна приближения к Богу

    Сокровище, которое всегда при нас

    Вращение духовных сфер

Пост и его значение

Монашество: искание Божественной красоты

О грехе блуда

Демоны и человеческая гордыня

О прелести

Можно ли верить снам?

Особенности религиозного мышления Востока и Запада

Ответы на вопросы

Глава 2

Рождество Пресвятой Богородицы

Воздвижение Честного и животворящего Креста господня

Введение во храм Пресвятой Богородицы

Вознесение Господне

Пятидесятница

Преображение

Успение Пресвятой Богородицы

Колесование святого великомученика Георгия Каппадокийского Победоносца

Икона «Слава Грузинской Католикосской Церкви»

Глава 3

О секуляризации церкви

Христианство и современная культура

О храме Венеры на Голгофе

Христианство и национальность

    Церковь – единый народ

    Религия и национальное самосознание

О фанатизме

Психология раскола

Что такое икона

    Откровение в красках

    Окно в вечность

    Об иконе и абстрактном искусстве

Христианство и модернизм

О церковном языке
Церковь и наука
О дарвинизме
Об эволюции и кумранском календаре
Календарный вопрос
Икона времени
Включение космоса в вечность
Жажда реформ

Глава 4

Оккультная агрессия
Антропософия (штайнеризм): кушанье из отбросов
Астрология и Православие
О грехе проклятия
Об иных цивилизациях и о «летающих тарелках»

От издательства

«Мы живем в **сложное** время», – говорит автор этой книги архимандрит Рафаил. И с этим трудно не согласиться. **Сложное** – потому, что мир, окружающий нас, переживает стремительные перемены; мы слышим о «новом порядке» и всеобщем благоденствии, которые должны вот-вот воцариться в нем, но видим вопиющую несправедливость, льющуюся кровь и страдания невинных людей.

Сложное – потому, что в этом мире очень трудно стало жить православному христианину, да и не только христианину, но и любому человеку, обладающему определенными нравственными ценностями и желающему их сохранить. Соблазны вокруг нас умножились и умножаются, превращаясь в общий и, пожалуй, преобладающий фон нашей жизни. Их стало так много, что порой кажется, будто вся современная действительность из них одних и состоит. Примеров же благочестия и праведности – напротив, все меньше и меньше; по крайней мере, они настолько сокровенны от глаз людских, что в мире, в общественной жизни их, можно сказать, попросту нет.

Сложное – потому, что мир с его неутолимой жаждой к изменениям и реформам ломится в двери Церкви, врывается в нее, стремится и здесь все повернуть и поставить по-своему, «по-новому», по-мирскому. И это действительно страшно. Страшно не за Церковь, ибо ее врата адавы не одолеют (Мф. 16, 18), она, как есть, так и пребудет столпом и утверждением истины (1 Тим. 3, 15), но страшно за людей, которые в этой истине еще не утвердились.

Время социальных и политических потрясений, мировых катаклизмов и катастроф всегда было временем восстания мира (а в лице его – врага рода человеческого, дьявола) на Церковь. Признаки его таковы: усиливаются «либеральные» течения, поднимаются разговоры о необходимости изменения (облегчения) Церковного Устава, перехода на новый календарь (то есть – на так называемый «новый стиль»), перевода служб с богослужебного на современные языки. Следующий этап – отрицание в Церкви института монашества, попытки введения женатого епископата. Все это вкупе и есть то, что сегодня в Православии принято называть словом «модернизм» – в самом негативном его значении.

Трудно в такую пору приходится человеку, не укорененному основательно в православной церковной традиции, не впитавшему в себя дух церковной жизни с младенческих лет. Разнообразные «мнения» и «векания» колеблют неутвержденную душу, посевают сомнения – плевелы лукавого – то в одной, то в другой спасительной истине, сбивают с толку, сводят со спасительного пути покаянного делания. Прозревающий это из глубины веков Апостол говорит в своем Послании, адресованном Тимофею, но предназначенном по своей сути всем православным христианам: *Держись образца здравого учения, которое ты слышал от меня* (2 Тим. 1, 13) и прибавляет в другом

месте: *ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням* (2 Тим. 4, 3-4). Поэтому держаться того учения Церкви, которое принято и освящено равно и святыми Отцами древности, и праведниками последних времен, сегодня, как никогда, необходимо каждому, желающему спасти свою душу.

Наверное, как нельзя более остро понимает это о. Рафаил – оттого и стремится он, исполняя завещание апостольское, проповедовать слово, настоять во время и не во время, обличать, запрещать, увещевать со всяким долготерпением и назиданием (2 Тим. 4, 2). Его беседы и статьи, составившие эту книгу, – плод внимательной духовной жизни, результат размышлений о происходящих в современном мире и Церкви процессах, их анализ, поиск и указание того единственного пути, которым и в наши дни, как и тысячу лет назад, должен идти стремящийся ко спасению христианин.

По своему содержанию книга эта неоднородна, разнопланова – так же, как много планов имеет и человеческая жизнь. И поэтому она, скорее всего, нуждается в том, чтобы сказать о ней поподробнее. Отчего человек верит и отчего не верит? Почему выбирает верную погибель, когда перед ним открыт путь ко спасению? Что есть невидимый мир духов злобы и какова причина их вражды против нас? Почему величайшим сокровищем, которым может обогатиться человек в этой жизни, является молитва? – Вот некоторые из тех вопросов, на которые о. Рафаил стремится ответить в I части книги.

Во II он говорит о праздниках Церкви, об образе Неба на Земле, о сияющей славе святых и их близости к нам. И здесь особенно стоит отметить его статью «Икона “Слава Грузинской Католикосской Церкви”» – настоящую поэму, написанную языком, близким к литургическому, вобравшую в себя – в избранных ее моментах – всю историю Церкви многострадальной Иверской земли. Той земли, где о. Рафаил живет, где он служит Богу и людям, где произносит свои проповеди и беседы. Почему мы выделяем именно эту статью, почему такой исключительный интерес для нас, жителей России, должна представлять история Грузинской Церкви – пусть даже талантливо и ярко написанная? Потому, что в ней – образ того, как может и как должен любить Церковь христианин – любить, как прекрасную и мудрую Мать, восхищаться ею, от всего сердца своего воспевать ее, стремиться узнать все о долгой и славной ее жизни. И в ней же – напоминание о том, что все национальные, территориальные, исторические или политические разделения искусственны, привнесены людьми, а Церковь – едина. Едина – в благодати, в своих святых (ведь самый почитаемый святой в той же Грузии – это даже не царица Тамара, но полководец из римского войска, родом каппадокиец – святой великомученик Георгий Победоносец), в Таинствах и обрядах, в вере, надежде и любви людей, а прежде всего – в Главе ее, Господе Иисусе Христе.

III часть, наиболее обширная, посвящена проблемам современности – непосредственно тому, что можно назвать модернизмом или, как говорит сам автор, – секуляризацией Церкви. Каковы виды агрессии мира против Церкви, что можно противопоставить им? – вопрос, который нашел свое отражение в помещенных в этой части статьях. Стремление к переходу на новый стиль, реформе языка церковного Богослужения, «модернизации» иконописи, такие явления, как фанатизм и сознание «национальной исключительности» и многое, многое другое, о чем говорят и что по-настоящему важно, – как относиться ко всему этому верующему православному человеку, как избежать крайностей и заблуждений? – Об этом о. Рафаил говорит здесь.

В IV же, последней части он пишет о том, что становится в окружающей нас жизни следствием если не безверия, то – неправильного выбора духовных ориентиров, желания войти в духовную жизнь не путем покаяния, а с «черного хода» – через приобщение к «тайным», «сокровенным» знаниям, неким загадочным мистериям. Оккультизм и явный демонизм – вот во что вырождается модернизм на крайней точке своего последовательного развития. И это – закономерный итог стремления мира не самому

измениться, преобразиться, воцерковиться, наконец, но Церковь (а вернее – то, что он строит вместо нее) изменить, переустроить в угоду своим разнообразным прихотям и страстям...

Безусловно, на многое – и в окружающей его реальности, и в самом себе – по прочтении этой книги человек взглянет по-другому; возможно, что для него разрешатся многие недоумения, на многие свои вопросы он получит ответ. Но еще важнее то, что в ней он увидит, узнает образец того *здорового учения*, которое преподавали своим ученикам Апостолы и которое есть и останется учением Церкви во все времена.

Глава 1

Что такое вера

Этот вопрос корнями своими уходит в христианскую антропологию. Что такое человек? Чем отличается он от других существ? Здесь, на земле, мы встречаем многообразные формы и проявления жизни, но между человеком и любым иным существом – неизмеримая пропасть. Что за тайна – человек? Мы видим, что по своему телесному составу человек похож на другие существа, и в то же время он – великая тайна. Человек принадлежит не только земле, он принадлежит и вечности. И эту тайну он осознает сам. С одной стороны, человек является предметом этого мира, обусловленным его законами. С другой – человек чувствует себя свободным существом, самоопределяющейся личностью.

Священное Писание открывает нам эту тайну. Господь творит человека из земли и в то же время вдыхает в него нечто иное, Божественное, неземное, что называется в Библии «дыханием жизни». Это – душа человека. В душе отпечатлевается образ Божий. Он – как бы тень Божества на земле. В самом создании человека, который стоит на грани двух миров – вещественного и духовного, в самой душе человека, являющегося отражением и образом Божества, заключается тайна его внутренней свободы.

Почему люди по-разному реагируют на призыв Божественной благодати? Почему одни готовы посвятить всю свою жизнь Богу, другие равнодушны к религии, а третьи относятся к ней с презрением и даже с ненавистью? Почему многие из атеистов не просто отвергают религию как неприемлемую для них философскую систему, но и ненавидят Христа как своего личного врага? Это тоже тайна, тайна человеческого сердца.

Все, что делает и о чем думает человек, все его желания, внутренние стремления и порывы, все его дела и слова никогда не проходят без следа. Есть такой духовный закон: «Ничто не проходит бесследно». У нас есть две памяти: память ума и память сердца. Человеческий ум, память рассудка не может удержать той информации, внутренней и внешней, которую получает человек. Поэтому у рассудочной памяти есть спасительная способность – забывать. Если бы человек не умел забывать, он бы попросту не смог существовать, был бы подавлен потоком информации. Но у него есть другая память. Это – память сердца, которая в закодированном виде содержит всю его жизнь – и внешнюю, и внутреннюю. Все отпечатлевается там. Любые образы, ощущения, желания, намерения, поступки, – все это в зашифрованном, закодированном виде остается в глубинах человеческого сердца.

Сердце у святых Отцов называется «книгой совести». На Страшном Суде человек увидит всю свою жизнь именно потому, что книга его сердечной памяти будет раскрыта и расшифрована. Он увидит всю свою жизнь, всего себя от рождения до смерти, во всей своей наготе – духовной наготе. Сердце является той точкой, где суммируется все, что успел сделать, сказать, помыслить или только почувствовать человек в этой жизни. Оно может стать тем таинственным полем, где человек встречается с Богом, и в то же время человеческое сердце может внутренним своим голосом сказать Божеству: «Нет, я не хочу Тебя знать». Христос в «Апокалипсисе» сравнивает Себя со странником, стоящим перед закрытой дверью. Странник стучит в эту дверь. Хозяин может открыть ее или не открывать – в ответ на этот таинственный стук Божества. Христос говорит: *Если кто*

услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, то есть «Я войду в его душу Своею благодатью». *Буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр. 3, 20), то есть «Я разделю с ним радость». Какая это радость? Это – встреча и соединение человека со Христом, это насыщение человека Духом Святым. У каждого из нас есть право сказать Богу: «хочу» или «не хочу». Господь дал человеку свободную волю. Она есть великий и страшный дар, величие человека и вместе с тем огромная ответственность, которой большинство людей не осознает.

Мы недоумеваем: почему человеческие души по-разному отвечают Богу? – Потому, что у человеческого сердца бывает разное содержание. Самое главное препятствие к тому, чтобы услышать голос Христа и последовать за Ним, – это духовная гордыня. Духовная гордыня страшнее, чем все человеческие страсти. Духовная гордыня – это всецелая надежда лишь на самого себя, на свои внутренние силы. Духовная гордыня – это отвержение помощи Божией. Человек как бы говорит: «Я не нуждаюсь ни в ком, я сам – источник своих собственных сил, своего спасения». Поэтому духовная гордыня заставляет человека видеть себя центром своего собственного бытия: Бог ему не нужен. И если даже гордый человек исповедует какую-нибудь религию, то она всегда остается для него только лишь внешней формой. А на самом деле у него другая религия – эгоизм; то есть он стал богом сам для себя.

Многие внешне весьма честные и порядочные люди, не лишённые при том, как кажется, и иных добродетелей, оказываются неверующими. И мы снова задаем себе вопрос: почему? Если бы эти люди жили грубыми чувственными страстями, то религия мешала бы им удовлетворять их низменные желания. Но мы иногда видим людей как будто бы нравственных и в то же время безразличных к религии. Как это объяснить? Дело в том, что у них в душе нет самого главного – реального видения себя, своей тварной ограниченности и своего внутреннего падения. У них нет потребности в другой, высшей силе, способной их преобразить, воссоздать и спасти, они просто не чувствуют, не видят своей болезни. И оттого для этих людей Бог совершенно чужд. Некоторые из них несколько расширяют сферу своего эгоцентризма, как бы включая в нее общество других людей. Они говорят: «Для нас религия – это любовь к человечеству, для нас бог – это само человечество». Выразителем такой странной религии был Фейербах, которого широко использовал Маркс (хотя он и бранил Фейербаха). Но что это такое – «человечество»? Человечество представляет из себя, в конце концов, сумму таких же несовершенных созданий, как и один человек. Сумма несовершенного не может быть совершенна. Сумма ограниченного не может быть безгранична. Поэтому «религия человечества», на самом деле, есть та же религия эгоцентризма...

Итак, первым препятствием, мешающим человеку услышать голос Божий, является духовная гордость, которая стоит, как огромная стена, между душой и Божеством. Однако нередко эту стену разбивают страдания и потрясения. В период трагедий и катастроф у многих людей пробуждается религиозное чувство. Падают и разбиваются те идолы, которых они создали сами и которыми хотели заменить Бога. Впрочем, это происходит далеко не всегда и не со всеми. Некоторых страдания и потрясения, наоборот, озлобляют и ожесточают.

Второе препятствие, которое стоит между душой и Богом, – это погруженность в мирскую жизнь, ее абсолютизирование, то есть всецелая, без остатка, отдача себя мирской культуре, погружение во все ее сложнейшие проблемы. У человека как бы не хватает времени взглянуть на небо, он или похож на вечно суетящегося муравья, или вполне удовлетворяется теми видами душевных наслаждений, которые ему могут обеспечить искусство, наука и т. п. Иными словами, человек всецело обращен к душевным ценностям этого мира и не подозревает о существовании других – духовных.

В сущности говоря, человеческое искусство, литература и поэзия – это в значительной своей части стихия человеческих страстей, только очень утонченных, где зло проявляется под видом добра, а грубые пороки опозитизированы и носят

привлекательный вид. Поэтому редко кто из писателей и поэтов был действительно религиозным человеком. Увлечение мирским искусством, полная включенность в мирскую проблематику отрывает, отсекает человека от вечности. В шуме земли он уже не слышит тихого голоса духа. Затем, само по себе, искусство возбуждает и развивает человеческое воображение и фантазию. А воображение и фантазия плотной пеленой закрывают от нас наше сердце. Человек, пребывающий в плену своих грез и мечтаний, живет в ложном, созданном им самим мире, в котором присутствуют демонические силы. Ему кажется, что он живет духовной жизнью, а на самом деле это жизнь внешняя; сердце его остается неочищенным, невозрожденным.

Бог – Он открывается человеку как доселе неведомая, внутренняя духовная жизнь. Чистая душа ощущает Бога не как силу, идущую извне, и не как силу, которая потенциально существовала в ней самой, а как включение в совершенно иное, новое бытие. У людей с несвободным сердцем, ставших пленниками этого мира, постепенно заглушается, как бы атрофируется способность воспринимать волны, идущие из вечности. В Библии есть слова: *Упразднитесь и разумеете, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). Это значит, что человек должен уметь отключаться от всего мирского, подниматься мыслью над земным, искать другого бытия за пределами материального и душевного мира. Он должен упраздниться от его образов и страстей для того, чтоб почувствовать дыхание Божества. У человека, погруженного в чувственность, Божий призыв иногда вызывает озлобление. Ему кажется, что религия хочет лишить его тех радостей, которые дает само здешнее бытие, что религия взамен реальных ощущений и наслаждений (как бы они ни были кратковременны и обманчивы) ничего не даст, кроме несбыточных обещаний. И поэтому те миролюбцы, те люди, которые всем сердцем своим привязаны к миру, обычно относятся к религии или с холодным равнодушием, или же с затаенной в сердце ненавистью.

И, наконец, третье. Это – страсти, от которых человек не хочет освободиться. Религия требует от него аскетизма, религия требует изменения. Тот, кто стал пленником своих собственных страстей, должен психологически уверить себя, что нет ни вечной жизни, ни ответственности за совершаемые дела, ни будущего воздаяния. Поэтому человек, погруженный в чувственные страсти, постоянно внутренне убеждает себя, что вечности не существует: она его просто не устраивает; он убеждает себя в этом, чтобы спокойно предаваться своим страстям. Это третья причина, по которой человеческое сердце отвергает Бога.

Бывает отвержение волевое, но бывает отвержение из-за незнания, когда у человека искусственно созданы определенные атеистические комплексы. Тогда он имеет дело не с религией, а со своим карикатурным представлением о ней и, значит, отвергает не Бога, а ту карикатуру, которую ему с детства показывают как модель религии. Этот вид неверия легче всего разрушается при серьезном ознакомлении с христианской религией как с мировоззрением и с верой как с метафизическим феноменом.

И все-таки опять возникает вопрос: что такое вера и почему человек верит? Верит человек потому, что он – образ и подобие Божие. Между Первообразом и образом существует связь. Эта связь называется симпатической. Уже в самом человеке вера потенциально заложена как возможность, так что она присуща нам; однако, это – не та способность, которую человек может развить сам по себе. Вера оживает только при воздействии Божественной благодати. Поэтому она есть синергия, то есть соединение двух волей – Божественной и человеческой. Вера является подвигом человеческого духа и проявлением его способности верить и не верить, развить или заглушить это чувство. Но, с другой стороны, вера всегда является для человека Божиим даром, потому что без благодати Божией она остается только лишь потенцией человеческой души. Почему человек верит и не верит? Верит – когда его воля подчиняется Божественной благодати, верит, когда ищет Бога (может быть, даже подсознательно), и в глубинах человеческого сердца происходит эта дивная встреча. Не верит – когда сердце его замыкается перед

благодатью. Есть такие растения, которые закрываются листьями от самого легкого прикосновения. Так и сердце неверующего человека закрывается, когда чувствует прикосновение благодати. Оно не хочет ее, благодать ему чужда.

Изгнание Адама из рая

Почему нам необходимо покаяние? Почему покаяние должно сопровождать христианина от начала его сознательного возраста, от вступления на путь духовной жизни до самой смерти?

Воскресный день перед святой Четыредесятницей называется «Воспоминание Адамова изгнания». Остановимся на этом ключевом, важнейшем библейском событии, на катастрофическом падении всего человечества в лице Адама.

В первом стихе первой книги Библии написано: **В начале сотворил Бог небо и землю** (Быт. 1, 1). Небо, ангельский мир, было создано мгновенно; вещественно-материальный мир был сотворен в несколько периодов. Святые Отцы видят в порядке создания мира идею восхождения от низшего, несовершенного к более совершенному. На шестой день творения космоса Господь создал человека – венец видимого мира. Человек является представителем, по выражению преподобного Максима Исповедника, ипостасью двух миров – духовного и материального, невидимого и видимого, в нем заключаются небо и земля. Господь сотворил тело человека из земли (все элементы, присущие космосу, находятся в теле человека), а затем вдохнул в него душу, сделал его ангелоподобным. И потому человек – это прежде всего дух, облеченный в плоть. На человеке лежала задача огромной ответственности. Он был сотворен для величайшей миссии, для интеграции всего видимого мира и соединения его с миром невидимым, то есть через человека должно было происходить одухотворение и преображение всего космоса.

Затем Господь творит Еву, творит из ребра Адама. Этот акт творения, эта величайшая тайна стала мишенью для едких насмешек и шуток со стороны людей, лишенных религиозного чувства и глубины мистического мышления. Однако, если мы задумаемся в акт творения женщины, то увидим здесь проявление великой Божественной мудрости. Если бы Ева была сотворена, как Ангел, из ничего или, как Адам, из земли, то человечество имело бы два начала: оно было бы не единством, а сложением, соединением; у человека не было бы одного начала, одного представителя. А теперь началом человечества является Адам, как некий источник, в котором потенциально заключаются все люди, которые будут жить на земле до скончания мира, источник, изливающий неиссякающую струю воды – поколение за поколением. Поэтому благословение, данное Адаму, распространяется на весь человеческий род. Но и то страшное потрясение, то греховное падение, та духовная деформация, которые испытала личность Адама, также переходят как некая болезнь на все человечество.

Некоторые из Отцов видят в творении Евы определенный нравственный смысл. Это – близость мужчины и женщины, близость через чувство любви. Как ребро близко к сердцу человека, так мужчина и женщина в мистическом плане близки друг другу.

Господь дает Адаму во владение всю землю. В Библии под словом «земля» часто подразумевается не только наша планета, но и весь вещественный и видимый мир. Святитель Иоанн Златоуст говорит, что заповедание «владейте землей» (Быт. 1, 28) является свидетельством одного из свойств Богоподобия человека. Свойства Божественного образа – бессмертие, духовность, разумность, чувство любви и т. д. Подобие – это свободная воля, возможность выбора мотивов, внутренняя автономия. Это то, что делает личность человека неразложимой духовной монадой. В самом творении человека по библейскому повествованию мы видим глубокое отличие библейского учения от учений пантеистических. Человек – образ Божий. Основной догмат пантеизма в том, что человек – это существо, единосущное с Богом. Отсюда другое направление пантеистической мистики, аскетики, пантеистического мироощущения. Для пантеистов человек – это Бог, забывший о своей божественности. Для христианина человек – это

образ и подобие Божие, это явление вечности и бесконечная потенциальная возможность образа восходить к своему Первообразу, к своему Творцу.

Библия говорит о двух деревьях в раю – древе жизни и древе познания добра и зла. Питаясь плодами древа жизни, человек получал бессмертие. Древо познания добра и зла являлось деревом, через которое должно было определиться отношение Адама к Богу: или гармония человеческой воли с Божественной через послушание, или отпадение человека от Бога через непослушание. Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Некоторые говорят: “Почему Господь дал такую заповедь – не вкушать плода от древа, разве он не мог дать другую, более высокую?” А какую? Не прелюбодействуй? Но с кем мог прелюбодействовать Адам? Не убей? Но кого он мог убивать? Не кради? Но все было его». И поэтому Господь дал заповедь не только как пробный камень любви Адама к Нему, но и как возможность совершенствоваться в послушании воле Божией.

Некоторые Отцы, в том числе святитель Григорий Назианзин, приоткрывают нам некую тайну. Библейское слово имеет, кроме буквального, символический, духовный смысл. Он не входит в противоречия, не отрицает буквального смысла, но углубляет, дает новые емкости библейскому повествованию, открывает перед нами новые горизонты. И вот Григорий Назианзин пишет: «По моему мнению, древо познания добра и зла было деревом высшего созерцания». Человек должен был подходить к созерцанию и к Боговидению постепенно, через Богообщение. Древо жизни и было деревом Богообщения. Ибо истинная жизнь людей заключалась в общении с Богом, являлась непрерывным преодолением тварной ограниченности через приобщение к жизни абсолютной и Божественной. Богообщение давало истинное Боговидение, но для созерцания нужен был непрерывный путь духовного совершенствования. Адам же был сотворен чистым, невинным, но – несовершенным, ему предстоял путь духовного восхождения. Однако он, по мысли Григория Богослова, дерзко пожелал взойти на ступень созерцания, как бы силой похитить тайны Боговидения для того, чтобы стать богом, богом без Бога, свободным властителем своего бытия без Того, Кто дал ему это бытие.

Библейское повествование о нарушении Адамом воли Божией является повествованием о повторении греха сатаны. Сатана, залюбовавшись своей тварной, ангельской красотой, решил, что он – как Бог, что он равен Богу. Адаму райское древо представлялось неким талисманом, насильственно овладев которым, он хотел стать сразу же, тотчас же властителем всего мира и своего собственного бытия. Поэтому грех Адама также был грехом не человеческой слабости, а грехом богоборчества. В Библии написано, что в грехе Адама принимал участие «змей» (Люцифер). Змей – это бескрылый ангел; крылья ангельские – устремление Ангела к Богу. Этот Ангел ниспал в глубину вещественности и духовной тьмы. Он пресмыкается в веществе, пресмыкается по земле, находится под ногами, ниже других существ. Падший ангел ведет беседу с Евой и употребляет не прямую ложь, а ложь самую страшную – полуправду. Он лжет, извращая повеление Божие. Он говорит: *Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?* (Быт. 3, 1) и тем как бы расширяет объем запрещения Бога для того, чтобы представить Его перед людьми суровым Существом, Которое не хочет совершенствования человека.

Ева вступает в разговор со змеем, говорит, что Бог запретил вкушать лишь от одного древа. Но семя недоверия к Богу уже посеяно в ее душе. Грех Евы в том, что она продолжает беседовать с темным духом, хотя знает его богоборческую сущность. У некоторых из древних мистиков, например у Филона, есть нравственное объяснение обольщения Евы и Адама. Не отрицая буквального смысла, он говорит так (образно, фигурально): «Ева – это чувства, Адам – это разум». Чувство обольстило разум. И потому в самих себе мы непрерывно видим падение Адама. Видим, как наши чувства и страсти обманывают и пленяют наш ум, ввергают нас во тьму отчаяния и богоотступничества. Написано, что после нарушения Божественной заповеди *открылись глаза у них обоих, и*

узнали они... (Быт. 3, 7). Что же? Узнали, что они наги, что они без одеяния. Что это такое? Как надо понимать эти слова?

Святитель Иоанн Златоуст объясняет, что прежде люди не были наги в нашем смысле, они были одеты, но одеты не вещественной одеждой, а благодатью. От них исходили лучи света, которые являлись самым дивным и прекрасным одеянием. Он говорит, что нельзя сказать, будто солнце голое, солнце нагое. Солнце одето нимбом своих лучей. Так люди, имея в себе благодать Духа Святого, были окружены ею не только невидимо, но и видимо. Их тела светились, подобно солнцу. И вот этот свет погас, и увидел Адам наготу свою и своей жены. Кроме того, во время грехопадения произошло извращение всех сил человеческой души. На языке аскетики мы обычно употребляем понятие трехчастности естества человека: дух, душа и тело. Надо знать, что душа отличается от тела субстанционально, то есть природно, а от духа не субстанционально, но функционально, то есть по своим действиям. Под силами духа, под его способностями обычно подразумевают внутренний логос, внутреннее слово, внутренний разум. Истинное познание духа – это и есть познание Божественных идей. Затем – религиозное чувство, чувство присутствия Бога, чувство общения с Богом, это на нашем языке – религиозная интуиция, свидетельством которой мы не только удостоверяемся в бытии Бога, но и ощущаем, переживаем Его, чувствуем свой контакт и связь с Ним. Это чувство до грехопадения находилось на степени духовного видения, а затем оно осталось в душе как возможность религиозного переживания. Оно пробуждается благодатью Божией и стремлением самого человека.

Силы души, по святым Отцам, тройственны. Это интеллект – наш рассудок, позволяющий нам логически мыслить через внешнее слово; затем – мыслить представлениями и определенными образами (визуальными, слуховыми и т. д.). Только в соединении с умом (духом) наш интеллект может не просто фиксировать внешние явления, но и постигать идеи и взаимосвязь вещей и явлений. Вторая сила души – вожделение. До грехопадения это была сила, которая влекла человека к Божеству. После грехопадения она превратилась в жажду удовольствия, и поэтому теперь это двоякое чувство – наслаждения или неудовольствия. Третья сила – тимос. Тимос являет собой энергетическую часть души, как бы саму реактивность души. И здесь после грехопадения произошла деформация и перерождение. Тимос превратился в страстное влечение, ненависть и гнев. Особенно проявляется тимос (в падшем состоянии) как чувственная любовь или как гнев и раздражительность.

После грехопадения произошел распад, отдаление сил духа от сил души, сил души от тела. В то же время – распад сил в самом духе и в самой душе. Прежде всего в Адаме погасла любовь к Богу. Бог перестал быть для Адама содержанием, целью и внутренним фактом его жизни. Бог стал мыслиться как внешняя сила, к тому же, сила грозная, карающая, неумолимая. И поэтому Адам хочет скрыться в кусты, думает бежать от Бога. В этом видно и помрачение его разума. Прежде Адам обладал великой мудростью, в большей степени, чем кто-либо из его потомков. Он называл именами существа, обитающие на земле. Святые Отцы говорили: «назвать имена» – значит знать главные свойства этих существ. Поэтому перед Адамом весь космос был открытой книгой, которую он читал. А после грехопадения ум его настолько извратился и затемнился, что он уже мыслит Бога в физических, материальных категориях, хочет скрыться от Него.

Господь призывает Адама к покаянию, но вместо покаяния он и Ева оправдываются и сваливают вину на падшего ангела и в конечном итоге – на Самого Бога. Поэтому Бог изгоняет их из рая. До грехопадения Адам был в раю, и рай был в Адаме. Рай в Адаме – это Божественная благодать, это соединение его души с Духом Святым. Адам лишился внутреннего рая. В Библии написано: *...а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2, 17). Физическая смерть – это разлучение души и тела, а смерть духовная – разлучение души и

Бога; поэтому в день преступления Адам духовно умер. Он жил, но в духовном отношении был как труп, как гниющее тело мертвеца.

Почему Господь изгнал Адама из рая? Чтобы наказать его? Но можем ли мы говорить об этом как о наказании, о действиях Божиих – лишь как о законе причины и следствия? Нет. Изгнание Адама из рая было проявлением любви Бога к праотцам. Адам потерял внутренний рай, присутствие Бога не радовало, а мучило его. Если бы Адам находился в раю, то сам рай стал бы для него вечным, неиссякающим мучением, вечным напоминанием о том, что он потерял. Он еще мучительнее чувствовал бы потерю благодати Божией. Здесь – ключ к разрешению одного вопроса: почему Господь допускает существование ада? Почему Господь не простит и не возьмет всех грешников снова в Царство Небесное? Именно потому, что если бы Господь взял человека, внутренне неспособного к Богообщению, в Царство Света и Благодати, то этот человек оказался бы подобен тому, кто находится возле берега реки и не может пить из нее воду. Он мучился бы еще больше, еще страшнее. И поэтому некоторые из богословов говорят о том, что адские муки – это последняя милость Божия грешнику, чтобы он в физических страданиях забылся от самых ужасных, самых страшных – духовных мук.

Согласно библейскому повествованию, Господь взял шкуры животных и сделал для человека одежду.

Святитель Григорий Нисский также видит в этом определенные символы того, что после грехопадения человека изменилась не только его душа, но и само тело, оно стало более грубым, более косным, более вещественным, уплотненным. Иные видят в этом реальность нашей земной жизни, жизни оземленной, страстной, чувственной. Адам, пережив смерть своего сына (первый сын первого человека убил своего брата), воочию увидел, как грех рождает смерть. Адам понял, что в мистическом значении он убил своего сына, что он повинен в страданиях будущего человечества, в тех потоках крови и слез, которые зальют всю землю. Адам начал свое покаяние, которое стало главным содержанием его продолжительной земной жизни. По церковному преданию, вместе с ним молился и возносил его молитвы к Богу Архангел Уриил.

Так же и для нас покаяние должно стать главным делом жизни, ведь оно – единственный путь, который ведет падшего человека к Создателю. Если до грехопадения центром всей духовной жизни человека была любовь к Богу, то теперь мы вышли из этого центра. Он потерян для нас. Теперь для нас существует другой центр духовной жизни – покаяние. Время Великого поста, пред которым Церковь воспоминает Адамово изгнание, – преимущественно время покаяния. Святитель Иоанн Златоуст пишет, что если в сердце человека есть покаяние, то он жив, а если нет, то он мертвец.

Без покаяния душевный образ человека переходит в безобразность. Наша душа, без покаяния заключенная в страсти и самость, подобна тлеющему трупу. Единственный путь от земли к Небу, единственный путь человеческой души к Богу – это слезы покаяния. Покаяние – это эмоциональное самопознание, познание и отвержение себя, какие мы есть, для того, чтобы нас восстановил и преобразил пришедший на Землю Господь. Все мы виноваты друг перед другом и все мы виноваты перед всем человечеством. Вы спросите: «почему я виноват перед другими людьми?» Но грех не может быть достоянием одного человеческого сердца. Грех зарождается в сердце, затем он переходит на уровень представлений и мыслей, затем осуществляется через слово или дело. Но если даже грех останется в сфере чувств и мыслей, он будет эманировать, излучаться из самого человека.

Вы знаете, как легко бывает в присутствии некоторых людей – точно вы прикоснулись к генератору какой-то силы и сами почувствовали после этого силы обновления. Присутствие других, наоборот, бывает для нас тягостно. После беседы и общения с ними мы чувствуем себя совершенно опустошенными. Так не только наши дела, но и наше эмоциональное состояние, наши мысли невидимо «излучаются». Грех, образно говоря, – страшное радиоактивное излучение, которым мы отравляем не только

себя и окружающих нас, но и весь космос. Мы грешим всегда, поэтому покаяние должно быть постоянным нашим чувством, нашим постоянным делом.

О молитве

Тайна приближения к Богу

Чем отличается идеалистическая философия от религии? Идеалистическая философия – это обоснование существования и первичности абсолютного духа посредством логических суждений, то есть попытка рационально обосновать сверхрациональное бытие. Как и все философские системы, идеализм основан на постулате, то есть недоказуемом основании, которое принимается на веру, но на веру не в религиозном значении, а в смысле определенного допущения. Затем на недоказуемом постулате уже путем логических суждений строится все здание системы. Но чем в сущности религия отличается от философии, если даже философия поставила своей задачей обосновать идею существования Божества? Отличие в том, что религия – это стремление войти в общение с Божеством. Бог для религии – это не абстрактная идея, не гипотеза с высокой степенью вероятности, как в идеалистических философских системах. Бог для религии – это внутренний факт человеческой жизни. Бог для религиозного человека – это главный стержень бытия, начало и конец жизни. Какая главная характерная черта в религиозном человеке? В чем более всего обнаруживается его религиозность? Религиозного человека характеризует прежде всего **молитва**, личностное обращение к Богу.

У некоторых людей, находящихся под влиянием восточных мистических и оккультных систем, понятие религии сведено к понятию медитации, то есть размышлению или обращению человека к самому себе. Эти системы рассматривают молитву как определенное самовнушение. Получается, что субъектом и объектом молитвы является сам человеческий дух, что молитва – это как бы определенная идея или определенное суждение, которые человек должен усвоить. В сущности, материалисты почти так же объясняют молитву – как вид самовнушения. У некоторых возникает сомнение: для чего нужна молитва? Ведь Бог – это Дух, Абсолют, следовательно, Дух, имеющий полное всеведение. Бог знает лучше нас все наши нужды. Что же мы можем открыть Ему? Бог всеумудр и всеблаг. Чего же мы должны просить у Него? Следовательно, считают они, молитва вообще не нужна. Она может быть лишь плодом нашего неправильного представления о Божестве как о существе несовершенном, действия которого мы должны корректировать своей собственной молитвой. Но молитва – это всецелая обращенность души к Богу. Молитва – это тайна Богопознания, тайна Боговидения. У святых Отцов человек назван словесным существом. Через слово молитвы человеческая душа обращается к Богу. Молитва – это не информирование Бога о наших нуждах. Молитва – это условие, при котором Божественная сила может соприкоснуться с нашим духом и действовать в нас. Бог всеведущ и знает нас лучше, чем мы сами. Он знает все Свои создания и будущее, как настоящее.

Но всеведение Божие без нашего личного участия знает нас как некий предмет мироздания. А посредством молитвы – самораскрытия в молитве – мы входим в иные отношения с Богом, отношения личностные, когда человек – существо смертное, ограниченное, слабое и греховное, но существо личностное, – ведет беседу с Существом абсолютным, бессмертным и всеблагим. Здесь – тайна, тайна приближения человека к Богу. Здесь начинается то, что святые Отцы называют обожением человека. Здесь совершается тайна преображения человека как образа и подобия Божия.

Человек молится не только для того, чтобы получить от Бога некие внешние блага, хотя и это имеет место, потому что земная жизнь ставит на нашем пути много преград, которые можно успешно преодолеть лишь с помощью Божией. Но не в этом главное. Главное в том, что в процессе самой молитвы человек получает намного больше, чем блага всего мира. Он получает залог благодати Божией, то есть полагает начало

Богообщению – тому процессу, который будет продолжаться в вечности и не окончится никогда. Говоря образно, несколько грубо, в молитве человек получает Самого Бога. Это первое. Второе: молитва есть реализация любви человека к Богу. Это – определенный барометр нашей духовной жизни. Как каждому из нас внутренне необходимо быть вместе с любимым человеком, общаться с ним и, так сказать, дышать одним воздухом, так и для души, любящей Бога, необходима молитва; душа стремится к общению с тем, кого мы любим. В этом – один из самых важных психологических законов: закон духовной симпатии, закон соответствий. Если человек любит Бога, то он стремится к общению с Богом. И, стремясь к общению с Ним, сам изменяется и преображается в этом общении по подобию Божию. Здесь идет важнейший мистический процесс – уподобление человека Богу. Где нет молитвы, там Бог понимается человеком как некая объективная реальность. Однако могут существовать объективные реальности, до которых нам, в сущности, нет дела. Если человек не молится, то не может и жить по-христиански, и вера его мертва. Эта мертвая вера есть лишь некое мысленное допущение существования Высшей Силы. И это мысленное допущение не имеет в самом существе своем свидетельства и доказательства бытия Божия.

Какая разница между человеком верующим и неверующим? Предположим, верующий и неверующий имеют одни и те же внешние знания, одну и ту же информацию, один и тот же уровень образования. Но чем верующий человек отличается от неверующего? Отличие в том, что верующий ощущает Бога, имеет свидетельство о бытии Божиим в собственном сердце, и это внутреннее свидетельство неотделимо от молитвы. Некоторые спрашивают: «Что нам делать, чтобы поверить в Бога?» Ответ прост: жить по заповедям Божиим и пребывать в молитве. Молитва дает душе человека реальное доказательство Божественного бытия. У нас есть самоочевидные доказательства существования внешнего мира: мы воспринимаем его через трансформированные образы наших органов чувств; мы воспринимаем его непосредственно как данность, реальность. И верующий человек так же непосредственно, как реальность, ощущает мир духовный, включенность себя в этот мир, свою внутреннюю связь – союз с Божеством – и постоянную зависимость от Божества. Именно этим верующий отличается от неверующего, хотя бы тот был по своим убеждениям идеалистом. Поэтому идеалист – тот, кто рассудочно допускает существование Бога, считает, что это наиболее вероятная теория – и все. А верующий чувствует и ощущает Бога. Идеалист размышляет о Боге; он может спокойно размышлять о Боге с папиросой в зубах, положив ногу на ногу. Что же касается верующего, то у него мысль о Боге вызывает чувство благоговения перед Творцом. У верующего человека образуется гармоничная связь между его духом и Духом абсолютным прежде всего через чувство благоговения.

В аскетике учение о молитве занимает огромное место. В сущности, молитва – это сердце духовной жизни и ее пульс. Молитва – нервы человеческого духа. Если Церковь – мистическое Тело Христа – сравнить с организмом, то богослужение и молитва – это кровеносная система, которая питает каждую клетку этого организма; а клетки – это мы с вами. Вне молитвы с душой человека происходит то же, что и с омертвевшими клетками, например, при гангрене, когда к ним не поступает кровь и они погибают и отторгаются от живого организма. Поэтому человек в религиозном смысле жив лишь тогда, когда он молится. Если человек, совершающий добрые дела или даже занимающийся богословскими проблемами, надолго оставляет молитву, он теряет внутреннюю связь с Богом. Такой человек умирает духовно и постепенно превращается в духовный труп. Можно сказать, что из всех задач аскетической самой главной является научить человека непрестанной молитве, ибо это – и начало, и бесконечный конец духовной жизни. По словам святителя Иоанна Златоуста, молитва – это единение людей с Ангелами, единое занятие людей и Ангелов. Только здесь, на земле, молитва у нас имеет словесную форму, а молитва Ангелов – это нечто другое, это более непосредственное устремление их духа к Богу. В церковных богослужебных текстах мы часто встречаем именование Ангелов

небесным хором, воспевающим величие Божие. Мы встречаемся с такими словосочетаниями, как «ангельское песнопение», «херувимская песнь». Что это означает? Святые Отцы говорят, что «ангельская песнь» – это всецелая устремленность горних сил к Богу, пламенная любовь к Нему, пленение любовью Божией. В Апокалипсисе есть таинственные слова о четырех плененных Ангелах, и вот, некоторые из толкователей Священного Писания говорят о пленении Ангелов как о плене их любви к Богу, то есть они не могут оторваться существом своим – тем, что мы образно назвали бы мыслями и чувствами, от Бога. Это – некая высшая степень любви и Богообщения.

Наша молитва будет продолжаться и в вечности, но примет уже другую форму. У тех, кто удостоится участи спасенных, она сделается постоянным состоянием их души. Однако учиться молитве человек должен здесь, в этой временной жизни. Если верующий не разовьет в себе эту способность, то в будущей жизни, которая есть раскрытие того, что уже приобретено в земной, научиться молиться он не сможет. Тогда перед ним откроется зияющая пустота. Поэтому у святых Отцов мы находим такое изречение: «Самое высшее делание на земле – это Иисусова молитва: *“Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного”*».

Иисусова молитва представляет собой как бы концентрированное средоточие всех молитв. В ней мы исповедуем Бога своим Владыкой и Господином. Мы начинаем эту великую молитву со слова *«Господи»*. Это первое слово означает, что мы желаем быть рабами Божиими, то есть находиться в благом рабстве у Бога, Который дарует высшую свободу. Рабство Богу – это не унижение человека. Рабство Богу – это возможность переходить во все более высокие состояния свободы. Рабство Богу – первое условие гармонии человека с Божеством и свобода от действительно унижительного рабства страстям и своему эгоизму, людскому мнению и диктату окружающей среды. Рабство Богу освобождает от этих рабств и делает душу истинно свободной. Рабство Богу – это добровольное подчинение человека добру. Но здесь рабство связано еще с сыновством, оно переходит в сыновство. Так учат святые Отцы. Однако, если мы не назовем Бога своим Владыкой и Господином, не посчитаем Его всеблагую волю обязательной для себя, то не сможем назвать Его своим Отцом, так как будем слишком далеки от Него – поработанные бесчисленными страстями и грехами. Если мы не пройдем через рабство Богу, слово «Отец» будет словом совершенно фальшивым, лживым для нас.

Потом мы говорим *«Иисусе»*. «Иисус» значит «Спаситель». В Иисусовой молитве мы называем, исповедуем Иисуса из Назарета своим единственным Спасителем. Не свой интеллект, не цивилизацию, не культуру, не других мнимых богов – будь то Кришна, Будда или кто-либо еще, а Иисуса из Назарета мы исповедуем своим единственным Избавителем, Спасителем и Искупителем, отверзающим для нас врата вечной жизни.

Далее слово *«Христе»*. «Христос» значит «помазанник», обладатель всей полноты даров Духа Святаго. У преподобного Иоанна Дамаскина сформулировано учение о взаимном проникновении Божественных Ипостасей Троицыного Бога. Отец абсолютен. Сын Божий абсолютен. Дух Святой абсолютен. Следовательно, три Абсолюта. Бытие трех Абсолютов должно быть взаимопроникновенным. Три Абсолюта не сливаются и не разделяются; само число «три» является не количеством, а образом Божественного бытия, и через жертву Христа Спасителя и Его Божественное учение человек может быть причастен благодати Духа Святаго.

Затем в слове «Христос», или «Мессия», мы вспоминаем Голгофскую Жертву, которая искупила человечество от греха, проклятия и смерти. Но это мистическое искупление не стирает человеческой воли и оставляет за каждым из нас свободу выбора: принять, усвоить его или же отвергнуть. И в Иисусовой молитве мы просим Бога о том, чтобы Искупительная Жертва Христа, принесенная за весь мир, стала Его Жертвой и за наши повседневные, непрестанные грехи. Иисусова молитва – это сокращенное Евангелие и высшая христианская философия. Бог абсолютен. Божество неисчерпаемо. Иисусова молитва, содержащая в себе Имя Божие, также неисчерпаема человеческим духом. Если

человек будет внимательно читать Иисусову молитву, то она станет раскрывать ему все новые глубины духовного мира и сама каждый раз будет произноситься по-новому. В Апокалипсисе сказано: *Творю все новое* (Откр. 21, 5). Это новое можно понимать и как постоянную новизну отношения молящейся души к Богу. Но здесь, на Земле, человек предощущает эту новую вечную жизнь в каких-то особых мгновениях, а в вечности он будет непрестанно приближаться к Божеству и воспринимать жизнь как поступательное движение к Нему, где каждое мгновение будет новым.

«*Сыне Божий*» – что это значит? (Некоторые афонские отцы так еще дополняли эту часть Иисусовой молитвы: «*Сыне и Слове Божий*»). Все, что имеет Отец, имеет и Сын. Слово Божие означает самовыражение Божества, подобно тому, как в слове выражается мысль. Сын и Слово Божие означает: через Сына Божия был сотворен мир. Слово Божие – это самовыражение абсолютной мудрости и любви Бога Отца. Затем «*Сыне Божий*» указывает на то, что сыновство, будучи личным свойством второй Ипостаси Пресвятой Троицы, проявилось также и в том, что Единородный Сын Божий стал Сыном Человеческим, Сыном Девы – Существом, во всем подобным нам, кроме одного – греха; то есть совершенный Бог стал совершенным Человеком. Святому мученику Иустину Философу задали вопрос: «Почему воплотился не Отец, а Сын?» И он ответил: «Для того, чтобы сохранить свойство Своей Ипостаси». Сын Божий рождается вечно от Отца, и здесь Сын Божий воспринял человеческую плоть, то есть по человечеству Он родился от Девы. Отец – это безначальное начало; Сын – безначальное рождение. Рождающийся в вечности родился во времени. Монахи, удалявшиеся в пустыню и занимавшиеся в безмолвии Иисусовой молитвой, становились мудрее тех, кто изучил все науки, всю философию, все, что дала человеческая цивилизация и культура. Но Иисусова молитва – не для одних монахов. Монашество – это лишь наличие определенных условий для концентрации человеком своих духовных сил на Иисусовой молитве. Иисусова молитва – это заповедь, обращенная ко всем христианам. Каждый христианин должен стараться в сердце своем творить Иисусову молитву. Иисусова молитва зависит от нравственной и духовной жизни человека, но в той же, и даже еще в большей степени, она сама обуславливает нравственность и духовную жизнь христианина, если, конечно, совершается правильно, то есть с благоговением и покаянным чувством.

Некоторые говорят, что от Иисусовой молитвы можно впасть в прелесть. Святые Отцы это категорически отрицают. Они учат, что можно впасть в прелесть из-за своей гордыни, а не из-за Иисусовой молитвы. Человек может пронзить себя мечом, которым вооружен против врага. Но это не значит, что виноват его меч. Виноват он сам. Если христианин, еще не пройдя сквозь горнило покаяния, будет искать посредством Иисусовой молитвы каких-то духовных восторгов и мистических откровений, то он может впасть в прелесть. Но не из-за Иисусовой молитвы, а по причине ложной самооценки, потому что уверен в своей способности воспринять особые тайны и откровения Божии. Впадают в прелесть, как правило, самонадеянные из-за своего самомнения. Однако такие люди и без Иисусовой молитвы могут также впасть в прелесть – при любом духовном делании.

«*Помилуй мя, грешного*». Святой Симеон Новый Богослов пишет: «Я сидел в углу келии и помышлял о своих грехах – бесчисленных, как морской песок, и только вопиял: “Господи, помилуй меня, прости меня!”». Мы все без числа согрешаем, и поэтому правильная молитва всегда основана на благоговении и покаянии.

Мы должны искать покаяния. Может быть, покаянное чувство как духовное переживание будет приходить к нам лишь очень редко и на какие-то немногие мгновения, но искать его мы должны.

В Иисусовой молитве надо испрашивать прощения своих грехов. Это – главное. А даст ли Господь остальное – это дело Его милости. Искать этого сами мы ни в коем случае не должны. Нельзя «программировать» молитву, как делают некоторые. Они думают, что в Иисусовой молитве им должно быть дано то или это, и затем выбирают как схему для

внутренней самонастройки те состояния, которые описывают святые Отцы, имевшие совершенно иной образ жизни, чем мы. В Иисусовой молитве необходимо всегда стремиться к покаянию – оно, как и всякий дар Божий, дается во спасение при содействии Божественной благодати.

Святой Василий Великий на вопрос: «Надо ли продолжать молитву, если ты молишься невнимательно?» – отвечает, что невнимательность бывает разная: одна происходит от нашей слабости душевной, а другая – от небрежности. Невнимательность от небрежности – это грех. Что же касается невнимательности от нашей слабости, то мы в этом отношении должны проявить свою волю. Не может еще молиться наше сердце, не может удерживать себя в словах молитвы наш ум, но мы должны продолжать молитву, как, скажем, некий труд. И тогда Господь за этот труд дарует нам в свое время внимательную молитву. Для нас необходимы этот труд и искание. Обычно то, что дается сразу и без труда, очень быстро теряется.

Если мы напрягаем свою волю, чтобы молиться не рассеянно, но молитва рассыпается сама, то есть Господь как бы отступил от нас и благодать не помогает, нельзя бросать молитву или ждать какого-то особенного молитвенного чувства. Наоборот! Мы должны трудиться и трудиться. Если же мы молимся с душевным расслаблением, по фарисейски, только лишь для того, чтобы исполнить правило, как бы «избавиться» от молитвы, то такая «молитва» лицемерна и является оскорблением Бога.

Господь смотрит на наше произволение. Есть у нас желание молиться достойно – значит, молитва наша достойна, хотя бы внешне нам и казалось, что мы не молимся. Если этого желания мы не ощущаем, то, по крайней мере, молитва должна быть для нас определенным волевым актом. Если есть определенный волевой акт, направленный на приобретение молитвенного внимания и борьбу с рассеянностью, то мы дали Богу, что имеем. Евангельская вдовица принесла две лепты, и Господь похвалил ее. Может быть, усилие нашей воли будет этими двумя лептами, хотя бы наши ум и сердце и не могли еще возвыситься до Бога. Ибо это внутреннее движение, внутреннее усердие – действительное качество нашей молитвы.

В благодатной молитве благодать Божия присутствует и действует явно. Но такая молитва не всегда служит критерием духовного достоинства человека. Иногда Господь дарует благодатную молитву в самом начале нашего пути, когда мы еще младенчествуем духовно. Делается это для того, чтобы верующий как бы ощутил и увидел то, что ожидает истинно усердного и преуспевающего молитвенника. А потом Господь как бы отдаляет от нас благодать, чтобы мы прилагали свой собственный труд. И это вовсе не значит, что мы опустили на более низкую духовную ступень. Просто наша духовная жизнь вступила в иную фазу.

Сокровище, которое всегда при нас

В Библии есть таинственный образ человека, борющегося с Богом. Ветхозаветный патриарх Иаков возвращался из Месопотамии в Палестину. Его ожидала месть брата Исава. Как бы призрак смерти стоял перед глазами Иакова. И вот ночью с Иаковом случилось странное, загадочное происшествие: он увидел таинственного Незнакомца и вступил с Ним в борьбу.

В первой книге Моисея мы читаем: *И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал (ему): отпусти Меня, ибо вошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал (ему): отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи (мне) имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? (оно чудно). И благословил его там (Быт. 32, 24–29).*

Что означает этот случай? Для многих он непонятен и вызывает лишь недоумение. Как может человек бороться с Богом? Или – так крепко заключить в своих объятиях Бога, что всемогущее Божество не может вырваться из его рук? И почему Иаков говорит Тому, с Кем он боролся: *Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня?* Святые Отцы объясняют, что здесь символически, в иносказательных образах говорится о глубокой, сердечной молитве – молитве, которая становится победоносной. В такой молитве человек как бы так же охватывает своими руками Бога, как борец охватывает борца. Молитва – это та великая сила, которая удерживает наказание Божие, заслуженное человеком. Молитва, если можно так выразиться, – это та великая сила, которая побеждает самый Промысл Божий, а точнее – входит в него. Борьба, которую Иаков вел с Богом всю ночь, означает молитву покаяния – молитву с глубокой ночи до рассвета. Эта молитва, исходившая из глубины сердца, достигла Божества. Всемогущий Бог, Который превыше всего и проникает во все, а Сам пребывает непостижимым для сотворенных Им существ, этот Бог являет Себя пленником молитвы, показывая тем самым, какая великая, могучая сила находится у человека. Эта сила – молитва пламенного покаяния.

Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. Молитва Иакова – молитва пламенной веры и надежды. Иаков говорит как бы так: «Я не перестану молиться, хотя бы дух мой разлучился с телом во время молитвы. Я не оставлю молитвы, пока Ты не исполнишь ее». Бог касается бедра Иакова. Что это значит? Святые Отцы объясняют, что бедро является символом чувственности человека. Поэтому здесь иносказание: человек должен владеть своей чувственностью. Эту же мысль святые Отцы выражают так: «Отдай кровь и примешь дух». Человек должен побеждать, поработать свои страсти. Это – одно из условий молитвы.

Молитва является самым мощным двигателем духовной жизни. Она являет собой те подземные воды, которые питают всю нашу духовную жизнь. Более того! Можно сказать, что сама духовная жизнь – это прежде всего степень нашей молитвы. Мы духовно живем в той мере, в какой молимся и умеем молиться. У святых Отцов молитва названа словом «художество». Художество означает самое высокое искусство, самую высокую науку, требующую от человека непрерывных творческих усилий, то есть непрерывной живой молитвы. Молитва лучше, чем что-либо другое, разрешает все задачи, которые ставит перед нами жизнь. В молитве человек находит разрешение всех своих проблем – как духовных, так и житейских. Молитва невидимо защищает человека от всех его врагов – видимых и невидимых. Если мы внимательно проследим свою жизнь, то увидим, что, когда обстоятельства казались безвыходными, никто не мог нам помочь и единственным нашим оружием была молитва, Господь неоднократно чудесно избавлял нас от беды, скорби. Но только на том свете, в вечности, мы узнаем вполне, от каких еще страшных опасностей, зол и несчастий охраняло нас наше молитвенное делание.

Молитва – это то достояние человека, которое не может отнять никакая внешняя сила. Молитва всегда с нами – не только лишь в этой земной временной жизни, но и в жизни загробной, вечной. В сущности, сама вечность как непрестанное движение человеческой души к Богу – это вид молитвы, но не словесной, а иной. Молитва изменяет человеческое сердце; открывает и пробуждает обычно спящие и неведомые нам самим сердечные силы. Молитва духовно обновляет наше сердце, делает его чутким и прозорливым.

В книге Притчей Соломоновых сказано: *Нечестивый желает уловить в сеть зла; ...но праведники прозорливостью спасаются* (Притч. 12, 12; 11, 9). Прозорливость – это особая духовная интуиция; различение добра и зла, замаскированного и скрытого под личиной добра. Молитва отрывает душу от земли. Вне молитвы человек прикован к земле, как мифический Прометей к скале.

Молитва дает уму человека некую духовную способность: это умение ощущать, чувствовать достоверность истины. Как человек чувствует вкус пищи, отличает сладкое от горького, здоровую пищу от испорченной, так и молитва дает уму особую способность

чувствовать истину и ложь. Святые Отцы говорят о том, что молитва выше всех добрых дел. Все добрые дела, совершаемые человеком, ограничены определенными лицами, которым мы благотворим; иногда же это наше «добро» и вовсе не приносит другим настоящего блага и счастья. А сила молитвы простирается на весь Космос. Молитва людей и молитва Церкви – это та огромная гармонизирующая и очистительная сила, которая, можно сказать, сохраняет бытие всего Космоса. У апостола Павла есть такие таинственные слова: *тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь* (2 Сол. 2, 7). Что это за *удерживающий*, который не дает прийти на Землю олицетворению зла? Святые Отцы говорят, что эта удерживающая сила есть дух благочестия и прежде всего – дух молитвы. Когда иссякнет дух молитвы, видимый мир придет в состояние разложения и распада, ибо уже не будет силы, обновляющей его. Поэтому молитвенники, уходившие из мира в монастыри и пустыни, и многие простые, незаметные, никому не ведомые в этом мире люди, достигшие путем многотрудного духовного подвига, напряжением всех своих сил непрестанной молитвы, – величайшие благодетели всего человечества.

Молитва – это сокровище, которое всегда при нас. Его не могут ни украсть, ни отнять. Молитва – это бесценное сокровище, которое всегда и везде с нами, куда бы мы ни пошли, чем бы ни занимались. Что бы ни случилось с нами – пусть бы даже мы лишились всего, что имеем, – нашу молитву не могут отнять у нас ни люди, ни демоны – ничто, кроме нашего собственного нерадения. Если даже все наше тело будет изъедено болезнью, молитва останется при нас как душа нашей души. Молитва выше любых богословских рассуждений, потому что все они лишь показывают нам путь. Богословские истины являют нам только тень Божества, описывают духовный мир как внешний объект. А молитва включает нас в этот невидимый духовный мир, делает его частицей. Молитва – прекраснее всего. Только в молитве мы можем соприкоснуться с горним миром и увидеть очами сердца небесную и Божественную красоту. Молитва – неисчерпаема. Для тех, кто старается слить с ней свое сердце, она всегда открывает что-то еще неизвестное, как будто мы совершаем ее в первый раз. Молитва основывается на надежде, однако она есть и исполнение надежды. В молитве мы реально соприкасаемся с тем, на что надеемся, то есть молитва как бы дает нам будущее, еще неосуществленное, в качестве уже осуществленного и исполненного. Поэтому молитва опережает само время. Молитва – это блеск веры, тепло надежды, жизнь самой любви. Молитва внешнее делает внутренним. Духовные книги мы можем потерять, их могут украсть или сжечь. Болезнь может отнять у нас зрение, друзья – бросить, любимый человек – изменить, родные обмануть и стать чужими, мир – изгнать, небо – опалить огнем, земля – разверзнуться под нашими ногами, ночь – удушить страшными сновидениями, день – превратиться в тьму искушений и стать мрачной ночью. Одна молитва никогда не изменит нам. Только она есть наше неотъемлемое достояние.

Молитва не знает расстояния. Она проходит через моря и горы, возносится к небесам, проникает в глубь земли, нисходит в ад. Мы молимся об умерших, как о живых, и только молитва дает нам реальное ощущение того, что умершие живы и связаны с нами тысячами духовных нитей. Молитва – лик нашей души. Молитва – свет нашей души. Молитва – воскрешение нашей души прежде всеобщего воскресения. Молитва – это битва человеческого духа с силами ада, и в этой жестокой битве неизменный Помощник человека – Сам Господь. Молитва – бой, и молитва – победа. Молитва – оружие, и молитва – знамя. Молитва – сокровище неоскудеваемое и неизживаемое. И сколько бы мы ни пользовались этим сокровищем, оно будет лишь приумножаться. Молитва – духовный хлеб, которым мы питаемся сами и питаем других. Этот благословенный хлеб никогда не кончается.

Вращение духовных сфер

Молитва – это свободный акт человеческого духа, реализация той любви, которая некогда соединяла человека с Богом. Золотая цепь этой любви была разорвана, разрушена человеческим грехопадением. Молитва есть восстановление прежней связи человеческого духа с Божественным Абсолютным Духом – связи, которая существовала у первоначальных людей. Молитву, как мне кажется, можно представить и описать только через определенные аллегории и образы. Логически её разобрать невозможно, так как сама молитва намного глубже, чем аналитическое, рассудочное мышление. Следовательно, если мы даем какую-нибудь логическую, философскую интерпретацию молитвы, то, в лучшем случае, можем указать лишь на некоторые внешние ее проявления. А глубинная сущность молитвы всегда будет ускользать от поверхностного, рассудочного мышления.

Наша жизнь – странствование по огромной пустыне. Для истинного христианина этот мир кажется пустым. Здесь он внутренне одинок, его не понимают, его слова не встречают отклика в душах других людей. Непонятый, утомленный и часто отвергнутый миром христианин может излить душу в молитве к Богу. Молитва дает ему истинное свидетельство, истинное удостоверение в том, что он в этой огромной пустыне не одинок, что с ним Бог. В молитве человек укрепляет свои силы. Вне молитвы человеческая душа ослабевает и духовно гибнет. Поэтому молитву можно сравнить с источником проточной, чистой, живой воды. И уставший в мирском странствовании путник утоляет этой живоносной водой свою жажду. Но это не просто источник, из которого пьет он сам. Если в сердце человека водворится непрестанная молитва, случается великое чудо: Он становится источником живой воды для других.

Люди, ищущие Бога, невольно тянутся к тому, в чьем сердце течет молитва. Пусть христианин скрывает свое духовное делание и вообще не говорит ни о чем духовном, но если в сердце его идет истинная, покаянная молитва, от него исходит некий духовный свет. Этот дивный свет не видим глазами. Но его может почувствовать каждый, кто ищет Бога. И поэтому многие простые монахи и даже миряне, внешне не отличающиеся ни образованием, ни красноречием, ни какими-нибудь обширными познаниями, в то же время, как магнит металл, притягивают к себе души людей. Народ окружает этих молитвенников, тянется к ним, как бы желая утолить около них жажду своей души; жажду, которую не может утолить ни плотская мудрость, ни земные знания, ни суетные наслаждения, ни мимолетные радости. Тот, кто имеет в своем сердце глубокую и непрестанную молитву, становится духовным источником, около которого люди, изнемогающие от тягот, противоречий, скорбей этой жизни, получают духовное утешение и укрепляют свои силы. Поэтому каждый священник прежде всего должен заботиться о том, чтобы в сердце его была молитва, заботиться больше, чем о приобретении внешних богословских познаний. Без внутренней молитвы философские и богословские познания пастыря мертвы и сердце человека не откроется для него. Пастырские наставления будут восприниматься лишь внешне, холодным умом. От холода исходит холод; холод нашего сердца не может зажечь огонь в сердцах других. Поэтому, как мне кажется, самый главный долг священника – это молиться за свою паству и за весь мир, непрестанно повторяя в своем сердце Иисусову молитву или же те молитвы, которые внутренне близки его душе.

Иисусова молитва – самая высокая и всеобъемлющая; но человек при желании может выбрать и другую краткую молитву, например, какие-нибудь стихи из псалма; некоторые постоянно читают *Отче наш*. Есть такие люди, которые произносят только два слова: «*Господи, помилуй!*», но при этом их сердца всегда обращены к Богу. Так что здесь не существует твердого и неизменного правила. Как хочет твоя душа, так и молись. Святитель Феофан Затворник говорил, что если человек читает молитвенное правило и сердце его раскрылось на какие-то слова молитвы, откликнулось на них с особой силой, то не надо спешить идти дальше, надо остановиться и дать своему сердцу напитаться

этими словами. Когда же оно насытится, человек почувствует сам; тогда уже пусть читает он молитвы дальше.

В мире есть много ценностей, и иногда они заставляют нас забывать о молитве. Но проходит время, и мы видим, что эти ценности превращаются в мусор и прах; и единственное реальное сокровище, которое может приобрести человек, – это молитва. Действительно, если мы окинем мысленным взором всю свою жизнь, то увидим, что истинной жизнью нашего духа были лишь те немногие мгновения, когда мы пребывали в молитве. Так, например, молитва перед чудотворной иконой или внутренняя молитва, когда благодать коснулась сердца, воспринимается нами как истинная жизнь, а все остальное по сравнению с ней – какой-то серый сон.

Молитва – это великое сокровище, которое добывает человек. Молитва – это рудник, а в руднике драгоценные камни и металлы добываются с большим трудом: они не лежат там открыто, у всех на виду, но извлекаются из твердой породы и скал. Поэтому и для молитвы нужен постоянный напряженный труд. Однако те крупинки золота и алмазов, которые мы добыли путем напряженного молитвенного труда, уже навсегда становятся достоянием нашего сердца. Они хранятся где-то глубоко внутри, так что даже и не видны нам. Но в определенное время наш дух начинает жить именно теми силами, которые мы приобрели в молитве. Без молитвы человек остается нищим. Все он может потерять – все и теряет. Нет ничего в этом мире, что осталось бы с нами навсегда: или оно покинет нас, или мы его. Лишь одна молитва является истинным неотъемлемым достоянием человеческого сердца. Человек, собираясь в дальний путь, берет с собой посох, на который опирается в дороге. И молитва, как некая духовная опора, делает наш путь значительно легче, неожиданно превращая трудноисполнимые для нас дела в легкоисполнимые. Так же и напротив: если человек без молитвы, полагаясь только на свои силы и способности, принимается за какое-нибудь, пусть даже самое простое, дело, то перед ним часто встают совершенно неожиданные и непреодолимые препятствия.

Молитва – корень всех добродетелей. Все истинные добродетели – дар Божественной благодати. Вне благодати Божией никакие человеческие дела не спасают человека. Истинные добродетели приобретаются только тогда, когда человек дает в своем сердце место действию Святаго Духа; они испрашиваются у Бога в молитве и сохраняются лишь молитвой. Поэтому молитва и творит, и хранит.

Молитва – это крылья души. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Что нам делать, когда нас окружают враги, когда каждый наш шаг подстерегают сотни опасностей?» – и продолжает: «Поднимись выше земли, и все враги твои будут бессильны и опасности уничтожены. Какие бы силки ни ставились для птицы, пока она летает в вышине, они не угрожают ей. Так и ты, человек, если мыслями и сердцем влачишься по земле, то ты окружен врагами, на пути твоём стоят западни и подстерегают тебя опасности. А ты поднимись в высь над землей, и все опасности исчезнут». Как можно подняться в высь? Подняться можно только в молитве, поэтому молитва – крылья души, возносящие человека превыше всех его врагов.

Молитву называют вращением духовных сфер. Трудно понять нам, что это значит. А суть этого определения в следующем: искренняя покаянная молитва непрерывно приводит человека во все новые и новые состояния и положения по отношению к Небесной Церкви. Истинная покаянная молитва привлекает к человеку совершенно неведомые ему светлые духовные силы. Так один монах, внезапно войдя в келью преподобного Иоанна Колова, увидел, что тот спит на своем ложе, а у изголовья стоит его Ангел-хранитель. Вообще этот святой Отец – авва Иоанн – был известен среди монахов тем, что всегда пребывал в молитве. Часто он даже забывал и о своем рукоделии, и о других людях. Иногда Преподобный погружался в такое состояние, что как бы полностью оставлял земной мир и приближался к другому миру – небесному, ангельскому. Однажды к нему пришел погонщик верблюдов, который брал у монахов их рукоделие (авва Иоанн плел корзины), затем отвозил в Александрию и продавал, а на вырученные деньги

покупал монахам хлеб и продукты. Постучал погонщик в келью святого старца, и когда вышел он, спросил его: «Приготовил ли ты корзины, отец?» Иоанн ответил: «Я сейчас вынесу их». Затем авва вошел в келью и забыл обо всем – и о погонщике, и о корзинах. Он пребывал в каком-то духовном восхищении, то есть в особом молитвенно-созерцательном состоянии. Долго ждал погонщик и потом постучал опять. Снова вышел к нему авва Иоанн, и диалог почти повторился: «Отец, я жду корзины». «Прости меня, я сейчас принесу их». И вновь сей Богоносный муж возвратился в келью, забыл обо всем и погрузился в молитву. Терпеливо ждет погонщик, любящий великого старца, и, наконец, решается постучать в третий раз. Звучат всё те же слова: «Отец, вынеси корзины». «Хорошо, я вынесу их». И вот, возвращаясь во внутреннюю келью (обычно келья делилась на два отделения: первое – для молитвы, второе, нечто вроде чуланчика, – для ремесла), святой Иоанн все время повторяет: «Верблюды и корзины, верблюды и корзины», чтобы не забыть о том, что надо взять корзины и отдать их погонщику. Все вышесказанное говорит о том, что молитва у древних подвижников была настолько глубока, что они были ближе к духовному миру, чем к земному. Они как бы слегка касались земного мира – только ступнями ног, а жили в мире ином, невидимом, духовном. Поэтому истинная покаянная молитва вращает духовные сферы, то есть делает духовный мир иным по отношению к нам.

Молитва есть поклонение Богу. В Евангелии от Иоанна говорится о том, что Бог ищет Себе поклонников *в духе и истине* (Ин. 4, 23). И таким поклонением – *в духе и истине* – является непрестанная сердечная молитва, сокровенная от человеческих взоров. В ней пробуждается человеческий дух, который обычно находится в некоем спящем состоянии, ибо погребен нашими страстями и как бы оцепенел, омертвел.

То, что мы чувствуем чаще всего, – это не дух, а душа; то, что мы переживаем чаще всего, – это наши душевные переживания. Иногда мы стоим в храме, молимся, испытываем радость. Но вот мы вышли из церкви, дошли до остановки автобуса, и радость наша уже пропала, как будто ее и не было. Что это значит? Дело в том, что мы испытывали не духовную радость, а душевную. Настоящая духовная радость совершенно отлична от всего иного. Она как бы прозрачна, световидна и воспринимается совсем по-другому: как новая жизнь, как если бы что-то новое, незнакомое и в то же время – очень знакомое, словно давно потерянное, вдруг обрелось и ожило в нашем сердце. Духовная молитва описаний почти не имеет. Можно только сказать, что она воспринимается как воскресение души прежде воскресения тела. Духовная молитва и есть истинное поклонение человека Богу. Но такая молитва дается лишь через долголетние, напряженные труды, и не только, я бы сказал, через одни молитвенные труды, но и через всю жизнь человека, которая должна соответствовать молитве. Здесь происходит обоюдный процесс: молитва помогает исполнению Господних заповедей, исполнение заповедей – пробуждению духовной молитвы. Духовная молитва становится непрерывным поклонением Богу *в духе и истине*, а человек – истинным поклонником Небесного Отца, одним из тех поклонников, которых ищет Бог.

Пост и его значение

«Не подобает христианам во Святую Четыредесятницу есть рыбу. Если я уступлю тебе в этом, то в следующий раз ты будешь принуждать меня поесть мяса, а затем предложишь отказаться от Христа, моего Творца и Бога. Мне лучше избрать смерть». Таким был ответ святого благоверного царя Карталинского Луарсаба II шаху Аббасу, как это явствует из «Мартиролога» Католикоса-Патриарха Антония. Таково было отношение к церковным постам наших благочестивых предков...

В Православной Церкви существуют посты однодневные и многодневные. К однодневным постам относятся среда и пятница – еженедельно, кроме особых случаев, указанных в Уставе. Для монахов добавляется пост в честь Небесных Сил по

понедельникам. С постами соединены и два праздника: Воздвижение Креста (14/27 сентября) и усекновение главы Иоанна Предтечи (29 августа/11 сентября).

Из многодневных постов следует назвать, в первую очередь, Великий пост, состоящий из двух постов: Святой Четыредесятницы, установленной в память сорокадневного поста Спасителя в иудейской пустыне, и Страстной седмицы, посвященной событиям последних дней земной жизни Иисуса Христа, Его Распятия, Смерти и Погребения. (Страстная седмица в переводе на русский – неделя страданий.)

Понедельник и Вторник этой седмицы посвящены воспоминаниям ветхозаветных прообразов и пророчеств о Крестной Жертве Христа Спасителя; Среда – предательства, которое совершил ученик и апостол Христа, выдав на смерть своего Учителя за 30 сребреников; Четверг – установления Таинства Евхаристии (причащения); Пятница – Распятия и смерти Христа; Суббота – пребывания Тела Христа во гробе (в погребальной пещере, где, по обычаю иудеев, хоронили мертвых). Страстная седмица включает в себе главные сотериологические догматы (учение о спасении) и является вершиной христианских постов, подобно тому, как Пасха – прекраснейшим венцом всех праздников.

Время Великого поста зависит от переходящего праздника Пасхи и поэтому не имеет устойчивых календарных дат, но продолжительность его вместе со Страстной седмицей всегда 49 дней.

Петров пост (святых апостолов Петра и Павла) начинается через неделю после праздника Святой Пятидесятницы и продолжается до 29 июня/12 июля. Этот пост установлен в честь проповеднических трудов и мученической смерти учеников Иисуса Христа.

Успенский пост – с 1/14 по 15/28 августа – установлен в честь Божией Матери, земная жизнь Которой была духовным мученичеством и сопереживанием страданиям Ее Сына.

Рождественский пост – с 15/28 ноября по 25 декабря/7 января. Это – приготовление верующих к празднику Рождества – второй Пасхи. В символическом значении он указывает на состояние мира до пришествия Спасителя.

Особые посты могут быть назначены Церковной иерархией по случаю общественных бедствий (эпидемии, войны и т. д.). В Церкви существует благочестивый обычай – поститься каждый раз перед Таинством Причащения.

В современном обществе вопросы о значении и смысле поста вызывают много недоумений и разногласий. Учение и мистическая жизнь Церкви, ее Устав, правила и обряды до сих пор для части наших современников остаются столь же незнакомыми и непонятными, как история доколумбовой Америки. Храмы с их таинственной, как иероглифы, символикой, устремленные в вечность, застывшие в метафизическом полете ввысь, кажутся окутанными непроницаемым туманом, словно ледяные горы Гренландии. Только в последние годы общество (вернее – какая-то его часть) стало осознавать, что без решения духовных проблем, без признания примата нравственных ценностей, без религиозного просвещения невозможно решение никаких других задач и проблем культурного, социального, национального, политического и даже экономического характера, которые внезапно оказались завязанными в «гордиев узел». Атеизм отступает, оставляя за собой, как на поле битвы, разрушения, распад культурных традиций, деформацию общественных взаимоотношений и, может быть, самое страшное – плоский, бездушный рационализм, который грозит превратить человека из личности в биомашину, в монстра, составленного из железных конструкций.

В человеке изначально заложено религиозное чувство – чувство вечности, как эмоциональное осознание своего бессмертия. Это таинственное свидетельство души о реалиях духовного мира, находящегося за пределами чувственного восприятия, – гносис (знание) человеческого сердца, его неведомых сил и возможностей.

Человек, воспитанный в материалистических традициях, привык считать вершиной знания данные науки и техники, литературы и искусства. Между тем, это –

незначительная часть знаний по сравнению с огромной информацией, которой обладает человек как живой организм. Человек владеет сложнейшей системой памяти и мышления. Кроме логицизирующего рассудка, в нее включены врожденные инстинкты, подсознание, которое фиксирует и хранит всю его психическую деятельность; сверхсознание – способность интуитивного постижения и мистических созерцаний. Религиозная интуиция и синтетическое мышление являются высшей формой познания – «коронай» гносиса.

В человеческом организме происходит непрерывный обмен информацией, без которой не могла бы существовать ни одна его живая клетка.

Объем этой информации за один только день неизмеримо больше, чем содержание книг во всех библиотеках мира. Платон называл познание «припоминанием», отблеском божественного гносиса.

Эмпирический рассудок, ползая по фактам, как змея по земле, не может понять эти факты, так как, анализируя, разлагает предмет на клетки, дробит и мертвит. Убивает живой феномен, но не может его оживотворить. Религиозное же мышление синтетично. Это интуитивное проникновение в духовные сферы. Религия – встреча человека с Богом, а также встреча человека с самим собой. Человек ощущает свою душу как особую, живую, невидимую субстанцию, а не как функцию тела и комплекс биотоков; ощущает себя как единство (монаду) духовного и телесного, а не как конгломерат молекул и атомов. Человек открывает свой дух, как алмаз в медальоне, который всегда носил на груди, не зная, что внутри его; открывает самого себя, как мореплаватель – берега неведомого, таинственного острова. Религиозное мышление – это осознание цели и смысла жизни.

Цель христианства – преодоление своей человеческой ограниченности через приобщение к абсолютному Божественному бытию. В противоположность христианству, атеистическое учение – кладбищенская религия, которая с сарказмом и отчаянием Мефистофеля говорит о том, что материальный мир, возникнув из некоей точки и разбежавшись по Вселенной, как капли пролитой ртути по стеклу, бесследно и бессмысленно уничтожится, вновь собравшись в ту же точку.

Религия – это Богообщение. Религия – не только достояние разума, или чувства, или воли, она, как и сама жизнь, включает в себя всего человека в его психофизическом единстве.

А пост – одно из средств, способствующих восстановлению гармонии между духом и телом, между умом и чувством.

Христианской антропологии (учению о человеке) противостоят две тенденции – материалистическая и крайне спиритуалистическая. Материалисты стараются объяснить пост, в зависимости от обстоятельств, или как порождение религиозного фанатизма, или как опыт народной медицины и гигиены. С другой стороны, спиритуалисты отрицают влияние тела на дух, расчленяют человеческую личность на два начала и считают недостойным для религии заниматься вопросами пищи.

Многие люди говорят: для богообщения нужна любовь. А какое значение имеет пост? Разве не унижительно ставить свое сердце в зависимость от желудка? Чаще всего говорят так те, кто хотел бы оправдать свою зависимость от желудка, вернее, рабство желудку и нежелание в чем-нибудь обуздать или ограничить себя. Высокопарными фразами о мнимой духовности они прикрывают боязнь восстать против своего тирана – чрева.

Христианская любовь – это чувство единства человеческого рода, уважение к человеческой личности как к феномену вечности, как к бессмертному духу, облеченному в плоть. Это способность эмоционально переживать в себе радость и горе другого, то есть выход из своей ограниченности и эгоизма – так вырывается узник на свет из мрачного и темного подземелья. Христианская любовь расширяет границы человеческой личности, делает жизнь более глубокой и более насыщенной внутренним содержанием. Любовь христианина бескорыстна, как свет солнца, она ничего не требует взамен и ничего не считает своим. Она не становится рабой других и не ищет себе рабов, она любит Бога и

человека, как образ Божий, а на мир смотрит, как на картину, нарисованную Творцом, где видит следы и тени Божественной красоты. Для христианской любви требуется непрестанная борьба с эгоизмом, как с многоликим чудовищем; для борьбы с эгоизмом – борьба со страстями, как с дикими зверями; для борьбы со страстями – подчинение тела душе, взбунтовавшейся «темной, ночной рабыни», как называл тело святитель Григорий Богослов, – своей бессмертной царице. Тогда в сердце победителя открывается духовная любовь – как родник в скале.

Крайние спиритуалисты отрицают воздействие на дух физических факторов, хотя это противоречит повседневному опыту. Для них тело – только оболочка души, нечто внешнее и временное для человека.

Материалисты, наоборот, подчеркивая это влияние, хотят душу представить функцией тела – мозга.

Древнехристианский апологет Афиногор на вопрос своего оппонента-язычника о том, как телесная болезнь может отражаться на деятельности бестелесной души, приводит такой пример. Душа – музыкант, а тело – инструмент. Если инструмент поврежден, музыкант не в силах извлечь из него гармоничных звуков. С другой стороны, если болен музыкант, то инструмент безмолвствует. Но это только образ. На самом деле связь между телом и духом неизмеримо больше. Тело и душа составляют единую человеческую личность.

Благодаря посту тело становится утонченным инструментом, способным улавливать каждое движение музыканта – души. Образно говоря, тело из африканского барабана превращается в скрипку Страдивари. Пост помогает восстановить иерархию душевных сил, подчинить сложную психическую организацию человека высшим духовным целям. Пост помогает душе побеждать страсти, извлекает душу, как жемчужину из раковины, из плена всего грубо чувственного и порочного. Пост освобождает дух человека от влюбленной привязанности к вещественному, от постоянной обращенности к земному.

Иерархия психофизической природы человека похожа на пирамиду, опрокинутую вершиной вниз, где тело давит на душу, а душа поглощает дух. Пост покоряет тело душе, а душу подчиняет духу. Пост является важным фактором сохранения и восстановления единства души и тела.

Сознательное самоограничение служит средством достижения духовной свободы, об этом учили еще древние философы: «Человек должен есть, чтобы жить, но не жить, чтобы есть», – говорил Сократ. Пост увеличивает духовный потенциал свободы: делает человека более независимым от внешнего и способствует сведению к минимуму его низших потребностей. При этом освобождается энергия, возможность и время для жизни духа.

Пост представляет собой волевое действие, а религия во многом – дело воли. Тот, кто не сможет ограничить себя в пище, не сможет победить и более сильные и утонченные страсти. Распушенность в еде ведет к распущенности и в других областях человеческой жизни.

Христос сказал: ***Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его*** (Мф. 11, 12). Без постоянного напряжения и подвига воли Евангельские заповеди останутся только идеалами, сияющими в недостижимой высоте, как далекие звезды, а не реальным содержанием жизни человека.

Христианская любовь – это особая, жертвенная любовь. Пост учит жертвовать сначала малым, но «великое начинается с малого». Эгоист же требует жертв от других – для себя, причем чаще всего отождествляет себя со своим телом.

Древние христиане соединяли заповедь поста с заповедью милосердия. У них был обычай: деньги, сбереженные на пище, откладывать в особую копилку и по праздникам раздавать нищим.

Мы коснулись личностного аспекта поста, но есть еще и другой, не менее важный – церковный. Посредством поста человек включается в ритмы храмового богослужения,

становится способным реально переживать через священные символы и образы события библейской истории.

Церковь – это духовный живой организм, и, как всякий организм, она не может существовать вне определенных ритмов.

Посты предшествуют великим христианским праздникам. Пост – одно из условий покаяния. Без покаяния и очищения человеку невозможно пережить радость праздника. Вернее, он может испытать эстетическое удовлетворение, подъем сил, экзальтацию и т. д. Но это – только суррогат духовности. Истинная, обновляющая радость, как действие благодати в сердце, останется для него недоступной.

Христианство требует от нас непрерывного совершенствования. Евангелие открывает человеку бездну его падения, как вспышка света – мрачную пропасть, разверзшуюся под ногами, и в то же время Евангелие открывает человеку бесконечное, как небо, Божественное милосердие. Покаяние – это видение ада в своей душе и любви Божией, воплощенной в лице Христа Спасителя. Между двумя полюсами – печали и надежды – проходит путь духовного возрождения.

Ряд постов посвящен скорбным событиям библейской истории: в среду Христос был предан Своим учеником – Иудой; в пятницу претерпел Распятие и смерть. Тот, кто не постится в среду и пятницу и говорит, что любит Бога, обманывает себя. Истинная любовь не будет насыщать свое чрево у гроба любимого. Те, кто постится в среду и пятницу, получают как дар способность более глубоко сопереживать Страданиям Христа.

Святые говорят: «Отдай кровь, прими дух». Покори свое тело духу – это будет благо и для самого тела, как для коня – подчиниться наезднику, иначе оба полетят в пропасть. Чревоугодник меняет дух на чрево и приобретает жир.

Пост – универсальное явление, существовавшее у всех народов и во все времена. Но христианский пост нельзя сравнить с постом буддиста или манихея. Христианский пост основан на других религиозных принципах и идеях. Для буддиста нет принципиальной разницы между человеком и насекомым. Поэтому употребление мяса для него – трупоядение, близкое к каннибальству. В некоторых языческих религиозных школах употребление мяса было запрещено, так как теория перевоплощения душ (метампсихоза) заставляла опасаться, что в гусе или козле заключена душа предка, попавшего туда по закону кармы (возмездия).

По учению же зороастрийцев, манихеев и других религиозных дуалистов, в сотворении мира принимала участие демоническая сила. Поэтому некоторые существа считались порождением злого начала. В ряде религий пост был основан на ложном представлении о человеческом теле как темнице души и средоточии всякого зла. Это порождало самоистязания и изуверства. Христианство считает, что такой пост приводит к еще большему расстройству и распаду «тримерии человека» – духа, души и тела.

Современное вегетарианство, проповедующее идеи сострадания к живым существам, основано на материалистических представлениях, стирающих грань между человеком и животным. Если же быть последовательным эволюционистом, то следует признать живыми существами все формы органической жизни, в том числе деревья и траву, то есть обречь себя на голодную смерть. Вегетарианцы учат, что растительная пища сама по себе механически изменяет характер человека. Но вегетарианцем был, например, Гитлер.

По какому принципу отбирается пища для христианского поста? Для христианина нет чистой и нечистой пищи. Здесь учтен опыт воздействия пищи на организм человека, поэтому такие существа, как рыбы и морские животные, являются постной пищей. В то же время к скоромной пище, кроме мяса, относятся также яйца и молочные продукты. Всякая растительная пища считается постной.

Христианский пост имеет несколько видов – в зависимости от степени строгости. К посту относятся:

– совершенное воздержание от пищи (по Уставу Церкви такое строгое воздержание рекомендуется соблюдать в первые два дня святой Четыредесятницы, в Пяток Страстной седмицы, в первый день поста святых Апостолов);

– сыроядение – пища, не приготовленная на огне;

– сухоядение – пища, приготовленная без растительного масла;

– строгий пост – без рыбы;

– простой пост – употребление рыбы, растительного масла и всех видов растительной пищи.

Кроме того, во время поста рекомендуется ограничить число приемов пищи (например, до двух раз в день); сократить количество пищи (приблизительно до двух третей от обычной нормы). Пища должна быть простая, не изысканная. Во время поста следует принимать еду позже, чем в обычное время – после полудня, если, конечно, позволяют обстоятельства жизни и работы.

Надо иметь в виду, что к нарушению христианского поста относится не только вкушение скоромного, но также поспешность в еде, пустые разговоры и шутки за столом и т. п. Пост должен быть строго соразмерен со здоровьем и силами человека. Святитель Василий Великий пишет, что несправедливо для крепкого и для слабого телом назначать одну и ту же меру поста: «у одних тело подобно железу, а у других – соломе».

Пост облегчается: для беременных, рожениц и кормящих грудью матерей; для находящихся в пути и попавших в экстремальные условия; для детей и престарелых, если старости сопутствуют немощь и слабость. Пост отменяется в тех условиях, когда физически невозможно добыть постной пищи и человеку грозит болезнь или голодная смерть.

При некоторых тяжелых желудочных заболеваниях в диету постящегося может быть включен определенный вид скоромной пищи, необходимой при этой болезни, но лучше всего предварительно обсудить это с духовником.

В прессе и других средствах массовой информации против поста нередко выступали медики – с устрашающими заявлениями. Они рисовали, в духе Гофмана и Эдгара По, мрачную картину малокровия, авитаминоза и дистрофии, которые, как призраки мщения, ожидают тех, кто доверяет Церковному Уставу больше, чем руководству по «Гигиене питания» Певзнера. Чаще всего эти медики путали пост с так называемым «старым вегетарианством», которое исключало из пищи все продукты животного происхождения. Они не давали себе труда разобраться в элементарных вопросах христианского поста. Многие из них даже не знали, что рыба – постная пища. Они игнорировали факты, зафиксированные статистикой: многие народы и племена, питающиеся преимущественно растительной пищей, отличаются выносливостью и долголетием, первые места по продолжительности жизни занимают пчеловоды и монахи.

При этом, публично отвергая религиозный пост, официальная медицина вводила его в лечебную практику под названием «разгрузочных дней» и вегетарианских диет. Вегетарианскими днями в санаториях и армии были понедельник и четверг. Исключалось все, что могло напомнить о христианстве. По-видимому, идеологи атеизма не знали, что понедельник и четверг – это дни поста древних фарисеев.

В большинстве протестантских конфессий календарных постов не существует. Вопросы о посте решаются индивидуально.

В современном католичестве пост сведен до минимума; яйца и молоко считаются постной пищей. Разрешается прием пищи за один-два часа до причащения.

У монофизитов и несториан – еретиков – пост отличается продолжительностью и строгостью. Может быть, здесь сказываются общие восточно-региональные традиции.

Важнейшим постом ветхозаветной Церкви был день «Очищения» (в сентябре месяце). Кроме того, существовали традиционные посты в память разрушения Иерусалима и сожжения храма. Своеобразным видом поста служили пищевые запреты, которые имели воспитательно-педагогический характер. Нечистые животные

олицетворяли собой грехи и пороки, которых следовало избегать (заяц – боязливость, верблюд – злопамятство, медведь – ярость и т. д.). Эти запреты, принятые в иудаизме, перешли отчасти и в ислам, где нечистые животные воспринимаются как носители физической скверны.

В Грузии народ тщательно соблюдал посты, что зафиксировано в агиографической литературе. Евфимий Мтацминдели (Святогорец) составил ценное руководство о постах. А в «Описании Колхиды» доминиканского монаха А. Ламберти сообщается, в частности, что «мингрельцы следуют греческому обычаю (то есть Православию – *Авт.*) – Великий пост соблюдают очень строго, даже рыбы не едят! И вообще едят только раз в день при закате солнца. Они так твердо соблюдают обряд поста, что, как бы больны или стары, или расслаблены ни были, никаким образом в это время мяса не станут есть. Некоторые по пятницам вовсе воздерживаются от еды: на последней неделе не пьют вина, а в последние три дня никакой пищи не принимают».

По учению Церкви, телесный пост должен быть соединен с постом духовным: воздержанием от зрелищ, от пустых, а тем более нескромных разговоров, от всего, что возбуждает чувственность и рассеивает ум. Пост должен сопровождаться уединением и молчанием, размышлением о своей жизни и судом над самим собой. Пост по христианской традиции начинается взаимным прощением обид. Пост со злобой в сердце похож на пост скорпиона, который может оставаться без пищи дольше всех существ на земле, но при этом вырабатывает смертельный яд. Пост должен сопровождаться милостью и помощью бедным.

Вера – это непосредственное свидетельство души о существовании Бога и духовного мира. Говоря образно, сердце верующего человека похоже на особый локатор, который воспринимает информацию, идущую из духовных сфер. Пост способствует более тонкому и чуткому восприятию этой информации, этих волн духовного света. Пост должен быть соединен с молитвой. Молитва – обращенность души к Богу, мистическая беседа творения со своим Создателем. Пост и молитва – два крыла, поднимающие душу к небу.

Если сравнить христианскую жизнь со строящимся храмом, то его краеугольными камнями будут борьба со страстями и пост, а вершиной, венцом – духовная любовь, которая отражает в себе свет любви Божественной, как золото церковных куполов – лучи восходящего солнца.

Монашество: искание Божественной красоты¹

В первенствующей Церкви до времен императора Константина непрерывные гонения служили сильнейшим фактором нравственного очищения христианских общин. Преследования, ссылки, пытки, смертные казни – все это было мощным фильтром, который отсеивал все наносное и лживое. В христианских общинах первых веков не было номинальных христиан; были лишь те, кто истину ставил выше своей жизни. Христианская Церковь в то время была Церковью мучеников.

В последующие века внешний мир вторгся в Церковь. При Константине Великом, когда христианству была дана свобода, а затем определенные льготы, и государство стало ему покровительствовать, церковные ворота широко открылись для потока самых различных людей. Вместе с тем Церковь уже не могла самоочищаться, как раньше, в огне гонений и в крови страданий. Поэтому в нее стал проникать тот полухристианский, полужыческий дух, который мы называем духом мира. Нельзя даже сказать, улучшилось или ухудшилось положение Церкви после реформ императора Константина. Церковь стала более свободно исполнять свои функции; миссионерство приняло огромные масштабы; по всей территории великой империи возводились величественные храмы и соборы. Сам император Константин был воодушевлен любовью ко Христу и Его Церкви и

---

¹ О монашестве, его смысле и сути см. также беседу на Введение во храм Пресвятой Богородицы (с. 154)

прилагал большие усилия для процветания христианства. Он причислен Церковью к лику святых, причислен не за свои внешние заслуги, а потому, что внутренне принадлежал христианской Церкви. Сей богомудрый муж не старался пользоваться Церковью прагматично, как утверждают некоторые позднейшие историки. Напротив, благо ее он считал самой главной целью и задачей своей жизни. Однако здесь происходит уже другое движение: не вертикальное, как у первых общин, – к Богу, а горизонтальное. Церковь расширяется, в нее беспрерывно вливаются новые люди. Но вместе с этими людскими потоками в Церковь приносятся груды шлака.

Прежде он весь сгорал в огне испытаний, и оставалось одно только чистое золото; не так теперь, когда настало время мира и относительного благоденствия. Впрочем, этот процесс «обмирщения» касался только лишь человеческой, внешней стороны Церкви. Главное – это Церковь как носительница благодати, как откровение вечности на земле. Церковь земная соединена неразрывно в единое Тело Христово с Церковью Небесной. И эта Церковь всегда оставалась тождественной самой себе. Но сам уровень человеческого элемента, если сравнить первых христиан с христианами последующих столетий, был далеко не одинаков. Первенствующие христианские общины представляли собой, так сказать, религиозный максимализм. Теперь же этот максимализм нашел себя в другой форме – форме монашества.

Церковь называется воинствующей, она вела и ведет духовную борьбу с миром. Но с каким миром? И что мы подразумеваем под словом «мир»? Мы имеем в виду не человечество, а определенную душевную среду, страстную, невозрожденную, внутренне чуждую Христу. Об этом мире Господь говорит: ***Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир*** (Ин. 15, 18–19). Теперь, когда формой, проявлением религиозного максимализма стала монашеская жизнь, когда люди, желающие принадлежать только Христу, понесли свет веры в монастыри и пустыни, то этот страстный, греховный мир, хотя бы часть его и называла себя миром христианским, ополчился против монашества, которого он никогда не понимал, не понимает и не будет понимать. Монашество является для него неким таинственным, грозным противником.

Если раньше ареной духовной борьбы Церкви с миром были языческие суды, где людей приговаривали к пыткам и смертной казни за самое имя Христа, арены Колизея, где христиан бросали на съедение диким зверям, то теперь, для монашества, полем битвы стали глубины человеческого сердца, так как в каждом человеке живет этот невозрожденный, греховный мир. И монах воюет, борется, бьется в глубине своего сердца, в глубине своего духа прежде всего с этим – не принявшим и не принимающим Христа – миром, миром чувственности, гордыни, греха, страстей, тем миром, который не может быть оцерковлен.

В IV веке монашество достигает своего наивысшего расцвета; его очаги – это Египетские пустыни, Нитрийские горы, Фиваида. Само монашество – явление, мало понимаемое не только мирскими людьми, но и даже теми христианами, которые сами в своей личной жизни не становятся аскетами. Мир по своей сущности диаметрально противоположен монашеству, поэтому он и враждебен ему. Мир ищет здесь, на земле, счастья. Монашество обрекает человека на внешние страдания. Мир жаждет наслаждений. Монашество обрекает себя на всяческие лишения. Мир жаждет красоты, но красоты земной, в ее разнообразии, красочности и чувственности. Монашество смотрит на эту земную красоту, как на горсть праха и пепла, оно ищет другую – единственную, небесную красоту, которой мир не знает. Поэтому мир считает, что монашество лишает себя самого лучшего и прекрасного в жизни, что монашество – это изуверство. И некоторые называют монашество человеконенавистничеством. Мир считает высшей добродетелью, высшим счастьем любовь. Я не говорю здесь о чувственной любви: подразумевается иная любовь – семейная, дружеская. А монах отказывается и от этой любви, вырывает из своего сердца

всякую привязанность, чтобы оно принадлежало только одному Богу. Поэтому для мира монахи – это некие духовные эгоисты и эгоцентристы. Для мира максимализм монахов – это жестокость и бесчеловечность.

Кроме того, мир под словом «любовь» нередко подразумевает лишь чувственные ощущения и различные действия блудной страсти. Мирское искусство чаще всего представляет грех в привлекательных и обольстительных формах. Отсюда – опасность мирского искусства, мирской литературы и поэзии. Монах отвергает их, потому что все это в основе своей есть апология и «косметика» невозрожденного мира. Монах видит под этим нечто другое: под внешней красотой плоти он видит кости скелета, образ смерти. Мир называет страсть любовью. А монашество говорит, что страсть – это вовсе не любовь. Это темное влечение, и, напротив, только победа над страстями может открыть человеческое сердце для настоящей любви. И когда мир слышит призыв монашества к борьбе со страстями, то ему кажется, что изо рта у него хотят вырвать некий лакомый кусок, и потому он ненавидит людей в черных мантиях, клобуках и рясах.

Мирским людям² кажется, что монашество хочет заковать человека в некие духовные цепи и сделать мир тюрьмой. А монашество считает, что мир и есть – темница для человеческого духа и только свет Христа дает истинную свободу. Мир полагает, что мудрость и ум – в многообразии знаний. Самыми умными людьми мир называет тех, у кого эти знания достигают энциклопедического объема. Монашество учит, что это многообразие знаний является оземлением ума, рассредоточением мыслей и потерей самого главного. С точки зрения монашества, истинно мудр тот, кто познает абсолютную мудрость Бога. Многообразие знаний похоже на огромный ящик с различными предметами, который человек несет на своих плечах, а познание Бога – единственный, драгоценный, дивный алмаз.

Мир представляет себе религию только лишь как катехизаторство и оглашение, или как философию, искусство, отождествляя ее то с одним, то с другим. Мирские люди стараются доказать существование Божества внешними аргументами. Монашество считает эти внешние доказательства и эту полемику недостойными религии и Бога. Ибо религию нельзя доказать. В религию можно включиться. И Бог Сам открывает Себя тем, кто стремится к Нему. Поэтому монашество – это вертикальное движение ввысь; это – молитва, очищение сердца. Мир не понимает, что без очищения сердца не может быть Богопознания. Мир не понимает, что вне молитвы человеческая душа не может приблизиться к Богу. Мир хочет познать Бога извне, в определенных интеллектуальных и даже исторических категориях. А монашество смотрит на религию как на таинственную встречу человеческого духа с Богом в глубине сердца, жаждет и ищет этой встречи. Мир почитает счастьем наслаждения, меняющиеся, многообразные, яркие ощущения. Монашество утверждает, что только при подавлении этих ощущений человек может почувствовать Бога как свет и покой души. Для мира динамичная, эмоциональная жизнь – это возбуждение, вдохновение, опьянение чувствами. Монашество говорит, что все это принадлежит земле, что в экстазах и в энтузиазме нет истинной благодати. Благодать Божия нисходит на человека как некий высший, небесный мир.

Голос Бога слышится в сердечной тишине. Если человек, не победивший в себе мир (опять же словом «мир» я пользуюсь здесь в евангельском смысле, то есть имея в виду мир как невозрожденный дух), религиозен, то он усматривает свое спасение в личном подвиге и как бы сам начертывает для себя путь к Богу. Монашествующий же познает свою слабость, свое падение и уповает на помощь Божию: не на собственные силы, а на Божественную благодать.

Мир считает монахов врагами разума и прогресса. А монахи полагают, что высший разум и высшая мудрость заключены в молитве, что именно в ней заложен

---

² Говоря о мирских людях, автор имеет в виду не вообще всех людей, живущих в миру. Конечно, нет. Здесь слово «мирские» нужно понимать в том же ключе, что и слово «мир», как объясняет его значение о. Рафаил выше. — *Ред.*

неисчерпаемый потенциал мудрости. Один мой знакомый – старый монах – говорил: «Вся философия заключается в словах: *“Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!”*» Мир любит прогресс, как свое кровное детище. Но что такое этот прогресс? Большинство людей не может ответить на данный вопрос. Для них прогресс – это некая мощь человека, проявляющаяся и нарастающая в истории. И действительно, мощь человеческого разума создала внешние предметы и современную технику, которая в прежние столетия казалась бы фантастической. Но в то же время в этом пресловутом прогрессе человечество во многом потеряло само себя. Технический прогресс – это прогресс машин, а не человека. Но какой прогресс, какое развитие видим мы в главном – в религиозной жизни? Если смотреть на человека как на существо духовное и нравственное, то высший уровень этого развития был достигнут в первенствующей Церкви. Так что для нас прошлое в его духовных энергиях и примерах не является пройденной ступенью или минувшим этапом, а остается настоящим и будущим, постоянно актуализирующимся в Церкви (поясню свою мысль примером: век Феофана Грека и Андрея Рублева – это не прошлое иконописи, а ее метафизическое настоящее и будущее).

Мир влюблен в земную жизнь и другой жизни знать не хочет. Смерть для него – это ужасное чудовище. Уничтожить смерть мир не может, поэтому он предлагает человеку лишь одно: забыть о ней.

Смерть и время являются самыми универсальными факторами существования на земле. Царство жизни окружено царством смерти, и сама жизнь превращается в смерть. Но и в этом бытийном потоке мирские люди не помнят о смерти, они отключены от нее психологически, потому что не хотят ничего знать о другой жизни и только жаждут бесконечного продолжения земного бытия. Что же касается монашества, то память о смерти включается в само правило монашеской жизни. Все наставники монахов, все аскеты заповедуют непрестанно памятовать о ней. Мирские люди говорят: «Если помнить о смерти, то это парализует волю человека, и он перестанет что-либо делать и творить». Монашествующие учат по-другому: «Кто помнит о смерти, тот будет спешить творить добро, потому что знает ограниченность своей жизни».

Мир считает великим достоинством человеческую гордость, в каких бы формах – индивидуальных или общественных – она ни проявлялась. А монашество определяет гордость как величайшую из слабостей. Мир, не понимая монашества, относится к людям, которые хотят идти в монахи, как к живым мертвецам. Очень редко мирские люди с радостью благословляют и отпускают в монашество своих близких, вручая их Богу. Чаще всего они оплакивают их, как покойника, которого опускают в могилу.

Интересен тот факт, что гонение на Церковь начинается с разрушения монастырей и уничтожения монашества. И наоборот: возрождение Церкви начинается с возрождения монастырей и монашеского духа. Почему? Вообще, что такое монашество? Мы знаем монашеские обеты: нестяжание, послушание, целомудрие. А что такое монашество в самом существе своем, в своей главной идее? Знаем ли мы это? Монашество – любовь к Божественной красоте, неведомой миру, незнакомой и непонятной ему, о существовании которой он не знает и даже не подозревает. Это – любовь к красоте, лежащей за гранью чувственных восприятий, красоте вне телесных форм. Скорее всего, Божественную красоту можно уподобить Божественному Свету. Эта красота – великая тайна, соприкоснувшись с которой, увидев ее духом хотя бы на мгновение, человек уже не может не любить ее, не тосковать по ней. Поэтому мне кажется, что монашество – это искание Божественной красоты, перед которой в какие-то мгновения душа человека застывает в невыразимом изумлении. В этой Божественной красоте преображается сам человек, она заставляет трепетать и звучать какие-то глубокие струны в его сердце. И от видения ее весь земной мир кажется ему серым, чужим и мертвым. Душа ищет эту красоту за гранью мира и тоскует по ней. В свете ее она видит свое собственное безобразие, недостойнство, падение. Поэтому монах трагически ощущает, как он далек от

Бога – Источника жизни. Он ищет возвращения к Богу, как путник – дорогу к своему отечеству, к родному дому.

В чем содержание монашества? Я бы опять повторил: это – любовь к Божественной красоте, тоска по ней, осознание своего недостойнства и потому – чувство покаяния. Святой Антоний Великий говорил: «Вся моя долгая жизнь была продолжительным плачем о моих грехах». Плач – не только лишь слезы. Плач – это внутренняя боль человеческого сердца. Мирские люди говорят: «Можно одновременно любить и Бога, и мир». Действительно, можно любить Бога и мир в Боге, но только когда очистишь сердце от страстей и будешь видеть мир в его преображении. Если же этого нет, то говорить об одновременной любви к Богу и миру может, в основном, лишь тот, кто вообще не любит Бога. Святые действительно любили и Бога, и людей. Многие из них спасались в миру, но потому-то они и знали, как это трудно. И оттого в большинстве стремились хотя бы перед смертью принять монашество.

Монах говорит: «Я не сужу мир и тех, кто хочет любить и Бога, и мир; но я не могу разделить свое сердце между Богом и миром, а хочу все сердце целиком отдать Богу». Мирские люди считают, что монашество – это духовный эгоизм, духовная гордыня, предпочтение своего личного спасения благу других людей, отказ служить людям, приносить им пользу, творить добро. Но они просто не понимают, что есть высшее добро – добро, которое нельзя измерить как некий продукт добрых дел. Высшее, вечное, неразрушимое добро – это благодать Духа Святого. А монашество в своей идее есть стяжание благодати. Монашество – очищение своего сердца и молитва за людей. Молитва – это невидимая, но самая мощная сила, которая оживотворяет мир. Молитва не видима для внешнего взора, как не видимы подземные воды, питающие корни растений и цветов. Но не будь этих вод, иссякли они, и земля превратилась бы в мертвую пустыню. Монастыри и скиты, уединенные кельи монахов – это источники Божественного Света, самого большого сокровища, которое можно дать людям. Люди, не потерявшие или не притупившие религиозного чувства, ощущают особую духовную атмосферу в пространстве обителей или монашеских скитов. Они ощущают, что в этом месте даже земля и воздух духовно особенно чисты, как бы пронизаны невидимыми лучами молитвы, и переживают в своем сердце особую, глубокую радость, словно возвратились к ним их прежние детские чистота и простота.

Монах уходит от мира, однако не оставляет мир своим духовным присутствием. Он становится (я говорю, конечно, о монахе в идее, о монашестве в его идеале; в реальной жизни, как вы знаете, это сложный процесс) духовным звеном между миром и Богом. Величайший духовный подвиг – это подвиг молитвы за мир. Он намного труднее всего остального. Молиться за мир тяжелее, чем быть миссионером и проповедовать Евангелие среди племен людоедов. Под молитвою за мир подразумевается тот род подвига, когда человек оставляет личную жизнь, свои привязанности к определенным людям, отказывается от личного наслаждения и счастья и все свои силы концентрирует в одной духовной точке – молитве.

Молитва за мир – это жертва всеожжения, когда человек как бы сжигает себя в огне молитвы. В этой молитве он чувствует себя ответственным за мир и ощущает духовную близость к каждому человеку. Это парадоксально, но, вот, существует такая антиномия. Приведу пример: влюбляется человек. И что психологически происходит с ним в этом состоянии влюбленности? Другие люди перестают для него существовать. Он отключается от них. Для него важен только предмет его чувственной любви. Он переживает, болеет, волнуется из-за того, что происходит с дорогим для него человеком, и в то же время – равнодушен по отношению к другим. Других в этот момент для него психологически не существует. А здесь происходит совсем другое: монах не привязывается ни к чему конкретному, но начинает внутренне, духовно ощущать весь мир. Притом мир не как абстракцию, а мир именно в личностях, в живых существах. Он чувствует в своем сердце любовь к каждому, живущему в этом мире. Преподобный Исаак

Сирин пишет, что подвижник, достигший истинной духовной высоты, не только людям, но и всем существам сострадает, всех объемлет любовью, всему сопереживает. Душа подобного молитвенника утончается до такой степени, что начинает чувствовать боль этого мира. Один монах говорил: «Любовь расширяет духовное познание, любовь дает свободу и любовь увеличивает страдание». Молиться за весь мир – значит внутренне сострадать всему миру. Молиться за весь мир – значит чувствовать, что чужие грехи так же огорчают и ранят тебя, как твои собственные. К этой молитве подвижник не стремится искусственно. Искусственность есть наши страсти. Наносное, искусственное есть грех. Естественное в высшей степени – не в нашем падении, а в нашем первоначальном состоянии – это любовь к Богу и к людям, которую человек потерял. Монах убирает преграды, стоящие между ним и Богом, и убирая их, раскрывает в себе внутренний потенциал любви, заложенный в человеке как образе и подобии Божию; пробуждает дух, который обычно у нас спит.

Монашество – это духовное служение человечеству, и некоторые люди лишь потому отрицают монашество, что видят добро только в чисто материальных его проявлениях. Но если, предположим, кто-то вдруг скажет: «Не нужно ни поэзии, ни поэтов, ни музыки, ни музыкантов, пусть возьмут в руки лопаты и копают землю». Как бы мы к этому отнеслись? Что делает музыкант? Ведь он не производит никаких продуктов, так как музыка – это только гармоничное сочетание звуков. Тем не менее, про человека, отрицающего музыку, сказали бы, что в культурном отношении он – дикарь. Не так ли? А если кто-нибудь заявит, что не нужно монашества, этого носителя духовного света, то он с еще большим основанием может быть назван духовным дикарем и религиозным невеждой. Я могу сказать, что любовь и молитва – это те связующие силы, которые держат мир. Не будет любви и молитвы – мир погибнет. И вся земля, образно говоря, превратится тогда в огромную глыбу льда, летящую в темном и мертвом пространстве.

О грехе блуда

Святые Отцы различали восемь основных грехов или страстей, как восемь источников, из которых истекают все наши грехи, душевные и телесные, во всем их многообразии. Здесь дана, скорее, не богословская, а аскетическая картина нашей греховности. Святые Отцы определили конкретные грехи для того, чтобы возможно было указать на средства борьбы с ними. Согласно их учению, в действительности существует один главный источник греха – наше себялюбие, то есть неправильная любовь человека к себе, эгоизм и эгоцентризм. В этом – начало всех грехов. Некоторые богословы указывали три разновидности себялюбия: славолубие, сластолюбие и сребролюбие. Но эта схема довольно-таки обобщенна и абстрактна, так что здесь нам трудно видеть лицо самого греха. И уже не богословы и теоретики христианства, а монахи и аскеты, главной жизненной целью которых было очищение своей души, выявили восемь главных врагов нашего спасения, восемь начальных страстей. Если человек не будет вести с ними борьбу, то они возобладают им, превратятся в грехи смертные, то есть навсегда отлучат человеческую душу от Бога.

Здесь я хотел бы поговорить об одной из самых лютых страстей, которая особенно тяжка, которая непрестанно восстает на человека. Блуд – он является как бы концентратом всех порочных наслаждений. Борьба с блудным похотением – самая тяжелая и жестокая, христианин ведет ее до самой смерти. Святые Отцы говорят: «Не верь своему телу до тех пор, пока оно не ляжет во гроб и гроб не забьют гвоздями». Естественное воздержание, естественное влечение к другому полу генетически вложено в каждого человека. Борьба с грехом блуда, как говорят святые Отцы, есть борьба с тем врагом, который сидит внутри нас.

Как обычно развивается эта страсть? Для ее развития нужен определенный образ. И поэтому чаще всего она начинается с образа. Первый этап – когда нечистый образ появляется в уме человека, как на кино- или телеэкране. Но это еще не грех. Это лишь

повод ко греху, прилог, искушение, приманка дьявола, которую он ставит перед нами. Человек ставит приманку, чтобы уничтожить какое-нибудь вредное животное, скажем, крысу. Крыса бросается на нее и гибнет. Вот так же и дьявол предлагает нам приманку, обольстительный образ, внедряя его в наше сознание. Но мы можем внутренне отвергнуть этот образ, отключить от него свою волю. И тогда он останется внешним и чуждым для нас. Он становится нашим только в том случае, когда мы начинаем испытывать симпатию к нему и желание задержать его в нашем сознании. Если человек отвергнет страстный помысл или образ в самом начале, то выйдет из этой духовной битвы победителем.

Святые Отцы разработали учение о трезвении, контроле над своим сердцем. Этот контроль осуществляется посредством непрестанной молитвы, в свете которой человек видит зарождение помысла или образа в самом начале. Если у человека нет молитвы, он не может зафиксировать первый этап зарождения помысла (образа), фиксирует лишь последующие этапы, когда внутренним волевым усилием уже начинает удерживать этот помысл (образ) в своем сознании, созерцать его, любоваться и наслаждаться им. Поэтому святые Отцы заповедали иметь в своем сердце непрестанную краткую молитву – молитву Иисусову, которая высвечивает человеку его сердечные глубины. Можно для непрестанной молитвы выбрать также по своему усмотрению и какие-нибудь слова из псалма, краткую молитву *«Господи, помилуй!»* или же молитву *«Боже, милостив буди мне, грешному!»* Но Иисусова молитва значительно глубже. Она воистину всеобъемлюща. По выражению святых Отцов, она – «Евангелие, сокращенное в восьми словах».

Да, момент зарождения помысла (образа) – самое лучшее время для борьбы с ним, для его уничтожения. Помысл подобен растению: когда оно только пустило росток, его легко можно вырвать из земли, а когда укоренилось, и корни глубоко вросли в землю, тогда нужны большие усилия; если же этот росток превратился в дерево, то вырвать его почти невозможно, и человек уже не может бороться с грехом своими силами. Он должен прибегать к помощи других, к помощи своих наставников.

Итак, наилучший способ борьбы со сладострастным помыслом – это отвержение его в самом начале, на первом этапе – прилога. Однако и на последующих этапах христианин должен бороться с грехом. Пусть даже в этой борьбе допущены промедления и ошибки, надо продолжать борьбу и молить Бога о прощении содеянного мысленного прегрешения. В борьбе со страстным помыслом нужно использовать естественные силы человеческого гнева, то есть гневаться на дьявола, греховный помысл и сам грех. Гнев дан человеку как оружие, как меч против врага. Этот меч мы употребили против самих себя и наших ближних. Но гнев может быть святым, праведным гневом, если мы научимся гневаться на демона и грех, возникающий в нашем сердце. Гнев имеет силу уничтожать. Если мы направляем его на своего брата, то становимся в известном смысле убийцами. Если же гневаемся на грех, то гнев разрушает его и очищает нашу душу. Итак, нужно научиться гневаться на нечистые помыслы. Святые Отцы учат: «Когда будет перед тобой нечистый помысл, сначала разгневайся на него, как на несчастье, которое может лишить тебя вечной жизни, а потом обратись к Богу с молитвой. Не рассматривай этот помысл. Не вступай с ним в беседу. Не опровергай словами то, что будет говорить демон. Гневом изгони помысл из своего сердца и затем обратись к Богу, чтобы Он очистил твою душу от осквернения».

Что еще требуется для борьбы с демоном блуда? Воздержание. Святые Отцы поставили блудный грех, эту болезнь, сразу же после чревоугодия, так как демон блуда тесно связан с демоном чревоугодия. Чревоугодие разжигает блудную страсть. Святые Отцы говорили: «Если ты хочешь бороться с блудом, не обуздав своего чрева, то это то же самое, что пытаться потушить костер, бросая в него ветки дерева». Как определить для себя норму в пище? Святые Отцы учат так: «Определи, сколько нужно тебе пищи для насыщения, затем съешь две трети от этого количества, а прочее оставь; или же вставай из-за стола, когда ты не чувствуешь еще полного насыщения, в то время, когда хочется тебе еще немного поесть. Это и будет твоя мера».

У святого Иоанна Лествичника мы читаем: «В укрощении чрева употребим благоразумную постепенность: отсечем прежде всего утучняющую пищу, потом разжигающую, а после и услаждающую». Нельзя сразу налагать на себя строгий пост, к воздержанию человек приучает себя постепенно. Кроме того, в посте вообще необходимо соблюдать меру. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин пишет, что иногда чрезмерное пощение не укрощает, а, наоборот, возбуждает блудную страсть. Общее правило умеренности и воздержания состоит в том, чтобы каждый сообразно с силами, состоянием тела и возрастом вкушал столько пищи, сколько нужно для поддержания здоровья тела, а не сколько требует желание насыщения. Крайности с той и с другой стороны равно вредны – и неумеренная строгость поста, и пресыщение чрева. Монах так разумно должен вести дело пощения, как если бы имел пребывать в теле сто лет; и так обуздывать душевные движения – забывать обиды, отрывать печаль, ни во что ставить скорби и потери, как могущий умереть каждый день. Поэтому, когда говорят о посте, имеют в виду разумное воздержание, а не доведение себя до болезненного состояния, которое нередко сопровождается внутренней гордыней и прелестью. Итак, будем помнить, что умеренное употребление пищи служит средством обуздания блудной страсти. Так же во время особенно сильного блудного возбуждения полезно пить мало воды, ибо чувство жажды в какой-то степени притупляет и ослабляет эту страсть. Отшельники не только пищу принимали мерой, но и воду.

Святые Отцы говорят: «Если ты свяжешь себя постом, то свяжешь беса блуда веревками, но для того, чтобы повергнуть его на землю, нужно смирение». Один из древних египетских подвижников, толкуя библейское повествование о том, как пророк и боговидец Моисей убил египтянина и закопал его в песок, говорит, что это – образ борьбы с блудным демоном. Песок – пустыня, место, где ничего не растет. «Зарыть египтянина в песок» – значит победить беса блуда смирением. Во время борьбы с блудной страстью христианин должен глубоко смирить свой дух, осознать, что он – средоточие греха и без помощи Божией не может бороться с сей страстью, но при этом не падать духом, а надеяться на помощь Божию и пребывать в молитве. Бес блуда связан с бесом гордыни. Иногда гордому промыслительно попускается особо сильная блудная брань, чтобы меньшим грехом излечить больший, слабейшей болезнью – сильнейшую. Но если человек сам вовремя смирит себя, то ему не понадобится это жестокое врачевание.

Самым действенным средством борьбы с блудом является исповедь духовному отцу. Святые подвижники говорят, что бес блуда не терпит обличения. Он любит прятаться, скрываться в нашей душе, как скорпион в своей норе. Обличить блудного демона перед духовником, рассказать ему о своей брани значит тотчас получить облегчение. Однако сделать это необходимо с верой в молитву своего духовника. В Патерике есть рассказ о двух монахах, боримых бесом блуда. Они пошли к старцу и рассказали ему о своей брани. Один получил облегчение, а другой нет. И первый в ответ на жалобу второго спросил его: «А как ты открыл свою брань отцу?» Тот ответил: «Я пришел, рассказал ему, поклонился и ушел». Вопросивший сказал: «А я пришел к нему так, как пришел бы к Самому Христу Спасителю: с верой в то, что его молитвы отгонят от меня блудного беса. Во время рассказа об искушении я внутренне каялся и плакал, и когда вышел от него, почувствовал себя как бы заново родившимся». Поэтому, если вы открываете перед своим духовным наставником блудную брань, то это должен быть не простой сухой рассказ. Вы должны внутренне оплакивать свою греховность и верить, что за молитвы духовника Господь силен избавить вас от этой брани, уменьшить ее или же сделать вас в ней победителем.

Для того, чтобы успешно бороться с демоном блуда, мы должны стараться никого не осуждать, особенно тех, кто страдает от этой же страсти. Когда мы осуждаем других, то в это время подразумеваем, что на их месте не сделали бы того же самого и как бы внутренне представляем себя победителем демона. И поэтому за осуждение других Господь иногда попускает нам такую же брань, и часто мы не выдерживаем ее и падаем. Одно из важнейших правил духовной жизни – не осуждать другого. Это значит не

оправдывать его грех, но сострадать ему, как мы страдаем больному. Один из святых говорил: «Когда я вижу согрешающего, или же узнаю о нем, то говорю себе: “Смотри, не сделай этого сам! Кто знает, что будет с тобой завтра?!”»

Еще одно из средств борьбы с демоном блуда – это разумное уединение, уединение в то время, когда он борется с нами с особой силой. Кроме того, надо постоянно трудиться: блудный демон лютее всего нападает на человека, не занятого необходимым делом.

Святые Отцы говорят, что не следует слишком много заботиться о своей внешности. Вполне достаточно быть опрятно и чисто одетым. Сама мысль о красивой одежде, которая будет нравиться другим, содержит в себе тайный блуд. Святые Отцы не советуют вольно обращаться друг с другом. Один подвижник говорил: «Вольность – это начало блудного греха. Вольность в обращении похожа на ветер из пустыни, который сжигает и уничтожает посевы в том месте, где он пронесся». Писания святых Отцов учат, что в смехе и шутках также таится блуд. С аскетической точки зрения, смех и шутки оскверняют человеческую душу. Они уничтожают благоговение как сердечное расположение. Церковное Предание говорит нам, что никто не видел Иисуса Христа смеющимся или улыбающимся, равно как и Его Пречистую Матерь. А демона часто изображают хохочущим. Если бы мы понимали, для чего Господь дал нам земную жизнь, и чаще думали о том, что ожидает нас в вечности, – рай или ад, мы бы не шутили, не смеялись и не хохотали. Если бы мы знали, сколько греха сосредоточено в нашей душе, какое огромное море греха представляет из себя этот мир, нам было бы не до смеха. Но эта ужасная картина сокрыта от нас...

Святые Отцы заповедуют по возможности избегать общения с другим полом, так как это общение будет обязательно возбуждать в нас блудную страсть, явную или тайную. Некоторые заявляют: «Я разговаривал с женщиной и не почувствовал совершенно никакого вреда». Святые смотрят на это по-другому: человек получил вред, но сам этого не заметил. Один из подвижников писал: «Через несколько дней после разговора с женщиной я испытал нападение блудной страсти, и передо мной встал ее образ. Когда мы беседовали, мне казалось, что я бесстрастен. Но ее образ отпечатлелся где-то в глубине души и потом, во время брани, как приманка всплыл из глубин подсознания». Мы не знаем, что творится в нашем сердце. Все наши разговоры, встречи и впечатления – это семена, которые падают в сердечные глубины, а потом уже дают свои ростки. В общении с любой женщиной надо быть предельно осторожным, хотя бы нам и казалось, что мы не питаем к ней никакого нечистого пожелания. Также нужно всячески избегать излишнего общения, поскольку нередко мы хотим быть вместе с женщинами не ради какого-нибудь важного и неотложного дела, а для тайного внутреннего удовлетворения блудной страсти. Святой Иоанн Златоуст пишет: «Не обязательно падение с женщиной: иногда само присутствие женщины уже дает человеку скрытое наслаждение».

В книге преподобного Иоанна Лествичника, великого игумена Синайской горы, мы читаем: «Бес плотского сладострастия весьма часто вовсе скрывает себя, наводит на инока крайнее благоговение и производит в нем источники слез, когда он сидит или беседует с женщинами, и подстрекает его учить их памятованию о смерти, о Последнем Суде и хранении целомудрия, чтобы они, окаянные, прельстившись его словами и притворным благоговением, прибегнули к этому волку, как к пастырю; но окаянейший оный, от близкого знакомства получив дерзновение, наконец подвергается падению». Поэтому в общении с женщинами, даже когда священник наставляет их и ведет духовную беседу, обязательно нужна мера. Следует говорить кратко и ясно. Для тех, кто хочет исполнить наставления и спастись, не нужны долгие беседы. Им только надо узнать, что делать.

Обычно женщины, которые часто обращаются к своим духовным отцам и подолгу с ними разговаривают, повторяя непрерывно одно и то же, как бы пережевывая одну и ту же жвачку, на самом деле внутренне удовлетворяют таким образом свою блудную страсть. Тот, кто заботится о чистоте, говорит собранно и лаконично. В общении с женщиной, по учению святых Отцов, несмотря на всю доброжелательность и

приветливость, необходимо соблюдать строгость. Никогда человек не должен думать, что победил блуд. В этом – одна из хитростей демона. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Лисица притворяется спящею, а бес – целомудренным; та хочет обмануть птицу, а сей – погубить душу. Не верь во всю жизнь твою сему брэнному телу и не надейся на него, пока не предстанешь Христу». Блудный демон может некоторое время не тревожить нас, чтобы мы подумали, что уже победили нечистую страсть, и потеряли осторожность. После этого он неожиданно нападает на нас, как на свою жертву, и застаёт, как правило, безоружными. Поэтому никогда не надо доверять себе и считать себя победителем в сей брани.

Преподобная Мария Египетская, жившая в Иорданской пустыне, много лет была борима бесом блуда через воспоминания о своей прошлой греховной жизни. Во время вражеских нападений она падала на землю и кричала во весь голос: «Боже, Сам спаси меня! Господи, я бессильна!» И за это смирение благодать Божия покрывала ее. Подвижница побеждала врага в этой жестокой, тяжелейшей борьбе. Итак, все мы должны помнить: победа над блудом – это победа благодати над демоном. Без истинного самопознания в духе сердечного сокрушения и глубокого смирения победить блудную страсть невозможно!

Попытаемся кратко суммировать все вышесказанное. Борьба с блудной страстью – это, прежде всего, трезвение ума и сердца, то есть своевременное обнаружение и немедленное отсечение нечистого помысла (образа), что возможно лишь в свете постоянной молитвы; обращение гнева против нечистых помыслов (образов); постоянный труд, исповедь и открытие помыслов своему духовному отцу, наставнику; борьба с чревоугодием, скромность в одежде и поведении, неосуждение, молчание и разумное уединение во время особенно сильных нападений блудного духа и, главное, нелицемерное, глубокое смирение. Святые Отцы говорят: «Целомудрие – совокупность всех добродетелей».

Демоны и человеческая гордыня

Зло есть извращение жизни и подмена истинного содержания ложью. Зло имеет два аспекта. Зло как природа, субстанция не существует, однако каждый из нас чувствует его мощь и насилие, его черную энергию. Богословы с известным основанием говорят о том, что зло – это активная сила, так как оно нашло свое полное осуществление в ангелах ада – демонах, падение которых заключается не только в духовной ошибке и неправильном выборе пути, но и в сознательном волевом сопротивлении воле Божией, которая есть высшее добро. В демонах зло получило олицетворение; можно сказать, в демонах зло воплотилось. Поэтому если, с одной стороны, зло – это оскудение добра, то с другой стороны, оно – реальная сила, направленная против добра и борющаяся с ним.

Человек состоит из души и тела, человек сложен по своей природе. Природа Ангелов проста. Из-за простоты природы в них не может быть разделения между добром и злом. Они или всецело руководствуются волей Божией и добром, или же всецело становятся на сторону зла и противления воле Божией. Для падшего ангела покаяния нет. У человека – непрерывный ряд искушений, непрерывный ряд падений, и в то же время – постоянная возможность восстания. Ангелы были испытаны один раз во время своего космического бытия, и это единственное испытание и искушение – искушение гордыней – навсегда, навечно определило их состояние. Содержание демонского бытия и его цель – это непрестанное сопротивление воле Божией. Само слово «сатана» означает «противник». Этот дух стал противником Бога. Внутреннее содержание демона – ненависть к Богу, ненависть колоссальной силы, напряженности и размера. Никакой человек не имеет представления о демонической ненависти к Божеству.

Почему борется демон с человеком? Потому что в человеке – образ и подобие Божии, которые он ненавидит. Демон борется с человеком, потому что человека любит Господь. В человеческом сердце падшие духи нашли поле для битвы с Богом. Бесы влияют на человека через извращение его мыслей, возбуждение в нем похотей и

греховных страстей, склонение его воли ко злу и ко греху. Однако человек – свободное существо, нравственно самоопределяющееся. Связать волю человека демон не может. Темная сила лишь искушает и предлагает. Но принять или не принять демонические импульсы, последовать за ними или воспротивиться им – это уже личное дело, возможность каждого человека. В духовной жизни человек познает реальное сопротивление себе злой силы; особенно сильно чувствовали его монахи и отшельники, для которых внутренний мир был так же ясно созерцаем, как для нас – предметы мира внешнего. Как раз они-то, на основании своего внутреннего опыта борьбы с демонами, своего видения человеческой души, и составили столь необходимые для нас аскетические поучения, как, например, преподобные авва Дорофей, Иоанн Лествичник, Симеон Новый Богослов, Исаак Сирийский и многие другие. В их творениях нет демонологии как теории, а описана борьба с демоном; в них, если можно так выразиться, тактика и стратегия духовной борьбы.

Итак, в сердце человека идет непрестанная битва со злом. Но как возникает грех? Обычно демон предлагает человеку некий греховный образ или греховную идею; это – *прилог*. Однако душа человека не связана прилогом: она может принять его, отвергнуть или остаться к нему безразличной. Прилог – греховная мысль или образ – на первой стадии еще не вменяется самому человеку в грех. Вторая стадия – это *сочетание* с греховной мыслью или образом, когда человек рассматривает их, не старается освободить от греховного образа или ложной мысли свое сознание, а входит с ними в контакт. Затем идет *согласие* воли на принятие греховной мысли или образа. Эти фазы уже греховны для человека, они оскверняют его сердце. Однако и здесь человек может пресечь демоническое влияние. Только чем более углубляется этот процесс, тем труднее ему это сделать. Потом является у человека *желание*, то есть эмоциональная солидарность с грехом; после желания – *решимость* исполнить злое внушение на деле, созревает некий план осуществления. Затем следует само действие.

Грех, совершенный делом, становится изменой Богу и союзом с демоном. Поэтому каждый грех должен быть очищен покаянием, ибо он несет в себе самом возмездие и наказание; грех нераскаянный отчуждает человека от Бога. Повторяясь, грех входит в привычку. У человека создаются определенные комплексы, затем привычка переходит в саму натуру, в саму природу человека. Грех не становится природой человека, но он внедряется в нее, как ржавчина в железо. Святые Отцы говорят о том, что вначале греховный помысл слаб, как младенец, но затем он вырастает в исполина – от греха, ставшего привычным, избавиться можно только лишь с помощью других (прежде всего – духовного отца) и по молитвам Церкви. Толкуя слова псалма *дочь Вавилона, опустошительница!.. блажен, кто разобьет младенцев твоих о камень* (Пс. 136, 8–9), святые Отцы видят в них указание на способ духовной борьбы. Вавилон – это ад, символ ада. Вавилонские младенцы – греховные помыслы; *блажен, кто разобьет их о камень*, то есть блажен тот, кто сразу же отринет греховный помысл. Под камнем в данном случае подразумевается Господь Иисус Христос и сила имени Его. Разбить вавилонских младенцев о камень – значит умертвить греховный помысл молитвой, содержащей в себе имя Божие.

Святые Отцы говорят о том, что сатана не ведает наших мыслей и намерений, однако он – тонкий психолог и, изучая жизнь каждого человека, может с большей или меньшей степенью вероятности угадывать, что думает и что сделает человек. Дьявол сам влагает греховные мысли в наше сердце, участвует в каждом грехе и знает то, что внушает нашей душе. Поэтому все наши грехи открыты перед ним. Он не знает точно будущего, но, имея огромную информацию, может с большой вероятностью предполагать и догадываться о нем. Многие из сатанинских предсказаний сбываются, но не все. И человек, опытный в своем деле, тоже может предполагать и предугадывать, чем окончится то или другое событие, чем завершится та или другая работа. А ум сатаны намного превосходит возможности познания человека. Поэтому сатана через своих ложных пророков может

говорить о будущем. Но опять же это – не видение Духа Святого, перед Которым грядущее так же ясно открыто, как настоящее, а только более или менее вероятные предположения духа падшего.

Сатана отпал от Бога через гордыню, то есть возомнил себя центром бытия и прельстился своей тварной красотой, красотой Первоангела, но все равно красотой сотворенной и бытием ограниченным. Он сам себя обоготворил и поэтому потерял Бога, и, потеряв Бога, стал духом тьмы и зла. Демон находится в состоянии борьбы с человеком; в этом – содержание его жизни, в этом – его мрачное адское злорадство. Соблазняя человека на грех, он считает себя победителем. Для сатаны, как уже было сказано выше, покаяние и восстание невозможны, потому что они предполагают борьбу доброго и худого в самом существе и победу доброго. В сатане и в демонах нет ничего доброго, что могло бы вступить во внутреннюю борьбу со злом. Сатана и демоны, будучи ангелами, походили на горящий пламень, но пламень погас безвозвратно. Что касается человека, то он был не пламенем, а только лишь тлеющим углем. И в этом после грехопадения его спасение, ибо в тлеющих углях остались искры и эти искры можно снова раздуть; они продолжают гореть под золой. Перед человеком путь покаяния открыт до самой смерти. Однако святой апостол и евангелист Иоанн Богослов пишет, что и человек может впасть в такое состояние, когда восстание для него уже невозможно и молитвы о нем не имеют силы (1 Ин. 5, 16). Это тот случай, когда грех глубоко внедрился в самую природу человека, и человек всем сердцем своим полюбил его. Это ужасное душепагубное состояние особенно ярко проявится в грядущем антихристе, который, хотя и придет на землю как человек, но будет находиться под всецелым воздействием сатаны. Он будет человеком, но его воля настолько поработится сатаной, что последний будет жить в нем, как душа в теле.

Демон – дух гордыни; где гордыня – там и демон. Поэтому так страшна гордыня. Она отдаст человека в руки падших духов. Святые Отцы пишут: «Диавол искушает страстями, но для того, кто горд, не нужно диавола, он стал диаволом сам для себя». Христиане больше всех грехов должны опасаться гордыни тайной и явной, в любых видах и под любыми масками, гордыни под самыми благовидными, так сказать, предложениями. Побеждается сатана только смирением; вне смирения победы над ним не существует. Однако не все правильно понимают смирение. Некоторые считают, что смирение – это какая-то покорность перед злом. Вовсе нет! Все истинные подвижники имели своей главной добродетелью именно смирение, но они предпочитали лучше умереть, чем согрешить, то есть перейти на сторону зла и уступить греху. Поэтому смирение вовсе не предполагает для нас какой-то капитуляции перед силами тьмы. Смирение – это правильная внутренняя духовная самооценка, видение своих грехов и недостойностей, постоянное чувство потребности в помощи Божией. Смирение – это уважение к каждому человеку как к образу и подобию Божию; будь даже этот человек нашим врагом, все равно он – творение и образ Божий. Смирение – это умение во всех житейских ситуациях и конфликтах находить свою вину. Смирение восполняет скудные человеческие силы Божественной помощью.

А гордый всегда доволен собой. Он как бы говорит: «Мне ничего не надо; своей силой, своими достоинствами я сам могу добиться Небесного Царства; я сам могу победить сатану». И тем повторяет грех падшего первоангела: у него исчезает чувство острой зависимости от Бога и начинается самолюбование, нарциссизм – есть такой миф о прекрасном юноше Нарциссе, который увидел отражение своего лица в воде и не смог оторвать глаз от собственного образа. Сущность гордого – тайное самолюбование, а значит – тайное отступление от Бога.

Гордый не может быть христианином, хотя бы и называл себя таковым, ибо гордый – эмоционально и духовно чужд Христу. Примером этого могут являться для нас ветхозаветные фарисеи. Вообще Евангелие – это та книга, в которой мы можем найти ответы на все вопросы, если только будем читать ее внимательно. Фарисеи ждали

Мессию, однако, когда Он пришел на землю, они Его не узнали. Почему? Потому что они, в сущности, не нуждались в Нем. Фарисеи не чувствовали своего общечеловеческого падения, не сознавали необходимости покаяния. Именно потому Христос как Проповедник любви и покаяния вызывал у них только чувство раздражения, которое затем перешло в озлобление и лютую ненависть.

Человек гордый не способен к покаянию. Следовательно, он не способен и к возрождению. Покаяние – это осуждение себя прежде Всеобщего Суда над человечеством. Фарисеи были довольны собой и своими правилами, которые составили сами, принимали как должное всеобщее почитание и весьма любили, когда их называли учителями. Они непомерно гордились своим плотским происхождением от Авраама и, потеряв чувство своей греховности, совершенно не понимали, о какой свободе говорит им Христос, и отвечали Ему: *Мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда* (Ин. 8, 33). Но Писание говорит: *Кто кем побежден, тот тому и раб* (2 Пет. 2, 19). Кто побежден грехом, тот раб греха. И это самое мучительное, тираническое рабство.

Обычно мирские люди тоже не понимают, что они рабы – в смысле подчинения духу мира, языческому духу – мира с его страстным искусством, философией, идеями, условностями, этикетом. Большинство из них, наоборот, считает возможность исполнения всех своих прихотей и желаний признаком свободы. Однако внутренняя христианская жизнь открывает нам, что мы бываем свободны лишь тогда, когда исполняем волю Божию. Почему? – Потому что, исполняя свои прихоти и страсти, мы поработаем дух – душе, разум – чувственности, то есть лучшее – худшему. Страсти, если человек не преодолевает их, чувственность, если человек не контролирует ее, становятся тираниями для человека. Ему кажется, что он свободен, что он осуществляет свои желания, а на самом деле он – раб своей худшей стороны; если можно так сказать, он – раб своей собственной болезни. Только тогда человек получает истинную свободу, когда живет в гармонии с Божественной волей. Только исполнение заповедей Священного Писания есть истинная свобода. Почему? Потому что эти заповеди не чужды и не внешни для человека; они, в сущности говоря, и являются самым глубоким, самым лучшим проявлением его истинного «я». Поэтому, исполняя заповеди, человек живет истинно достойной, человеческой жизнью. Тогда он воистину свободен.

Гордый человек никогда не может быть ни мирен, ни счастлив. Гордый находится в конфликте со всем окружающим миром, ибо считает, что именно он – центр мира, а так как невозможно заставить верить в это других, внутренне чувствует себя обиженным и оскорбленным. Даже если гордые люди объединены на время какой-либо общей идеей, то это все равно непрочный союз. Это союз, который распадется и окончится враждой всех против каждого и каждого против всех. Гордец не может иметь ни мира, ни покоя. Он постоянно в смущении, все время раздражен, никогда не бывает удовлетворен.

Гордый человек не может уважать другого человека, так как гордость – это ложное сознание своего мнимого превосходства. Гордый человек в глубине души считает, что все остальные могут быть только его рабами и исполнять лишь его волю. Гордые люди всегда являются насильниками других. Это насилие может проявляться в разных формах и в разных масштабах. Очень часто ареной такого насилия становятся отношения между супругами. И в этом – одна из причин непрочности современной семьи: вместо союза любви она превращается в непрестанную борьбу за власть между ее членами, каждый из которых уверен, что будет благо, если он в своей семье станет повелителем и царем.

Гордый человек внешне может быть религиозен, но только внешне, потому что сердце гордого человека никогда не сможет горячо и покаянно молиться. Гордый похож на больного, который уверен, что здоров. Такой человек глубоко оскорбится, если скажут, что ему грозит смертельная опасность от болезни, хотя в это время он будет заживо гнить от какой-нибудь внутренней язвы или раковой опухоли.

Да, всякая страсть, всякая ложь, всякое зло – от дьявола. Но гордость – самое страшное из всех зол для духовной жизни, самое большое уподобление демону. Гордый

даже свои способности обращает во зло. Поэтому благо для гордого не иметь никаких талантов. И Господь часто отнимает их у гордого для его же спасения. Существует духовное состояние, которое называется прелестью, когда гордость доводит человека до умопомешательства, и он приписывает себе способности чудотворца, пророка, духовидца, прозорливого и т. д. Люди, впавшие в прелесть, внешне похожи на безумных, но всякий гордый человек, в сущности говоря, и есть безумец, потому что вне Бога – область тьмы и безумия, а гордый выходит из центра жизни, удаляется от Бога. Поэтому священник, задача которого – быть проповедником Евангелия, совершителем таинств и духовным отцом, больше всего должен заботиться о том, чтобы искоренять у своих духовных детей гордость.

Гордый – это человек, отравленный ядом. Больше всего, наверное, любили людей Пророки и Апостолы, однако они предпочитали для блага своих ближних обличать их недостатки и пороки и большей частью страдали за это. Именно в этом и выражалась их любовь. Они хотели спасения другим, любили человека и поэтому ненавидели в нем грех. Духовный отец, который поощряет или хотя бы не искореняет у своих духовных чад чувство надменности, гордости, превозношения, тщеславия в любых формах, похож на отравителя колодецев, который тайно бросает в колодец яд, и тот, кто пьет из него, умирает. Поэтому священник должен быть очень осторожен в похвалах. Похвалить человека можно в том случае, если он впадает в уныние и отчаяние – чтобы не потерял надежды. Но льстить человеку – это значит делать его духовным трупом. Если человек поверит в свои мнимые достоинства, то ему останется только радоваться, что он «такой хороший». А когда иссякает покаяние, то уже нет продвижения вперед, тогда появляется другая – центробежная – сила, и человек скользит вниз, сам не подозревая об этом. Святой Иоанн Лествичник пишет, что в час смерти многие будут проклинать своих духовных отцов за то, что те не были строги к ним. Истинная любовь выражается не в похвалах и не в сладких словах. Истинная любовь выражается в желании, чтобы все спаслись. Вся земная жизнь – время испытания, самоопределения и борьбы с грехом, поле битвы, где может быть или победа, или поражение. Истинно любит человека тот, кто хочет, чтобы человек освободился от своих пороков и грехов, и готов ему в этом помочь. Если духовный отец безразлично относится к порокам своей паствы, то, значит, он не любит ее.

Наша жизнь – это борьба с темными духами. Ерем пишет, что около каждого человека есть темный и светлый дух; около каждого из нас стоит демон-искуситель. Все мы находимся в страшной духовной опасности, все мы стоим как бы на краю бездны. А гордый забывает об этом. Он похож на пьяного: пьяному кажется, что он сильнее всех, что он захочет – и перейдет море, ударит по стене – и разрушится стена. А со стороны он жалок и смешон. Так и гордый человек. Но мало того, что гордец жалок и смешон. Весь трагизм в том, что он попадает под власть гордого духа – демона – и становится его покорным рабом.

Христианин должен прежде всего стяжать в своем сердце смирение. Смирение и грешника поднимет из бездны, а гордость и первоангела свергла с небес. Святые Отцы имели различные дарования, и они смиряли себя этими дарованиями, приписывая их только Богу, а не себе. Чем больше давал им Господь, тем смиреннее они становились и говорили: «Мы недостойны такой милости Божией», и считали себя хранителями чужого сокровища. Мы же и малое добро приписываем только самим себе. Вот и в Церкви теперь не совершаются так явственно дивные чудеса, исцеления, явления сверхъестественных сил, как в первые века. Почему? Ради нашего спасения. Потому что мы и это припишем не Богу, а себе самим и обязательно впадем в надменность, кичение и превозношение. Ныне Господь, отвечая на наши молитвы и творя чудеса беспрерывно, делает это сокровенно, зная, что мы можем превозвестись самими милостями Его.

О прелести

Этимологически славянское слово «прелесть» состоит из корня «лечь», то есть ложь, обман и заблуждение, и приставки «пре-», которая усиливает и увеличивает действие или качество. Значит, прелесть – это особо опасное, особо страшное заблуждение, коварный обман демона. Прелесть – это потеря правильных духовных ориентиров. Прелесть – это повторение греха Адама и сатаны, когда человек вне правильного духовного развития, вне аскезы и учения о спасении Православной Церкви хочет достигнуть духовных высот; когда он без уподобления Богу через жизнь по евангельским заповедям и борьбу с грехом хочет быть равным Богу. Конечно, многие, находящиеся в прелести, будут отрицать, что они хотят быть равными Богу; но в подсознании их присутствует пагубная идея своей духовной значимости, мысль о высоте своей внутренней жизни, что совершенно не соответствует их реальному состоянию.

Как начинается прелесть? Каковы виды ее? Прелесть начинается с непослушания Церкви, с искания каких-то особых путей спасения и совершенства, то есть с некоего духовного экспериментаторства.

Начало прелести – излишнее доверие к себе. Например, доверие к своим субъективным переживаниям и культивирование их; в результате этого у человека могут появиться некие зрительные и слуховые образы. Картины своей фантазии и демонические явления такие люди нередко принимают за Божественное откровение или посещение их Ангелами.

Основа прелести, как и основа всякого греха, – это гордыня и самомнение. А сама гордыня имеет несколько аспектов, несколько разновидностей. Гордость перед людьми – мирская гордыня – то, что мы называем высокомерием. Другой вид гордыни – гордыня духовная, гордость перед Богом, когда человеку кажется, что он имеет полноту добродетелей и все необходимое ему для спасения, что он не нуждается ни в чем и ни в ком. Прельщенный гордец убежден в том, что он не нуждается даже в помощи благодати Божией, а может достигнуть всего сам, своим умом и подвигом своей личной воли. Здесь начинается перемещение центра духовной жизни с Бога на самого себя, здесь начинается духовный эгоцентризм. Человек хочет черпать духовные силы в себе самом, в своих мистических переживаниях и в своих личных откровениях. Подобное притягивает к себе подобное, это – закон духовной симпатии. Поэтому гордость вводит человека в контакт, то есть в особую близость, с духом гордыни – сатаной. Душа гордого начинает принимать информацию от демонов, информацию от мира падших, отверженных, темных духов; информацию в виде блестящих идей, которые он воспринимает как духовные открытия и считает, что еще ни один подвижник не имел таких познаний, каких удостоился он.

В области чувств и эмоций сатана дает ему какие-то странные восторги. Они кажутся ему благодатью Духа Святого, высшим духовным состоянием, раем его души. А на самом деле эти восторги являются лишь утонченным действием страстей, которые возбуждает и преобразует демоническая сила. И вот подобное возбуждение нервов, плоти и крови он принимает за духовные, Богом данные состояния. Но надо сказать, что эти сатанинские вдохновения и восторги в глубине своей душа все равно ощущает как нечто страшное и чужое. Потому у обольщенных приливы «радости» сменяются упадком и отчаянием. Почти у всех обольщенных периодически наступают состояния адской тоски, когда они хотят покончить жизнь самоубийством.

Прельщенный получает информацию и на чувственном уровне. Он может видеть какие-то странные видения, похожие на видения наркоманов: иногда хаотические образы, а иногда – целые сцены, которые разыгрывает перед ним демон. И во время молитвы он также часто представляет в визуальном плане то, о чем молится, представляет картины рая и ада. (Фантазия и зрительные представления во время молитвы – это уже патология молитвы. А зачастую, хотя и не всегда, – один из симптомов прелести). Иногда – слышит голоса, которые принимает за голос Ангела-хранителя или за Херувимское пение. И наконец он приходит к выводу, что ему уже никто не нужен: ни учитель, ни книги, ни

опыт Церкви, что Бог избрал его как пророка, как Своего собеседника, что он получает все свои внушения и мысли непосредственно от Него. Тогда этот человек совершенно перестает воспринимать то, что говорят ему другие. Если его убеждают, что он противоречит святым Отцам, то для него это – не довод, так как в глубине души он считает, что святые Отцы, может быть, и взошли на какую-то высоту, но он взошел выше и видит больше, чем они. Если его убеждают, что это от демона, то он считает, что говорят с ним непросвещенные люди, которые просто не понимают его духовной высоты, ибо говорят с позиции своего невежества и ничтожества. Поэтому прельщенный в сердце своем глубоко презирает тех, кто старается открыть ему глаза и вывести его из этого пагубного состояния.

Нередко впадали в прелесть люди, продвинувшиеся в духовной жизни и затем «залибовавшиеся» сами собой. Состояние это приходит обычно не сразу; оно начинается, как правило, с противоречия, а затем – непослушания тем лицам, которые поставлены над нами; для мирянина это – церковная иерархия, для монашествующего – игумен и духовный отец. Затем непослушание переходит в совершенное презрение всех советов и ненависть к тому, кто обличает. Человек становится кумиром сам для себя, он не может истинно молиться Богу, хотя бы и совершал продолжительные молитвословия. Ибо настоящая молитва подразумевает собственную недостаточность, а он, обращаясь к Богу, подсознательно считает, что уже имеет все нужное для спасения. И Бог становится для него как бы лишним и ненужным. Прельщенный человек ищет в молитве все новых «поразительных» откровений, «острых» духовных ощущений. Он как бы становится гурманом своих собственных страстей, которые диавол показывает ему в виде высоких духовных чувств. Темные духи идут навстречу его раскрытой для них душе, его внутреннему призыву, и человеку кажется, что он здесь, на земле, переживает то, что Ангелы – на небе; здесь, на земле, знает и видит то, что в раю созерцают лики святых.

Такой человек постепенно обожествляет себя, постепенно начинает чувствовать себя как бы центром всего мироздания. Он не может любить других людей, так как любит только себя, и еще как любит! Он любит себя с неким религиозным благоговением и поэтому возмущается теми, кто не относится к нему так же. Часто человек, находящийся в прелести, состоит как бы во вражде и войне со всеми остальными; он может признать только того, кто поверит в его мнимые достоинства и в его мнимую святость. Эти люди деградируют и умственно, и духовно; часто они становятся посмешищем для окружающих. Иногда у них во время молитвы в нервном, страстном возбуждении начинаются конвульсии, судороги, течет пена изо рта; они прерывают молитву какими-то странными возгласами и криками. Но и будучи в таком жалком состоянии, они все равно не отрезвляются. Им кажется, что мир несправедлив к ним, гонит и мучает их, как всех пророков.

В житиях святых мы читаем о случаях прелести, о тех видениях, которые обольщенные принимали за явления Спасителя, Божией Матери и Ангелов; о требовании почитания к себе со стороны окружающих. Обычно попавшие в прелесть, как попавшие в волчий капкан, остаются в ней, не могут вырваться; спасти человека от прелести может только особая благодать Божия. Лишь какое-нибудь сильное и страшное потрясение может вернуть человеку потерянное смирение и восстановить обращенность его души к Богу. Оттого-то, если и бывают случаи исцеления, то происходит оно через огромные страдания, продолжительные болезни или какое-то очевидное вмешательство Божественной силы. Поэтому на духовном пути гордость является величайшей опасностью. Да, всякие грехи отдаляют человека от Бога, всякий грех – это тайный союз с демоном. Но гордость страшнее всего. Она делает человека своим среди падших духов; единым духом с сатаной.

Можно ли верить снам?

Порой человек впадает в «ошибку», в прелесть под влиянием снов – демон обольщает его, делает как бы «пророком». Как таковой отрицать феномен сновидений мы не можем. В состоянии сна душа человека более чутка к импульсам из нематериального мира. Однако беда в том, что из-за притупления нашей религиозной интуиции мы все менее и менее способны различать, из каких сфер идут к нам эти импульсы, от кого сновидения: от темной или от светлой силы. Поэтому, чтобы не впасть в заблуждение, безопаснее вовсе не верить снам. Относиться же к ним с доверием можно, пожалуй, только в некоторых случаях – когда они призывают нас к покаянию.

Сновидения похожи на полки, где рядом могут стоять и лекарства, и яд, а надписи прочесть невозможно. Поэтому лучше не трогать неизвестных нам снадобий, нежели, думая, что мы прием целительное средство, ошибиться и принять отраву.

Один святой рассказал такую притчу: муж уехал из дома и сказал жене: «До моего приезда не открывай никому двери». Но, отъехав на некоторое расстояние, он решил проверить, исполнит ли жена его просьбу. Вернувшись, он стал стучать в дверь и звать супругу. Но та отвечала: «Мой муж запретил мне открывать кому бы то ни было». Супруг сказал: «Но ведь я твой муж, неужели ты не узнаешь меня по голосу?» «Может быть, ты и мой муж, но, возможно, кто-нибудь подделался под его голос, поэтому лучше я исполню то, что он мне велел». Муж простоял у порога всю ночь, а наутро, войдя в дом, похвалил жену за то, что она поступила правильно. Итак, если даже сновидение будет от Бога, но мы отвергнем его из-за опасения отступить от своего Создателя, то такое отвержение не будет оскорблением Господа.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Верующий сновидениям подобен человеку, гонящемуся за собственной тенью». Некоторого подвижника, прожившего долгое время в пустыне, диавол не мог победить ничем. И вот он решил обмануть его через сновидения – представляя в них, что к нему должны прийти какие-то люди. И действительно, через некоторое время эти люди приходили: сатана знал, что живущие вдалеке собираются посетить пустытника. Затем он стал показывать ему – также в сновидениях – где лежат различные потерянные или спрятанные вещи, и их там на самом деле находили. Так демонические сновидения раз за разом подтверждались и, в конце концов, монах-пустынник полностью уверовал в свои силы. Тогда падший херувим начал показывать ему два народа – иудейский и христианский. Иудеев вместе с праотцами – во славе, а христиан – в аду. Эти сновидения продолжались, и монах решил: значит, истинная религия – это религия евреев, а христианство – пагубно. И, прельщенный, он бросил монашество, ушел в мир, принял иудейство, женился и умер от тяжелой болезни нераскаившимся.

Афонские отцы имеют такое правило – не отвергать и не принимать; не говорить, что этот сон или видение от Бога, и не утверждать, что оно от диавола, а сказать: «я не знаю», и пройти мимо. В некоторых случаях об особенно поразительном сне можно рассказать своему духовному наставнику, но при условии, что он имеет определенный духовный опыт.

Особенности религиозного мышления Востока и Запада

Английский поэт Киплинг начал свою поэму словами: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет небо с землей на Страшный Господень Суд». Здесь под Востоком и Западом мы должны подразумевать не части света, которые разделены географически Уральским и Кавказским хребтами. Скорее, под Востоком нужно понимать тот обширный регион, который занимала некогда восточная часть Римской империи, а затем – Византия и страны Ближнего Востока (сюда же можно включить и Египет и Эфиопию), а под Западом – державы западноевропейские и вообще все государства западноевропейской культуры.

Святые Отцы образно говорили: «Свет воссиял с Востока»; Восток символически означал Рай, Эдем, страну вечного Божественного Света.

Запад молод в культурно-историческом отношении, Запад юн. Восток стар. Запад деятелен. Восток созерцателен. Запад – весь в эмоциях, весь в движении, весь в динамике. Восток же углублен в себя, он как бы не отрывает взгляда от сокровищ, которыми обладает. Запад – в порыве, в поиске, в дерзновении. Восток же хранит. Запад мечтает и грезит. Восток ищет везде вечные идеи под покровом видимого. Запад одевает своих святых в белоснежные одеяния, увенчивает их головы венками из роз, а Восток видит святость одинаково и под рубищем, и под золотом, не делает атрибутом святых ни лохмотья нищего, ни власяницу монаха, ни пурпур царей, он как бы проходит мимо внешнего.

Запад посылает полки крестоносцев для освобождения Гроба Господня. Восток посылает монахов в пустыни Египта и обители Афона. Запад обнажает меч против врагов веры. Восток дает духовных воинов для невидимой борьбы с демонами. Запад, чтобы подавить зло, создает такие институты, как инквизиция, а Восток – великие философские системы.

Вершина западного богословия – это блаженный Августин, блестящий поэт и мыслитель; но он насквозь психологичен. Восточные богословы: святители Григорий Богослов, Василий Великий, Григорий Нисский – мистичны. Августин, его школа гениально показали человека в его падениях и муках искания, а восточные богословы показали человека в его преображении. Запад устами своих святых воспел величественный гимн Богу; Восток в таинственном безмолвии созерцал Бога. Запад тянулся к лазурным небесам, а Восток искал встречи с Богом в глубинах сердца.

Западные подвижники старались внешне подражать Христу; восточные считали, что есть только один путь подражания Христу – через стяжание благодати Святаго Духа: человек, стяжавший Духа Святаго, только по благодати, невидимо, уподобляется Христу. Западные подвижники с песнями на устах шли на Голгофу; восточные – самую жизнь свою делали невидимой для мира голгофой.

Некоторые из западных подвижников представляли себе образ Христа визуально так ярко, что отождествляли себя с Ним; на руках и ступнях ног у них появлялись раны, из которых сочилась кровь. Стигмация почиталась у католиков признаком святости. А святые подвижники Востока старались узреть только одно – море своих грехов, считая страшной гордыней сравнивать себя со Христом.

Запад походил на юного воина, обнажившего свой меч, Восток – на старца, убеленного сединами мудрости. Запад хотел Царство Небесное низвести на землю, построить рай на земле, земными же средствами. Восток всегда платил дань – кесарево кесарю – и готовил путь в Царство Небесное в сердце человека, переход в Царство не земное, а вечное.

Для Запада ареной борьбы со злом была земля, эта временная – со всеми ее событиями и перипетиями – жизнь, а для Востока – человеческое сердце, которое он видел более глубоким, чем весь видимый мир.

Запад деятелен, но вся его деятельность обращена вовне. Восток обратил динамику духа внутрь себя. Западная цивилизация – это как бы широкая волна света, но света рассеянного, света, преломленного через земные призмы различных цветов. А Восток – концентрация света в одной точке, и потому этот свет имеет особую силу превращаться в пламень. Запад любил землю, и на небе он видел земное. Восток любил небо и в земном усматривал символы небесного; во временном искал образы вечности.

Уже третий епископ Рима – святой Климент, преемник святого апостола Петра, сравнивал Церковь с армией и призывал христиан к строгой дисциплине, чтобы эта армия была победоносной. А на Востоке Отцы говорили: «Победи самого себя – вот высшая из побед». Аскетическое учение восточных Отцов и есть стратегия этой духовной борьбы – борьбы с демонами, с собственными страстями. Для победы армии необходима

централизация управления, необходима крепкая власть и безусловное подчинение, поэтому Запад создал церковную структуру, подобную монархии. Для борьбы с исконным врагом рода человеческого Восток искал другую силу – это сила смирения, в котором проявляется истинная мощь духа.

Запад ориентирован на внешнее могущество: за счет внешних средств он создавал различные организации, оказывал влияние на культуру, везде искал союзников – в мире искусства, в литературе, в политике, в социологии. А Восток говорил: «Истинное добро можно творить только в благодати Божией» и потому всегда отвергал сомнительных союзников; внешне казался беднее, беспомощнее, слабее Запада, однако не искал ни силы, ни могущества мира, а искал Христа, Который победил этот мир.

Аскетизм Запада наполняет души подвижников восторгом и восхищением, аскетизм Востока – покаянием. Запад в красоте мира желает созерцать красоту Бога. Для Востока Бог прежде всего Неизречен, Непознаваем и Неизглаголан. Бог для Востока не подобен никому и ничему из Своего творения, Он – вечная тайна. Западный подвижник хочет обнять Бога, а восточный об одном умоляет и ищет только одного – прощения грехов; искание в молитве каких-либо высоких состояний – это для него уже греховное поползновение.

Западный подвижник видит свет, который нисходит на него извне (это видения Франциска Ассизского и других), а восточный – Свет, озаряющий его сердце изнутри; при этом он трепещет перед милостью Божией, как недостойный ее.

Западные подвижники, демонстрируя (!) покаяние, ходили по городам группами, целыми обществами, которые назывались «кающимися»; на площадях и улицах они сбрасывали с себя одежду и секли, били себя веревками и ремнями до крови при огромном стечении народа, и экзальтированная толпа прославляла их как великих угодников Божиих, как героев веры. Восточные – в безмолвии пустынь приносили покаяние, невидимое миру; однажды некто из великих египетских Отцов громко вздохнул в храме во время молитвы, но тут же спохватился и, обратившись к стоящим рядом инокам, сказал: «Простите меня, братия, – я еще не монах» – потому что покаяние, как и все добродетели, должно быть тайным.

Для Запада главное – дела. Дела являются для него самоценностью: как благое деяние, так и грех имеют для него определенную, четкую форму и цену. Для Востока главное – это духовное состояние, а дела – только как его проявление. Поэтому для Востока и малый подвиг может быть велик, если исходит от чистого сердца, и великий подвиг – ничтожен, если не посвящен Богу или совершен недостойными средствами. Мораль западных подвижников основывается на «принципе количества»: кто больше сделал внешне добрых дел, а мораль восточных – на чистоте сердца, ведомой Единому Богу.

Запад стремился осуществить идею Царствия Божия на земле, но методы государства: поощрения, санкции, интриги и т. п., перенесенные в Церковь, профанировали самую цель. «Цель оправдывает средства» – этот неписанный девиз иезуитов с наибольшей ясностью и категоричностью выразил настроение тех, кто действительно готов строить «земной рай» любыми способами, любой ценой. Восточная же Церковь учила: чистая цель, чистые средства, чистый предмет, – так сформулировал это еще святой Дионисий Ареопагит.

Запад говорит: «Люби и совершай подвиги самоотвержения», а Восток прежде всего очищает сердце страхом Божиим в борьбе со страстями ради стяжания благодати Святого Духа. На Востоке только один монашеский устав, одна идея: монах отрекается от мира и становится молитвенником за него; монах – как звезда, возшедшая от земли на небо: он далеко от всех и светит всем.

Западные же монахи служат людям и миру. На протяжении многих лет «госпитальеры» ухаживали за странниками, монахи ордена Франциска, «францисканцы»,

воспитывали детей. Иезуиты занимались политикой, обучением юношества и тому подобным.

Однажды у католических монахов спросили, читают ли они аскетическую литературу. Те удивились и отвечали, что у них подобными книгами пользуются только профессора и преподаватели истории, а их дело – подчиняться игумену.

Учения об Иисусовой молитве и о духовном созерцании на Западе почти нет. Культура, наука, само общество постоянно претерпевают изменения, оттого непрерывно изменяется и облик западного христианства: там господствует принцип модернизма, там принято экклезиологическое учение о эволюции, рождаются новые догматы и ожидаются новые откровения.

Ответы на вопросы

Вопрос: Говорят, что у всех – и у иудеев, и у мусульман, и у нас Бог-Отец один. Так ли это на самом деле?

Ответ: Творец у нас один, верим мы в Него или не верим, признаем Его или не признаем, правильны наши понятия о Боге или неправильны. Но сам вопрос надо поставить по-другому: делает ли мусульманская или иудейская религия Бога нашим Отцом? Иными словами, восходим ли мы путем этих религий к Богу, как дети к Небесному Отцу? Господь Иисус Христос говорит: *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах* (Ин. 3, 13); *Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть* (Мф. 11, 27). В иудаизме и мусульманстве нет Посредника, нет Искупителя, нет Освободителя. В христианстве между человеком и Богом есть Богочеловек Иисус Христос и Его Крест. В других религиях между человеческой душой и Богом – непреодолимая метафизическая и нравственная пропасть: Бог вечен и бесконечен, а человек конечен; Бог свят, а человек грешен. Поэтому только через Господа Иисуса Христа, соединившего в Своей Богочеловеческой Личности Божественное и человеческое и взявшего на Себя грехи мира, можно соединить человека с Богом и вернуть ему утраченное сыновство. Поэтому только одни истинные христиане могут по праву называть Бога своим Отцом. В иудаизме и мусульманстве не осуществляется, не оправдывается слово «Отец»: оно подразумевает самые близкие отношения между Богом и человеком, а эти отношения были разорваны нашим грехопадением. Значит, без Искупителя истинного отцовства быть не может, вне Христа Спасителя слово «Отец» теряет свой истинный евангельский смысл.

Вопрос: Что можно сделать для укрепления веры и приближения к Богу?

Ответ: Религия должна быть не отвлеченной идеей, не абстрактным знанием, а нормой жизни. Подчинение себя евангельским заповедям, усвоение догматов веры, концентрация ума в молитве расширяют у человека возможности духовного познания. Вы сказали слово «вера». Однако под верой можно подразумевать два фактора религиозной жизни. Первый фактор – вера как признание Божественного бытия. Этой верой в какой-то степени обладаем мы все. Но *мало верить в Бога*, надо еще *верить Богу*. А для этого нужны непрерывные волевые усилия, непрерывная борьба с собой, со своим эгоизмом, с нашей падшей природой.

Степень включенности в религиозную жизнь зависит от интенсивности внутренней деятельности человека. Религия – во многом дело внутреннего человеческого опыта, но опыта не субъективного, а опыта всей Церкви, который человек усваивает себе. Иными словами, свой личный духовный опыт человек должен корректировать в согласии с универсальным церковным опытом, то есть руководствуясь учением святых Отцов Православной Церкви.

Догматы христианства – это не абстрактные философские истины. Догматы христианства – это идеи, несущие в себе свет, энергию и жизнь. Это – животворящие идеи, если так можно образно выразиться. А ложные догматы – идеи, убивающие, мертвящие дух. Поэтому ошибаются те люди, которые сводят религию только к одним

нравственным началам, которые хотят создать некоторую адогматическую общность всех религий.

Один из философов – Якоби – сказал: «По вероисповеданию я христианин, а по уму своему – язычник». Что значат эти слова, столь точно характеризующие немалую часть современных христиан? Он принял христианскую веру, а сам не включился в нее. Христианство явилось для него внешним фактом, который он принял; но этот внешний факт он не сделал внутренним фактом своей жизни. Поэтому ум его не усвоил догматы и остался языческим, богоборческим.

Вера в догматы и делает наш ум христианским. Догматы освящают наше сознание, воцерковляют наш ум. Без правильной догматической веры, без усвоения догматических истин в душе человека постоянный дуализм: вера говорит одно, ум – другое. Человек без твердой православной догматической веры – вечно сомневающееся, колеблющееся, разрываемое внутренними противоречиями существо. Именно поэтому так важна догматическая сторона веры. Святые Отцы считали догматы даже более важными, чем нравственные заповеди. Не потому, что можно спастись одними догматами вне нравственности. Вовсе нет. А потому, что основой самой нравственности являются догматы, а не наоборот. Так, например, чтобы иметь духовную любовь, нужно исповедовать догмат, что Бог есть Любовь. Догматы умозрительные и заповеди как догматы нравственные неразрывно связаны друг с другом, но основа нравственности – это правильная догматика. Вне правильной догматики не может быть нравственности, делающей гармоничным само существо человека. Вне правильных знаний о Боге не может быть умственного нетления, умственного просвещения. Ум человека, как в данном случае сказал Якоби, остается язычником.

Людам, мало знакомым, мало соприкасающимся с реалиями духовной жизни, догматы кажутся некими внешними формами, которыми можно пренебречь. Поэтому подобные люди так легко воспринимают адогматические призывы к всевозможным, с догматической точки зрения беспринципным, объединениям. Но человек, который знает животворящую силу истинных догматов и мертвящую силу ложных, никогда не пойдет на то, чтобы смешать истину с ложью. Догматы – это те каналы, через которые свет Божества озаряет наш ум. Вне православных догматов человеческий ум остается непросвещенным, импульсивным и страстным, остается адвокатом эгоизма и прочих страстей. Ложные же догматы вводят в ум человека мрак и тьму. Ложные догматы сеют в уме человека семена смерти, разрушения и распада. Поэтому святые Отцы с такой настойчивостью, с таким напряжением боролись за чистоту догматов на Вселенских Соборах. Именно поэтому так отточены, так кристаллизированы сознанием Вселенской Православной Церкви христианские догматы. Правильный догматический фундамент остается основой нашего спасения, нашей вечной жизни.

Догматы – это главные истины веры. Догматы содержатся в Божественном Откровении, но церковным сознанием они выделены и определены из этого Откровения. В чем заключается одно из отличий православной и католической догматик? Православная догматика говорит о раскрытии догматов, содержащихся в Откровении, а римокатолическая учит об эволюции догматики. Она предполагает возможность появления новых, не известных в древней Церкви догматов. Например, для нас догмат о непогрешимости Римского папы не приемлем не только с экклезиологической точки зрения, но еще и потому, что ранее его ни в каких формах не существовало, не находилось в Откровении. Этот догмат взят не из Откровения. Он привнесен извне.

Итак, догматы – это истины веры, которые выведены из Божественного Откровения и сформулированы соборным сознанием Церкви.

Вопрос: На земле много несправедливости, и в будущей жизни тоже будет вечное мучение. Почему Бог не устроил так, чтобы все были счастливы?

Ответ: Бог устроил именно так, чтобы все были счастливы. Но человек отклонился от воли Божией, и поэтому человечество несчастно. Если нищему предоставить работу и

квартиру, а он не будет ни работать, ни квартиру свою убирать, то кто виноват, что он останется нищим в неубранной, грязной квартире?

Грех и несчастье – это индивидуальные и коллективные отклонения от воли Божией, то есть противостояние Богу. Поэтому здесь должны быть поставлены другие вопросы: должен ли был Бог дать человеку свободную волю или нет? Что было бы с человеком, если бы Бог отнял у него свободную волю? Свободная воля подразумевает в себе возможность добра и зла: возможность следовать воле и заповедям Божиим или нарушать и даже вообще игнорировать их. Большинство людей, увы, выбирают второе. Значит, суть проблемы – в свободной воле человека. Надо ли было даровать человеку свободную волю или нет? И что было бы с человеком, если бы у него не было свободной воли и он бы не мог сам принимать решения, определять свои поступки, а был бы только исполнителем вложенной в него «доброй программы»? Например, пластинка отвечает ли за то, что на ней записано? Нет, конечно, не отвечает. Так и человек, если бы он не имел свободной воли, то совершенно утратил бы образ и подобие Божие и превратился в пластинку с уже определенным содержанием, а своего отношения к жизни определить бы не мог. Он был бы лишь неким биоавтоматом, механическим исполнителем заданной программы, то есть перестал бы являться нравственным существом.

Почему в мире существуют страдания? Страдания – это последствие зла, которое есть противоестественное поведение человека и человечества, сознательное противление воле Божией. – А почему существует зло? Потому, что человек наделен свободной волей и ему дан выбор между свободным подчинением себя воле Божией и душепагубным неподчинением.

Вопрос: Обладают ли свободной волей Ангелы?

Ответ: Ангелы обладают свободной волей, которая и определила их вечное отношение к Богу. У нас выбор между добром и злом продолжается всю жизнь, до самого последнего смертного вздоха. У Ангелов выбор между добром и злом был мгновенным. Они пережили мгновенное страшное искушение колоссальной глубины, интенсивности и силы, несравненно более тяжелое, чем все вместе взятые жизненные искушения человека. И потому одно это искушение, искушение гордыней, навсегда, на вечность определило их состояние. Одни пали, другие устояли и укрепились в своей преданности Богу настолько, что будут вечно пребывать в неизменно благодатном устройении, при котором отпасть от Бога уже невозможно.

Человек, как и Ангелы, обладает свободной волей, которая должна определить его как личность в вечной жизни. Когда наступает смерть человека, обнаруживается, с Богом он или вне Бога. Тот, кто успешно прошел через весь цикл земных искушений, оказывается уже в такой степени духовно укрепленным, что в вечности получает лишь одно непрестанное, поступательное движение к Богу. Он будет вечно пребывать в благодати Божией и никогда не отпадет от Бога.

Вопрос: Искушение у человека было от дьявола, а откуда было искушение у Ангелов?

Ответ: Многие Ангелы отпали от Бога и превратились в демонов именно потому, что возгордились и увидели центр бытия, источник жизни не в Боге, а в своей собственной тварной красоте, своем собственном тварном величии, которое хотя и было неизмеримо выше, чем у человека, но все-таки также оставалось ограниченным и потому не могло служить вечной основой их жизни. Центр был смещен.

Вопрос: Значит, прежде зла не существовало?

Ответ: Зло существовало как возможность злоупотребления свободной волей и отклонения от воли Божией. Зло существовало в потенции, как у путника, идущего по дороге, существует возможность ошибиться и сбиться с пути. Свободная воля таит в себе опасность злоупотребления ею и возможность нравственных ошибок. Свободная воля человека связана, с одной стороны, с его достоинством как существа, созданного по образу и подобию Божию, а с другой – с великой ответственностью.

Сатана вышел из центра всех центров – любви к Богу, безвозвратно потерял эту любовь и остался вне связи с Богом. Нейтрального в духовном мире нет. Остаться без Бога – значит быть против Него. Сатана сам захотел стать богом и, отпав от Божественной любви, стал воплощением зла, которого до его падения не существовало. Любовь переродилась в нем в свою полную противоположность – ненависть. Поэтому содержание демонического бытия и есть бесконечная ненависть к Богу.

Вопрос: Расскажите, пожалуйста, что такое «внутреннее христианство».

Ответ: В современном обществе возникают гностические учения о том, что существуют два вида христианства: внешнее – *экзотерическое* и внутреннее – *эзотерическое*. Но надо сказать, что если бы действительно существовало какое-то «эзотерическое христианство», то христианство не было бы универсальным, не было бы всемирным, не было бы спасением для всех, а являлось бы только мистерией для посвященных философов, то есть тогда христианство было бы элитарно, было бы достоянием лишь особых аристократов духа.

Господь сказал: *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12), поэтому христианство требует борьбы с самим собой, борьбы с эгоизмом, борьбы с грехом. Здесь нужно подчинить свою волю бесконечно глубоким и в то же время бесконечно простым заповедям Иисуса Христа. Заповедям, которые может исполнить и ученый, и неграмотный, и ребенок, и старик. Христос пришел, чтобы спасти людей всех сословий, всех народов, всех наций, всех возрастов; все в Евангелии найдут путь ко спасению. Человек в интеллектуальном отношении может быть невежественным, но в духовном отношении стоять гораздо выше самого блестящего ученого или философа, если он подвигом очищает свое сердце, если он силой воли противостоит греху и страстям, если он уповает на Бога. Притом, что такое само эзотерическое учение, как его понимают? В виде языческих мистерий, в которых открываются какие-то тайны? Христианство имеет таинства, то есть действия Святаго Духа, но тайн как секретов христианство не имеет. Христианство открыто для всех, и каждый человек черпает из него соответственно своему духовному состоянию.

Если разделять верующих на «профанов» и «посвященных», то кто тогда «посвященные», что они должны знать? Некий особый знаковый язык, которым зашифрованы какие-то тайны и секреты? Тогда это повторение греха Адама, который тоже счел запретный плод символом, талисманом, овладев которым, он думал стать свободным властителем своего бытия, властителем вселенной – вторым богом – вне Бога.

Все эти так называемые посвящения сводятся к одному: путем каких-то внешних, «таинственных» знаний люди хотят не себя подчинить Богу, не приблизиться к Богу, а подчинить себе Бога, и поэтому такой вид элитарных посвящений есть иногда открытый, иногда замаскированный демонизм. Конечно, Священное Писание, обряды, ритуалы имеют свой символический язык, но символический язык как раз и нужен для того, чтобы раскрыть их в многогранном единстве и многоплановых аспектах. Духовное познание зависит от очищения сердца и стяжания благодати.

Кого можно считать «избранными», «посвященными»? Какие признаки нужны для этого? Изощенный интеллектуализм? Изощенный интеллектуализм существует и в восточных религиях, но при всем своем интеллектуализме представители их остаются язычниками-пантеистами. Какой еще признак этих посвящений? Интеллектуальный экстаз? Но интеллектуальный экстаз был у гностиков, у неоплатоников. Как раз учение Плотина и есть интеллектуальный экстаз, самосозерцание души; однако гностицизм остался язычеством и самым коварным противником христианства. Эмоциональная экзальтация? Это, в сущности, то же шаманство, только, может быть, в другой, более цивилизованной форме.

Кого же тогда пришел спасти Христос? Философов, мудрецов или все человечество? Христианство вошло в мир как религия народа. В христианских общинах в первое время больше было простолудинов, больше бедных и рабов – тех, кто познал Христа через

страдания, познал Христа своим сердцем, чем тех, кто отдавал главное место в религии своему плотскому разуму. Хотя среди христиан тогда были и выдающиеся философы, но они обладали особой умственной культурой, которая давала им способность видеть пределы и ограниченность человеческого разума.

Вопрос: Много приходится читать о различных тайных антихристианских по своему характеру обществах, например, о масонах. Как бороться, как противостоять этим силам?

Ответ: Масонство является конспиративным учением. Что такое масонство, каковы его высшие эшелоны, каковы цели – сказать очень трудно, так как в точности этого не знают даже люди, принадлежащие к масонским кругам. Но народ интуитивно понял его огромную опасность, увидел в нем какую-то темную зловещую тучу, которая надвигается на мир. Один из выдающихся идеологов масонства Прудон имел девиз: «Мечь Богу». Есть даже масонские ложи для неверующих, атеистов – для всех. При этом некоторые «рассекречивания» масонов организуют сами масоны; следовательно, и этому нельзя доверять.

Дух антихристианства многолик. Он проникает в мир различными путями, например, через оккультизм, через демонические секты, через союзы астрологов и так далее. Но все ложные идеи могут внедриться лишь тогда, когда падает благочестие. Если дух благочестия достаточно силен, то христианство в своем земном аспекте представляет собой здоровый организм, в котором не могут существовать бактерии – они погибнут от защитных сил этого организма, если внедрятся в него. Но когда организм ослаблен, действие бактерий и микробов может проявиться со всей силой. Поэтому, говоря об антихристианском духе, мы должны иметь в виду, что самая действенная борьба против него заключается в нашем личном христианском подвиге.

Апостол Павел, предвозвещая о тех потрясениях, которые испытает Церковь в конце мира, добавляет, что есть «удерживающая сила» (2 Фес. 2, 7) – это дух благочестия, молитвы и любви. И когда он ослабеет, тогда нашей слабостью будут сильны темные силы зла – но они вовсе не сильны сами по себе. А если христиане смогут устоять на духовной и нравственной высоте, сохранят любовь и молитву за мир, то это будет самым лучшим видом борьбы с космическим злом, воплощенным на земле в конкретные формы.

Один из святых сказал: «Явление одного праведника в мире – уже есть незаживающая, кровоточащая рана на теле зла», то есть страшное поражение темной силы. И потому, совершая что-либо, мы должны помнить, что добро и зло никогда не ограничиваются нашей личностью или узким кругом наших близких и знакомых, они имеют космическое действие, хотя отдаленных следствий мы и не можем знать. Поэтому каждый христианин называется и действительно должен быть воином Христа Спасителя. Вся эта жизнь – борьба, и главная арена ее – человеческое сердце.

Глава 2

Рождество Пресвятой Богородицы (8/21 сентября)

У древних была пословица: «Выше в горы – ближе к Богу». Суровая красота гор, четкие линии скал на голубом фоне неба – точно перевернутого над землей хрустально-синего океана, по которому в бескрайний неведомый путь плывут облака, похожие на глыбы льда или корабли, распустившие паруса, – эта величественная картина располагает человека к размышлению о вечности. Недаром великий пророк Моисей 40 лет пас стада в горах, готовя себя молитвой и безмолвием к Синайской Теофании, Богоявлению.

На горе Кармил показывают пещеру, где жил пророк Илия. Там блаженный Иероним осуществил свой бессмертный перевод Священного Писания. В гористой Заиорданской пустыне жил величайший из христианских святых – Пророк и Предтеча Господень Иоанн Креститель.

«Если ты монах, иди в горы», – говорил преподобный Арсений Великий. Само монашество, ветхозаветное и новозаветное, имеет колыбелью своей горы Синая и

Фиваиды, Ливана и Мертвого моря. Красота гор – особая. Там нет того, что развлекает взор, что пробуждает чувственность, что вносит в душу шум и смятение страстей. Горы – это иероглифы вечности. Горы – это символ любви и тоски земли по бескрайнему простору неба. Горы, уходящие своими вершинами в лазурный океан небес, – образ единения конечного с бесконечным.

Город Назарет расположен на гористой возвышенности, среди холмов, как будто на ладони Земли он поднят в высь. Его красота удивительная – нежно-девственная. Один знаменитый ориенталист, много лет путешествовавший по Ближнему Востоку, писал, что нигде он не видел таких прекрасных полевых цветов, как в окрестностях Назарета. Он выражал удивление, как может каменистая почва гор таить в себе столько дивных красок, соперничающих с блеском рубинов и жемчуга. Особенно много здесь росло лилий. Казалось, что белоснежные колокольчики цветов, раскачиваемых даже от слабых дуновений ветра, наполняют всю окрестность хрустальным звоном, который слышит не слух, а сердце...

Назарет – город, в котором родилась Дева Мария. Назарет – значит «избранный, отделенный». Это небольшой городок, стоящий в стороне от караванных дорог, от пшеничных житниц Палестины, от больших торговых городов; Господь точно оградил его от мира, спрятал, как жемчужину в глубине моря. Он не упоминается в Ветхом Завете, о нем молчит Иосиф Флавий. Только спустя несколько веков Назарет попадает на страницы исторических книг.

Здесь родилась Дева Мария, здесь прошли детские и юношеские годы Иисуса Христа. Назарет – город Божией Матери. Он не похож ни на нарциссы Саронских долин, ни на лилии Иерусалима, но похож на цветок, посвященный Божией Матери, – эдельвейс, который, как монах, любит горы, безмолвие и одиночество.

В Назарете жила святая супружеская чета – Иоаким и Анна. Иоаким происходил из колена Иудина, предком своим имея царя Давида, Анна – из священнического рода Аарона. В их семье соединились благословения помазанников-царей и первосвященников.

До преклонных лет у них не было детей. У всех народов мира дети почитались Божиим благословением. Рождение ребенка было радостью и праздником не только для родителей, но и для всех родных и друзей. Семья, в которой нет ребенка, сравнивалась с жилищем с потухшим очагом, где вместо огня один пепел, где холодно и темно. Если люди не имели детей, то сам их дом, казалось, был обречен на разрушение, должен был превратиться в одинокую могилу, в которой не захотят жить даже странники и пришельцы, как в месте, покинутом Богом.

Некоторые считают, что в древнем мире семейная жизнь ценилась выше, чем девственность и целомудрие, и что среди иудеев монашества не было. Но это не так. Монашество существовало всегда, во все времена, у всех народов – как неистребимая потребность человеческой души. В Палестине существовали целые монашеские поселения. В пустыне, на скалистых берегах Мертвого моря, жили ессеи, в другой пустыне, на юге, в горах Синая – ферапевты. Аскеты пользовались большим уважением среди народа и считались преемниками пророческих братств. Их жизнь описали Иосиф Флавий и Филон.

Всю жизнь молились Иоаким и Анна о даровании им ребенка. Их жизнь была продолжительной молитвой; только когда оба они были уже в преклонных годах, Господь даровал им дочь. Поэтому можно сказать, что Дева Мария – плод молитвы ее родителей. Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Господь медлит, научая нас тем самым неослабному прилежанию (в молитве), и хочет, чтобы мы и за терпение получили награду». Иоаким и Анна дали обет посвятить своего ребенка Богу³. Жизнь Иоакима и Анны, рождение Девы

---

³ Обет посвящения ребенка Богу состоял в том, что ребенка приводили в Храм, над ним совершался особый ритуал, затем ребенок воспитывался при Храме, посещал богослужения и в течение определенного времени выполнял различные работы и послушания (уборка храмовых помещений, шитье священных одеяний и т. д.). — *Авт.*

Марии и Ее детские годы описаны в Евангелии от Иакова – старшего сына Иосифа Обручника. Это Евангелие не принято в Новозаветный канон, однако древняя Церковь относилась к нему с уважением. Евангелие от Иакова легло в основу храмового богослужения в праздники Пресвятой Богородицы.

Не было, нет и не будет девы, сияющей такой святостью и чистотой, как Дева Мария. Смирение сделало ее Дочерью Небесного Отца, чистота – Невестой Духа Святого, Параклита, любовь – Матерью Сына Божия. Уже с древних времен святые Отцы называли ее Богородицей. А окончательно утвердил это имя III Вселенский собор в Ефесе.

Есть два вида пророчеств: пророчество через слово и пророчество через действие и образ. Святые Отцы находят в священной истории Ветхого Завета прообразы и символы Девы Марии, Матери Спасителя и Мессии. Но и Сама Она – образ духовного совершенства, и Сама Она служит символом Церкви, бытие которой заключается в вечном совершенствовании душ, в вечном приближении их к Богу. Свое понимание пророчеств о Божией Матери Церковь воплотила в гимнах и канонах, сложенных в честь Небесной Царицы.

Первым обетованием Божиим падшему человечеству было обещание, что семя жены сотрет главу змия (Быт. 3, 15). Дева Мария – Мать Победителя смерти и ада.

Дева Мария сравнивается с ковчегом Ноя. Среди бушующих волн Всемирного потопа плывет ковчег, хранимый Провидением. Волны вздымают его над кипящей бездной, где сокрыты вершины Гималаев и Арарата, бросают в провалы волн, как в пропасть. В непроницаемой тьме ковчеха как будто остановилось само время, но люди знают, что ковчег хранит благословение Божие, как невидимая рука. Этот ковчег – молитвенный покров Божией Матери; те, кто в покаянии призывают Ее, спасутся даже из самых темных глубин греха.

Дева Мария сравнивается с Небесной лестницей, которую видел во сне святой праотец и патриарх Иаков. Лестница поднималась от земли к небу, по ней восходили и нисходили Ангелы. Дева Мария – Мать Божия. Господь, принявший от Нее плоть, сошел на Землю. Молитвы Девы Марии – это духовная лестница, по которой мы восходим к Богу.

Дева Мария сравнивается с чашей манны, хранившейся в алтаре Ветхозаветного храма. Манна – небесная пища, образ Христа Спасителя. Золотая Чаша – прообраз Богоматери. Также и в христианской литургии Евхаристическая Чаша, из которой причащают христиан – символ Девы Марии.

Святые Отцы, составившие свои комментарии к самой таинственной из библейских книг – «Песни песней», полагают, что под образом Соломона здесь подразумевается Сам Бог, а под образом Суламифи – Церковь, человеческая душа и Богоматерь.

Когда Деве Марии было шесть месяцев, мать поставила Ее на ноги и начала учить ходить. У Нее не было кормилицы, Ее окружали непорочные дети, чтобы никакая нечистота не коснулась чистейшей души. До трех лет Дева Мария жила в Назарете, в доме Своих родителей. Предание говорит о необычайно проницательном уме ребенка. Когда Ей исполнился год, то святой Иоаким пригласил в свой дом священников и левитов, как на самый большой праздник в своей жизни. Он поведал о том, что решил посвятить ребенка Богу, отдать на служение в Храм. После трапезы каждый из священников брал Марию на руки и благословлял Ее. Когда Деве Марии исполнилось два года, Иоаким хотел отнести Дочь свою в Храм, но Анна просила супруга подождать еще год, чтобы Она могла Сама совершить путь из Назарета в Иерусалим.

С трех до тринадцати лет Пресвятая Дева проживала в Иерусалимском храме. Ее послушанием было изготовление одежд для священников и храмового облачения. Она также ухаживала за странниками, для которых было построено помещение около Храма, и часто отдавала им Свое дневное пропитание. По церковному преданию, завеса, закрывающая вход во Святая Святых (алтарь ветхозаветного Храма), была вышита руками Девы Марии.

В Иерусалимском храме Мария дала Богу обет девства. В 13 лет она была обручена со Своим дальним родственником – 80-летним старцем Иосифом Обручником, ставшим хранителем Ее девства, по сути – вторым отцом. После Рождества Спасителя в Вифлееме Она вынуждена была покинуть Палестину вместе с Младенцем Иисусом, сопровождаемая праведным Иосифом и его старшим сыном Иаковом. Святое Семейство скрывалось от Ирода в Египте; лишь после смерти этого царя они возвратились в Палестину и поселились в городе, где родилась Мария – в Назарете.

Жилище Иосифа Обручника состояло из двух, выбитых в скале одна над другой, комнат, к которым вела каменная лестница. В верхней комнате жила Дева Мария. Внизу, в маленьком дворике, находилась мастерская праведного Иосифа, где он занимался столярным ремеслом. Там ему помогал Иисус Христос; по преданию, Спаситель часто делал ярма для упряжки быков и весы.

Ярмо символически означало Закон Божий, через который Господь управляет человеком. А весы – Божественную справедливость и будущее воздаяние. Под ярмом также подразумеваются тяготы, скорби и труды земной жизни, необходимые по закону духовному для нашего спасения, а под весами – ожидающие нас награда или наказание.

Божия Мать помогала старцу Иосифу в домашнем хозяйстве, а в свободное время ткала пряжу и шила одежду. Она выходила из дома только к источнику, который протекал недалеко от их жилища. В праздники Святое Семейство посещало Иерусалимский храм.

Когда Иисусу Христу исполнилось 29 лет, Иосиф Обручник умер на его руках. Когда Господу исполнилось 30 лет, Он с Матерью Своей покинул Назарет.

Дева Мария поселилась в Капернауме, в доме апостола Петра. Здесь, в этом городе, подолгу останавливался Господь последние три года Своей земной жизни. Здесь Он совершил многие из Своих чудес. Про Капернаум Господь сказал: ***И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься*** (Мф. 11, 23). Пребывание Спасителя в этом городе его жителям, которые оказались духовно слепыми, видя чудеса Господа, и глухими, слушая Его проповеди, послужило лишь к осуждению.

Господь говорит: «Кто близ Меня, тот близ огня». Огонь дает свет и тепло, но огонь сжигает и испепеляет. Через несколько веков от Капернаума, как от Вавилона, остались одни развалины.

После Распятия и Воскресения Спасителя Дева Мария оставалась в Иерусалиме, в доме апостола Иоанна Богослова, Своего близкого родственника. Всего лишь несколько раз покидала Она Иерусалим. Богородица посетила на Кипре святого Лазаря, которого Господь воскресил из мертвых, подарила ему вышитый Своими руками епископский омофор.

Церковное предание повествует, что во время этого путешествия корабль, на котором плыла Дева Мария, пристал к скалистым берегам Афона, и Богородица сказала: «Это место да будет Моим жребием, данным Мне от Сына и Бога Моего! Да почиет благодать Его на этом месте и на живущих здесь с верою и благоговением и сохраняющих заповеди Сына и Бога Моего!»

Через несколько веков Афон стал заселяться монахами. Он превратился в целое «монашеское государство». По греческим законам, которые соблюдало после падения Византии и турецкое правительство, мирские люди не имели права селиться на территории Афона, а женская нога – ступать на его землю. Эти законы действуют и в современной Греции.

Дева Мария посетила Ефес, где проповедовали Евангелие святой апостол Иоанн Богослов и святая равноапостольная Мария Магдалина. До сих пор в горах, в окрестностях Ефеса, показывают домик, в котором жила Дева Мария.

Божия Мать собиралась посетить Грузию, землю, в которой Ей, согласно жребию, надлежало проповедовать Евангелие. Но Господь повелел Богородице оставаться в Иерусалиме. Грузия должна была просветиться проповедью другой девы – равноапостольной Нины.

Грузия и Афон – два удела Божией Матери – издавна связаны между собой духовными узами. Икона Иверской Божией Матери хранится на Афоне, Ее чудотворный список прислан в Грузию как благословение Афонских монастырей.

Церковное предание сохранило нам облик Богородицы. Она была ростом немного выше среднего, лицо – овальное, волосы – золотистые, цвета спелой пшеницы, губы – похожи на распутившиеся лепестки розы, глаза – цвета маслин, пальцы – слегка удлиненные.

Святой священномученик Игнатий Антиохийский, именуемый Богоносцем, – тот ребенок, взяв которого на руки, Иисус Христос сказал: *если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3), ученик апостолов Павла и Иоанна, – дает нам драгоценное свидетельство о Деве Марии: «Многие жены у нас, – пишет антиохийский Святитель Иоанну Богослову, – желают посетить Пресвятую Деву, чтобы услышать от Нее о многих и чудесных тайнах. У нас пронеслась о Ней слава, что эта Дева и Матерь Божия исполнена благодати и всех добродетелей. Говорят, что в гонениях и бедах Она всегда весела; в нуждах и нищете не скорбит; на огорчающих не только не гневается, но и благодетельствует им; в благополучии кротка; к бедным милостива. С твердостью защищает веру против врагов и служит нашему еще юному благочестию мудрою Наставницею и Учительницею всех верных на всякое доброе дело. Более всего любит смиренных, потому что Сама исполнена смирения пред всеми; и все, удостоившиеся видеть Ее, превозносят похвалами. Люди, достойные совершенного доверия, говорят, что в Марии, Матери Иисуса, по причине Ее святости, видимо соединены естество ангельское с человеческим».

Воздвижение Честного и животворящего Креста господня (14/27 сентября)

Каждый народ внес свой вклад в историю цивилизации: китайцы изобрели компас, индусы – ракету, халдеи составили солнечный календарь, греки определили окружность Земли, а римский государственный гений обогатил мировую культуру двумя блестящими достижениями: обширным сводом законов («Римское право»), который лег в основу всех европейских законодательств, и крестом – самым мучительным видом смертной казни, предназначенной для разбойников, изменников государства и взбунтовавшихся рабов.

Свод римских законов, который казался жителям провинций величественным, как небесный свод над Империей, со временем в руках политических и юридических шулеров превратился в колоду игральных карт. Но крест вместе с победоносными римскими легионами стоял на страже спокойствия границ и порядка в метрополии непоколебимо. Он казался железной пятой Рима, готовой беспощадно раздавить всех врагов государства и кесаря. Крест, как голос рока, как меч Немезиды, предвозвещал неумолимое и неотвратимое возмездие и неминуемую кару явным, тайным и возможным противникам Рима.

Мучение на кресте было ужасным. Человека пригвождали стальными клиньями, а иногда, чтобы усилить муки, привязывали к кресту веревками, и тогда его страдания и агония длились в течение нескольких дней, долгих, как столетия. Смерть для распятого казалась самой великой милостью.

Присужденный к распятию лишался всех человеческих прав, даже права на погребение. Обычно тело его висело на кресте, пока не истлевало до костей, или же труп выбрасывали за город, как падаль, на съедение хищным птицам и шакалам, поэтому над местом казни кружились, словно черные тучи или дым над костром, стаи воронов. Крестная казнь должна была устрашать и парализовывать волю злоумышленников, поэтому солдаты сгоняли людей смотреть на распятие; но чаще всего толпа сама спешила на это мрачное зрелище. Казнь привлекала больше зрителей, чем театральное представление. Здесь не артист играл привычную роль, а реальный человек бился в конвульсиях боли: здесь текла не краска из пузыря, спрятанного под одеждой актера, а

кровь еще живого человека. Поэтому для черни день казни преступников был праздником. «Хлеба и зрелищ!» – крики толпы, оглашавшие улицы Рима при Тиверии, сменились криками «Христиан – львам!» при Нероне.

Для римлянина Империя была божеством, а кесарь – ее олицетворением. На знаменах и эмблемах Рима кесарь изображался окруженным языческими богами; он восседал на высоком троне, как повелитель «вечного города» и ойкумены (обитаемой части Вселенной).

На картине III века провинции Рима были изображены в виде прекрасных девушек, приносящих дары Риму – Диоклетиану. Император Тиверий выразил свое негодование александрийским иудеям, узнав, что они молились за него, а не ему. Гению (духу) императора, как покровителю Рима, возводились храмы, смерть императора превращалась в апофеоз. Земные, хтонические божества, ведущие свое родословие от Нимврода – строителя Вавилонской башни, не желали разделять свою власть с Небесным Богом. Римские сатурналии, иудейский хилиазм (учение о тысячелетнем царстве изобилия), восточные мистерии внушали людям надежду, что мудрецы и мессии построят рай на земле, рай – как чашу неисчерпаемых наслаждений.

Христос был осужден на смерть. Многие недоумевают, за что распяли Христа, откуда такая жестокость? Надо удивляться другому: как ад и богоборческий мир могли терпеть проповедь Христа целых три года. Христа осудили на распятие. Христа осудили как врага иудейского народа – *Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб*, – сказал первосвященник Каиафа (Ин. 11, 50); как врага императора – *Всякий, делающий себя царем, противник кесарю* (Ин. 19, 12); как врага религии – *Он богохульствует* (Мф. 26, 65). В сравнении с безопасностью кесаря и счастьем народа жизнь одного человека не стоила ничего. Приговор был вынесен, Крест – уже давно приготовлен. Христос, обогранный кровью, шел на Голгофу, шатаясь и падая под тяжестью Креста. Мессия был отвергнут, лжемессии – приняты с ликованием. И вскоре на месте обещанного царства Соломона лежал поверженный Иерусалим, обращенный в развалины и дымящееся пепелище, напоенный кровью, как будто одетый в багряницу.

В ветхозаветное время крест означал совершенное отвержение и полную гибель. Если у ада есть дно, то крест знаменовал собой дно ада. Поэтому Христос, будучи жертвой за все человечество, избрал распятие как вид страдания, совмещающего в себе все душевные и телесные муки. Кровь Христа, обогрившая Крест, искупила грехи человечества. Сын Божий, Божественный Логос, имел предвечно в Своей идее весь сотворенный мир, все человечество, и на Кресте Он принес Себя в жертву за Свое творение.

Христос страдал как Человек, но Его Божественное достоинство придало человеческим страданиям степень всеискупающей жертвы.

Сектанты упрекают православных в почитании Креста. Им кажется, что нельзя почитать орудие смерти и страданий. В этом звучит инерция ветхозаветного ужаса перед Крестом. Для них смерть ассоциируется с поражением, но для нас Крест – это символ величайшей из побед, победы жизни над смертью и царством ада. Не смерть на Кресте победила Спасителя, а Христос через Крест победил смерть. Для нас Крест – это та единственная сила, которая соединяет землю с небом, перекинутый через бездну таинственный мост, по которому человек приближается к Божеству. Для нас Крест и Воскресение неразделимы.

Перед крестными страданиями Господь сказал: *Ныне прославился Сын Человеческий* (Ин. 13, 31). Крест – Его слава, Крест – вечное сияние Его любви. По словам святого Иоанна Златоуста, «Крест не только спас людей, но и Ангелов приблизил к Богу». В прощальной беседе с учениками Господь произнес: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга* (Ин. 13, 34).

Без Голгофского Креста эта заповедь о жертвенной любви была бы нераскрытой и непонятной.

Господь сказал: *Не мир пришел Я принести, но меч* (Мф. 10, 34). Крест – это духовный меч, который разрушает постыдный мир с грехом, который отделит в вечности истинных христиан от мнимых.

Тайну Распятого Бога не могли понять ни иудейский формализм, ни языческие аполлонизм и дионисийство, ни эллинская философия, ни римская культура, поэтому христианская Церковь сразу же стала гонимой. *Крест – для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие* (1 Кор. 1, 23). И теперь, в наше время, тайна «Распятой Любви» (выражение священномученика Игнатия Богоносца) остается камнем преткновения для многих из тех, кто носит имя христиан.

Праздник Воздвижения Креста соединяет в себе воспоминание о двух событиях: обретении Креста при императоре Константине (IV век) и возвращении его в Иерусалим при Ираклии (VII век).

Иудейскому князю, члену синедриона Иосифу Аримафейскому со стороны римского прокуратора Пилата была оказана особая милость – он получил разрешение похоронить Казненного на Кресте в своей гробнице. Тела разбойников по случаю наступающей Пасхи были спешно вывезены за город, а три креста – закопаны в пещере под Голгофским холмом.

В царствование святого равноапостольного Константина в Иерусалим с целью обрести величайшую из святынь – Крест Спасителя – отправилась мать императора Елена. При помощи нескольких жителей Святого Града, знавших о месте хранения Креста от своих предков, начались раскопки. Языческий храм, выстроенный на Голгофе во времена известного своими гонениями на христиан императора Адриана, был снесен вместе с фундаментом. Под землей обнаружилась пещера, где находились три креста и гвозди. Гвозди от Креста Спасителя казались выкованными из серебра. К Кресту Спасителя приносили больных, и они получали исцеление. Обретен был Крест перед Пасхой. Множество паломников собралось в этот год в Палестине. Улицы и площади Иерусалима были наполнены толпами народа, как будто потоки вод затопили город. Не было возможности всем богомольцам приблизиться к Кресту или даже издали взглянуть на него.

Иерусалимский патриарх Макарий вместе с духовенством взяли Голгофский Крест на руки и принесли его на высокий холм. Несколько раз они поднимали, воздвигали Древо Креста, чтобы народ мог увидеть его; люди при этом падали на землю, восклицая: «Господи, помилуй!» Императором Константином был построен огромный величественный храм Воскресения Господня, под сводами которого, как в священном ковчеге, как в бесценной сокровищнице, оказались главные святыни христианского мира – Голгофа и Гробница Христа.

Древо Креста поставили в алтаре храма Воскресения на горнем месте. Часть святого Древа, Подножие Креста и один из Гвоздей были подарены императором Константином Грузинской Церкви. Подножие хранилось в горных крепостях. При грузинском царе Георгии XII оно бесследно исчезло. Гвоздь находился в Манглисском храме. Царь Арчил при переезде в Россию взял его с собой. Имеется документ русского правительства, подтверждающий права потомков царя Арчила на эту великую святыню. В настоящее время Гвоздь находится в Тбилиси в алтаре Сионского собора. Часть Древа Животворящего Креста вложена в крест Мцхетского кафедрала Светицховели.

В начале VII века Иерусалим был захвачен персидским царем Хосровом, который в числе прочих трофеев увез в Персию и Древо Креста.

В это тяжелое для Византии время ее престолом овладел правитель Египта Ираклий I. Его походы в Персию сравнивают с походами Александра Македонского. Иран потерпел поражение. Старший сын Хосрова убил своего отца. Крест был возвращен в Палестину. Царь Ираклий на своих плечах нес Крест от ворот Иерусалима до храма

Воскресения. Из благоговения к Кресту царь снял с себя корону и порфиру и шел по улицам Святого Града одетый в рубище.

Но вскоре на Востоке появился новый противник – арабы, противостоять которым обессиленные в долголетней войне Византия и Иран не могли. Палестина и Святой Град оказались под властью магометан. Иерусалимские патриархи должны были выплачивать огромные подати, чтобы сохранить христианские святыни от разрушения и уничтожения.

В XI веке Иерусалим взяли штурмом рыцари-крестоносцы. Православные христиане радовались этому, как освобождению от ига и плена. Однако вскоре наступило горькое разочарование. Крестоносцы захватили храмы, изгнали православное духовенство и стали силой распространять католичество. Иерусалимский патриарх был принужден покинуть Святой Град. Для православных власть их западных братьев оказалась тяжелее, чем иго мусульман.

При этом крестоносцы брали с собой в походы Древо Креста, как во времена Судей иудеи брали с собой на битву Ковчег Завета.

В XII веке египетский султан Салах-эд-Дин разбил крестоносцев. В ожесточенной битве на «Горе Блаженств» было уничтожено все их войско. Героическое сопротивление оказал отряд рыцарей, охранявших Крест. Только со смертью последнего из них Крест был взят мусульманами.

Византийский император и европейские государи предлагали Салах-эд-Дину за Древо Креста огромный выкуп, но султан был неумолим, так как считал Крест унижением для Божества. Только после смерти Салах-эд-Дина Крест был возвращен христианам. В настоящее время Голгофский Крест разделен на части, которые находятся во всех странах христианского мира. Самая большая часть его хранится в алтаре Иерусалимского храма Воскресения Христа Спасителя (католики со времен крестовых походов называют Иерусалимский кафедрал храмом Гроба Господня).

Четырехконечный Крест знаменует собой четыре стороны света, то есть искупление всего человечества; четыре времени года – вечную жертву. Церковные гимнографы называют Крест воплощением любви. Его вертикальная линия – любовь между Богом и человеком, горизонтальная – любовь между людьми.

Восьмиконечный крест включает в себя доску с надписью о вине Казненного и подставку (подножие Его ног) – распятый не висел, а стоял, прибитый к кресту. Надпись на Кресте Спасителя гласила: «Царь Иудейский». Это была насмешка Пилата и над Осужденным, и над Его врагами, но в мистическом значении слово «иудейский» соответствовало, согласно древней этимологии, «славе»: Царь Иудейский – Царь Славы. Насмешка над Христом стала откровением мистического значения распятия: слава – в жертвенной любви. Изображение Распятого – это икона Христа и, как икона, несет в себе элементы символики. Наклонное подножие означает нисхождение души Христа во ад и изведение из глубины ада ветхозаветных праведников.

Восьмиконечный крест символически означает вечность. Восемь – знак вечности, восемь – знак Воскресения (Воскресение Христа совершилось в день после субботы – седьмого дня).

Махатма Ганди в своей биографии проронил знаменательные слова. Он сказал, что удивляется, почему смерть Христа так потрясает сердца христиан, ведь в Индии есть мученики, которые претерпевали более продолжительные пытки. Индийский националист не понял и не мог понять тайну Креста. Для него Крест – это только физические страдания, боль мышц и жил, муки тела. А религиозная интуиция христиан чувствует в Кресте гораздо больше. Это духовные муки Спасителя, Который на Кресте пережил слитые воедино страдания всего человечества, возмездие за грехи всего мира, адский пламень, возжженный грехами и преступлениями людей. Творец вечности и времени сжал на Кресте вечность в пределы времени. Вечные муки и боль вселенной собрались в единую чашу, и эту чашу черного пламени выпила до дна душа Богочеловека. В Кресте Христовом соединены воедино все кресты и все муки земли и ада, страдания всех людей –

от праотцев человечества до тех, кто увидит воочию Второе и славное Пришествие Господне.

Только вечность откроет тайну того, что совершилось на Голгофе.

Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября / 4 декабря)

Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы по своей структуре напоминает чертеж многоярусного дворца. Историческая основа праздника – посвящение Девы Марии Богу по обету Ее родителей, святых и праведных Иоакима и Анны; символический и духовный план – мистика храма, значение его для христианина, посвящение человеческой души Богу, цель и смысл православного монашества.

Когда Деве Марии исполнилось три года, то Ее родители вместе с Дочерью, в сопровождении многочисленных родственников, пешком отправились из Назарета в Иерусалим. На рассвете третьего дня они приблизились к Святому Граду. Чудная картина открылась их взору. Храм на уступе горы Мориа был похож на стоящий у пристани корабль с распущенными белоснежными парусами, казалось, что он готов подняться ввысь и поплыть по лазурному океану неба. Лучи восходящего солнца, отражаясь и искрясь на золотых спицах купола⁴, окружали Храм переливающимся призрачным облаком света, словно сияющим нимбом.

Навстречу паломникам вышел первосвященник, по преданию – праведный Захария, отец Иоанна Предтечи. Дева Мария, оставив родителей, быстро взошла по высоким ступеням Храма, не поддерживаемая никем, и обняла ризу первосвященника. Он взял Ее за руку и ввел в Храм, к изумлению священников и левитов – в алтарь, который назывался Святая Святых. Десять лет Мария жила при Храме. Душа Ее под его священными сводами сама стала живым Храмом Божества.

Храм – это икона Неба, храм – место невидимого присутствия Божия, поле Божественных сил и энергий. В храме Церковь земная соединена с Церковью Небесной. В храме непрестанно льются, как волны реки, песнопения Ангелов, их небесные хоралы слышит человеческая душа, погруженная в молитву; храм наполняет духовный свет, незримый для глаз, но видимый человеческим сердцем, омытым слезами покаяния. В храме проходит в священных символах и образах вся история человечества. В храме время теряет свою прямолинейную протяженность, будущее и прошлое во взаимопроникающих циклах становятся настоящим. В храме время, оцерковленное ритмами богослужения, отражает световой образ вечности. В храмовом богослужении раздается голос Пророков, возвещающих о пришествии Христа, и проповедь Апостолов о том, что спасение мира совершилось; в храме безгласно звучит пение серафимов, которым они славили Бога при мироздании; в храме предвозвещается будущий Страшный Суд над Ангелами и людьми. В храме само пространство и время открываются в новых таинственных глубинах и измерениях, в огромных внутренних емкостях, в которые вмещаются вся история мира и все пространство Вселенной. Храм – это Библия, воплощенная в камне, это иерархические ряды священных символов, через которые душа человека восходит к Богу. Храм – это место сокровенной встречи души с Божеством.

Круг храмового богослужения становится золотым кольцом, которым человек обручается с вечностью. Люди, не включенные в духовную жизнь, обычно воспринимают храм как синтез зодчества различных эпох, культур и народов, как достижение человеческой мысли и воплощение эстетического гения художника. Но это не так: храм является откровением Божественного Логоса на Земле, частью Священного Предания. Христианский храм несет в себе вечное и неизменное содержание, поэтому формы храма, его знаково-символический язык должны быть твердыми и устойчивыми, общими для

---

⁴ Кровля храма была усеяна острыми золотыми иглами, чтобы птицы не садились на нее (см.: Иосиф Флавий, «Иудейские древности»). — *Авт.*

всех регионов и времен. Образ ветхозаветной Скинии – походной церкви – был показан Моисею во время Теофании на Синайской горе.

План Иерусалимского храма составили цари-пророки Давид и Соломон. Один из них написал «Псалтирь» – основу богослужбных молитв, другой – «Песнь Песней», которую древние мистики сравнивали со Святой Святыней храма. Все в храме священно, все имеет таинственный смысл. В Библии подробно указаны формы и пропорции храма, описаны внутреннее убранство и утварь, определен даже материал для его строительства и для изготовления богослужбных предметов (может быть, потому, что каждое вещество обладает неизвестными нам излучениями – эманациями).

В образе величественного храма апостолы Павел и Иоанн созерцали Царство Небесное. Идеи и пророчества ветхозаветного Храма раскрылись и воплотились в храме новозаветном. Здесь их генетическое единство и историческое различие – как между самими заветами – Ветхим и Новым. Ветхозаветный храм – храм надежды; новозаветный – храм благодати.

Мистическое значение храмового богослужения заключается в том, что молитва каждого вменяется всем, и молитва всех присутствующих возносится за каждого. Храмовая молитва становится единой и цельной, как неразделим свет от множества горящих свечей, как неотделимы друг от друга капли дождя в общем потоке.

Чем выше духовная культура человека, чем глубже его внутренний религиозный опыт, тем более он дорожит традицией – как сокровищницей, из которой боится потерять хотя бы один драгоценный камень. Некоторые говорят: «Если храм – это образ неба, то ведь наше представление о Космосе меняется, значит, и форма храма должна изменяться и эволюционировать». Но, во-первых, храм – образ духовного Неба, знания о котором на протяжении истории человечества скорее не приобретаются, а теряются; во-вторых, храм – не модель и не зеркальное отражение Вселенной, а сложная символика.

Храм – это живая Библия. Храм дает человеку возможность самому участвовать в событиях Священной Истории в качестве действующего лица. В храмовом богослужении человек через священные символы и ритуалы присутствует при творении мира, молится в Скинии, сопровождает Господа во время Его земной жизни, находится на Тайной Вечере с Апостолами, причащается из рук Спасителя, слышит весть мироносиц о Воскресении Христа из мертвых, видит картины Страшного Суда. Как белый цвет является не отсутствием цветов, а синтезом красок всего спектра радуги, так и безмолвие храма содержит в себе молитвы и священные песнопения Небесной и земной Церкви. Храм – это образ потерянного Эдема и возвращенного Рая.

Символика Храма учит человека смотреть на видимый мир как на образы и символы, тени и подобия мира духовного, чувствовать бесконечное в конечном, видеть, как просветы в тумане, отражение вечного во временном.

В Иерусалимском храме Дева Мария дала обет девства. Монашество существовало во все времена, у всех народов. Однако монашество остается непонятным явлением для страстного и чувственного мира, загадочным, как каменный сфинкс, стерегущий безмолвие пустыни. Многим монашество представляется отречением от всего ради ничего, бессмысленным самоистязанием, потерей лучшего, что дает человеку жизнь. Другие относятся к монашеству терпимо, но, не понимая его сути, считают только удобной формой для занятий научной и благотворительной деятельностью. Что же касается пустынников и отшельников, то они обычно кажутся мирским людям фанатиками или человеконенавистниками вроде Тимона Афинского. Ответить на вопрос, что такое монашество, так же трудно, как объяснить, что такое любовь, тому, кто никогда не испытывал этого чувства.

Уже древние философы учили, что Бог открывается миру как совершенная Сила и Могущество, как высшая Мудрость и Благо, как Неизреченная Красота. Большинство людей воспринимают Бога как всемогущую Силу и потому чаще всего обращаются к Нему в несчастьи и скорби, когда особенно ясно ощущают свое бессилие, немощь и

одиночество, когда рушится всякая надежда на человеческую помощь, подобно тому, как исчезают замки из облаков при порыве ветра.

Второй аспект – Мудрость и Благо. Это религия тех, кто ищет смысл человеческого бытия. Это вера подвижников, которые служат людям ради вечного спасения.

И третий, сокровенный план – Бог как Неизреченная Красота. Это, преимущественно, религия мистиков. Влечение к Божественной красоте, пленение Божественной красотой, упоение ею и возможность уподобления этой красоте являются тайной монашества.

Монашество – это всецелая любовь к Богу, которая не может разделиться между Богом и Его творением. Монашество – это томление по потерянному раю и жажда Небесной Красоты. А в волевом плане – непрестанное искание Бога, борьба с тем, что стоит между душой и Сотворившим ее, непрестанное стяжание Божественного Света, восхождение на духовный Фавор.

В интеллектуальном плане монашество – концентрация и сосредоточение ума на самых главных, онтологических истинах веры. Монашество – это соединение разума, чувства и воли в непрестанной молитве, в непрестанном устремлении к Богу. Монашество для монаха – высшая радость не только в будущей жизни, но и здесь, на земле. Монастырь и пустыня – условия для монашества, но далеко не само монашество. Монашество – постоянная обращенность души к Богу, постоянная битва с демоном в глубине человеческого сердца, соединение сердца с Единым.

Монашество – это звучащая в сердце песнь песней; плененная ею душа закрывает свой слух от страстных мелодий, они для нее безобразны и грубы. Монах тоскует в миру, как узник в темнице, не потому, что презирает мир и ненавидит людей, а потому, что в сравнении с Божественной красотой видимый мир – только сумрачные, неясные тени. Чем больше монах отдаляется от мира и приближается к Богу, тем больше он любит людей, но уже другой – духовной, светлой любовью. Он жалеет все существа и сострадает им. Он любит мир, но не в его распаде и тлении, а в софийной идее мира и его будущем фаворском преображении. Монах любит человека, но не за его достоинства, таланты или телесную красоту, а любит в нем образ и подобие Божие.

Монашество – это отвержение всех и всего ради Бога и любовь ко всем и ко всему также ради Бога. Противники и критики монашества, как вне Церкви, так и в Церкви, говорят о том, что монашество обедняет человеческую личность, делает жизнь серой и однообразной. Так ли это?

Христианское богословие является самой высокой философией о вечности и целях бытия, а Псалтирь – самой проникновенной и душевной поэзией, которая когда-либо звучала на человеческом языке. Монах ограничивает общение с людьми, но беседует с Абсолютным Умом, с Богом.

Существует восточная притча: некий царь пригласил к своему двору китайских и византийских мастеров и поручил украсить стены только что выстроенного дворца. Китайцам и византийцам предоставлялась равная часть стен для росписи. После окончания работ царь и народ должны были решить, чья работа лучше, чье искусство выше и совершеннее. Возле дворца воздвигли строительные леса и закрыли их полотном, чтобы никто не мог видеть работы художников раньше времени. Китайские мастера покрыли стену слоями раствора, который сгладил все неровности, а затем стали рисовать картины гор, вздымавшихся уступами ввысь, сказочные леса, птиц в ярко-красном оперении, причудливые растения и цветы, сплетенные в изящные букеты. Они были уверены в своей победе.

Мастера же византийские приступили к работе не сразу. Они сначала исследовали, из чего сделана стена, и увидели, что она сложена из драгоценных камней, только необработанных и неотшлифованных. Они осторожно расчистили их и стали шлифовать – камень за камнем. Пока китайские мастера разрисовывали стену, византийские трудились над каждым камнем, оттачивая каждую грань. Прошло несколько лет, срок работы

окончился. Китайцы убрали леса. Толпа зашумела, закричала от восторга, приветствуя их заранее, как победителей. Затем сняли завесу византийцы, и толпа застыла в безмолвном изумлении. Драгоценные камни сверкали дивной гармонией цветов. Казалось, что звезды сияют из глубины кристаллов таинственным, мягким, мерцающим светом, а через мгновение их грани искрятся, как лучи солнца. Разноцветные камни переливались и горели необычайными красками, то вспыхивали, как блеск молнии ночью, то светились нежными, прозрачными цветами зари. Они были всегда новыми и неповторимыми, как небо, которое отражалось в каждом из них. Народ воскликнул: «Победа за византийцами!».

Работа китайцев – это внешние знания, то, чем гордится мир. Работа византийцев – это внутренняя молитва, непрестанное призывание имени Иисуса Христа и покаяние.

Говорят, что жизнь монаха не нужна и бесплодна для других. Если смотреть на жизнь с точки зрения примитивного утилитаризма, который отрицает духовные ценности, то религия вообще не нужна. Но христианство свидетельствует, что молитва – это тот незримый свет, который противостоит сгущающейся тьме и наступающему хаосу – апокалиптической ночи. Молитва – это тот алмазный стержень, та невидимая сила, которая удерживает мир от окончательного распада и разрушения. Монашеская жизнь – не буддийская нирвана, а подвиг высшего духовного напряжения. Когда исчезнет дух благочестия и Православия, угаснет духовная молитва, а монастыри – острова света – погрузятся во тьму, тогда человечество само подпишет себе смертный приговор.

Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы – больше, чем праздник Ее Рождества. Это день Ее духовного рождения. Под сенью ветхозаветного Храма вырос цветок Нового Завета – Дева Мария.

Вознесение Господне

Вознесение Господне относится к числу «двунадесятих», то есть самых великих праздников Православной Церкви.

Христианские праздники похожи на кольца золотой цепи, неразрывно связанные друг с другом. Через сорок дней после Пасхи наступает праздник Вознесения. Через десять дней после Вознесения – праздник Троицы, заключительный аккорд в симфонии богослужебного годового круга.

Прежде чем говорить о Вознесении, следует остановиться на вопросе о значении и смысле библейской и храмовой символики, о связи Священной Истории с храмовой литургией. Участвовать в религиозном празднике – это значит не только вспоминать события Священной Истории, но и мистически включаться в них, духовно переживать их.

Через храмовую службу, ее обряды и ритуалы, ее символические образы человек становится реальным участником происходивших в истории мира и повторяющихся в ритмах церковного календаря событий. Вознесение Господне – это сияющее ослепительным светом завершение земной жизни Христа-Спасителя. Вознесение – венец христианских праздников. Это зримая форма возвращения Сына Божия к Своему предвечному бытию. Это раскрытие перед человеком бесконечных далей духовного совершенства.

В Своей земной жизни Христос подчинил Себя времени и истории, и вместе с тем Он стоит над временем и историей как их Творец и Владыка. Для христианина жизнь Христа из Назарета – не прошлое как прошедшее, а актуальное настоящее и бесконечное будущее. Христианский праздник – это соприкосновение вечного и временного, земного и небесного, это откровение духовного эона на земле и в сакральном пространстве храма.

Вознесение Христа имеет онтологическое, нравственное, духовное и эсхатологическое значение. В Евангелии от Марка дана величественная картина вознесения Иисуса Христа. Но мало иметь и читать Евангелие. Надо еще знать его особый язык, символику и другие средства изображения. Это вовсе не значит, что евангельская символика превращает события в отвлеченную и условную аллегория. Нет, Евангелие –

истина, но она многогранна и многопланова. В земном присутствует небесное, в историческом – вечное. Символ не подменяет, а углубляет смысл и открывает сакральный план событий.

Евангелие – это откровение Божественного ума через человеческое слово. Откровение о духовном мире, о вечной жизни, о союзе человеческой души с Божеством, о высшей реальности бытия, находящейся за пределами феноменологии, о том, что не может быть предметом чувственного восприятия или логического анализа. Оно воспринимается душой только через мистическую включенность, через интуитивное проникновение в мир духовных сущностей, в мир Божественных энергий, в мир сверхлогических категорий. Поэтому Священное Писание употребляет символ, который должен возводить ум от знакомого и привычного к таинственному, неизвестному, от видимого – к невидимому.

Библейский символ является духовным звеном между интеллектуальной возможностью человека и бездной Божественного гносиса. Когда мы берем в руки Библию, то становимся перед великой тайной. Соприкоснуться с этой тайной можно только через благоговение перед ней.

Сорок дней прошло от Пасхи до Вознесения. Сорок дней Господь пребывал со Своими учениками, уча их, по словам святителя Иоанна Златоуста, «тайнам Небесного Царства». До Воскресения Христа эти тайны были бы для них непонятны и недоступны.

Число сорок символизирует время духовного испытания и земную жизнь. Сорок лет вел Моисей народ по пустыне в Обетованную Землю. Сорок дней постился Иисус Христос перед Евангельской проповедью. Сорок дней Он пребывал на земле, являясь Своим ученикам и Апостолам, приготовляя их к принятию Божественной благодати и к будущей проповеди Евангелия.

Апостольскую проповедь можно представить в виде трех концентрических кругов, трех этапов со все более нарастающим напряжением:

1) послание Апостолов к их соплеменникам во время земной жизни Христа Спасителя;

2) после Воскресения Христа и до Его Вознесения – миссионерство по всей Палестине, что требовало большей духовной подготовки и самоотверженности;

3) всемирная проповедь Апостолов после нисхождения Святаго Духа, проповедь, которую почти все они окончили мученической смертью.

На сороковой день по Пасхе Господь, окруженный учениками, вышел из Иерусалима и направился к Елеонской горе. В прощальной беседе Он говорил о чудодейственной силе, которую дает человеку вера. Некоторые недоумевают, почему теперь явственно не происходят те дивные знамения веры, о которых говорил Христос.

Существуют разные степени веры:

1) вера как гипотетическая возможность и вероятность. Это вера рационалистов с подавленным и заглушенным религиозным чувством. Она похожа на мерцающий блеск звезд, которые не делают ночь светлей;

2) другая степень веры – это убеждение человека, но не согретое любовью сердца. Она похожа на холодный и мертвенный свет луны;

3) и, наконец, та вера, которая включает в себя и соединяет воедино ум, чувство и волю человека, которая становится главной потребностью души, целью и содержанием его жизни, непрестанным горением его сердца. Такая вера подобна свету солнца, лучи которого несут тепло и жизнь. Такая вера – подвиг души, такая вера чудодейственна и победоносна.

Евангелие повествует о Вознесении Христа на небо. Небо в Священном Писании употребляется в трех значениях:

1) атмосфера вокруг земли – то, что воспринимается нами как огромный голубой океан, в котором плывет, подобно кораблю, наша Земля;

2) космическое пространство. Это вид необъятного звездного неба, который вызывал вдохновение и трепет не только у поэтов, но и у философов и великих ученых. «Две вещи приводят меня в изумление – звездное небо надо мной и нравственный закон во мне», – писал Кант.

Когда Гагарина, возвратившегося из космического полета, спросили, видел ли он в небе Бога, тот ответил: «Нет». Такой ответ привел в восторг антирелигиозных примитивистов. Гагарин не понял, а скорее, не хотел понять, что космический полет был продвижением в физическом пространстве, в «царстве вещества», а к духовному миру отношения не имел;

3) нематериальная духовная сфера, которая не мыслится в физических категориях и измерениях. Она представляет собой уже другой план бытия. Однако эта сфера не антимир, не антиматерия, которые гипотетически допускаются наукой, а эон вечности. В системе сакральных библейских знаков и образов видимое небо может служить только символом духовных небес. Таким оно явилось в событии Вознесения – событии, исторически реальном и одновременно мистическом.

Вознесение Христа Спасителя имеет *онтологическое* значение. Сын Божий воспринял человеческую природу, которая по Вознесении вошла в Божественную славу. Вознесение имеет *эсхатологический* смысл. Оно явилось завершением земной жизни Христа, а Второе Пришествие будет завершением цикла земного бытия человечества. Вознесение имеет для нас значение *нравственное*. Мы должны помнить, что принадлежим не только земле, но и небу, не только времени, но и вечности, не только материи, но и духу. И, живя на земле, стараться мыслями и сердцем подниматься над всем низменным, грубочувственным и греховным. Повествуя о Вознесении Христа, евангелист Марк вводил образ-символ: Иисус Христос воссел по правую сторону Бога-Отца. Бог вневременен и внепространственен. Что значит это иносказание, эта антропоморфическая метафора? Когда император избирал себе соправителя или его сын-наследник достигал совершеннолетия, то совершался особый ритуал: интронизация. Во дворцовом зале ставили рядом два трона. На одном сидел император, к другому подводили сына-соправителя, и он садился по правую сторону от него. Это означало их одинаковое достоинство и единую власть.

Этот образ-символ еще более подчеркивает *аксиологическое* значение Вознесения. В лице Богочеловека – Христа Спасителя все человечество получило возможность бесконечного духовного восхождения.

Иисус Христос вознесся с простертыми в благословении руками. Апостолы и ученики, стоящие у Елеонской горы, представляли собой первую христианскую Церковь. Этот образ, полный любви и надежды, – знак и обетование того, что благословение Божие всегда пребывает в Церкви и будет хранить ее вовеки.

Пятидесятница

День Пятидесятницы – это начало новой духовной эры в истории Церкви, человечества и Космоса. Вознесение Христа соединило землю с Небом, с эоном вечности, а Пятидесятница само Небо низвела на землю, уничтожила пропасть между временным и вечным, между материей и духом. В изливаниях Божественного Света и Божественных энергий Духа Святаго пред человеком открылась новая жизнь как возможность преодоления своей тварной ограниченности через приобщение к абсолютному бытию. Для Платона человеческое тело – «темница», для Сакья-Муни – «сгусток костей, крови и слизи», а для христианина – дивный инструмент души, форма неразрушимой индивидуальности человека, золотая оправа, в которую вложен, как драгоценный камень, бессмертный дух. В таинственном дне Пятидесятницы Божественная благодать воссоздала из распадающейся в противоречиях диады души и тела монаду человеческой личности.

По учению Церкви, человек – это ипостась, представитель Космоса, звено между духовным и материальным миром, поэтому освящение человека (микромира) является залогом и началом освящения Вселенной (макромира).

В День Пятидесятницы Дух Святой основал новозаветную Церковь и соединил ее с Церковью Небесной. Христиане стали членами духовной семьи, Отец в которой – Бог, а старшие братья – Ангелы.

Пятидесятница явилась вечным водоразделом между христианской Церковью, Церковью благодатной, полной Божественных сил и энергий, и другими религиями мира, где тени и осколки истины, но нет Христа и Духа, Света и Жизни; Пятидесятница проложила глубокую пропасть между мистикой Православной Церкви и экстазами древних и новых дионисийских культов; Пятидесятница стала непроходимой границей между Божественным Откровением, хранимым в живом организме Церкви, и плоским рационализмом религиозных богостроителей, софиологов и реформаторов с их бессильным и мертвящим интеллектуализмом, а также воздушными замками, которые строят религиозные пиетисты и фантасты.

В день Пятидесятницы Апостолы и ученики Иисуса Христа собрались на молитву в доме апостола Марка-Иоанна, находившемся в Иерусалиме на Сионской горе. Во время молитвы Дух Святой сошел на них в виде разделяющихся языков пламени. В день Пятидесятницы в излиянии небесного света, в шумных порывах бури, в сиянии и блеске дивных огней родилась новозаветная Церковь. После Сошествия Духа Святого Сионская горница стала первым христианским храмом, а община учеников Христа – Вселенской Церковью. Всего 120 человек было первоначально в Церкви, но она являлась Вселенской по Божественной идее и предназначению, по полученному ею неисчерпаемому духовному потенциалу. Не количество членов, не внешние атрибуты, а присутствие Духа Святого и верность истине делают Церковь Вселенской. В вечном, онтологическом плане Церковь – это благодать, объемлющая творения Божии в единстве их веры и любви. Поэтому Церковь, как мистическое тело Христа Спасителя, как излияние Духа Святого, как носительница вечных истин, неизменна и тождественна себе самой, хотя ее «внешний двор» по историческим причинам может увеличиваться и уменьшаться.

Дух Святой сошел на Апостолов в чувственных и зримых образах потому, что день Пятидесятницы был началом преображения всего видимого мира, всего космоса. Сошествие Святого Духа должно было не только стать субъективным переживанием Апостолов – фактом их внутренней жизни, – но и открыться миру в виде величественной Теофании.

В мцхетском кафедральном соборе Светицховели есть изображение солнца с двенадцатью лучами: символ Христа – духовного Солнца – и Апостолов – лучей, просветивших мир.

В новозаветной книге «Деяния Апостолов» описана жизнь первенствующей христианской Церкви, жизнь, полная сверхъестественных явлений Божественных сил, чудес, исцелений и пророческих вдохновений. Но самым великим чудом была духовная любовь, которая царил в христианских общинах, где каждый ощущал постоянную заботу всей Церкви, где исчезали мирские различия и преграды, где не было чужих, где все были близкими и родными друг другу, где каждый согревал другого теплом своего сердца.

Религиозные и философские учения древнего и нового времени тоже говорят о любви. Но как отличается эта любовь от евангельской!

Особенно чужда и непонятна миру заповедь о любви к врагам; она кажется разрушением всех общественных и этических устоев.

«Если я буду любить врагов, то что останется друзьям?!» – сказал Конфуций. Китайский моралист не понял, что, любя врагов, человек побеждает свою гордыню, очищает сердце от самости и зла, и поэтому его любовь к друзьям становится еще крепче и светлее; Конфуций не ведал, что духовная любовь, имеющая своим источником Бога, неисчерпаема и неразделяема. О любви говорил Будда, но в контексте его учения

буддийская любовь – это пассивное и холодное доброжелательство. Любовь как чувство для буддиста – оковы души, привязывающие ее, как и ненависть, к крутящемуся колесу космического бытия. Высшим состоянием для буддиста является бесстрашие и безучастие ко всему.

О любви говорят Веды, но это – любовь к своей касте. Брахман даже от случайного прикосновения к парии считает себя оскверненным. Любви и милосердию учит синтоизм, у самураев был особый рыцарский кодекс – защита бедных, беспомощных, старых и больных. Но, по преданиям синтоизма, боги создали японцев, а остальное человечество сотворили низшие духи. Поэтому любовь к своему народу у самураев основана на чувстве национального превозношения.

О любви и дружбе писали античные философы, но эта любовь ограничивалась или узким кругом друзей, или пределами полиса и государства. Раб в античном мире был только вещью своего господина. Даже стоик и моралист Сенека, которого считают наиболее близким к христианству, писал: «Сострадательны старые женщины, а мудрец – никогда».

Современные вишнуитские и шиваитские проповедники говорят о некоей универсальной любви. Но, во-первых, их книги, доступные для нас, – это продукт, выпущенный специально для европейцев, в расчете на психологию человека из христианского региона, где даже среди неверующих и индифферентных к религии людей действует инерция христианской морали и культуры. У себя на родине они говорят иное. Ведизм, разделив народ на касты, создал также элитарные ступени и среди своих приверженцев и адептов. Он похож на многоэтажное здание, где живущие на нижнем этаже не знают, что творится на верхнем. Но самое главное даже не в этом. Все индуистские течения, имеющие своим общим мировоззренческим основанием Веды, признают только одну реальность – реальность безликого Абсолюта, а личную и космическую жизнь считают иллюзорной.

Отождествляя свой дух с Абсолютом – Брахманом, отрицая реальность личного и индивидуального бытия, ведист тем самым лишает себя объекта любви. И если на нижних этажах индуистского храма любви поются гимны, то на верхних говорят о том, что добро и зло, бытие и небытие – это две стороны одной и той же монеты. Впрочем, и сама бхакти-йога (даже предназначенная для новоначальных) учит о некоей безличной и беспредметной любви к абстрактному человечеству как безликому универсуму. Затем и этот универсум признается фикцией, а единственной реалией становится абсолютное «я»; любовь бхакти-йоги превращается в самообожание и самообожение.

Есть еще и некие страстно-экстатические состояния (искусственной нервно-психической экзальтации), которые в некоторых сектах и общинах выдаются за любовь, но о них я просто не хочу говорить здесь.

Великим чудом и необъяснимым феноменом истории была сама апостольская проповедь. Если бы Христос избрал себе в ученики мудрецов и философов, интеллектуалов эллинистического и иудейского мира, то можно было бы предположить, что они своей личной гениальностью, блестящим красноречием и философской осначенностью распространили и утвердили христианство среди народов мира. Но это были простые рыбаки, земледельцы и ремесленники, ничем не выделяющиеся из своей среды. Не их проповеднические дарования, а Божественная сила властно влекла сердца людей к учению Христа. Против христианской Церкви стояла боевым станом Римская империя. Ее блестящие интеллектуальные силы, языческие религии и оккультные системы с их захватывающими мистериями, мощный и гибкий административный аппарат, несокрушимые римские легионы – весь идолопоклоннический мир объединил свои силы в борьбе с Церковью, обрушился на нее всей своей тяжестью, зажег пламя гонений на христиан на трех континентах, напоил землю Империи, словно дождем, мученической кровью и пал, смертельно раненный в этой битве. Церковь одержала

духовную победу и вышла из кровавых гонений еще более светлой, еще более сияющей своей духовной красотой.

Апостолы, укрепленные Духом Святым, донесли Евангелие, то есть благовестие, до «пределов земли» – самых отдаленных стран и областей античного мира. Они основывали христианские общины, рукополагали епископов и пресвитеров, следили с материнской заботой и отцовской строгостью за жизнью новоутвержденных Церквей, как будто носили их в своем сердце.

Апостольская проповедь пронеслась, точно на крыльях, над раскаленными песками Сахары, над снегами Скифии, достигла на Западе угрюмых скал Альбиона, а на Востоке – плоскогорий Аравии и островов Индийского океана. Апостолы свидетельствовали об истине своего благовестия явлениями силы Божией и дивной любовью, а завершали подвиг жизни мученичеством – свидетельством, написанным кровью.

Праздничное богослужение в день Пятидесятницы открывается пением молитвы Духу Святому: *Царю Небесный, Утешителю...* Бог – наш Владыка и Вседержитель. Он – Царь небесного мира, мира светозарных и светоносных Ангелов, и когда воцаряется в человеческой душе, то делает ее Небом.

Христианин называет себя «рабом Божиим». Некоторых людей шокируют эти слова, они считают их досадным архаизмом, чем-то противоположным понятиям «свобода и человеческое достоинство». Сделаю небольшое отступление, приведу пример из жизни известного древнего философа Сократа. В день рождения Сократа ученики пришли поздравить своего учителя и принесли подарки, каждый что мог. Один юноша, последним подойдя к Сократу, сказал: «Я беден, но дарю тебе единственное, что имею, – себя самого в твое полное распоряжение». Сократ ответил: «Твой дар – самый драгоценный из всех, которые я получил. Я принимаю его, но только для того, чтобы, обучив тебя, затем вернуть тебя тебе же самому, но в лучшем виде».

В рабстве Божиим человек получает свободу от страстей и грехов – самого постыдного рабства, самой жестокой тирании. Он получает нравственные силы поступать по велению своей совести.

Мы – рабы Божии, но Бог не рабовладелец. Он приходит в сердце наше как Освободитель, как Жизнь и Свет.

Антирелигиозные агитаторы любят повторять фразу, ставшую для них хрестоматийной: «Христос победил потому, что Спартак потерпел поражение». Эту фразу они переписывают друг у друга, иногда с указанием, а иногда без указания источников. Но что бы произошло, если бы победил Спартак, что бы изменилось в государственной структуре? Вероятнее всего, была бы уничтожена римская аристократия и интеллигенция, появилась бы новая общественная элита из вчерашних гладиаторов, установилась бы правящая династия фракийцев, а рабство осталось бы таким же или еще более жестоким.

Христианство не отменило рабства декларативно, но уничтожило его корни. Античный мир в лице своих самых выдающихся представителей – Платона и Аристотеля – признавал рабство необходимым институтом государства и естественной формой социальной жизни. Учение Христа провозгласило равное достоинство раба и его господина. Оно лишало рабство какого-либо морального оправдания. Рабство исторически еще продолжало существовать, но уже как уродливая форма общественных отношений, как болезненный нарост на теле человечества. Христианство произнесло приговор рабству, и не его вина, если этот приговор не сразу был понят и исполнен.

Святой Дух назван «Утешителем». Все люди жаждут счастья, но каждый понимает и ищет его по-своему: большей частью – во внешнем и преходящем, в мертвой материи – там, где его нет. Поэтому люди несчастны, а история человечества – трагична. Человек думает найти счастье в утверждении себя, в удовлетворении своих стремлений и страстей, иногда – грубо чувственных, иногда – утонченных и опозитизированных. Но душа, едва достигнув желаемого, ощущает пустоту и разочарование. «Это не то, что я ожидала», –

говорит она. Только Бог, создавший человека из небытия, может наполнить Собой бездну его сердца и даровать ему Свой мир и покой.

В день Пятидесятницы Дух Святой основал христианскую Церковь. Древние и новые теософы говорят, что христианство – лишь один из многих путей к Богу. Но Христос сказал: *Никто не приходит к Отцу, как только через Меня* (Ин. 14, 6). В других религиях есть захватывающие мистерии, феерический блеск мысли, призрак неких высот и глубин, в них даже можно найти изречения, вербально схожие с евангельскими (чаще всего – заимствованные из Евангелия), но там нет Христа – Божественного Логоса и Духа Святого – Божественной Силы.

Пятидесятница – не только начало Церкви, но и ее постоянное, продолжающееся бытие, изливание Духа Святого и освящение верующих в молитвах и таинствах.

Господь основал в день Пятидесятницы Церковь на земле, чтобы человеческая душа, преображенная благодатью, стала дивно прекрасным храмом Божества навеки.

Преображение (6/19 августа)

В каменной гряде Галилейских гор, окружающих Тивериадское озеро, как ряд крепостных стен с мощными башнями из булыжника и известняка, высится гора Фавор. На ее вершине находится небольшой греческий храм, а невдалеке – остов древней, разрушенной временем и войнами церкви и руины зданий, когда-то представлявших собой сторожевой пост римских легионеров или крепость, построенную мятежными иудеями, бросившими вызов могучей Империи.

Во времена земной жизни Христа Спасителя это была пустынная, заросшая кустарником и низкорослыми деревьями гора. На ее вершину Господь поднялся вместе с тремя Апостолами. Там перед учениками явил Он в зримом образе Свое Божественное величие: вечный Свет Божества, более яркий и чистый, чем лучи солнца, Свет, который не ослеплял, а наполнял душу неизъяснимой радостью, небесным покоем и блаженством. Этот Свет был откровением дивной красоты Божией, в сравнении с которой вся чувственная земная красота показалась бы темной, мрачной ночью, а земные наслаждения, если бы слить их в одну чашу, – напитком, горьким, как полынь. Этот Свет был началом, источником и полнотой бытия. На горе Преображения человеческой мысли ничего не хотелось знать, но только созерцать вечный, несотворенный Свет. Человеческое сердце ничего не могло желать, кроме одного – всегда пребывать в лучах Фаворского Света.

Перед Апостолами открылось таинство вечной жизни, как вечное озарение Божественным Светом, где в каждом мгновении – полнота всего счастья; и в то же время это счастье постоянно увеличивается и раскрывается в новых волнах Божественного Света. Поэтому вечная жизнь – это всегда новое, всегда неведомое, всегда неожиданное, всегда дивно прекрасное и неповторяющееся в своей красоте.

Внутренняя жизнь христианина – восхождение на духовный Фавор, над обрывами и пропастями греха, сквозь колючие тернии своих страстей; это путь стяжания христианином Духа Святого, того небесного Огня и Света, Который в вечности превратит его самого в свет и сделает подобным преобразившемуся Христу Спасителю. Господь преобразился ночью. Преображение – это тайна будущего века; ночь знаменует собой тайну.

Божественный Свет невозможно постигнуть мыслью, найти ему аналогии в земном бытии, воспроизвести в эмоциональной памяти. Когда он является душе, то молчит в изумлении ум, умирает страсть, пробуждаются некие утонченные чувства духа. Человек не знает, в нем ли этот Свет или вне его, но он воспринимает его как жизнь, как выход из своей человеческой ограниченности и обусловленности в свободу Божественного бытия.

Явление Божественного Света священномученик Дионисий Ареопагит назвал «временной вечностью», то есть вечностью, открывшей себя во времени и сквозь время.

Господь преобразился ночью, Божественный Свет далек от всех иных форм света, как солнечные лучи – от мрака глубокой и глухой ночи.

Почему Господь взял с Собой трех Апостолов, а не всех Своих учеников? Потому, что среди двенадцати был Иуда – богоотступник и предатель, недостойный видения Преображения и озарения Божественным Светом. В сердце Иуды царил ад, в нем клубился черный огонь преисподней. Иуда не мог и не должен был воспринимать Божественный Свет, Который он уже согласился продать за тридцать сребреников. Три ученика стали тремя свидетелями Преображения. Им предстояло во время грядущих испытаний укрепить других Апостолов в вере и надежде, что Христос – истинный Сын Божий.

Апостолы с изумлением увидели, как перед Христом предстали два ветхозаветных пророка – Моисей и Илия – и беседовали с Ним. Илия окружен в Ветхом Завете особым почитанием. Его служение сокровенно и мистично. Это – огненный дух веры, который противостоит тлетворному духу языческих цивилизаций и культу человеческих страстей. Это – то духовное пламя, угасить которое не может сатанинский дух, воплощающийся в тиранах и диктаторах на протяжении всей мировой истории и готовящийся с особой силой проявиться в лице грядущего антихриста – «апостола» и медиума сатаны.

Дух Илии – это всецелая преданность Богу, внутреннее очищение человеческого ума и сердца, делающее человека еще при жизни ангелоподобным. Это огонь любви к Богу, любви требовательной, бескомпромиссной, которая может показаться суровой и даже жестокой, жертвенно помогающей всякому добру и в то же время, как пламя, испепеляющей грех и зло. Илия должен прийти в конце мира. Он – Предтеча Второго Пришествия Христова. Он придет в то время, когда зло примет невиданные ранее колоссальные размеры и изощренные формы, когда земная власть и сам руль истории неожиданно окажутся в руках антихриста. Антихристом завершится та богоборческая ветвь человеческого рода, которая началась с Каина, протянулась к Нимвроду, дала миру, как ядовитые гроздья, древних и новых тиранов, убийц и насильников человечества. Квинтэссенция мирового зла – антихрист.

Первый Предтеча Христа – Иоанн Креститель – стал жертвой Ирода, царя из духовного рода антихриста. Предтеча Второго Пришествия Христова – Илия – станет жертвой самого антихриста. Явлением Илии на землю замкнется последнее звено истории мира. Черной бездне греха должен противостать ослепительный свет.

С Христом беседовал пророк Моисей. Он назван Боговидцем. На Синае Моисей принял от Бога Закон, но этот Закон должен был раскрыться и высветиться в своих глубинах на Голгофе. Этот Закон предвозвещал Евангелие; оно содержалось в нем, как сердце в груди человека, или как семя носит в себе начаток прекрасного цветка. На Синае Моисей просил Господа показать ему Свое лицо, но услышал в ответ, что может видеть только след Божества.

Толкователи Библии объясняют, что «следом» и «тенью» Божества назван видимый мир, который учит Боговидению и Богопознанию, а также – написанный Закон. Лик Божества – это само существо Божества, которое остается неведомым даже для светозарных духов. Наиболее четкое определение Божества – Бог, не постижимый мыслью и не выразимый словом.

Илия был живым взят на небо, то есть перенесен в другой эон существования, в другие, вневременные сферы бытия, в инобытие. В конце мира он должен прийти, чтобы отдать дань смерти, умереть как человек, но воскреснуть как причастник и общник Святаго Духа.

Моисей умер на горе Нево. Оттуда он видел расстилающиеся под его ногами просторы Обетованной Земли, а духовным взором созерцал Небесное отечество, в которое должен был ввести народы не меч Иисуса Навина, а Крест Иисуса Христа. До Голгофской жертвы душа Моисея, как и души всех людей, еще не искупленных Спасителем, находилась в аду. Но ад был для праведных не местом и состоянием мучения, а грустью о

разлучении с Божеством, озаряемой надеждой на пришествие Мессии. Поэтому экзегеты считают, что Христос беседовал с пророками Илией и Моисеем о Своих страданиях, Распятии и Воскресении из мертвых.

Надо сказать, что теософы и антропософы⁵, основывающие свои мировоззрения на языческой космологии и антропологии Вед и Упанишад, гностиков и манихеев, нередко пытаются подтвердить Священным Писанием проповедуемую ими теорию перевоплощения (метампсихоза). В своих переложениях Евангелия под броскими названиями: «Евангельский эзотеризм», «Тайна открыта» и т. д. они пытаются доказать, что Иоанн Креститель – это перевоплощение пророка Илии. Здесь мы имеем дело, во-первых, с незнанием библейской символики и образного языка Евангелия; во-вторых, с фрагментом, взятым вне связи с определенным контекстом и всем Евангельским повествованием в целом.

Слова Спасителя *Илия уже пришел* (Мф. 17, 12) означают сходство пророческого служения Илии и Иоанна Крестителя. Иоанн Креститель – Предтеча Первого Пришествия Христа, которым замыкается исторический цикл Ветхого Завета. Илия – Предтеча Второго Пришествия, которым должен завершиться новозаветный, последний цикл земного существования человечества, так как третьего Откровения и иного Евангелия не будет. В устных ветхозаветных преданиях Илия выступает как Предтеча Мессии, поэтому Иоанн назван, по величию и значению своего пророческого служения, Илией. Иоанн – проповедник покаяния, Илия – обличитель мирового зла.

В Евангелии повествуется, как иудеи спрашивали Иоанна Крестителя: *Ты Илия?* Он ответил: *Нет* (Ин. 1, 21). Следовательно, по мнению антропософов, самопознание величайшего из пророков было намного ниже, чем оккультные знания их вождя – Рудольфа Штайнера.

Во время Преображения Господу явился Илия, а не Иоанн Креститель. Антропософы указывают, что это событие произошло после смерти Иоанна Крестителя, и опять попадают в логическую неувязку. Если перевоплощение теософы и антропософы связывают со ступенями духовной лестницы, то, значит, они считают, что жизнь Иоанна Крестителя – отшельника, проповедника покаяния и мученика за правду – ничего не прибавила к его прошлому существованию, то есть перевоплощение в Иоанна ничего не прибавило и не убавило для Илии. Тогда зачем же само перевоплощение? Для индуистов и теософов личности как нравственно-волевой духовной монады не существует. Для них лица – это театральные маски. Кончается космический цикл, день Браммы, артисты сбрасывают маски и исчезают за кулисами. Сцена космической истории погружается во тьму. Брама спит. Затем Абсолют пробуждается с непонятным желанием снова начать маскарад, снова разыгрывать сценарий, очередную выдуманную им самим трагикомедию на подмостках мировой истории, где зритель и артист – сам Абсолют. Любимым философом Штайнера был Яков Бёме, который учил, что мир – это отражение трагедий и противоречий, возникающих в недрах Самого Божества (то есть Бог – причина зла), а также – пантеист Гёте, для которого Христос и сатана в эмоциональном восприятии одно и то же.

Христос в Преображении явил Свое Божество, но не «Своего Бога», Сам будучи Богом. Мейстер Экхарт – один из предтеч Штайнера, учение которого вдохновляло Андрея Белого и Пшебышевского своим сатанинским декадансом, – отрицал Бога как Личность и Существо, допускал Его лишь как безликое Божество, как некую субстанцию мировой любви, и утверждал, что не человек должен быть благодарен Богу, а Бог человеку – за то, что в нем нашел для Своей любви объект. Этот примат человека над Богом проходит через всю неоязыческую, так называемую «идеалистическую немецкую философию» и одинаково уничтожает личность как Бога, так и человека. При этом «бог» у Гегеля и вообще в немецком неоязычестве играет еще более жалкую и забытую роль, чем

---

⁵ Об антропософии и ее основоположнике — Рудольфе Штайнере см. далее. — *Ред.*

Абсолют индуизма, тешащий себя своими иллюзиями и вечно играющий в шахматы с самим собой.

На Фаворе Господь явил Свет Божества. В XIV веке во время знаменитых споров паламитов⁶ с их противниками афонские монахи прислали в Константинополь томос, где на основании святоотеческих преданий и мистического опыта Афона утверждали, что Фаворский Свет – это вечные несотворенные Божественные энергии, которые отличаются от Божественного Существа тем, что имманентны (присущи, сообщаемы) сотворенному миру, тогда как Божественное Существо трансцендентно, то есть запредельно, и, будучи внепространственно, во всем всегда остается выше всего. Божественному Существу принадлежит понятие «Личность». Поэтому мы называем Его Богом, а Божественный надмирный Свет – силой и действием Божества.

Монахи Афона писали, что существует три вида света. Один свет – чувственный, которым человек воспринимает цвета, линии, очертания, то есть реалии земного мира. Этот свет доступен не только человеку, но и низшим существам. Преподобный Антоний Великий сказал знаменитому катехизатору Дидиму, слепому с детства, когда тот жаловался, что Священное Писание ему пришлось изучить лишь по слуху: «Не печалься, что не видят твои телесные очи, которые имеются у муравьев и стрекоз, а радуйся, что ты обладаешь оком сердца, которое видит Ангелов, созерцает духовный мир».

Второй свет – свет интеллекта, свет рассудка; это свет наших мыслей и представлений; свет, достигающий особой интенсивности у философов, ученых, художников и поэтов; свет логических суждений и творческой фантазии. Это свет души, свет сотворенный, которому недоступны реалии вечности.

Третий свет – это свет Божественных откровений, это свет Духа, свет Фавора, свет аскетов и подвижников, свет, озаряющий сердце во время молитвы. Это свет, в таинственную область которого нельзя проникнуть путем логизации или силой разгоряченного воображения. Он открывается душе как новая жизнь, как духовное прозрение. Это свет мистиков и богословов, свет Боговидения и Богообщения. Свет, который воспринимается душой как полнота бытия, как полнота гносиса и полнота счастья.

Интеллектуальный свет – это свет Афин, а свет духовный – свет Фиваиды и Иерусалима, Афона и Гареджи⁷. Это свет, озарявший мучеников, делавший огненными слова проповедников; свет, который был единственным сокровищем тех, кто лишал себя всего ради Христа. Обладатели его чувствовали себя богаче и могущественнее царей. Это свет, открывающийся душе в церковных таинствах, в молитве и аскезе, свет, исходящий от чудотворных икон и мощей святых; это нетленный свет догматов Православия и мистической жизни Церкви. Мир не знает духовного света. Для него высшая ценность – интеллект, и поэтому на основе умозрительных интеллектуальных представлений он хочет судить о духовном. Отсюда происходят ереси и секты, ложная мистика, реформаторство в Церкви, пренебрежение церковной традицией и желание заменить духовный свет интеллектуальным, страстным, ограниченным, судящим о небесном по-земному, имеющим критерием истины себя самого.

Паламитские споры наряду с прочим выявили и еще одно разделение между Восточной Церковью и Римом, проходящее через область аскезы и мистики. Для католического богословия нет различия между Божественным Существом и Его энергиями-действиями, а Фаворский Свет мыслится как нечто временное и сотворенное; не как явление Божества и тайны вечности, а как некая иллюминативная демонстрация силы. Поэтому Западная Церковь, потеряв учение о духовном свете, после разрыва с

---

⁶ *Паламиты* — сторонники выдающегося православного богослова XIV столетия свт. Григория Паламы, архиепископа Солунского, в полемике с Варлаамом Калабрийским и его единомышленниками доказывавшего нетварность вечных Божественных энергий. — *Ред.*

⁷ Имеется в виду знаменитая Лавра преподобного Давида Гареджийского в Грузии. О нем см. ниже, в статье «Икона “Слава Грузинской Католикосской Церкви”», с. 242–243. — *Ред.*

Восточной начала омирщвляться: сначала – через рационализм схоластики, затем – через натурализм Ренессанса.

А Православие сохранило себя, невзирая на все натиски со стороны всепроникающего духа времени. Сохранило себя не только в православных догматах, но и во всей жизни Церкви в ее цельности и неразделимости, ее мистике, ее обрядах и песнопениях, ее преданиях о внутренней молитве, ее блестящей патристике. Православная Церковь – хранительница Фаворского Света, Света Преображения, и только при включенности в нее, жизни в ней, человеческая душа может озариться вечным духовным светом и испытать мистическое воскресение прежде всеобщего Воскресения из мертвых.

...Измученные величественной картиной собеседования Господа и двух Его пророков, Апостолы пали на землю. Но вот все кончилось. Христос стоял один.

Господи! хорошо нам здесь быть (Мф. 17, 4), – сказал Петр. Ему хотелось навсегда продлить время Преображения. Это была радость будущего Небесного Царства. Только в лучах Божественного Света сердце человека получает истинную отраду и покой, ум его постигает сверхлогическую и сверхчувственную тайну бытия. Но свет угас. Нужен был подвиг жизни, апостольские труды и мученическая смерть, чтобы навеки стяжать в себе Божественный Свет, чтобы войти в его бесконечное Царство. Господь показал ученикам Свет Божества. Теперь они должны достигнуть его в духовной борьбе с плотью, миром и демоном. Для Христа Фавор предшествовал Голгофе, для последователей Его Голгофа предшествует Фавору.

Апостол Петр писал христианам в своем Соборном Послании: *Вы – род избранный, царственное священство* (1 Пет. 2, 9). Божественный Свет Преображения делает душу человека алтарем храма, а сердце – жертвенником, на котором приносится Богу непрестанное священнодействие молитвы.

Божественный Свет изображается на иконах как нимб вокруг лика святого. Это драгоценная корона, которой Господь венчает победителей. Божественный Свет Преображения – это тайна будущего века, когда в огне сгорят небеса и земля и будут новая земля и новое небо.

Успение Пресвятой Богородицы (15/28 августа)

Иерусалим – один из самых древних городов мира. По христианскому и древнеиудейскому преданиям, его основал старший сын Ноя Сим и сам был в этом городе первосвященником и царем. Иерусалим означает «мир Божий». Голгофская жертва должна была примирить Небо с землей, человека с Богом, а сошествие Святого Духа в Сионе – открыть человечеству Царствие Божие, царство бесконечного мира. Само царство Духа открывается в сердце как совершенный мир, где нет сомнений, нет противоречий, разделений, противостояний и вражды. В Иерусалиме должна была прозвучать первая проповедь о спасении человечества – чтобы откликнуться эхом во всех пределах и концах земли. В Иерусалимском храме Воскресения изображен круг с надписью «Центр мира». Эта надпись вызывает удивление и усмешку у тех, кто под центром земли подразумевает некую географическую точку. Между тем, Иерусалим, и прежде всего Голгофа и Гроб Господень, – это центр земной и космической истории. В космографическом отношении Земля – пылинка в пылающей звездами бездне галактики – одного из несчетных скоплений звезд. Но Земля в мистическом значении – центр Космоса. Из нее взял тело Свое Христос Спаситель. На Земле Христом была одержана победа над демоном, поэтому Земля остается центром и сердцем Вселенной.

Иерусалим как будто вобрал в себя все противоречия, все противостояния, яркий свет и глубокую тьму. Этот город – святой и преступный, город пророков и богоубийц, город героев и торгашей, которые за плату предадут на смерть Мессию.

У Ездры сказано, что Господь выбрал из всех цветов лилию, а из всех городов Иерусалим (Ср. 3 Езд. 5, 24–25). Иерусалим – город Божий, но и демон свил там свое

гнездо. В Иерусалимском храме старейшины совершали языческие мистерии и поклонялись Бафомету.

Здесь во времена Антиоха тысячи героев, не только мужчин, но также женщин и детей, шли на смерть, на пытки и на усечение мечом во имя единого Бога. Здесь же тайные братства Люцифера, как пауки, плели паутину, чтобы опутать ею весь мир. Сюда пришел Христос, чтобы сделать этот город таинственной чашей Своей Крови – «каменным Граалем». Но сюда Христос пришел и потому, что в Иерусалиме скорее, чем в каком-либо другом месте, Его могли распять.

Дивный вид открывался паломникам с горы Сион. Город был похож на причудливое, слитое воедино здание. Он поднимался террасами по склонам гор и холмов. На утесе горы Мориа стоял храм Иеговы. Его построил Соломон, возобновил Зоровавель, украсил и расширил Ирод. Иерусалимский храм называли восьмым чудом света. В Иерусалиме Апостолы впервые произнесли слова, ставшие радостными и благословенными на всех языках мира: «Христос Воскрес». Здесь же была основана первая христианская община.

Господь оставил Церкви Своей великий дар – Свою Пречистую Матерь, благословив Ее долгой земной жизнью. Первые главы Евангелия от Луки – это рассказ Божией Матери о рождении и детстве Христа. Но о Самой Деве Марии в Евангелии сказано немного. Священное Писание хранит о Ней молчание, потому что жизнь Божией Матери – тайна. Эта жизнь сокрыта от взоров людей. Царь Давид пророчески писал о Ней: **Вся слава дщери Царя внутри** (Пс. 44, 14). Нельзя передать словом то, что выше слова.

Незадолго до Успения Божией Матери Ей явился Архангел Гавриил – Ее Ангел-Хранитель – с пальмовой ветвью в руке и сказал, что скоро Господь возьмет Ее к Себе. Пальмовая ветвь – символ победы.

Дева Мария – единственная из людей, кто сохранил всецелую чистоту души и сердца, кто никогда не изменил Богу ни одной мыслью, ни одним движением сердца.

Апостолы, ученики Христа, узнав о близкой разлуке, были поражены глубокой скорбью. Но Дева Мария утешала их, обещая, что смерть не разлучит их, что по смерти Она будет к ним еще ближе. В день Успения Богородицы Апостолы собрались к Ее одру. Внезапно они увидели Христа, Который взял на руки душу Своей Матери. Дева Мария носила у груди Своей Христа-младенца, а теперь Сын и Бог возносил Ее душу в Вечное Царство, из земного Иерусалима в Иерусалим Небесный. С пением гимнов и псалмов понесли Апостолы одр с телом Божией Матери через Иерусалим в Гефсиманский сад; они погребли Деву Марию у могилы Ее родителей – святых и праведных Иоакима и Анны.

...Когда заходящее солнце, опускаясь за горизонт, озаряет своим мягким светом землю, словно прощаясь с ней, когда синева неба кажется особенно прозрачной и глубокой, а края облаков окрашены в золотистый цвет, то чувство глубокой внутренней тишины и мира охватывает сердце.

Так однажды святой патриарх Иерусалимский Софроний в раздумье сидел на вершине горы Сион. Магометане, разбив византийский гарнизон, приближались к Святому Граду. Но вечер был тих и спокоен. Лучи закатного солнца озаряли небо цветами радуги. В эти минуты патриарх испытал необычайное чувство неземного покоя, ощутил дыхание вечности, как будто время с его бедствиями и войнами остановилось.

Патриарх написал на пергаменте слова, которые излились из его сердца: *Свете тихий, святая славы...* Этот бессмертный гимн Церковь поет во время каждой вечерни. И Успение Божией Матери похоже на прощание солнца с землей.

Много видел на своем веку Святой Град. Войска вавилонян и римлян брали его штурмом, разрушали крепостные стены до основания, сжигали святыни, превращали город в руины; в опустевших домах обитали филины и дикие звери. По улицам Иерусалима гарцевали на своих скакунах воины-арабы, двигались стройными рядами закованные в латы рыцари-крестоносцы – казалось, что гранитные плиты мостовой стонут и дрожат под копытами их коней. Над воротами города сменяли друг друга знамя с римским орлом, двуглавый орел Византии, полумесяц со звездами, белый стяг с крестом,

ливанский кедр и шестиконечная звезда. Иерусалим превращался в развалины и отстраивался вновь, точно воскресал из пепла. Но среди огненных шквалов гробница Божией Матери оставалась невредимой. Словно волны бушующего океана замирали у ног Девы Марии.

День Успения Божией Матери – великий праздник Православной Церкви. Смерть стала праздником. Само слово Успение означает «тихий сон», успокоение от земных трудов и скорбей, а затем – пробуждение в вечную радость, в вечный день, где нет ночи, где небесные сферы наполнены сиянием, подобны морю света. Святые говорили: «День смерти больше дня рождения». Смерть открывает человеку его самого.

Смерть высвечивает глубины души, тайники сердца человека, где в подсознании хранится закодированная, как бы засекреченная запись всей его жизни, его слов и поступков, желаний и тайных помыслов. Ничто не проходит без следа. Все остается в тайнописи памяти сердца. То, что, казалось бы, навсегда исчезло в темных провалах прошлого, сохранилось в подсознании.

Великая мудрость – познать себя. Но обычно мы видим только самую поверхность нашей психической жизни, ее верхний внешний слой, а глубины остаются для нас сокрытыми.

В Священном Писании человеческое сердце сравнивается с морем. Когда мы смотрим на расстилающееся перед нами бездонное, бескрайнее море, – то тихое и ласковое, как будто нарисованное лазурью и бирюзой, то потемневшее от гнева перед бурей, то вздымающее волны, похожие на хребты гор, покрытые снегом, – то видим только поверхность его, а глубина непроницаема для нас. Неизвестно, что таит море на дне, в своей глубине: драгоценные камни или чудовищ, растения, похожие на морские цветы, или мертвые подводные скалы.

В сердце суммируется все, что происходит с человеком. Смерть – последний момент в самоопределении человеческой личности. В вечности изменений нет. Там – раскрытие добра и зла, которые за время жизни человек накопил и спрятал в своем сердце, как богач – сокровище в глубоком подземелье. Для одних день смерти светел и прекрасен, для других ужасен, как день казни. Для праведника смерть – это пробуждение в дивно прекрасном мире света, среди лучезарных духов. Для грешников – это все нарастающий ужас.

Пробуждение грешника в аду страшнее, чем пробуждение уснувшего летаргическим сном в гробу. Очнувшийся в гробу не понимает, где он, что с ним произошло. Он кричит, зовет на помощь, но его никто не слышит – как в огромной безлюдной пустыне; он пытается поднять крышку гроба, но не может даже пошевелить ее. Она наглухо забита гвоздями, придавлена тоннами земли, сверху могильный камень лежит, как печать. Приходит смерть. А для грешника смерти как уничтожения не будет. Он вечно умирает в клубке таких же человекообразных змей. Конца нет, время застыло в вечности; это ад. Ад – место забвения, место, где нет любви; это море ненависти. Там душа делается демоноподобной. Как происходит это с человеком? Вы знаете, история представляет поразительные примеры людей-чудовищ, но и в нашей повседневной жизни мы встречаемся с мерзкими проявлениями жестокости и садизма, когда человек становится если не демоном, то мелким бесом, испытывает постоянную потребность и находит тайное наслаждение в том, чтобы причинять боль и страдание другим – хотя «мелкие бесы» ни за что не признаются в этом.

Как согласовать любовь Божию и существование вечных мук? Рай и ад – это прежде всего внутреннее состояние. Некоторые люди представляют ад, как огромную тюрьму, как ГУЛАГ космических размеров, и недоумевают, почему не дать грешникам полной амнистии, почему не открыть ворота этой темницы? Но будет ли грешнику, несущему ад в своем сердце, где-нибудь лучше, чем в самом аду? Будет ли человеку, сгнивающему от рака, легче и радостнее, если перед ним поставит блюдо с самыми прекрасными плодами, когда он не может проглотить даже крошку пищи? Разве будет счастлив больной

бешенством и мучающийся от жажды при виде воды, если у него тотчас начинаются судороги, спазмы в горле? Сам Божественный свет будет томить и ужасать грешников подобно тому, как яркий свет мучителен для больных, воспаленных глаз. Всякий грех в его мистическом значении – вражда с Богом. Грех в потустороннем мире превращает саму душу грешника в черный беспросветный пламень ненависти к Богу.

Спасение – это синергизм, взаимодействие двух волей – Божественной и человеческой. Свободная воля – величайшее достоинство человека. Без свободной воли не существует личности. Но великий дар богоподобия таит в себе великую опасность ложного, погибельного самоопределения. Возникает новый вопрос: почему же Господь не уничтожил саму возможность греха, которая заложена в свободной воле? Но в таком случае человек из личности превратился бы в простой предмет этого мира. Он перестал бы быть нравственным существом, как мы не можем назвать нравственным автомат с заранее заложенной в него программой, какой бы прекрасной она ни была. Сама нравственность подразумевает свободу выбора и действия, потенциальную возможность зла, но в то же время – и победу над ним.

Земная жизнь дана человеку для самоопределения. Здесь, на земле, в глубинах человеческого сердца, решается роковой вопрос: «С Богом или без Бога?» Любовь соединяет, ненависть разлучает. Без любви невозможно Богообщение, без богообщения невозможно спасение. Вне Божественного Логоса и Его вечного Света открывается область тьмы и безумия, область ада и хаоса.

Ад – это внутреннее одиночество, вечная богооставленность, вечная деструкция и распад самого человеческого существа. Трудно найти подобие состояния совершенной богооставленности. Представьте космический корабль, который потерял управление и летит в бескрайние мертвые межзвездные просторы. Все дальше и дальше становится Земля, как будто она сама удаляется от корабля со страшной скоростью. Земля превращается в едва различимую точку, а затем теряется в космической ночи, как в огромной могиле – навсегда. Люди чувствуют себя в необъятном царстве смерти, они знают, что спасения нет, что они обречены, что они навеки оторваны от Земли, как ребенок от материнской груди. Они знают, что скоро придет смерть, но их тела не лягут в землю, не превратятся в теплую земную пыль, а затеряются в космосе, как на огромном кладбище; что они вычеркнуты из самой памяти Земли.

Знаменитый богослов III века Ориген нарисовал грандиозную картину апокатастасиса – всеобщего возвращения к Богу, спасения по необходимости, по некоему «надзакону», которому одинаково подчинены Бог и человек.

Эта «необходимость», замыкающая весь ход мировой истории в круг, где конец равен началу, похожа на рок язычников. Ориген, как все либералы-утописты, обещал человечеству даровой рай, который затем, точно в руках иллюзиониста, превращается в ад. Учение Оригена в нравственном аспекте было тайной апологией греха и поэтому представляло большую опасность, чем кровавые культы Молоха и ритуальные убийства индийских «душителей». Ересь Оригена была отвергнута и осуждена на V Вселенском Соборе как ложная надежда. Церковь не льстит страстному человеческому сердцу; она учит истине, хотя бы истина была суровой, как меч, реальностью. Она учит об аде, чтобы спасти людей от ада; о вечной смерти, чтобы даровать людям вечную жизнь...

Во время Крестных Страданий, обращаясь к Деве Марии и апостолу Иоанну Богослову, Христос сказал: ***Се, Сын Твой; се Матерь Твоя!*** (Ин. 19, 26–27). Экзегеты видят в этом таинственный смысл: усыновление Божией Матерью в лице Иоанна Богослова всех христиан.

В Деве Марии христиане обрели Небесную Мать. Ее сердце, расширенное страданиями, объяло своей любовью все человечество. Тайна Божией Матери – это тайна любви.

Больше всего чудотворных икон – Пресвятой Богородицы. Это видимый знак Ее невидимого присутствия. На иконе «Умиление» Ее лицо девственно-чистое, почти

детское. На иконе «Кипрская» Она царственно прекрасна. На иконе «Семистрельная» Дева Мария изображена с семью клинками, пронзающими Ее грудь, на лице Ее – покорность воле Божией. На иконе «Огневидная» Она погружена в молитву, Ее окружает пламя благодати.

Как ребенок называет свою мать самыми ласковыми именами, так христиане выразили свою любовь к Божией Матери названиями икон: «Всех скорбящих Радость», «Утоли моя печали», «Споручница грешных», «Умягчение злых сердец», «Отрада» («Утешение»), «Избавительница», «Державная», «Взыскание погибших», «Нерушимая Стена». А преподобный Серафим Саровский называл Деву Марию «Радостью всех радостей».

Для христиан праздник Успения – это преображение самой смерти, победа над грехом, возвращение путника из дальнего странствия в отчий дом.

Божия Матерь с нами; Она не покинет нас, покуда солнце не отвернется от напоенной кровью и слезами земли.

Колесование святого великомученика Георгия Каппадокийского Победоносца (10/23 ноября)

Одна из самых величественных картин, открывающихся перед человеком, – это вид ночного неба. В ясную безоблачную ночь далекие острова звезд в иссиня-черном океане неба кажутся зажженными лампадами, огненными цветами и россыпью алмазов, брошенных в бездонные и бескрайние просторы, в бездну Вселенной.

Гимнографы часто сравнивают Церковь с небом, а святых – с бесчисленными сонмами звезд. Кажется, что звезды, как живые существа, своим далеким мерцающим светом беззвучно беседуют с душой человека и открывают тайну вечности его сердцу. Звездное небо похоже на лист Священной Книги, где зашифровано в светящихся иероглифах откровение о Творце мира. Звездное небо – это символ высших духовных сфер, где Ангелы и угодники Божии сияют, подобно горящим светильникам.

Есть имена святых, жизнь которых особенно много говорит человеческому сердцу, их подвиги и страдания затрагивают самые глубокие струны наших душ. Одно из таких имен, подобное драгоценному камню в небесной короне, – имя святого великомученика Георгия, названного Победоносцем. С этим именем идут в далекий путь, с этим именем вступают в бой, этим именем клянутся в верности, им благословляют родители своих детей. Это имя прославлено во всех христианских странах – от Сирии до Франции, от песков Сахары до снегов Сибири. Серебряные иконы великомученика прикрепляли на своей груди воины, готовясь вступить в бой.

В Грузии храмы во имя святого Георгия воздвигнуты в каждой местности, особенно почитают его в горных областях. Жизнь горца похожа на жизнь аскета. Вместо богатства он имеет свободу, вместо мирских развлечений – обычаи гор, которые жителям долин кажутся монастырским уставом. Путь пастухов и охотников часто проходит на головокружительной высоте, под ногами их расстилается бездна. Высокогорные тропы нередко так узки, что на них не могут разойтись два человека; здесь не за что удержаться рукой от падения, если камень выскочит из-под ноги: единственная опора для пробирающегося по едва заметной, прильнувшей к скале тропинке путника – молитва и сила воли. Если дрогнет, не выдержит сердце, то бездна поглотит человека, как змея, притягивающая к себе добычу своим завораживающим, гипнотическим взглядом. Поэтому горцы так почитали храмы святого Георгия – даже их развалины, руины и камни. Святой Георгий делает сердце человека в горах твердым, как меч в бою.

На гербе царей Грузии Багратиони святой Георгий изображен поражающим дракона. Прежде образ великомученика на знаменах грузинского войска был вышит шелком. Во

время боя знамя держал Руставский епископ, а священники – иконы. Нередко изображение святого Георгия было вычеканено на латах воинов.

На многих языках мира Грузия называется землей Георгия. Этимологически можно по-разному объяснить это наименование. Но самое главное, что в сознании грузинского народа святой великомученик Георгий – его покровитель. Есть некая таинственная цикличность в истории. Последний грузинский царь носил имя Георгий, как бы в знак того, что с его смертью судьба страны вверяется святому Георгию. Последним императором России был Николай II – известно, что русские особенно почитают святителя Николая; последним византийским императором – Константин XII, а святой равноапостольный Константин Великий основал Царьград и Византийское государство; последним болгарским царем – Борис, а при равноапостольном Борисе в IX веке была просвещена Болгария; последним эфиопским императором – Соломон (Селассия): династия эфиопских императоров – одна из древнейших в мире – ведет свое начало от библейского царя Соломона и царицы Савской. Чем это объяснить, случайностью и совпадением или тем, что человеческая история имеет свой духовный подтекст? Нередко в своих ритмах и феноменах она разгадывается, как притча, и открывается, как пророческая запись. Само почитание святых народом, особая, теплейшая любовь к ним свидетельствуют, что они, эти святые, остаются его покровителями. Поэтому и герб, и боевые знамена Грузии вместе с чудотворными иконами и мощами святого Георгия служили щитом для страны в течение многих веков.

Также у горцев существовало предание, что в пещере скалы Казбек жил в древности подвижник по имени Георгий, которого они почитают как своего просветителя. Обычно такие предания имеют под собой в качестве основы исторический факт и являются памятью народа, поэтому к ним надо относиться с самым серьезным вниманием.

Праздник святого Георгия в ноябре установлен в память его колесования и пыток. Этот праздник вошел в плоть и кровь народов Грузии, история которой представляет собою сплошной мариолог – летопись о мучениях. Колесование святого Георгия Победоносца – едва ли не единственный в Церкви праздник, когда прославляется один из мученических подвигов, отдельно избранный из всей жизни святого. Во времена нашествия Джалал-эд-Дина, который превратил Тбилиси в чашу крови, Тамерлана, который прошел, как призрак смерти с косой в руках, от востока до запада Грузии, шаха Аббаса, обратившего города в руины, а села – в логова диких зверей, такой необычный праздник, как память колесования великомученика Георгия, был особенно близок душе народов Грузии. В ноябре Церковь установила и еще один праздник в честь великомученика – в память перенесения его мощей из Рима в Палестину, в город Лидды – родину его матери, где впоследствии во имя Георгия Победоносца был построен и освящен храм. В старых грузинских календарях ноябрь называется месяцем святого Георгия.

Вообще в Грузии кроме церковных праздников святого Георгия существуют также местные народные празднества – по названию храмов и местностей: «Белый Георгий», «Млетский Георгий» и т. д.

Иудейский и языческий мир в лице Каиафы и Пилата осудили Христа на смерть. Повсюду проповедь христианства встречала ненависть и гонения, везде капли мученической крови становились зернами будущего восхода Церкви. Некоторые исследователи объясняют это только особенностью римского язычества, для которого само государство стало божеством. Но не менее жестокие гонения христианство испытало и за пределами Империи. Римский пантеон собирал в своих стенах богов всех побежденных народов и завоеванных провинций. Идолы мирно уживались между собой, как одна единокровная и единокровная семья. Наверное, тот, кто впоследствии назвал пантеоном элитарные кладбища, обладал тонкой наблюдательностью. Пантеон в переводе означает «Храм всем богам». Но христианство языческий мир встретил, как гладиатор с

обнаженным мечом встречает на арене цирка своего врага. В период языческих императоров Церковь испытала десять великих гонений. Самое страшное из них, унесшее больше жертв, чем войны с варварами, разразилось после долгого затишья внезапно, как смерч на море, при императоре Диоклетиане.

Диоклетиан был сыном вольноотпущенника, раба, получившего свободу, и взшел по шатким ступеням трона благодаря своему пронизательному уму и кипучей энергии. Рим в то время был похож на сотрясаемые подземными взрывами Помпеи. Междоусобицы и нашествия варварских народов грозили похоронить государство под лавой и пеплом. Диоклетиан быстро провел в стране и армии необходимые реформы. Он взял себе в соправители двух августов и двух цезарей, увеличил войско, расширил число и автономию провинций, основал в Никомидии новую столицу. Однако закончил император свое столь блистательное в начале правление мрачным злодеянием – многолетним гонением на христиан.

В сознании народа история Рима с его славными победами была неразрывно связана с языческой религией, государство – с культом императора. Христиане, отказывающиеся поклоняться идолам и воздавать божественные почести императорам, казались врагами государства и причиной всех зол. Нерон обвинил христиан в поджоге Рима, Диоклетиан – в поджоге всей империи. Нерон из ложи Колизея любовался, как умерщвляют христиан львы и гладиаторы, составляя при этом трогательные песнопения. Престарелый Диоклетиан из своего дворца в Никомидии, как из сторожевой башни, смотрел на страшную гекатомбу⁸, которая совершалась по всей Империи в течение нескольких лет. Во время этого гонения и был предан пыткам и смерти полководец Диоклетиана – великомученик Георгий Победоносец.

Святой Георгий родился в III веке в Каппадокии. Он происходил из княжеского рода; его отец занимал высокий пост в римском войске, однако вскоре претерпел смерть за Христа, и мать с ребенком переехала в свое имение в Палестину, в город Лидды. Она посвятила жизнь воспитанию сына, научила его Священному Писанию, часто рассказывала о христианских мучениках и о доблестном подвиге его отца.

Святой Георгий поступил на воинскую службу и благодаря своим способностям и мужеству, проявленному в боях, уже в молодости получил звание полководца и трибуна. В то время Диоклетиан под влиянием жрецов и своего зятя Галерия решил уничтожить **всех** христиан в Империи. Он точно хотел на христианах исполнить желание Калигулы: «Если бы у человечества была одна шея, то я одним ударом отрубил бы ее».

В Риме существовал сенат, но он давно превратился в подобие театральной декорации. Все главнейшие вопросы государственной жизни решались на тайном совете, в котором участвовали только император и его ближайшие друзья. Однажды, собрав такой совет ночью (как предписывал Платон в своей книге «Законы»), Диоклетиан объявил о решении огнем и мечом искоренить христианство. Присутствующие выразили свое одобрение. Решено было издать эдикт против христиан: христианское богослужение запрещалось, храмы предписывалось разрушать или передавать язычникам, все христианские книги подлежали немедленному сожжению. Само исповедание христианства приравнивалось к тягчайшим государственным преступлениям, караемым смертью. Отступники же от христианства освобождались от всякой ответственности и наказания, если только выражали согласие принять участие в языческих ритуалах.

Когда все это было сказано, святой Георгий, присутствовавший на совете, встал и обратился к императору и августам со словами: «Долг царя и правителей соблюдать справедливость и защищать жизнь и права своих подданных, а вы решились предать смерти неповинных людей и превзойти в злодеяниях варваров, не имеющих законов».

---

⁸ *Гекатомба* — массовое жертвоприношение. — *Ред.*

- Кто научил тебя сказать это? – спросил анфипат⁹ Магненций.
- Истина, – ответил Георгий.
- А что такое истина?
- Христос, Которого вы хотите снова распять.

Император дал знак слугам. Они кинулись на Георгия, связали его, стали бить по лицу и бросили в темницу. У тиранов во дворцах были особые тюрьмы – подземелья, где содержались самые опасные преступники, а чаще всего – личные враги. Тиран мог всегда проверить, как охраняется тюрьма, или, отдыхая от государственных дел, послушать стоны узников, закованных в цепи, и вопли тех, кого подвергают пыткам. Эта «музыка» – самая приятная для тирана.

На грудь святому Георгию положили огромный камень. На следующее утро Диоклетиан спустился в темницу и спросил:

- Как ты поживаешь, Георгий?
- Хорошо, – ответил тот.

Ответ привел императора в ярость, и он приказал предать святого Георгия колесованию – жестокой и изощренной пытке. Мученика привязали веревками к колесу, под которым находилась доска, утыканная лезвиями ножей, гвоздями и острыми крючками. Палачи вращали колесо, острия вонзались в тело и разрывали его на части; крючки, впиваясь в него, вырывали куски живого мяса. Обычно во время такой пытки человек умирал. Святой Георгий остался жив – для новых пыток.

Слова святого Георгия «мне хорошо», которые Диоклетиан принял как насмешку, были истиной: во время страданий Господь подает Своим страстотерпцам небесное утешение, недаром в одной из проповедей святитель Иоанн Златоуст сказал: «Со Христом и в аду хорошо». Через шесть месяцев после колесования святой Георгий был предан казни: ему отсекли голову мечом.

Промыслу Божию было угодно, чтобы просветительницей Грузии стала родственница святого Георгия – святая равноапостольная Нина. Жизнь и подвиги великомученика стали знакомы грузинскому народу из уст его сестры; имя Георгия Победоносца пришло в Грузию одновременно с ее проповедью. С тех пор оно сияет на небосклоне Иверской Церкви блеском утренней звезды. Больше всего храмов в Грузии освящено в честь Божией Матери и святого Георгия. Знаменательно, что храм, построенный над гробницей святой девы Нины, назван именем святого Георгия, словно сама равноапостольная Нина перед смертью беседовала со своим братом о будущем Грузии.

Изображение святого Георгия в виде всадника, поражающего копьём дракона, – это не только память о единоборстве с обоготворенным чудовищем и спасении от смерти ливанской царевны, это символ победы христианства над язычеством; победы христианина над драконом греха и страстей в человеческом сердце, победы добра и света над злом и духовной тьмой.

Икона «Слава Грузинской Католикосской Церкви»

В конце XIX века в духовной жизни Грузии произошло знаменательное событие. Известный агиограф и иконописец Михаил-Гоброн Сабинин написал на основе древнегрузинских икон, фресок и миниатюр, которые он в течение своей жизни тщательно изучал, икону «Слава Грузинской Католикосской Церкви», похожую на величественный свод грузинской агиографии.

Будучи человеком глубоко религиозным, он с детства посещал монастыри и святыни Грузии, подолгу жил среди монахов, являлся подвижником в своей личной жизни и на

---

⁹ *Анфипат* — в Римской империи — проконсул, правитель более или менее обширной провинции.
— *Ред.*

склоне лет написал как священную поэму, как духовное завещание потомкам, как гимн Грузинской Церкви эту великолепную икону. Здесь в предельно сжатом пространстве он воплотил духовную историю Грузии в образах ее святых: мучеников и преподобных, царей и воинов, епископов и монахов.

В его творении, как в световом поле, отражена сама душа верующего народа. У этой иконы в молитвенном безмолвии слышится биение живого сердца Грузинской Церкви. Сабинин не только иконописец, но и действительно выдающийся агиограф и историк. Он собрал жития святых Грузии в обширный сборник, который издал на грузинском и русском языках. Каждое житие завершено составленной им молитвой. Древние иконы и фрески он не просто изучал как художник, но молитвенно созерцал и мистически переживал, поэтому его икона отличается непревзойденной внутренней композиционной гармонией, исторической правдивостью и высокой духовностью.

Православная икона – это откровение Божие, это реальное присутствие святых на земле. Это проявление духовного мира в визуальном плане, это поле Божественных сил и энергий, это явление Церкви Небесной в Церкви Земной, это мистическое окно в небо, откуда льется на землю незримый свет. Поэтому икона «Слава Грузинской Католикосской Церкви» – не столько достижение самого Сабинина, сколько дар Божий всей Грузинской Церкви. Мистические творцы иконы – преподобные и мученики, изображенные на ней.

Грузинская летопись «Картлис цховреба», собор Светицховели и икона «Слава Грузинской Католикосской Церкви» – явления, не сопоставимые по своим измерениям и значению. Однако есть нечто общее между ними. Они воплотили в себе историю Грузинской Церкви: одна – на пергаменте, другой – в камне, третья – в красках.

В верхней части иконы изображен Иисус Христос, как на иконе Вознесения – с простертыми для благословения руками. От Христа исходят лучи света, озаряя две сферы – небо и землю, делая их взаимопроникновенными, объединяя в единую Церковь Божественного Логоса, Который открывается как жизнь и свет. По правую сторону от Христа изображена Богоматерь, в руках Ее омофор – длинный узкий платок, который носили иудейские девушки. Божия Матерь простирает светящийся омофор над Грузинской Церковью так же, как распростерла Она его над людьми, молившимися во Влахернском храме, когда Константинополь был осажден врагами, как будто сжат щупальцами огромного спрута.

По преданию, Иверия – это апостольский жребий Девы Марии. После Вознесения Апостолы собрались в Сионской Горнице, чтобы решить, в какую страну идти каждому из них. Дева Мария захотела принять участие в апостольской проповеди, и Ей выпал жребий – Иверия. Богоматерь собралась в путь, но Господь велел Ей оставаться в Иерусалиме и обещал, что Жребий Ее просветится в последующие времена. И тогда Богородица, призвав апостолов Андрея и Симона, вручила им Свой нерукотворенный образ для благословения Грузии. Сведения об этом имеются в грузинской и русской летописях, а также у Никона Черногорца. Грузию назвал Уделом Божией Матери великий святой последнего времени Преподобный Серафим Саровский, которому во время его земной жизни много раз являлась Небесная Царица.

В книге пророка Даниила описывается таинственная борьба Ангелов у престола Божиего. Один Ангел символически назван князем персидским, другой – князем греческим; Архангел Гавриил противостоит этим князьям.

Экзегеты, толкователи Священного Писания, поясняют, что Небесная Церковь участвует в Божественном Промысле о народах мира, что каждой стране, народу и племени даны Ангелы-хранители и символическая борьба Ангелов – это их молитвы о народах земли. В данном случае небесный покровитель иудейского народа Архангел Гавриил молился об окончании Вавилонского плена и возвращении иудейского народа на родину для восстановления Иерусалимского храма. Ангел-покровитель персидского народа молился о продлении плена, чтобы персы через иудеев пришли к вере в единого Бога. Оба Ангела ревновали о славе Божией, оба молились о спасении людей. Поэтому

молитва их была благочестивой борьбой, проявлением любви к хранимому каждым из них народу.

Ангел-хранитель Грузии – Сама Царица Небесная. Это великая милость, но в земном плане – это Божий призыв к подвигу и жертвенности. Любовь Божия познается в испытаниях, о которых Господь сказал Апостолам: *Чашу, которую Я пью, будете пить* (Мк. 10, 39). Жизнь Божией Матери была молчаливым служением Богу, была крестом и страданием, была духовной Голгофой. Исторический путь Грузинской Церкви – путь мученический, это многовековой путь борьбы за Православие с языческим и мусульманским миром. История Грузии – книга, написанная кровью страстотерпцев и слезами преподобных, освещенная багровым пламенем пожарищ и ослепительными молниями битв. Были времена, когда Грузия представляла собой остров среди бушующего моря иноверного мира, которое с грохотом и воем билось о ее берега, обрушивало на нее огромные, как горы, пенящиеся кровью волны, и казалось, что Грузия безвозвратно будет поглощена мрачной свирепой пучиной. Но милость Царицы Небесной была с Грузией, Ее светозарный омофор простерт над Грузинской Церковью.

Великие империи гуннов, хазар и монголов исчезли с лица земли. О многих народах, существовавших прежде, мы знаем только по какой-нибудь истертой надписи на камне или случайно найденной монете; другие народы и племена ушли, не оставив даже следа в анналах истории. А Грузия, отразив бури веков, сохранила как сердце свое – имя Христа, как душу свою – Православие.

Дева Мария – дивный цветок всех добродетелей. Но особенно сияет она смирением, чистотой и любовью. Если христиане не променяют в душе своей три эти добродетели на другие, призрачные, блага, то Ее светозарный омофор, как ангельские крылья, по-прежнему будет сохранять Церковь Грузии во времена всех испытаний.

Рядом с Девой Марией изображен святой великомученик Георгий Каппадокиец, родственник равноапостольной Нины. Он был блистательным полководцем, любимцем императора, но предпочел мучения за Христа мирской славе и умер, как подобает воину, в духовном бою, в котором сама смерть его стала победой. Образ святого Георгия, поражающего дракона, – бесстрашного витязя, небесного покровителя воинов – стал близок Грузии, которой часто приходилось вступать в единоборство с грозными и могучими врагами; здесь после Иисуса Христа и Девы Марии его имя чаще всего призывают в молитвах, особенно – в горных областях.

По левую сторону от благословляющего Христа стоят апостолы Андрей Первозванный и Матфий.

Андрей Первозванный – первый из Апостолов, кто последовал за Христом. Он проповедовал Евангелие в Мегарской колонии – Византии (будущий Константинополь), Колхиде, Иверии, на Северном Кавказе, в Тавриде (Крым) и Скифии. А закончил свой путь в греческом городе Патры, где был распят на кресте.

Апостол Матфий был избран в число 12 Апостолов по жребию – на место Иуды Искариота. Он проповедовал в Абхазии, обратил в христианство сванов и их царицу Диодору, затем вернулся в Иерусалим, где принял ту же смерть, что и первомученик Стефан: синедрион приговорил его к побиению камнями.

Надо отметить, что в Грузии проповедовали также апостолы Симон Кананит, могила которого находится в Анакопии (Новый Афон), и апостол Варфоломей, обошедший с проповедью юго-восточную Грузию. По некоторым сведениям, Колхиду посетил и святой апостол и евангелист Матфей – перед своим путешествием в Эфиопию. Апостолы основывали первые христианские общины, рукополагали для них епископов и пресвитеров. Их проповедь была похожа на прозрачный и чистый свет утренней зари – лучи ее окрасили золотыми цветами вершины гор, но долины еще лежали во мгле и тумане.

Первая по времени святая Грузинской Церкви – блаженная Сидония, мцхетская иудейка, сестра раввина Элиоза¹⁰. Она не видела Христа, но, услышав о Нем, поверила в Него сразу как в Мессию и Спасителя мира, поверила всей силой и любовью своего сердца. И когда ее брат вместе с паломниками отправлялся в Иерусалим (это было в год казни Спасителя), она умоляла его привезти с собой во Мцхета, как великое благословение, какую-нибудь вещь, принадлежащую Христу. Элиоз исполнил просьбу своей сестры. Он находился у Голгофы при распятии Спасителя, купил Его Хитон у одного из воинов-совершителей казни и привез это бесценное сокровище во Мцхета. Святая Сидония встретила брата у ворот. Он рассказал ей, что произошло на Голгофе, и отдал Хитон. Сидония прижала Хитон к груди и от великой скорби о крестных страданиях Спасителя и великой благодати, исходящей от Хитона Господня, бездыханная упала на землю. Весь город собрался возле мертвой девы.

Узнал об этом царь Амазаер (Адарнас) и захотел взять Хитон, чтобы самому облечься в него. Но никакая сила не могла разжать рук мертвой девушки. Ее погребли в царском саду вместе с Хитоном на груди. На этом месте вырос могучий кедр, который покрыл могилу Сидонии своими корнями. Этот кедр, как печать на ее могиле, стоял три столетия. Жители Мцхета заметили, что больные птицы прилетали к кедру, садились на его ветви, клевали хвою и улетали здоровыми; что даже дикие звери приходили к кедру и поедали опавшую хвою. Прошли многие годы, люди забыли о Хитоне Господнем и могиле Сидонии, но сам кедр пользовался благоговейным почитанием народа.

Хитон Господень – это самая великая святыня Грузинской Церкви. В сакральном плане Хитон Господень, находящийся ныне, как в царственном кивоте, в соборе Светицховели¹¹, можно сравнить с духовным солнцем, льющим из недр земли свой незримый свет, или с подземным родником, который невидим для глаз, но питает собой корни цветов и растений. Это тот Хитон, который был соткан руками Пречистой Девы Марии и обогрен кровью Спасителя на Его крестном пути от Гефсимании до Голгофы. Из-за этой святыни Мцхета называли «вторым Иерусалимом». Внутри собора Светицховели построена часовня, похожая по форме на кувуклию – ту, которую воздвиг император Константин над гробом Господним в Иерусалимском храме Воскресения. Хитон Господень, привезенный из Иерусалима во Мцхета, связал духовными узами Палестину и Грузию, храм Воскресения и Светицховели. В сакральном плане Хитон Господень – это столп духовного пламени, достигающий небес, более дивный, чем тот, который вел Моисея с народом по Синайской пустыне среди враждебных племен в Обетованную Землю. Это место, где Ангелы нисходят на землю, а души людей в молитве восходят к небесам. В Евангелии говорится о том, как страдающая неизлечимой болезнью женщина, подойдя в толпе к Спасителю, тайно прикоснулась к Его Хитону и мгновенно исцелилась от недуга (Лк. 8, 43–48). И сегодня исцеления от Хитона Господня получают те, кто приходит к нему с верой и благоговением.

Собор Светицховели, где хранится Хитон, это сердце Грузинской Церкви, закованное в камень и гранит. Имя «Сидония» на финикийском языке значит «рыба». Рыба – символ христианина, так как в воде, при крещении, человек получает вечную жизнь.

Сидония стала первой христианкой Грузии. Не видя Христа, она полюбила Его всей душой, как одна из жен-мироносиц, и мысленно следовала за ним, как Мария Магдалина. Когда она услышала страшную весть о казни Христа, то ее любовь превратилась в страдание и боль, и она упала мертвой на землю, как лань, пронзенная стрелой охотника в самое сердце. Ее грудь стала священным престолом Хитона Господня. Так в древней Церкви в темницах на груди мучеников узники-христиане совершали литургию. Существует предание, что во время Второго Пришествия Господа нашего Иисуса Христа

---

¹⁰ Память св. Сидонии совершается 1/14 октября. — *Ред.*

¹¹ Собор Светицховели воздвигнут над могилой св. Сидонии. — *Ред.*

Сидония выйдет Ему навстречу, держа в руках Хитон, как свидетельство своей вечной любви.

Светицховели – это тот мистический центр, в котором сходятся и от которого расходятся световые лучи-радиусы, соединяющие Светицховели с каждым монастырем и храмом Грузии. А Сидония – его вратарница, которая отворяет для достойных дверь в священное пространство храма, во Святая святых, наполненное незримым духовным светом, напоет благодатью Хитона Господня, как водой бессмертия, всех, верой входящих в Мцхетский собор. Хитон Господень, обгагранный кровью Спасителя, – это краеугольный камень Грузинской Церкви и ее сияющий венец.

Композиционный центр иконы «Слава Грузинской Католикосской Церкви» – Животворящий Столп, а под ним – тело Сидонии с Хитоном на груди. Вокруг в молитвенном созерцании стоят святые Грузинской Церкви. Их сосредоточенные в духовном порыве лица озаряет мягкий, тихий свет, исходящий от Животворящего Столпа и Хитона Господня. Как райские цветы, как зажженные светильники, как драгоценные камни в Небесном Иерусалиме, как струи благоуханного мира, исходящего от Хитона Господня, как неувядаемый венок, сплетенный руками Богоматери, как лилии Кавказских гор и розы Карталинии, как звезды, сошедшие с небес на землю, как алмазы и рубины, хранимые в сокровищнице Церкви, как земные Ангелы, стоят вокруг гробницы Сидонии мученики, преподобные, исповедники, святители, затворники, пустынники, Христа ради юродивые, столпники и праведники – крепость, защита, слава и сияние Грузинской Церкви. Этот сонм святых, окружающих Хитон Господень, похож на золотую царскую диадему, венчающую Грузинскую Церковь.

II век в Грузии ознаменовался гонениями на христиан, но гонения в Закавказских странах, в отличие от Римской империи и Ирана, имели случайный и ограниченный характер и не входили в государственную политику этих государств.

Первые известные мученики Грузинской Церкви – 17 князей, названных Месухевийскими по имени стратега, а впоследствии их духовного наставника Сухия¹². Эти князья – грузины по происхождению – служили в войске аланского царя и занимали высокое положение при его дворе. В горах Кавказа они приняли крещение от учеников апостола Фаддея и стали тайно вести подвижническую жизнь, скрывая власяницы под одеждами вельмож и доспехами воинов, собираясь по ночам на молитву. В свите аланской царевны они приехали в Армению. Но столичная жизнь тяготила их, как мучительное рабство, и князья решили по примеру Иоанна Крестителя и пророка Илии стать пустынниками. Они тайно покинули дворец, словно узники – темницу, обменяли княжеские одеяния на нищенские рубища и ночью вышли из ворот столицы, как Лот из обреченного города – не оглянувшись назад. Почему они отказались от богатства и славы? Пусть об этом скажет горный орел, который вырвался из позолоченной клетки, где его досыта кормили падалью, и, раскинув могучие крылья, плывет теперь в лазурном океане; города с великолепными дворцами и села в зеленой оправе полей кажутся ему с заоблачной высоты муравейниками. У орла и отшельника родина – небо и ущелья гор.

Сухия и его духовные братья поселились на дикой каменистой горе в верховьях Евфрата. В безмолвии и непрестанной молитве проходила их жизнь. Пустыня стала для них храмом; стенами этого храма были отвесные скалы, уходящие ввысь к небу и разверзающиеся пропастью под ногами; зажженными свечами – звезды, а хрустальным куполом – лазурное небо, окрашиваемое зарей восходов и закатов в пурпурные и золотые цвета. Они питались, как горные серны, корнями и травой, утоляли жажду водой, которая сохранялась от дождей в расселинах скал, и росой, выступавшей на камнях. От летнего зноя и зимней стужи тела их почернели и покрылись длинными волосами, как шерстью у зверей, плоть ссохлась и прилипла к костям, но их души, очистившись от грехов и

---

¹² Память св. мчч. Месухевийских — Сухия и дружины его — совершается 15/28 апреля. — *Ред.*

страстей, сияли, как лучи света. Подвиг их, о котором знала только безмолвная пустыня, подходил к концу.

Аланский князь Барнанас со своими воинами нашел их в делях скал, где, казалось, никогда не ступала человеческая нога – так охотники находят орлят в гнезде, висащем над бездной. Он велел отшельникам отречься от Христа и вернуться в столицу, но те ответили: «Мы уже мертвы для этого мира, а наша жизнь – Христос». Воевода приказал своим слугам привязать их над землей к кольям, обложить хворостом и сжечь на медленном огне. Перед смертью отшельники запели псалом об исходе Израиля из Египта. Гора, где они нашли убежище от мира, как лани в камнях – от диких зверей, стала общей могилой для их костей и пепла.

Во II и III веках христианство продолжало распространяться в Грузии. Среди учеников священномученика Климента, сосланного в Тавриду, были колхи и иверы. Известны епископские кафедры в Понте и Колхиде. В Восточной Грузии преобладал в это время маздеизм – учение Заратустры, обычно называемое огнепоклонством, а в Западной – эллинистическое язычество и особенно культ Гекаты, богини смерти и магии, изображающейся в виде луны или женщины, обвитой змеями. Христианские общины становились оазисами в этой духовной пустыне.

Пришло время, когда Пресвятая Богородица просветила Иверскую страну через Свою избранницу – святую Нину. Приснодева благословила на апостольский подвиг деву. Невеста Параклита, Духа Святого, избрала инокиню, посвятившую себя Богу с детских лет, и сделала ее Апостолом Грузии.

Святая Нина была родом из Каппадокии, страны, которая дала миру великих святых. Вся ее жизнь была подвижничеством, бескровным мученичеством и непрестанной битвой с силами ада. Как святой Георгий поразил дракона и спас ливанскую царевну от смерти, так святая Нина крестом, дарованным ей Божией Матерью, победила язычество в Грузии, повергла идолов, вырвала из пасти чудовища Картли и Кахетию.

Существует связь между человеком и его именем. Одни производят имя Нина от «Нин» (ассир.) – «плодородный», другие от «Нона» (греч., копт.) – «монахиня, пустынноница». Эти значения дополняют друг друга и придают ее имени новый смысл. Дева стала невестой Христовой и духовной матерью целой страны. Каппадокия славилась подвижнической жизнью монахов и анахоретов (отшельников), пустынями, скрывавшими христиан во время гонений, и пещерными монастырями. С детских лет душа Нины горела, как светильник, ангельской любовью к Богу. Отрочество ее прошло в святом граде Иерусалиме. Она была похожа на дивную пальму, растущую, как у источника вод, у иерусалимских святынь. Как некогда Дева Мария, она жила при храме и среди многолюдного восточного города была одинока, словно в пустыне. Гул толпы, точно огромного улья, бляние овец, крики уличных торговцев и погонщиков верблюдов, свадебные песни и похоронные причитания, звон оружия легионеров, шум города, подобный шуму прибоя, разбивались и затихали у стен храма. В его незримом свете и таинственном безмолвии святая Нина слышала голос вечности. Ее воспитательница Нианфора рассказала ей о том, как Хитон Господень был перенесен из Иерусалима во Мцхета. Святая Нина захотела отправиться в ту страну, где находился Хитон Господень, найти гробницу Сидонии, поклониться Ризе Христа и затем посвятить себя проповеди Евангелия жителям Грузии. Господь являлся святой Нине в видениях и благословил ее на апостольский подвиг, а Дева Мария чудесным образом вручила ей крест из виноградных лоз.

Лоза – символ Грузинской Церкви. Эта чудная лоза стала быстро расти и умножаться, дала обильные плоды, дотянула свои ветви до вершин Кавказа, а сенью листьев покрыла долины Грузии.

У Ездры написано: «Из всех растений Господь избрал Себе виноградную лозу». Лоза – образ Евангельского учения. У мистиков – образ любви к Богу, которая наполняет

духовной радостью сердце человека. Лоза – это символ Евхаристической Чаши с Кровью Спасителя и чаши мученичества, наполненной до краев кровью святых.

В Тбилиси, в кафедральном Сионском соборе, хранится крест из виноградной лозы, обвитый волосами святой Нины. От времени ветви лозы согнулись, словно опущенные крылья птицы – как бы под тяжестью, которую несла Грузинская Церковь в многовековой борьбе с язычеством и исламом, с видимыми и невидимыми врагами Креста. Дева Нина встретила со смертью лицом к лицу в Армении, когда слуги царя Тиридата рассекали мечами на части тела ее духовных сестер – Рипсимии, Гаянэ и других дев, посвятивших себя Богу. Но Господь вместо мученического венца приготовил ей другой – светлейший венец Апостола. Когда Пресвятая Дева с Младенцем Иисусом, скрываясь от Ирода, пришла в Египет, то идола в Мемфийском храме пали, как будто земля заколебалась под ними. Теперь в столице Иверии, во Мцхета по молитвам святой Нины идола разбивались в прах, предвещая падение язычества.

Святая Нина поселилась в царском саду, в хижине, сплетенной из древесных ветвей. В ней не было ничего, кроме подстилки, на которой она молилась и спала. К святой Нине приходили жители Мцхета и соседних сел, чтобы послушать ее проповедь о Христе, попросить ее молитв и духовной помощи. К ней приносили больных, и она исцеляла их, возлагая с молитвою крест, которым благословила ее Пресвятая Богородица. Она не расставалась с крестом, как воин в бою – с мечом. Тяжелобольные, одержимые демонами, умирающие получали исцеление у хижины святой Нины, как в Иерусалиме в Овчей купели, куда ходил Ангел.

Прошли века, не осталось следа от царских дворцов во Мцхета. Все унесла с собой река времени, но убогое жилище святой Нины стало местом непрерывного паломничества, как при жизни, так и по смерти ее. В греческих хрониках святая Нина названа пленницей. Она стала пленницей, но не людей, а своей любви ко Христу. В древнем мире был закон: когда господин покупал раба, то отрезал у него прядь волос и хранил у себя в доказательство того, что этот человек принадлежит ему. Этот обычай символически отражен в таинстве крещения и в монашеском постриге. Святая Нина, получив крест от Девы Марии, обвила его своими волосами в знак того, что она отрекается от себя и всю свою жизнь посвящает служению Богу. Пленница любви Христовой принесла народам Грузии весть об освобождении от духовного рабства извечной смерти. Как крестоносцы со знаменем Креста, изображенным на груди и на щитах, шли на Восток освобождать Гроб Господень, так святая Нина – Иверская крестоносца – шла с крестом Божией Матери, чтобы в бою с силами ада освободить от Армаза и Задена, от языческих молелен и капищ место, где находилась великая Святыня христиан всего мира – Хитон Господень, чтобы дать духовную свободу и свет народам Иверии.

Шло время, и с каждым годом все больше народа со всех концов Картли собиралось под знамя креста. Перед царем Мирианом стоял мучительный вопрос: как быть дальше? Останется ли Грузия языческой страной, союзницей Ирана, или примет христианство по примеру Византии? Царь был похож на всадника, который остановился на перекрестке дорог в раздумье: куда направить шаг своего коня? Мириан знал о божественной силе и даре чудес девы Нины, в сердце своем тяготел ко христианству, но языческий мир еще держал его в плену своих чувственных страстей, привычных религиозных представлений и магических ритуалов. Персидский царь воспитал своего сына Мириана в кругу жрецов-мобиданов и поэтов, восхвалявших былое величие Ирана и подвиги его героев. А теперь, став царем Грузии, Мириан должен был решать судьбу своей новой родины. Он уже не раз защищал ее с мечом в руках, но... тогда ему помогал персидский шах. Жрецы-огнепоклонники, окружавшие царя, предрекали гнев Ормузда и Митры, их угрозы были похожи на карканье воронов и крики стервятников над полем боя, усеянным трупами.

Принятие христианства грозило мстостью со стороны Ирана. Царь стал склоняться к решению казнить святую Нину и уничтожить всех христиан в стране, но голос совести не

давал ему покоя, и в тяжелом раздумье он удалился в горы на охоту, чтобы побыть наедине с самим собой. Языческий мир уже переживал состояние агонии, но как дикий зверь перед смертью особенно беспощаден и жесток, так и этот мир мог умереть, захлебываясь кровью своих жертв. Однако Промысл Божий не допустил, чтобы царь Мириан стал Диоклетианом для Грузии. Небесным знаменем царь был обращен ко Христу.

Свою дальнейшую жизнь он посвятил распространению в Грузии христианства и строительству храмов. Существует предание, что царь совершил паломничество на Святую Землю, во время которого встретился с императором Константином, и тот подарил Мириану участок земли в Иерусалиме, где в древние времена росло древо Креста (дерево, из ствола которого был сделан Крест Спасителя). На этом месте был построен знаменитый Иверский Крестовый монастырь, в стенах которого монахи впервые перевели на грузинский язык книги Ветхого и Нового Завета. Это событие имело огромное значение для Грузинской Церкви.

Библия была переведена на грузинский язык там, где Пророки возвещали народу волю Божию, где происходили самые главные события в духовной истории мира, там, где Христос установил Таинство Евхаристии, был распят и воскрес, там, где Дух Святой сошел на Апостолов, где, казалось, сам воздух хранил звуки голоса Христа, беседующего с учениками и молящегося Небесному Отцу, а земля – следы Его ног. Перевод Библии в Крестовом монастыре – это неугасимое пламя, зажженное от Благодатного Огня у Гроба Господня, лучи света от Сионской базилики – первой христианской церкви – где сошел на Апостолов Дух Святой. Стены монастыря, как иконостас храма, не скрывают, а открывают для человека дали и глубины величественного мира, только мира иного, вечных сущностей и вечных световых эманаций.

Святитель Иоанн Златоуст писал, что Антоний Великий стоит рядом с Апостолами. Подвиг православной монашеской аскезы дает возможность войти в мистическое общение с Апостолами, прочесть Евангелие их глазами, увидеть сокровенные глубины Священного Писания, уловить те цвета, оттенки, звучания и вибрации слова, ту световую симфонию, к которой слеп и глух человек, погруженный в мирскую суету. Как путнику, поднимающемуся на вершину горы, звезды кажутся особенно яркими, точно живыми, так душа, очистившаяся в пламени безмолвия и молитвы, чувствует, как живое, каждое слово Библии в его мистических глубинах, силовых волнах и вечной красоте. Поэтому древние переводы Библии на грузинский язык навсегда останутся непревзойденными, навсегда останутся бесценным сокровищем и сакральным языком Грузинской Церкви.

В 326 году равноапостольный император Константин прислал в дар Грузии часть древа Животворящего Креста, один из гвоздей, которыми было прибито Тело Спасителя ко Кресту, мощи святых, богослужебную утварь, книги и священные облачения. С послами императора, доставившими письмо к царю Мириану, прибыло духовенство во главе с епископом Иоанном и зодчие.

В прозрачных водах Арагви, как в серебряной купели, было совершено крещение Грузии. Сначала крестились царь и вельможи, затем – остальной народ. В этот день стремительные струи Арагви смыли с лица Грузии кровь идольских жертвенников. Грузия стала похожа на невесту под венцом, одетую в белоснежные ризы и сияющую красотой. А царь Мириан и святая Нина с помощью греческих зодчих приступили к строительству храма на том месте, где на груди Сидонии покоится Хитон Господень.

В центре иконы изображен приготовленный из ствола мироточивого кедра столб, который Ангел поднял ввысь наподобие Воздвижения Креста. Он должен был служить главной опорой для купола строящегося храма. Это изображение имеет, кроме буквального, еще и символическое значение:

1) оно указывает на метафизическую сторону православного храма. Храм – это священное место, концентрация духовного света, где реально присутствует горний мир. Храм – явление вечности во времени и бесконечности в пространстве;

2) мистическое строительство храма – это распространение христианства на земле, оно будет продолжаться до Второго Пришествия Спасителя;

3) Небесная Церковь невидимо, но постоянно участвует в судьбах Церкви земной. Обе Церкви составляют единый мистический организм;

4) Ангел-хранитель помогает созидать храм нашего сердца. Главным столпом этого духовного храма является православная вера, стенами – надежда, вершиной – любовь.

Святая Нина закончила свой жизненный путь в Кахетии. Перед смертью она просила царя исполнить ее последнюю волю – не переносить ее мощи в столичный город Мцхета, а оставить на месте – как благословение и защиту Кахетии¹³.

Недолго после прощания с девой Ниной прожил и царь Мириан. Перед смертью он завещал своему сыну Бакару обратиться в христианство кавказские племена. Царь Мириан и его супруга царица Нана похоронены под сводами Самтаврского собора.

Ревностным помощником святой Нины в проповеди Евангелия был потомок Элиоза Авиафар, иудейский раввин, который, приняв христианство, как апостол Павел, терпел всю жизнь скорби и шел за Христом по пути, усеянному терниями. Его смерть и могила остались неизвестными миру.

Месть Персии была быстрой и жестокой. Еще при жизни Мириана персидские войска вторглись в Картли, но были отражены. Особенно долгую и кровопролитную войну с Ираном пришлось вести Грузии во время царствования Вахтанга Горгасала¹⁴. Орел Византии парил далеко от Грузии, оглядывая свои необъятные владения, а лев Ирана лежал около самых ее границ, всегда готовый к смертоносному прыжку, поэтому Картли часто приходилось один на один бороться со своим могущественным врагом. Вахтанг Горгасал сражался в боях, как простой воин. О его мужестве слагали песни, его имя устрашало врагов. Но больше, чем воинскими подвигами, он прославился строительством городов и храмов, монастырей и крепостей. При нем был основан Тбилиси, а над могилой Сидонии на месте деревянной церкви – воздвигнут каменный собор. Он был великим зодчим Грузии, как Юстиниан – Византии. Мужество сочеталось в нем с кротостью, мудрость – с терпением. Когда архиепископ Михаил перед войском и народом ударил его в лицо, то царь не ответил на оскорбление, подавая пример своим подданным: почитать духовного отца больше, чем царя.

При Вахтанге Горгасале во многих монастырях и храмах открылись училища, где священники обучали народ, и скриптории, в стенах которых каллиграфы, преимущественно из монахов, занимались переписыванием Библии и богослужебных книг. Известен монастырь Капата в Палестине, где жили грузинские девушки из аристократических семейств. Главным их послушанием также являлось переписывание книг, которые затем отправлялись в Грузию. При царе Вахтанге был заново отстроен Крестовый монастырь. Многие грузинские юноши получали образование в Антиохии, Эдессе, Низибии и других городах Малой Азии. Верным помощником царя Вахтанга в деле просвещения Грузии и новой организации Церкви был католикос Петр.

Большую часть своей жизни царь-воин провел не во дворце на троне, а в боевом седле, не со скипетром, а с мечом в руке. В одной из битв с персами он был смертельно ранен своим рабом, как Господь наш был предан на смерть Своим учеником.

Во время царствования Горгасала чашу мученичества испила до дна святая Шушаник, царица Ранская, дочь знаменитого армянского полководца Вардана, павшего смертью героя и страстотерпца в бою с персами, защищая христианство в Закавказье. Его жизнь и подвиги, подобные деяниям Иуды Маккавея, описаны очевидцем и участником тех событий Егише.

Имя Шушаник (Сусанна) значит «лилия». Святая Шушаник – белоснежная лилия, которая обогрела свои листья кровью страданий и пыток. Муж Шушаник – Питиахш

---

¹³ Память св. равноап. Нины совершается 14/27 января. — *Ред.*

¹⁴ Память св. блгв. Вахтанга Горгасала, царя Грузинского, совершается 30 ноября/13 декабря. — *Ред.*

Варскен – приехал к персидскому царю, в угоду ему принял маздеизм и обещал привести в огнепоклонство свою семью и народ. Весть о вероломстве и измене мужа поразила сердце Шушаник ужасом и скорбью, но ни угрозы, ни просьбы не могли сломить ее волю и поколебать любовь ко Христу. Как Варскен отрекся от Христа, так Шушаник отеклась от мужа, и он стал ее мучителем и палачом. Варскен заключил свою жену в тюрьму при дворце; в ней она провела 7 лет, как замурованная в каменном склепе. Питиахш вспоминал о ней только для того, чтобы подвергнуть новым избиениям и пыткам.

Святая Шушаник пребывала в своей темнице, словно схимница в затворе – в молитвах и псалмопении. Она носила цепи, в которые заковал ее муж, как подвижнические вериги. От бесчисленных поклонов и коленопреклонений цепи врезались в ее тело до костей. Под антиохийской мантией она скрывала власяницу, которую никогда не снимала со своего тела, покрытого язвами и ранами. Уже при жизни Шушаник получила дар исцелений. Народ приходил к ее темнице, как к стенам святилища, прося ее молитв. Когда царь Вахтанг Горгасал вернулся из индийского похода и узнал о мучениях и смерти Шушаник, он казнил Варскена. Тело Шушаник было перенесено в Тбилиси, в Метехский храм Пресвятой Богородицы¹⁵.

Могила Шушаник – это горящий светильник, зажженный на каменном подсвечнике Метехской скалы. Это духовная заря, сияющая над Исани – колыбелью Тбилиси. Две крепости – Исани и Нарикала за 15 столетий стали ковчегами крови и костей мучеников. Впоследствии, уже в нашем столетии, по сатанинской ненависти к святыне, Метехи – первый из построенных в Тбилиси храмов – превращали то в пороховой склад, то в тюрьму, то в театр, как будто история города начиналась с тюрьмы или театра. Но и тогда к поруганной и оскверненной святыне шли явно и тайно верующие и получали у стен Метехского храма исцеление, прощение грехов и небесную помощь. Теперь кончилось время второго плена и заточения святой Шушаник: храм открыт, зажглись лампы в его алтаре, могила святой освобождена от плена. Святая мученица внемлет нашим молитвам, как мать – страданиям и боли своих детей.

Метехи – это святое место Тбилиси. Как река берет начало от источника, так от храма Пресвятой Богородицы начинался город с его многовековой летописью. Мимо гробницы Шушаник шли вереницы мучеников; здесь Вахтанг Горгасал размышлял о будущей столице Грузии, как император Константин – над картой Царьграда; здесь в горниле войн и гонений сгорали невинные жертвы, превращаясь в дивные небесные цветы.

Во второй половине V века Иран, отразив нашествие кочевников из Турана, сосредоточил свои силы на борьбе с христианством в Закавказье. Ареной этой борьбы, подобной арене римского Колизея, по которой три столетия текла мученическая кровь, стала Грузия. Пламя войны охватило всю страну. Днем не было видно солнца из-за дыма от горящих городов и сел, который нависал над землей, как грозные тучи, и стелился по долинам, как черный туман. По ночам небосвод освещали вспышки багрового, как кровь, зарева пожаров. Иран вел войну не только против живых, но и против мертвых. Персы оскверняли кладбища, выбрасывали трупы христиан на съедение псам и стервятникам.

Ближайшим соратником царя Вахтанга Горгасала был Ражден, перс из рода Сасанидов, который принял христианство в Грузии и остался до смерти верен Христу и своей новой отчизне. Царь поручил ему защищать подступы ко Мцхета. Ражден одержал несколько побед, но в одной из битв у крепости Армази был взят в плен. Персидский шах уговаривал своего пленника отречься от Христа и вернуться в маздеизм, употребляя все свое цветистое красноречие. Ражден ответил: «Твои обещания – прах и дым, а смерть за Христа – бессмертие».

Шах приказал пытать его. Раждена били по лицу, рвали волосы, выбили молотом зубы, влачили по земле, так что тело его превратилось в сплошную рану. Но никакие

---

¹⁵ Память св. вмц. Шушаники совершается 28 августа/10 сентября. —*Ред.*

пытки не исторгли из уст пленника стона или мольбы о пощаде. Он был похож на утес во время бури, на который обрушиваются волны, но, разбившись о камни в брызги и пену, снова откатываются назад. Шах понимал, что он проигрывает бой с безоружным и истекающим кровью узником. Некоторые из вельмож дали совет отпустить Раждена во Мцхета попроситься с родными, взяв клятву, что он вернется назад в назначенный для казни день. Царь согласился, надеясь, что пленник нарушит слово и останется во Мцхета, окажется таким образом в глазах грузин и персов трусом и лжецом.

Но Ражден избрал участь мертвого льва, а не живого пса. Он приехал во Мцхета, благословил детей, попросился с родными и друзьями, раздал милостыню нищим и поспешил возвратиться в персидский стан. Персы были удивлены, увидев Раждена, который подобно Агнцу Божию сам привел себя к жертвеннику на заклание. Царь решил передать Раждена для истязаний и казни Цромскому правителю. Его подвергли бичеваниям и, закованного в цепи, бросили в темницу. Но дивном сиянии света ему явился Христос и благословил на последний подвиг. Сами палачи устали пытаться пленника. Настал день его казни. Воины привязали Раждена ко кресту и затем, соревнуясь друг с другом, стали пускать в него стрелы, как в мишень. Он умер, пронзенный отравленными стрелами, от яда – как от укусов змеиных зубов. Царь Вахтанг послал за телом Раждена епископа.

Два раза оплакивали Раждена родные и друзья: когда он возвращался из Мцхета в персидский стан и когда привезли его тело для погребения. Мощи Раждена были положены в Икортском монастыре, и сразу же началось почитание его как святого. Поэтому Грузинская Церковь назвала Раждена первомучеником¹⁶.

Церковь прославляет мучеников-отроков Колийских, живших в селе Кола в верховьях Куры. Они приняли христианство и были убиты своими родителями и родственниками-язычниками. На них исполнились слова Спасителя: *Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие* (Мк. 10, 14). Дети-мученики похожи на лилии, выросшие среди крапивы и терний, на нераспустившиеся цветы, которые скосил в поле серп, на еще не оперившихся птенцов, которых пожрала в гнезде хищная ночная птица. Дух Святой, осияв чистые сердца отроков, сделал их мудрее старцев-идолопоклонников, так как самая большая мудрость – жить и умереть со Христом.

На иконе изображен великомученик Евстафий Мцхетский, происходивший из высшего сословия жрецов-огнепоклонников, которые назывались магами и мобиданами. Он рос у подножия капищ Ормузда, следил за неугасимым «священным» огнем, которому поклонялись как божеству, учился в жреческой школе и по примеру своих родителей и предков готовился стать мобиданом. Ирак был не только соперником Византии на поле боя, он широко покровительствовал науке, искусству и философии. Многие философы и поэты, эллинисты, оставшиеся тайными или явными язычниками, приезжали в Иран и здесь находили приют и убежище. Маги-огнепоклонники знали эллинистическую и индийскую философии.

Ветхозаветный платоник Филон включал персидских магов, наряду с брахманами, в число мудрецов древнего мира. Но ни изощренная философия Греции и Индии, ни демоническая теургия Востока, ни блеск огней Зороастра не могли указать цели и смысла жизни, осветить темную тайну бытия и дать покой мятущейся и жаждущей истины душе Евстафия. Он решил искать неведомого Бога, Которому в древности воздвигли в Афинах алтарь. Так Евстафий покинул отчий дом, поселился во Мцхета, научился ремеслу кожевника и зарабатывал пропитание трудами своих рук.

Сын мобидана – князя магов, окруженный прежде слугами и жрецами, жил теперь в убогой хижине и трудился с утра до ночи. Он просил неведомого Бога открыть ему истину, хотя бы эта истина стоила жизни. Однажды он пришел в собор Светицховели и

---

¹⁶ Память св. Раждена Перса, Карталинского, первомученика Грузинского, совершается 3/16 августа. — *Ред.*

там его встретил архидиакон Самуил (впоследствии католикос Грузии), как Ангел, посланный Богом, чтобы просветить его. Беседа с Самуилом и благодать Светицховели открыли духовному взору Евстафия ту сокровенную Евангельскую жемчужину, ради которой он оставил всех и вся. Душа его встретила со Христом так, как прозревший слепец в Иерусалимском храме со своим Исцелителем, славя и проповедуя Христа Сыном Божиим и Спасителем мира. Самуил стал для него наставником, отцом и вождем в духовном бою, Грузия – отчизной, Мцхета – родным домом, а Светицховели – каменной скрижалю богословия и купелью крещения.

Евстафия узнали его соплеменники. Они донесли персидскому правителю о том, что сын жреца-огнепоклонника принял христианство. Его привели на суд в Тбилиси к марзпану¹⁷, подвергли пыткам, пронзили ноздри железом, как зверю, заковали в цепи и заключили в темницу. В мрачном подземелье он, забывая о своих кровоточащих ранах, увещевал узников не падать духом и быть верными Христу. Когда на суде Евстафий услышал смертный приговор, то обрадовался, как великой милости – стать мучеником за Христа. Перед казнью Евстафий молился о том, чтобы Господь исполнил молитвы тех, кто будет приходить к его мощам и призывать его на помощь. Он просил, чтобы тело его было перенесено в город Мцхета, где он, как прозревший слепорожденный, увидел свет.

Был голос с неба, что молитва его услышана. Католикос Самуил положил тело Евстафия под престолом главного алтаря Светицховели. Благодать, исходящая от его мощей, изливается, как златоструйный дождь, на всех, кто с верою и благоговением входит во Мцхетский собор¹⁸.

VI век в духовной летописи Грузии знаменуется пришествием в Иверию сирийских подвижников – преподобного Иоанна Зедазенского и его 12-ти учеников.

После проповеди святой Нины Грузинская Церковь была похожа на цветник, взращенный руками католикосов и епископов, напоенный, как потоками вод, мученической кровью. Дивные цветы христианства, принесенные девою Ниной из Иерусалима в Грузию, сделали страну сыновей Таргамоса похожей на вторую Палестину. Но язычество в Грузии оказалось не пораженным насмерть, а только раненным зверем, который стал оживать и готовиться к новой борьбе с Церковью Христовой. В обеих столицах Грузии – Мцхета и Тбилиси – снова запылали огни зороастрийских капищ. В горных областях вновь обращались к язычеству целые племена.

Прежде Иран для борьбы с христианством посылал в Грузию свои войска: боевых слонов, сметавших все на пути, как ледники, спускающиеся с гор; легионы пехотинцев, закованных в железо; парфянских стрелков, поражавших противников, на скаку попадая точно в глазницы шлема. Но могучий Иран не смог похоронить под руинами городов Евангелие и огнем пожарищ выжечь из сердца народа имя Христа.

Тогда Иран перешел к другому виду борьбы, более коварному и опасному: он стал готовить для Грузии в философских школах проповедников маздеизма, которые нередко притворялись христианами и даже получали церковные должности, а также покровительствовать в самой Грузии манихеям и еретикам, чтобы разрушить Церковь, как крепость, изнутри.

Через Грузию проходили торговые пути из Ирана в Византию, из Индии в Скифию. Теперь караванные дороги стали каналами, по которым язычество вновь проникало в Грузию, особенно в большие города. Купцы и ремесленники, принявшие маздеизм, пользовались льготами и защитой Ирана. В Тбилиси рядом с христианскими храмами возводились молельни язычников.

И вот в это время Дева Мария прислала в Свой Удел, как духовное войско, как 12 новых Апостолов, Иоанна Зедазенского и его учеников.

---

¹⁷ *Марзпан* — правитель, назначаемый Персией в завоеванных странах. — *Ред.*

¹⁸ Память св. мч. Евстафия Мцхетского, Тифлисского, совершается 29 июля/11 августа. — *Ред.*

Преподобный Иоанн был знаменитым сирийским подвижником¹⁹. Он жил в горах недалеко от Антиохии и, подобно Иоанну Лествичнику, игумену Синайскому, управлял монахами, обитавшими в скитах и кельях, вырытых в недрах скал. Монахи проводили жизнь в безмолвии и непрестанной молитве; только в ночь с субботы на воскресенье собирались они вместе в церковь, где причащались Святых Таин, а затем беседовали со своим игуменом.

Монашеская жизнь – непрестанная, невидимая миру борьба с чудовищами ада, которая совершается в человеческом сердце, как некогда бои со зверями на арене Колизея. Монашество – это любовь к Богу, которую человек не хочет разделять между Творцом и Его творением. Монашество – это желание души созерцать Божественную красоту. На пути к Богу стоят как безобразные призраки, как черные тени, человеческие страсти и грехи. Это темный полог, закрывающий Божественный Свет; поэтому монашеская жизнь прежде всего – борьба с самим собой. Темные силы противостоят человеку на духовном пути; они показывают картины греха в самом обольстительном виде, подобно сказочным сиренам поют свои песни. Тех, кто мужественно противится чувственным искушениям, они стараются обольстить духовной гордыней и отвести от Божественной красоты Евангелия обещаниями иных мистических глубин, иных духовных высот.

Один из главных даров наставника монахов – дар рассуждения: умение отличать истину от лжи, суррогата истины, светлых духов – от демонов, принимающих облик Ангелов. Жизнь монаха – непрестанная молитва; без нее сердце его становится мертвым и холодным, как пепел, а душа смрадной, как труп, наполненный червями. Духовный наставник должен иметь в своем сердце молитву, подобную текущему роднику; и не только учить, но и напоять этой молитвой тех, кто приходит к нему. Духовный наставник должен чувствовать, как бы видеть душу каждого из своих учеников, как мать даже во сне слышит биение сердца своего ребенка.

Поэтому наставник больше, чем учитель и отец; его называют словом «авва», словом, непереводимым на другие языки. Монашество – духовный свет мира, сердце земной Церкви.

Тринадцать монахов должны были противостоять Ирану и Турану, от натиска которых нередко приходили в смятение и обращались вспять прославленные легионы римлян. Дева Мария явилась преподобному Иоанну во сне и велела ему идти в Грузию. Он тотчас стал собираться в путь – как Авраам, услышавший голос Божий, повелевающий ему оставить Халдею и идти вместе с семейством своим на север, в далекую страну. Самым трудным для Преподобного было избрать из числа учеников, которых он любил больше, чем отец своих детей, двенадцать спутников. Он решил поступить, как Апостолы, бросавшие жребий в Сионской горнице: он написал на пергаментях имена учеников, положил на жертвенник, совершил литургию, а затем вынул 12 имен. Велико было горе тех учеников, которые должны были расстаться со своим учителем, но их утешала вера, что такова воля Божия и что Дева Мария будет невидимо пребывать с ними, как мать со своими детьми. Все монахи вышли провожать любимого наставника со священными хоругвями и иконами, как во время крестного хода. Они знали, что расстанутся телесно, но духовно остаются вместе.

Преподобный Иоанн с 12-тью учениками пришел к своему духовному брату – преподобному Симеону Дивногорцу-Столпнику, которого называли «Солнцем Востока». Преподобный Симеон с высоты столпа, как с царского трона, благословил их идти в Грузию и обещал постоянно молиться за каждого из них. Преподобный Иоанн и его ученики не взяли с собой в путь ничего, как Апостолы, посланные Христом. Каждый из них имел только крест и посох, а один – преподобный Антоний – нес на груди

---

¹⁹ Память прпп. Иоанна Зедазенского и учеников его: Авива, еп. Некресского, Антония Марткопского, Давида Гареджийского, Зенона Икалтского, Фаддея Степанциндского, Исе (Иессея), еп. Цилканского, Иосифа, еп. Алавердского, Исидора Самтавийского, Михаила Улумбийского, Пирра Бретского, Стефана Хирского и Шио Мгвимского — совершается 7/20 мая. — *Ред.*

Нерукотворенный образ Спасителя. Но с ними было сокровище большее, чем богатства всех земных царств – духовный свет, который они несли из Антиохийской пустыни на свою новую родину. Этот свет воплотился в монастырях и обителях Картли и Кахетии; этот свет стал алмазным столпом для Грузинской Церкви. Они несли с собой мистический опыт и устав сирийского монашества, у истоков которого стоял тайновидец и девственник Иоанн Богослов.

Мцхетский католикос Евлавий услышал во сне повеление выйти вместе с духовенством из ворот Мцхета, чтобы встретить на дороге Божиих людей. Облачившись в священные одежды, он вместе с диаконами, державшими зажженные свечи и кадила, и священниками в белоснежных одеяниях вышел из столицы. Дорога была пуста. Католикос пристально смотрел вдаль; и вот он увидел, как из-за поворота показались путники, направляющиеся во Мцхета. Это были монахи в ветхих и запыленных от долгого пути одеждах, изнемогающие от зноя и усталости, но, по обычаю антиохийцев, в клобуках и мантиях. Впереди, как полководец во главе своего войска, шел преподобный Иоанн. Католикос увидел светлое облако, окружающее монахов. Лица их сияли ангельской красотой. «Благословен ваш приход» – сказал Католикос и поклонился им до земли – так в древние времена хозяин дома встречал странников. Монахи в ответ склонились к его ногам, прося благословения. Затем они направились в Светицховели к Хитону Господню, как к источнику воды после долгого пути.

Три года пробыл святой Иоанн с учениками во Мцхета подобно Апостолам, до сошествия Святого Духа не отходившим от Иерусалима. Монахи молились у Хитона Господня, точно ковали доспехи для будущих духовных битв. Но вот однажды преподобный Иоанн увидел на севере черные тучи, которые как смерч носились над вершиной Зедазени, высившейся над окружающими горами, как крепость над городом. Он понял, что это демоны, как вороны над трупом, кружатся над горой, где погребен Картлос – родоначальник грузин, понял, что пока этот акрополь Грузии не будет вырван, как трофей в духовной битве из власти адских сил, черные крылья сатаны останутся простертыми над страной.

Взяв благословение у Католикоса, преподобный Иоанн с 12-тью учениками взошел на Зедазени – обиталище бесовских полчищ, как входят победители в город, объятый пламенем. Монахи, защищенные благодатю Божией, остались невредимыми и не опаленными адским огнем. Затем, по обычаю антиохийцев, они устроили кельи в вырытых ими в горе пещерах. На месте идольского капища был сооружен храм во имя Иоанна Предтечи – небесного покровителя игумена – как будто вражеское знамя, развивавшееся над Грузией, было сорвано, и на его месте взвилась хоругвь со знаменем Креста.

Слово «Зедазени» означает «ввысь и ввысь». Зедазенский монастырь похож на орлиное гнездо, свитое на вершине горы. Как молодые орлы, первыми покинули это гнездо два монаха – Исе и Авив, которые по воле Католикоса и царя были рукоположены в епископы двух древних епархий – Цилканской и Некресской. Исе прославился даром чудес, Авив – борьбой с огнепоклонством, которая окончилась для него мученическим подвигом. Прочих своих учеников преподобный Иоанн после вторичного явления ему Божией Матери разослал во все концы Карталинии и Кахетии, а сам остался на Зедазени вместе с диаконом Илией.

Как двенадцать пламенно горящих светильников, двенадцать учеников Иоанна озарили Карталинию и Кахетию неугасимым духовным светом евангельской проповеди – от Триалетских до Кавказских гор.

Грузинская Церковь прославляет преподобного Шио как анахорета и пустынника, духом подобного пророку Илие и преподобному Антонию Великому. Он имел власть над дикими зверями и понимал их язык, как Адам в Эдеме. Его монашеская мантия разверзала волны Арагви как милость пророка Илие – Иордан. Он основал Шио-Мгвимскую обитель в ущелье гор, как преподобный Савва – Лавру близ Иерусалима, с кельями, высеченными в

скале, спускающимися уступами вниз на дно глубокого оврага. Скалы около Мгвимского монастыря испещрены пещерными кельями, словно гора стала ульем пчелиных сот, где монахи собирают мед благодати с цветов молитвы и безмолвия. В конце своей жизни преподобный заточил себя, как судья узника, в каменное подземелье, похожее на глубокий колодец. Во тьме затвора душа его созерцала Божественный Свет. Он встретил смерть в своем каменном гробе как вечную жизнь. Церковь называет его «стеной и защитником Грузинского Царства».

Преподобный Давид Гареджийский поселился на горе, возвышающейся на западе Тбилиси. У него был особый дар молитвы. Казалось, что он приносил покаяние за всех жителей Тбилиси, даже за тех, кто отступал и отвращался от Христа, и своими молитвенными слезами, похожими на мученическую кровь, хотел угасить огни в капищах Зороастра, которые по ночам сверкали, как глаза волчьей стаи, собравшейся у подножия горы.

Шесть дней проводил преподобный Давид в уединенной молитве, а каждый четверг спускался в город, где проповедовал Евангелие. Многие отступники от Христа, сжигаемые огнем своей совести, обращались к покаянию и вновь принимали христианство. Толпы народа окружали Давида во время его проповедей, точно встречали своего царя, возвращающегося из похода с победой. Против Преподобного был составлен заговор: огнепоклонники решили опозорить Давида, чтобы сами христиане изгнали своего проповедника из города, как прокаженного. Падшая девица, подкупленная золотом, оклеветала его перед всем народом, как александрийская блудница, подкупленная арианами – святителя Афанасия Великого. Само слово «диавол» означает «клеветник», поэтому второе имя клеветницы – это диаволица. Как адский дух в человеческом образе, она называла святого – совратителем и девственника – блудником.

Люди заколебались и решили судить своего наставника и духовного отца. Но чудо Божие показало невинность преподобного Давида. Младенец возгласил из чрева матери, обличая ее во лжи. Народ просил у святого прощения и умолял не покидать Тбилиси, но он, огорченный казнью падшей женщины (толпа побил ее камнями), решил навсегда оставить столицу. Благодать Божия призывала его к прежнему подвигу пустынножительства. Люди закрыли ворота города, преградили все пути, чтобы святой Давид не мог уйти от них. Тогда Преподобный бросил свою мантию на воды Куры, взошел на нее вместе со своим учеником Лукианом, как на ладью, и они поплыли вниз по течению на восток. Народ, пораженный новым чудом, с плачем бежал за ними по берегу реки. Но Преподобный стоял, погруженный в молитву, не отвечая на крики и не оборачиваясь назад, пока город не скрылся за изгибом реки. В каменистой и дикой пустыне Гареджи, похожей на пустыни Египта, преподобный Давид основал монастырь, ставший впоследствии величественной лаврой, которую народ называл Иверской Фиваидой.

Преподобный Антоний повторил подвиг Симеона Столпника. На площадке высокой каменной башни зимой и летом, под белым саваном снега и под палящими лучами солнца, от которого раскалялись даже камни, он стоял, будто живой столп, высеченный из адаманта. Проповедники обходили города, села, а к подножию башни Преподобного непрерывно шли толпы народа не только из Грузии, но и из далеких стран, как непрестанно текущие потоки. Его словам внимало больше людей, у его столпа обращалось в христианство больше язычников, чем если бы он сам прошел с проповедью всю Иверию.

Подвиг столпничества превышает человеческие силы; он возможен лишь при содействии особой благодати Божией, которая изменяет не только душу, но и само тело человека. В глазах людей столпник был подобен Ангелу, сошедшему на землю. Жизнь столпника – это непрестанное чудо, которое воочию видит народ.

Святой Исе, епископ Цилканский, получил в наследство от своего духовного отца, игумена Иоанна, дар непрестанной молитвы и его монашеский посох. Этим посохом,

подобным жезлу Моисея, он совершал дивные чудеса: изводил из скалы источники вод, исцелял его прикосновением больных, отгонял демонов от одержимых. Адские силы не могли сопротивляться ему, как Моисею – египетские волхвы Ианний и Иамврий. Однажды после литургии он вместе с народом пришел к берегу реки Ксани и, помолвившись, трижды опустил посох своего духовного отца в воды реки, а затем отправился обратно в Цилкани, и струи реки потекли, пошли за его жезлом, как стадо овец за пастырем.

Огнепоклонники построили у самых дверей Некресского собора свою молельню, где днем и ночью горел огонь – как неугасимое адское пламя. Они хватали христиан, идущих в церковь на молитву, и заставляли их поклоняться огню. Святой Авив в праздник Ормузда вышел на бой с демоном, как Георгий Победоносец – с драконом, и победил персидское божество кувшином воды.

Святой Неофит, арабский полководец, увидев над Шио-Мгвимским монастырем Ангелов и самого преподобного Шио в небесной славе, пораженный дивным видением, сменил свой меч на крест, воинские доспехи на монашескую мантию и стал воином Христа. Он прошел все монашеские послушания и за свою подвижническую жизнь был избран игуменом обители, а затем стал полководцем духовного войска, получив епископский сан. Ночью огнепоклонники похитили Неофита, увезли его за город и предали побиению камнями, как первомученика и архидиакона Стефана. Христиане привезли тело святителя-страстотерпца в Шио-Мгвимский монастырь, где он начинал свой монашеский путь. Он вернулся, словно победитель после боя в свой родной город, даровав обители, как трофей, свое мученическое тело, обогрешенное кровью²⁰.

Иосиф Алавердский проповедовал Евангелие в верхней Картли и Кахетии. Непрístupные скалы и утесы Кавказа были его епархией. Он посещал села, которые казались гнездами, прилепившимися к уступам скал; поднимался по тропинкам, где не могли разойтись два путника; переходил через пропасти и стремительные потоки по мостам, сплетенным из ветвей. Часто ночь заставляла его в снегу, а заря – в пути. Он казался горным орлом, который парит высоко над вершинами Кавказа. Он основал Алавердский монастырь и там окончил свою жизнь в затворе. Иосиф прошел все ступени духовного совершенства: от послушника до затворника. Игумен принадлежит своему монастырю, епископ – своей епархии, а затворник – всему христианскому миру.

Церковь прославляет учеников Иоанна Зедазенского: преподобного Стефана, одаренного духовной мудростью; Зенона, распявшего себя на кресте послушания; Пирра, проводившего жизнь в плаче и покаянии, подобно великому Ефрему; Михаила, достигшего простоты и чистоты ребенка по слову Спасителя: «будьте как дети» (Мф. 18, 3); Фаддея – ревнителя веры и обличителя ересей; Исидора – благоуханный цветник всех добродетелей, ограда которого – безмолвие, а водоем – непрестанная молитва.

Диакон Илия, оставшийся со своим аввой на Зедазени, каждый день носил в кувшине воду из Арагви на вершину горы, как Лот из Кедронского потока – в Иерусалим. Ради молитв игумена Иоанна и послушания преподобного Илии Господь извел родник из скалы Зедазени. Учитель и ученик, не разлучавшиеся при жизни, не разлучились и по смерти: они похоронены рядом у алтаря.

Гробницы святых – неиссякаемый источник духовного света; их пещерные кельи и подземелья затвора – колодцы благодати, более дивные, нежели колодец Иакова, у которого Господь обещал дать «воду живую» самарянке – грешной человеческой душе.

VII век пришел в Грузию, как апокалиптический всадник на коне цвета горящего пламени, словно призрак грядущих войн. Под натиском магометан пала Персия. Лев Ирана склонился на колени перед халифом Омаром, как десятью веками ранее перед Александром Македонским. Византия, теряющая одну за другой свои провинции, была похожа на коралловый остров, размываемый волнами моря. Исламский мир приближался

---

²⁰ Память сщмч. Неофита, еп. Урбнисского, совершается 28 октября/10 ноября. — *Ред.*

к границам Грузии с быстротой лесного пожара. Вскоре мусульманское войско, как удар клинка, глубоко врезалось в ее тело. В городах Картли и Кахетии встали арабские гарнизоны.

Особенно опустошительным было нашествие халифа Мурвана-Кру, которого за его жестокость называли «глухим». Преследуя армянского царя Сумбата, Мурван-Кру через Сурамский перевал вторгся в Западную Грузию. Недалеко от Кутаиси ему преградили путь войска грузин под предводительством двух Арагветских князей – братьев Давида и Константина. Передовые отряды Мурвана были разгромлены, но затем грузинское войско окружили полчища арабов. Кутаиси пал. Князья Давид и Константин оказались в плену. И главным трофеем Мурвана стал не Кутаиси, не оружие и кони падших воинов, а именно они. Мурван считал, что если князья примут ислам, то это будет для него победой большей, нежели победы, одержанные им на поле боя.

Халиф обратился к двум братьям не как к пленникам, а как к государям, равным ему по чести. Он предложил Давиду стать правителем Ирана – бывшего соперника Рима и Византии, а Константину обещал, что поставит его выше арабских князей, будет считать своим братом и не разлучится с ним, как со своей тенью. Только для этого князья должны выполнить одно условие – отречься от Христа и принять ислам. Князья ответили отказом. Халиф приказал подвергнуть их пыткам. И у древних, и у новых тиранов один закон: пытка спрашивает, а боль отвечает. Тела князей резали клинками, опаляли раны огнем, их привешивали вниз головой, вливали им в ноздри уксус, затем, бросив в подземелье, морили голодом и жаждой. К ним посылали имамов, которые говорили: «мы не язычники, а верим в единого Бога, как и вы, поэтому вы не отречетесь от Бога, перейдя в ислам». Те отвечали: «Христос наша жизнь, а отречение от Него – вечная смерть. Не все ли равно, где утонуть – на середине моря или у самого берега». Наконец, когда сами палачи устали от пыток, последовал приговор – казнь через усечение мечом.

В последней молитве князья просили Бога по смерти не разлучать их друг от друга и исполнять молитвы и прошения тех, кто будет призывать их на помощь. К телам казненных братьев привязали тяжелые камни и бросили в Риони, но произошло чудо: тела всплыли на поверхность и пристали к берегу. Казалось, что мощный поток реки не в силах сдвинуть их с места и увлечь за собой, – они лежали на волнах Риони, как на неподвижном ложе. Воины из дружины князей, скрывавшиеся от арабов в окрестностях Кутаиси, увидели над Риони свет – как будто заря стояла над рекой. Они крадучись подошли к берегу. Свет окружал тела князей. Воины подняли их из воды и решили с честью похоронить, но ночью в сновидении увидели Давида и Константина, повелевающих нести их мощи на восток и предать погребению на том месте, где застанет их утро. Тела мучеников обернули воинскими плащами, как погребальными саванами. Вначале несли на руках, но затем, опасаясь, что им встретится арабский отряд, положили на телегу, запряженную парой молодых бычков, укрыли травой и так продолжали путь.

При первых лучах зари бычки сами встали, как вкопанные, на месте, как будто невидимая рука удерживала их. Они остановились на уступе скалы над обрывом, на месте, которое казалось предназначенным для крепости, защищающей подступы к городу. Здесь воины погребли тела князей. Впоследствии над их могилой был основан монастырь, названный Моцамета – обителью мучеников. Их кости лежат в одной гробнице, подножием которой служат деревянные львы. Память Арагветских князей окружена благоговейным почитанием. В праздник Давида и Константина²¹ к монастырю стекаются богомольцы из всех концов Западной Грузии, и гробницу мучеников окружает народ более многочисленный, чем боевая дружина, когда они вступили в бой с Мурваном.

Царь Арчил взошел на трон, как на подножие креста. Его долголетняя жизнь была духовным мученичеством за свой народ. Страшное испытание постигло Грузию, едва лишь он надел на свою голову корону Вахтанга Горгасала и взял в руки скипетр, словно

---

²¹ Память св. мчч. Давида и Константина, князей Арагветских, совершается 2/15 октября. — *Ред.*

жезл Самуила – неподкупного судии. Вторжение Мурвана, одно имя которого наводило ужас на Востоке, было подобно смерчу из аравийской пустыни. Арчил со своим старшим братом Миром укрепились в Анакопии, как в орлином гнезде. Началась тяжелая осада. В крепости находилась могила апостола Симона Кананита. Молитвы его защищали город, как молитвы пророка Елисея – окруженную сирийскими войсками Самарию, и поэтому Анакопия оказалась для победителя Востока неприступной. Кровавый меч Мурвана, ударившись о стену Анакопии, как о скалу, притупился и изогнулся. Удача, которая казалась подругой халифа, отвернула от него свое лицо. Арабская конница завязла в болотах Колхиды, как войско Ксеркса в песках Сахары, и только остатки ее возвратились в Халифат.

Наступил мир, как день после долгой ночи, но само солнце ужаснулось, увидев страну обезлюдевшей и разоренной, как поле, с которого поднялись тучи саранчи. Царь Арчил дал народу то, что мог – свое сердце и остатки царских сокровищ, и взял то, что дал ему народ – чашу, наполненную слезами. В годы мира царь Арчил поднял страну из руин и собрал народы под сенью Столпа и Хитона Господня. Когда возводились стены разрушенных городов, рядом с каменщиками-мастерами лежали щиты и копья на случай военных тревог, а крестьянин, выходя в поле, брал с собой не только серп, но и меч.

Подвиг жизни царя близился к концу, как солнце склоняется к закату. Эмир Асум вызвал его в свой стан и там потребовал отречься от Христа. Царя уговаривали сделать лишь вид, что он принимает ислам, оставаясь при этом в душе христианином. Но царь поступил, как старец Елезар, вдохновивший своей мученической смертью братьев Маккавеев на подвиг. Он отказался купить себе жизнь за 30 сребренников Иуды – ценой отступничества и вероломства – и склонил свою голову, убеленную сединой, под меч палача, как во время второго коронования. Его жизнь была достойна мученической смерти, а смерть – праведной жизни. Казнь мученика – это «Символ веры», написанный кровью. И живым, и мертвым царь Арчил был и остался примером для народа²².

В VIII веке арабский Халифат, как огромное пятно, расплзся по карте мира. По своим размерам он превзошел Римскую империю времен ее великих цезарей: счастливого Августа и победоносного Траяна. Западные берега Халифата омывали свинцовые волны Атлантики, восточные границы проходили через покрытые пальмами острова Индийского океана и достигали Великой стены Китая; на юге он сливался с пустыней Сахарой, где среди песков, вздыбленных, как волны моря, границу определяют по звездам; на севере – врезался, как кривой клинок сабли, в землю хазар и скифов.

Здесь, в стране скифов и хазар, арабы то одерживали блистательные победы, то терпели неожиданные поражения и тогда откатывались назад через Дербендские ворота – так меч скрывается в ножнах до новой битвы. Багдад – столица Халифата – стал одним из самых великолепных городов мира: по своей сказочной роскоши и пленительной красоте он превзошел города Индии. Если средневековые алхимики тщетно пытались найти способ превращать металлы в золото, то арабские халифы умели превращать в золото кровь покоренных народов, а из камней разрушенных городов и храмов возводить стройные, как изваяния, дворцы.

В то время прославился мученическим подвигом аравийский юноша Або²³, родом из Багдада. Он приехал в Грузию в свите картлийского правителя Нерсеса. Страна находилась под властью мусульман, как Иудея времен Апостолов под властью Рима. В крепостях Тбилиси стоял арабский гарнизон. Рядом с храмами высились мечети и минареты; недалеко от Сионского собора находился дворец эмира, который мог свергать и назначать, судить и ссылать грузинских эриставов²⁴. Христиане были обложены тяжелой данью, словно выкупом за право жить. Многие из князей и вельмож принимали ислам, чтобы получить высокие должности в Халифате, а простой народ – чтобы

---

²² Память св. мч. Арчила, царя Иверского, совершается 21 июня/4 июля. — *Ред.*

²³ Память св. мч. Або Тбилисского совершается 8/21 января. — *Ред.*

²⁴ *Эристави* — князь, буквальное значение — «глава народа». — *Ред.*

защитить себя от поборов, насилия и произвола: жители Тбилиси, принявшие ислам, пользовались теми же правами, что и арабы. И в это самое время арабский юноша Або принял христианство, что сулило ему только одну награду – мученичество за Христа. Он принял крещение в Хазарии, затем удалился в горы Абхазии для уединенной молитвы и, укрепившись благодатию Божией в пустынном безмолвии и посте, как воин, надевший доспехи и приготовившийся к битве, вернулся в Тбилиси, чтобы проповедовать Евангелие своим соплеменникам-арабам.

Каждый день после церковной службы Або шел в арабские кварталы и военные казармы; там он читал Евангелие и рассказывал о Христе. По закону шариата мусульманин, принявший другую веру, должен быть казнен. Поэтому Або каждый день шел на проповедь, как на смерть. Каждую ночь он ожидал услышать шаги стражи, которая свяжет его и поведет на допросы в суд, а затем бросит в темницу, из которой только один путь – на место казни. Казалось, что Або сам ищет страданий и смерти, как люди этого мира ищут покоя и наслаждений.

Три года проповедовал Або тбилисским мусульманам, скрываемый благодатию Божией от глаз кадиев и имамов. Уже одно это было чудом. Три года продолжалась проповедь Спасителя, три года продолжалась проповедь Его раба. Господь был предан Своим учеником, Або – своими соплеменниками. В темнице, по ночам, узник пел на память псалмы Давида, как погребальные песнопения по себе самом. В праздник Крещения Господня он крестился крещением мученика – в своей крови. Чтобы мощи казненного не взяли христиане – как святыню, его тело привезли к подножию Метехской горы, обложили паклей, облили нефтью и сожгли, а кости и пепел зашили в шкуру овцы и бросили в стремительный поток Куры. Судьи думали, что река станет местом забвения для святого, безмолвной могилой, но мощи его вместе с камнем, привязанным к ним, всплыли около Метехского моста. Христиане тайно взяли их и унесли на север, в горы. А над мостом три ночи стоял огненный столп, как пламя огромной свечи, и звезды, подобные венцу, то сияли высоко над городом, то опускались к волнам реки.

На месте сожжения тела Або была построена часовня. Святой Або издавна считался покровителем и защитником Тбилиси, в его часовне служили молебны, когда городу угрожала опасность от врагов, междоусобиц, голода, эпидемий. Эту часовню в XX веке новые вандалы разорили и снесли до основания, словно хотели продолжить суд эмира над Або. Знаменательно, что через несколько дней после этого вспыхнула Вторая мировая война. До сих пор часовня не восстановлена. Покровителя Тбилиси как будто оставили без дома. Чудотворная икона Або, перед которой в часовне служили молебны, находится теперь в Метехи около гробницы святой Шушаники, точно мученица приютила своего духовного брата²⁵.

Грузинская Церковь причислила к лику святых двух братьев – мучеников Исаака и Иосифа²⁶. Их мать была христианка, отец – аравитянин. Хотя законами Церкви браки между христианами и иноверцами запрещались, но положение завоеванной страны было таково, что народ оставался беззащитным, и даже царевен из рода Багратиони нередко отдавали замуж за мусульманских князей и эмиров, чтобы найти себе союзников или предотвратить нашествия. Достаточным условием для этого считался уговор: не заставлять невесту насильственно переходить в мусульманство; однако дети от смешанного брака считались мусульманами. Часто арабы похищали грузинских девушек, но были также случаи, когда такие браки заключались по любви и согласию двух сторон.

Арабы, отторгнув от Византии Сирию и Египет, воспользовались огромным арсеналом эллинистической философии и науки. Через два столетия после образования Халифата арабы по своей культуре стояли выше европейцев. Для араба того времени слово «франк» было синонимом варвара. Хотя по Корану разрешалось многоженство,

²⁵ В настоящее время на месте разрушенной часовни строится церковь во имя св. Або. — *Ред.*

²⁶ Память св. мчч. Исаака и Иосифа Феодосиопольских (Эрзерумских) совершается 16/29 сентября. — *Ред.*

многие арабы сохранили древний обычай иметь только одну жену. В такой семье воспитывались два брата – Исаак и Иосиф. Мать тайно учила их христианству. Отец же был уверен, что они мусульмане, и готовил сыновей к службе в арабском войске. Достигнув юношеского возраста, братья для того, чтобы сохранить христианскую веру, решили тайно переправиться в Византию и поступить на службу к императору Никифору. Этот замысел стал известен властям. Их подвергли допросу и суду у эмира. По законам шариата мусульманин, принявший христианство, подлежал смертной казни – даже если бы он был сыном халифа. Братьев стали допрашивать: почему они хотели переехать в Византию к императору Никифору, врагу Халифата, который свое царствование провел в непрестанной войне с арабами? Исаак и Иосиф ответили, что они христиане и поэтому решили служить православному царю. Этот ответ поразил судей, как неожиданный удар грома. Они оцепенели и молча, с изумлением, смотрели на братьев, как на призрак, вставший из могилы.

Отец Исаака и Иосифа – один из аравийских князей, уважаемый в городе Карну человек, присутствовал на суде. Услышав, что его дети произнесли самим себе смертный приговор, он стал, указывая на свои седины, умолять их избавить себя от пыток и смерти, а его от позора, и объявить, что они решили принять ислам. Он не угрожал, а плакал, как ребенок, и просил их, как раб своих господ. Для братьев это была невидимая пытка, более страшная, чем пытка железом. Любовь и жалость к отцу разрывали их сердца, но победила любовь ко Христу. Исаак и Иосиф повторили, что они не лазутчики греков, а христиане, и направлялись в Византию для того, чтобы там свободно исповедовать веру, которую они впитали с материнским молоком.

Среди судей были родственники и друзья отца... Они стали убеждать братьев перейти в мусульманство, называли их ласковыми именами, вспоминали, как держали их на руках, когда они были детьми, просили не сводить убитого горем отца в могилу. Но братья были непоколебимы. Благодать Божия укрепляет мучеников в их подвиге и открывает перед ними духовный мир. Братья увидели, что демоны заседают вместе с судьями, что слезы, текущие по лицу отца, подобны саже, растворенной с кровью. Слышат они его мольбы – как змеиную песню, как дьявольское обаяние, которое хочет увести их от Христа в черную бездну.

Толпа мусульман, окруживших суд, громко требовала смерти Исааку и Иосифу. Судьи сами оказались в роли заложников, над которыми толпа могла учинить расправу. Слух, распушенный странствующими дервишами о том, что кадий подкуплен греками, уже полз по городу и грозил превратиться в пожар. Судьи нехотя, стараясь не смотреть на узников, подписали смертный приговор, как свидетельство о своем бессилии. Братья приняли его с радостью: теперь сами судьи и родные отправляют их с честью в далекий путь – не в Византию к императору, а в Царство Небесного Царя. Ночью столп света, подобный колонне храма, стоял над телами казненных. Родственники не решились отнести их на кладбище, где хоронили мусульман, и оставили тела на съедение голодным псам, которые стаями бродили по городу ночью. Но христиане тайно взяли мощи мучеников и погребли их за городом... Впоследствии на этом месте была построена церковь во имя Святой Троицы.

Жил в IX веке в Грузии подвижник Иларион, который повторил подвиги древних Отцов и обладал таким обилием даров, что Церковь назвала его тем же именем, что и святителя Николая – Чудотворцем²⁷. Он происходил из знатного княжеского рода, но уже в отрочестве отказался от своего имения, подобно Антонию и Арсению Великим; пришел как странник в Гареджийскую Лавру и жил в пещерной келье в нищете, не имея даже второго хитона. Как рудокопы роют землю в том месте, где залегла золотоносная жила, чтобы найти крупницы драгоценного металла, так Гареджийская Лавра была испещрена пещерами, которые вырыли монахи. Там в непрестанной денно-нощной молитве они

---

²⁷ Память преп. Илариона Грузинского, чудотворца, совершается 19 ноября/2 декабря. — *Ред.*

искали небесное сокровище – благодать Духа Святого. Как червь, заключив себя в кокон, будто в добровольную темницу, выходит оттуда другим существом – крылатой бабочкой, похожей на лепестки цветов, так человеческая душа в затворе обретает крылья и во мраке пещеры видит духовный свет.

Голос Божий повелел Илариону, подобно Аврааму, идти в чужую землю, и он, оставив Гареджийскую обитель, как родной дом, отправился в дальний путь, не имея с собой ничего, кроме имени Божия. Как пчела собирает мед со всех цветов, так он собирал благодать у святых Палестины и Рима, Синая и Эллады. Он проповедовал Евангелие не язычникам, а христианам, забывшим о Христе, проповедовал не словами, а явлениями Божественной силы. Преподобный творил милостыню несчастным и больным, но не золотом, а даром чудес и исцелений. Свой путь он закончил в Солуни, городе великомученика Димитрия, городе, который стоял как крепость на границе Византии и варварских народов.

Византия была похожа на твердь христианства, а варварский мир – на бушующее море, волны которого то обрушивались на берег, то откатывались назад. Когда император захотел перенести мощи святого Илариона в Константинополь, то жители воспротивились, говоря, что Царьград имеет крепостные стены, высокие, как скалы, а Солунь защищена молитвами святых Димитрия и Илариона. Некому монаху было видение: клокочущее пламя, как из жерла вулкана, с ревом вырвалось из ада; слышит он голос: «Это пламя зажег кесарь Василий своими грехами». Никто не мог не только угасить этого адского огня, но и даже приблизиться к нему. И видит монах старца, подобного Ангелу, который молится Богу: пламя уменьшается, а затем гаснет, как будто струи дождя залили его.

В дивном старце монах узнал преподобного Илариона. О своем видении он рассказал кесарю Василию, которого за военные подвиги сравнили с Александром Македонским, а за жестокость – с Эль-Гаруном. Тот велел построить себе келью у гробницы Илариона и часто уединялся туда для молитвы, как человек скрывается в непреступный замок от окружающих его врагов.

Церковь прославляет в один день с Георгием Победоносцем святого мученика князя Константина²⁸, который с детства отличался строгим благочестием. Обычно в своих родовых имениях князь вместе со свитой последними входят в храм на богослужение, где их прихода дожидается священник и народ, а святой Константин первым, как святитель Николай, задолго до службы приходил в церковь со своими детьми и последним выходил из нее. Его дом был открыт для нищих и странников, как для самых почетных гостей. Он не только кормил бедных, но и служил им за трапезой, как Филарет Милостивый, и омывал ноги приходящим странникам, как Авраам. За его столом всегда сидели священники и монахи, с которыми он беседовал о спасении души.

Часто святой Константин отправлялся на далекое богомолье с богатыми дарами и привозил оттуда самое великое сокровище – благословение монастырей и обителей, подобно купцу, который приводит из чужих стран караваны, нагруженные богатством. Он заботился о благолепии храмов, восстанавливал из руин разрушенные церкви, дарил иконы, утварь и облачения, помня, что храм – это образ Эдема и место явления Божества. Князь посылал жертвы ко Гробу Господню так же, как древние праведники часть своего имения отделяли для Иерусалимского храма; давал милостыню бедным, как дань своим господам. Свое сердце он сделал храмом Господним, где воссылал непрестанные молитвы Богу. Константин видел ту таинственную красоту небесного Иерусалима, перед которой солнечный свет кажется тьмой. В бою с арабами он был взят в плен и отправлен на суд в Вавилон. За отказ принять ислам князь был казнен и удостоился великой чести – пить ту чашу страданий, из которой пил Христос. Отрубленную голову Константина прикрепили к высокому шесту и подняли над крепостной стеной, как военный трофей, чтобы

---

²⁸ Память св. мч. Константина, князя Грузинского, совершается 10/23 ноября. — *Ред.*

устрашить врагов ислама, но она, окруженная нимбом лучей, сияла над городом, как победоносное знамя веры.

Грузинская Церковь прославляет святого князя Гоброна, замученного за Христа в X веке²⁹. Это было столетие, когда время исчисляли не по годам, а по нашествиям арабов. Гоброна называют «отважным» – это образец грузинского витязя, во многом схожего с тем, кого на Западе называли «рыцарем без страха и упрека». Он защищал в Тао-Кларджети свою родовую крепость, которая стояла на пути арабов, так же, как некогда спартанский царь Леонид с отрядом воинов преградил путь на узкой тропе полчищам персов. Долго продолжалась осада, казалось, что скорее разрушатся каменные башни от ударов таранов, чем сдадутся воины Гоброна. Тучи горящих стрел и куски скал, как град, обрушивались из каменометных машин на осажденный замок. Черный дым поднимался над крепостью, как извивающееся тело дракона. Один за другим падали воины со стен в огонь, охвативший замок, и на острия копий. Ворота рухнули, арабы ворвались во двор крепости, битва продолжалась внутри каждой башни. Гоброн защищал замок, как истекающий кровью орел защищает свое гнездо. В живых остались только он и 133 воина, у которых от изнеможения и ран мечи выпадали из рук.

Эмир потребовал, чтобы Гоброн принял ислам, обещая сохранить ему жизнь, вернуть родовые поместья и сделать полководцем в арабском войске. Гоброн и его воины предпочли смерть. Желая устрашить Гоброна, эмир приказал убивать пленников на его глазах. Он стоял, забрызганный кровью, среди трупов, как на поле боя. Когда убили последнего воина, эмир снова спросил Гоброна: согласен ли он принять ислам, – ведь теперь уже не будет живых свидетелей его отступничества. Гоброн стоял неподвижно, как изваяние, подняв глаза к небу. Казалось, что он не слышит звона оружия, не видит крови и мертвых тел, которые как холмы окружают его, что он в молитвенном порыве созерцает, подобно апостолу Стефану перед смертью, Сына Божия и Ангелов Его. Палач ударил Гоброна мечом; тот, омочив в своей крови персты, начертал у себя на челе крест. Этот крест засверкал ослепительным светом молнии. После третьего удара бездыханное тело мученика, как дуб под секирой дровосека, пало на землю. Гоброн вместе с убитыми воинами был погребен в общей могиле во дворе замка, рядом с гробницами своих предков.

Приближался конец первого тысячелетия от Рождества Христова. Время циклично; каждый цикл содержит в себе элементы последующей истории. Поэтому конец века, тем более тысячелетия, эсхатологичен, он носит на себе печать Апокалипсиса и освещен заревом будущих мировых катастроф. В это время люди находятся в томительном ожидании неотвратимых, неведомых бедствий, самый воздух как будто пропитан волнами тревоги. Даже звездное небо, открывающее человеку величие и беспредельность Божества, кажется пергаментом с таинственными знаками, подобными письменам, внезапно появившимся на стене вавилонского дворца во время пира Валтасара в последнюю ночь обреченного города. На рубеже двух тысячелетий тени эсхатологических бедствий покрыли землю, как тень луны во время затмения.

В это время Господь даровал Грузии и всему миру великих святых, просиявших на Афоне: Иоанна³⁰, Гавриила³¹, Евфимия³² и Георгия³³ Святогорцев. Афонская Гора – это особое царство, где живет особый народ, не похожий на остальные народы и племена – монахи. В этой стране лавры стоят, как царские дворцы на берегу лазурного моря, монастыри – как замки на склонах горы; скиты и пещерные кельи – как крепостные башни. Афонская гора, выдвинутая, как остров в море, кажется кораблем, плывущим к

---

²⁹ Память св. мч. Гоброна (в крещении Михаила) Кахетинского, князя, и с ним 133-х воинов совершается 17/30 ноября. — *Ред.*

³⁰ Память 12/25 июля. — *Ред.*

³¹ Память 12/25 июля. — *Ред.*

³² Память 13/26 мая. — *Ред.*

³³ Память 27 июня/10 июля. — *Ред.*

небесам. Гора Афон – Удел Божией Матери, нерукотворенный храм, крепость Православия и образ небесного Иерусалима на земле.

Как четыре драгоценных камня, сверкают и сияют в небесном Иерусалиме имена четырех монахов – Иоанна, Гавриила, Евфимия и Георгия. Преподобный Иоанн, в миру – Тао-Кларджетский князь, построил Иверскую обитель и собрал грузинских монахов, подвизавшихся на Святой Горе, как пастух собирает агнцев в овчий двор.

Однажды Великим постом монахи увидели свет, идущий со стороны моря, который сиял ночью и не угасал днем. Свет исходил от иконы, стоявшей на волнах, как в каменном иконостасе. Монахи спустили на воду лодки, некоторые из них бросились к иконе вплавь, но икона отступила от них, и они увидели ее свет на горизонте, где море сливается с небом. Все монахи Афона собрались к морю, точно стаи голубей покрыли его берег. Монахи служили молебны Небесной Царице, в монастырях читалась неусыпаемая Псалтирь.

Настала Страстная Седмица. Весь Афон облачился в траур. Монахи приносили покаяние в своих грехах – от игуменов монастырей и схимников, десятки лет не покидавших затвор, до послушников, недавно пришедших из мира. Они знали, что грехи, не омытые слезами покаяния, как стена стоят между Небом и землей, заграждают путь Небесной Царице, подобно дыму, который отгоняет лавицу от мирских жилищ.

Но вот пришла Пасха. Дева Мария, явившись преподобному Иоанну, сказала, что только один монах – Гавриил – может взять из моря икону. Гавриил продолжал подвиг древних восков³⁴. Он был странником на Афоне, не имел ни жилища, ни келии, бродил по дебрям лесов и скал, где редко ступала нога человека, воспевая день и ночь гимны Богу. Он питался плодами деревьев, корнями трав и тем, что подавали ему как нищему в монастырях Афона. Он ночевал, где заставляли его короткие южные сумерки: в расселинах скал, дуплах деревьев или делал себе шалаши из веток. Этот подвижник не имел ничего, кроме имени Иисуса Христа и свободы от всего земного. Он был свободнее перелетной птицы, которая находит оставленное гнездо; не имел ничего, но был так радостен и счастлив, словно все принадлежало ему, как царю.

Преподобный Иоанн послал монахов в дебри и ущелья, чтобы отыскать его – своего духовного брата – прячущегося в скалах, будто серна. Преподобный Гавриил, узнав, что его ищет Иверский игумен, тотчас явился в монастырь. Помолившись Божией Матери, он вступил на волны моря, как Петр на воды Галилейского озера, и пошел к иконе, точно по вымощенному гранитом пути. Поднял икону и понес ее на берег. Трепеща и ужасаясь, Гавриил держал в своих руках чудотворный образ Богоматери, а благодать иконы невидимо держала его над бездной вод. Радостно приняли монахи образ – как Саму Пресвятую Богородицу, вступившую на землю Афона.

Икону поместили в монастырской часовне и оставили там – пока приготовят для нее место в соборе, где она должна была восседать, как царица Афона на троне. Затем икону перенесли в собор и поставили в алтаре. Но воля Девы Марии была иной – образ Ее на следующее утро оказался висящим над воротами обители. Снова внесли ее в храм, но и в последующие ночи повторилось то же чудо. Вразумленные Самой Царицей Небесной иноки более не противились Ее изволению. Икону оставили там, где это было угодно Божией Матери. Есть предание, что пока она находится в Иверском монастыре, Афон будет изливаться чистый свет Православия, и силы ада не одолеют его. Но придет время, и икона исчезнет так же таинственно, как и пришла. Тогда монахи спешно должны покинуть Святую Гору, как христиане в одну ночь покинули Иерусалим, когда войска Тита готовились к новой осаде. На Афоне прежде был обычай: каждую неделю посланцы

---

³⁴ *Воски* — особого рода отшельники, которые, созрев для высших подвигов, удалялись в пустыню и там вели кочевую жизнь, переходя с места на место. Покровом для них служило небо, ложем — земля или пол одинокой пещеры. Они не употребляли пищи, приготовляемой на огне, питались лишь корнями и травами. Более всего восков было в свое время в Месопотамии; встречались примеры такого рода отшельничества в Палестине и Сирии, но значительно реже. — *Ред.*

из всех монастырей приходили к воротам Иверской обители, чтобы узнать, стоит ли икона на своем прежнем месте; кланялись ей как Игумении Святой Горы и возвращались в свои монастыри с радостной вестью, что Божия Мать не покинула Афон, что дух Православия Святой Горы светел и чист, как огни лампад, что ереси и лжеучения не могут поколебать Афон, как бури – его скал.

Преподобный Евфимий был сыном преподобного Иоанна и стал сыном своему отцу и по духу, когда принял монашество. После смерти Иоанна Евфимий получил вместо княжеского наследства – Иверский монастырь и великое звание – сан игумена. Как сын умножает сокровища родителей, так он расширил и украсил Иверскую обитель. Евфимий был примером для монахов. Он не пропускал ни одного храмового богослужения и стоял на игуменском месте неподвижно, как зажженная свеча. Евфимий с юности до смерти носил на теле железную рубаху, как воин – кольчугу в бою. Божия Мать, явившись ему в видении, повелела перевести Священное Писание на грузинский язык и коснулась железом его уст. С тех пор уста Евфимия стали златоструйным источником, точно родник, напоили всю грузинскую землю небесным вином. После службы, когда монахи расходились по кельям и монастырь погружался в сон, окно башни, где жил Евфимий, светилось, как звезда над Иверской обителью: игумен, склонясь над столом, переводил Писание и творения святых Отцов на грузинский язык. Он чувствовал каждое слово Библии, как живое существо, видел его в многомерных духовных измерениях, созерцая цвета и блеск его кристаллов и граней; свет Священного Писания он зажег, как неугасимый огонь в лампаде грузинского языка.

Третий игумен Иверской обители – преподобный Георгий dokonчил труд преподобного Евфимия. Он был мистик и поэт. Его переводы Библии похожи на иконы Бека и Бешкена, выкованные из золота и серебра. На гробнице преподобного Георгия – надпись: «Я утвердил столпы храма, да не поколеблются они вовек». Преподобные Евфимий и Георгий – два последних апостола Грузии, просветившие иверский народ переводами Священного Писания и своими творениями. В каждом грузинском храме при богослужении звучит их голос – в словах Писания; ему будут с благоговением внимать потомки, пока небо и земля не предстанут на Страшный суд, пока в мире звучит грузинская речь...

Вторым тысячелетием от Рождества Христова открылся новый цикл в истории Грузии. Тени грядущих бедствий нависли над землей, как тревожный колокольный звон. Народ, готовясь к войне, спешно возводит крепости, строит стены вокруг городов, чинит мосты и очищает рвы – так в начале XI столетия Грузия возводила духовные крепости. Первая из них – Светицховели, венец Грузинской Церкви, младший брат Цареградской Софии, рукотворный утес, возвышающийся над волнами времени и круговоротом истории. Кажется, что между Светицховели и Иерусалимским храмом Воскресения протянута золотая цепь. Вторая крепость – храм Алаверды, высящийся над Кавказом, кажется, воплотил собой полет в небеса и даровал крылья камню. Он похож на колонну, которая поддерживает лазурный небосвод. Алаверды лишен украшений; он прост, как одеяние аскета, его строгая красота похожа на лик пророка, вышедшего из пустыни. Третья крепость – это Кутаисский храм Баграта. Его орнамент и барельефы похожи на филигранную работу древних ювелиров; его стены из белого камня кажутся одеянием из виссона, которое можно пропустить через кольцо. Кажется, что храм Баграта строили трое братьев, из которых один был богослов, второй – мистик, а третий – поэт.

Едва были dokonчены эти крепости, как на границах Грузии появился новый враг – турки-сельджуки, будто зловещий призрак смерти с косой. Они пришли, как гунны при Аттиле из Алтая и Турана на запад, в поисках земли и добычи. Турки вторгались в Грузию каждый год. Города и села стояли обезлюдившие, как после чумы. Дома на пепелищах и развалинах, в которых долго не зажигались огни, казались черными памятниками на могилах. Незасеянные поля поросли кустарником и крапивой. Три апокалиптических всадника – война, голод и смерть с обнаженными мечами промчались по Грузии. Страна

была подобна кораблю с поломанными мачтами, порванными парусами, с пробоинами в борту, в которые устремилась вода. Казалось, что нет спасения: буря подымет корабль, как борец своего противника над головой, и с размаху бросит его о скалы.

Турки-сельджуки были страшнее, чем арабы. Если арабы, сохранившие обычаи бедуинов, были благородными разбойниками, то сельджуки не отличались от грабителей гробниц, готовых снять с тела мертвеца последний хитон. В это время Господь даровал Грузии величайшего из ее царей – Давида Строителя, «мужа по сердцу Своему» (Деян. 13, 22), потомка Давида Псалмопевца. Народ назвал его Восстановителем Грузии. День царя начинался с молитвы еще до рассвета и оканчивался глубокой ночью за чтением Библии. Когда он отправлялся на войну, то брал с собой похожую на скинию походную церковь. Он присутствовал на литургии каждый день и часто причащался. На его груди, поверх кольчуги, была надета серебряная икона Архангела Михаила, который не раз спасал его жизнь. Даже на поле битвы царь не расставался с Евангелием. Он вырвал Тбилиси из рук агарян, как пророк Давид – Иерусалим из рук хананеев. Из ожерелья Грузинской Церкви он выбросил фальшивые камни и заменил их алмазами, которые выточили ювелиры Руиси и Урбниси. Царь Давид оставил «Канон покаянный», написанный словно кровавыми слезами и показал пример покаяния, завещав погребсти свое тело у порога Гелатского монастыря, чтобы все приходящие в обитель наступали на его могилу³⁵.

Память о святой царице Тамар звучит, как песня, над горами Кавказа, а имя ее сияет на небе блеском утренней звезды. Она отогнала врагов от пределов Грузии, как орел – стаю воронов. Она построила на вершинах скал часовни и храмы, будто надела на главы гор венцы, а на равнинах воздвигла соборы, словно изваяния, выточенные из камня, и монастыри, точно замки из роз, наполнившие благоуханием всю страну. Ее гробница неведома миру, как могила пророка Моисея, но живая и мертвая она принадлежит всей Грузии; в каждом уголке иверской земли слышится биение ее сердца³⁶.

Прошло 20 лет со дня смерти царицы Тамар, перевернулась страница летописи, и другая картина встала перед глазами: те же силуэты гор, то же течение рек, мирное и непрестанное, как поток времени, но вместо кипящих жизнью, как кубок вина, городов, – развалины и пепелища, около которых собираются стаи волков и поют тоскливо и заунывно песнь смерти. На полях вместо колосьев пшеницы, похожих на золотую парчу, – бурьян и выжженная земля. Церкви стоят с поломанными крестами. Вместо богослужения из алтарей доносятся крики скота; церкви обращены завоевателями-монголами в конюшни. По предсказанию Андрея, Христа ради юродивого, раскрылись медные ворота, которые Александр Македонский воздвиг на Востоке, и орды из пустыни Кара-Кум и Гималаев хлынули на Запад, уничтожая все на своем пути, как снежный обвал.

Умерла царица Тамар, как тихо опускается солнце за горизонт. Оплакав свою госпожу, царский двор Тбилиси предался пирам и веселью, как будто хотел превзойти блеском Багдад. Казалось, что цари и царедворцы играют страной, как маленький ребенок – алмазом, подбрасывая вверх и ловя на лету.

Один из немногих оставшихся в живых соратников царицы Тамар – ахалцихский князь Шалва предупреждал грузинское правительство о наступающей опасности – настойчиво, но безуспешно, как Лаокоон – троянцев. Казалось, что он слышит гул копыт монгольской конницы, который потрясал мир, как подземный гром – Помпеи, когда еще безмолвствовал Везувий.

И вот на границе Грузии появился хорезмийский царевич Джалал-эд-дин с огромным войском, как Аттила под стенами Рима. Победоносный меч Тамары в руках ее преемников оказался мечом с золотым эфесом, но с деревянным клинком. Зато кинжал измены поражал без промаха. Тбилиси пал. Только цитадель Исани продолжала сопротивляться

---

³⁵ Память св. Давида Возобновителя, царя Иверии и Абхазии, совершается 26 января/8 февраля. — *Ред.*

³⁶ Память св. Тамары, царицы Грузинской, совершается 1/14 мая, а также в Неделю святых жен-мироносиц. — *Ред.*

хорезмийцам, подобно крепости Масада, которая отражала штурмы римских легионов при зареве пылающего Иерусалима.

Джалал-эд-дин решил одержать еще одну победу: обратить жителей Тбилиси в ислам или превратить Тбилиси в чашу крови. С Сионского собора сбросили купол и на кровлю поставили трон, где сел Джалал-эд-дин. Казалось, что он, как Нимврод, хотел дотянуться рукой до неба, а ногой попать святыни Грузии – так гладиатор становится на грудь поверженного противника и приставляет острие клинка к его горлу.

Из Собора вынесли на Метехский мост иконы. Вдоль перил стали хорезмийцы с обнаженными мечами. Христиане Тбилиси должны были рядами переходить по мосту на другую сторону реки и в знак отречения от Христа плевать на лики икон, которые они всю жизнь почитали благоговейным лобызанием, перед которыми с детских лет молились и просили у Бога благословения. Христиане шли по мосту, как мученики – по арене Колизея, окруженные стаей голодных зверей, которые бросались на них и разрывали на части их тела. Хорезмийцы рубили христиан мечами и сбрасывали с моста раненых и мертвых. Иконы были залиты кровью мучеников. По трупам можно было перейти с одного берега на другой, не замочив ног в воде.

Воевода Шалва был захвачен в плен. Джалал-эд-дин уговаривал его принять ислам, обещая большее богатство и славу, чем он имел в своей молодости. Но получив отказ, приказал пытать его и бросить в темницу. Князя заключили в подземелье, как в волчье логово, – там не было ни тепла, ни света, – подвергали побоям, морили голодом, а затем задушили веревкой³⁷.

Месяц находился Джалал-эд-дин в Тбилиси, месяц продолжалось побоище, превосходящее жестокость ассирийских царей, которые писали число убитых пленников на скалах, как бы в назидание потомкам. Волны Куры были алыми от крови.

В истории имеются поразительные совпадения: таковы судьбы Ашота Куропалата и царя Димитрия Самопожертвователя. Один управлял страной после арабского нашествия, другой – после вторжения монголов. Оба подняли из руин и пожарищ Грузию, как Зоровавель после вавилонского плена – Иерусалим и его святыню – Храм. Оба кротко терпели обличения от своих духовных отцов: Ашот Куропалат – от святого Григория Хандзойского – мужа пророческого духа, а Димитрий Самопожертвователь – от преподобного Пимена юродивого, названного «Нафаном Грузинской Церкви». Ашот Куропалат был изменнически убит в храме, как пророк Захария, между жертвенником и алтарем, а царь Димитрий – самого себя принес, словно жертву за Грузию, монголам, чтобы своей кровью утолить их ярость, как голод волчьей стаи. Народ назвал его Самопожертвователем, самым прекрасным из имен.

А вот имя Шах-Аббаса³⁸ народы Закавказья вспоминают с проклятием. Казалось, целью его жизни было уничтожить Грузию или превратить ее в татарское ханство, как целью жизни Катона – сравнить с землей Карфаген, а камни стен его вырыть из основания и бросить в море. Много бед испытала за свою историю Грузия. Огнепоклонники мстили даже мертвым: разрывали могилы, выбрасывали трупы и кости на съедение птицам и зверям; монголы уничтожали все живое на своем пути, а Шах-Аббас не только превращал города и села в руины, но и приказывал вырубать деревья, выкорчевывать виноградники, вытаптывать и сжигать посевы на полях, словно хотел превратить Кахетию – сад Грузии – в долину Мертвого моря.

Для него все христиане были врагами, которых он заранее приговорил к смертной казни. Больше всех людей на земле Шах-Аббас ненавидел картлийского царя Луарсаба, не раз побеждавшего его на поле битвы и в состязаниях: в искусстве метать копьё и управлять конем. Шах умел выжидать. Ненависть и зависть, кипевшие в его сердце, он

---

³⁷ Память св. мч. Шалвы Ахалцихского, князя, и св. мчч. Тбилисских совершается 31 октября/13 ноября. — *Ред.*

³⁸ Шах Аббас I (ум. в 1629 г., на троне с 1587 г.) — персидский шах, предпринимавший завоевательные походы на Грузию, поразительные по своей кровавой жестокости. — *Ред.*

скрывал под маской друга, как убийца прячет кинжал в складках своей одежды. Шах-Аббаса персы называли «львом Востока». Но царь пустыни и лесов никогда не кидается из засады сзади. Он благороден даже к своим врагам. Шах скорее походил на змею, затаившуюся у дороги, чтобы неожиданно вонзить свои зубы в тело путника, влить смертоносный яд в его кровь, а затем смотреть неподвижными холодными глазами, как ее жертва бьется в судорогах агонии. Но в отличие от змеи, тиран считает смерть слишком легким наказанием для своей жертвы. Он хочет провести противника через ад унижений, сломить его волю, сделать презренным в глазах народа. Для тирана высшая победа – видеть, что его враг умер не как мученик, а как пес. Персидский царь Сапор, взяв в плен цезаря Валентиниана, не убил его, а назначил на новую должность при своем дворе: в праздники цезарь должен был опускаться на колени, преклонять голову, и Сапор наступал сапогом ему на шею, как на подножие, когда садился на коня.

Шах-Аббас хитростью заманил царя Луарсаба в свой лагерь, как птицелов заманивает сокола в сеть игрою на свирели. Царственный гость стал его пленником. Шах знал, что никакие пытки не заставят Луарсаба отречься от христианства, и поэтому решил сломить его дух постепенно, как берут осажденную крепость. Малые грехи подобны малым щелям в борту корабля; они расширяются под напором воды, и корабль, захлебываясь, будто обессилевший пловец, идет ко дну, как в могилу. Грехи лишают христианина благодати; он становится беспомощным, как Самсон с остриженными волосами, в которых заключалась его прежняя исполинская сила.

Шах на пиру стал спрашивать Луарсаба нарушить пост из уважения к нему. Луарсаб понял, что над ним хотят посмеяться, как над трусом, что это – начало конца, а затем последует повеление принять ислам. Он встал и вышел из шатра шаха, обрекая себя на пытки и смерть, как восьмой Маккавей, ради отеческих законов. Семь братьев Маккавеев выпили огненную чашу пыток сразу, не отнимая ее от своих уст; «Иверский Маккавей» пил эту чашу в течение многих лет, счет которым он потерял в подобной склепу темнице³⁹.

Лезвие режет, копие колет, огонь жжет, а святая великомученица царица Кетеван⁴⁰ была подвергнута казни, в которой, казалось, все виды пыток соединились воедино. Ее тело резали раскаленными лезвиями, вырывали груди клещами, которыми кузнец вынимает из горнила искрящееся железо. Ее бросали на раскаленные гвозди, но дух царицы был крепче пламени и стали. Ни крика, ни мольбы не вырвалось из ее уст. Она тихо молилась: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», пока не изнемогла от пытки, и только струи ее крови с шипением текли на раскаленное железо. Имя Кетеван стало символом мужества для грузинского народа – как боевое знамя.

Однажды в ночь под Пасху персы увидели в горах Гареджи движущиеся огни. Шах-Аббас удивился, что еще остались в живых люди там, где проходило его войско, как если бы остались нетронутыми цветы на поле, которое покрыла туча саранчи. Ему сказали, что это монахи обходят Лавру крестным ходом с зажженными светильниками и свечами. Шах приказал убить их всех до единого. Войско персов окружило Гареджи подобно тому, как римские легионы внезапно взяли в кольцо осады Иерусалим в дни праздника ветхозаветной пасхи. Отряд конницы подъехал к монастырю; навстречу вышел игумен Арсений и просил, как великой милости, позволить им закончить литургию.

Персы согласились. Монахи исповедали грехи, испросили друг у друга прощения и причастились в последний раз. Казалось, что вся их жизнь сосредоточилась в этой молитве, они вложили в нее все силы, как раненый орел – в последний взмах своих могучих крыльев. Причастившись, монахи выходили из храма; смерть ждала за дверями: воины рубили их на части и бросали в глубокое ущелье. Впоследствии их кости были собраны и положены в пещерной часовне в одну гробницу, как сокровище, сокровенное в

---

³⁹ Память св. мч. Луарсаба II, царя Карталинского, совершается 21 июня/4 июля. — *Ред.*

⁴⁰ Память св. вмц. Кетевани Кахетинской, царицы, совершается 13/26 сентября. — *Ред.*

сердце скалы⁴¹. Гареджийская гора, освященная молитвами и слезами монахов, была напоена их кровью, как гора Сион – утренней росой; она убелена благодатью, как вершины Ливана – снегами; над ней разливается невидимое сияние, как Божественный Свет, озаривший Фавор.

После смерти Шах-Аббаса I на персидский престол вступил Шах-Аббас II – словно для того, чтобы Грузия не забыла проклятого ею имени. При нем тюркские кочевые племена, под защитой персидских войск, наводнили Кахетию. На месте садов и виноградников паслись табуны коней и стада овец. Целые села кочевники захватывали в плен и продавали в рабство на рынках Стамбула и Трапезунда. Погасли светильники алтарей. Алавердский храм – краса Кахетии – стал обиталищем летучих мышей. Вместо завесы над алтарем висела паутина. В непогоду в опустевший храм пастухи загоняли скот. Из обломков иконостаса и досок икон разводили костры, чтобы согреться и приготовить пищу. Священный жертвенник алтаря превратили в стол, за которым пировали и играли в кости. Священные для кахетинцев могилы были покрыты слоем грязи, которую оставляли за собой стада; в темные и пустые, как глазницы черепа, окна с пронзительным свистом врывался зимний ветер, а летом был слышен похожий на плач и причитание крик совы – ночной птицы – точно женщины, оплакивающей мертвеца.

В это время князья Бидзина, Шалва и Элизбар⁴² решили спасти Кахетию или умереть. С небольшим войском и отрядом горцев Ксанские князья стремительно, как отряд Гедеона, напали на полчища персов и татар. Решающее сражение произошло около Ахметы. Святой Георгий, покровитель Алавердского собора, был виден на небе над сражающимися войсками. Гонимые необъяснимым ужасом кочевники, побросав оружие, бежали, как сирийцы от стен Самарии, где молился пророк Елисей. Те, кто недавно попирали ногами грудь Кахетии, как своей пленницы, теперь искали спасения в бегстве – так кидаются люди с разбитого бурей тонущего корабля: кто на лодках, кто обхватив обломок мачты, кто – вплавь. Бушующие волны хоронят их в своей пучине, и только один пловец достигает берега и с ужасом смотрит на море, ставшее могилой его спутников. Из всего войска кочевников только один султан спасся живым – благодаря своему арабскому скакуну, а также тому, что он догадался первым покинуть поле боя.

Шах потребовал суда над князьями. Чтобы предотвратить новое нашествие персов, они добровольно отправились в Исфахан; так христианские мученики при Нероне, приговоренные к смертной казни, сами бесстрашно шли навстречу голодным львам и в огонь пылающих костров. Шах предал трех князей в руки родственников убитых татар.

По обычаю магометан, им предложили отречься от Христа и принять ислам, обещая прощение и свободу. По закону шариата, принявший магометанство освобождался от всякой ответственности за прежние деяния. Для этого надо было в присутствии свидетелей прочитать первую суру Корана. Три князя в ответ громко прочитали *Символ веры* и *Отче наш...* Осенив себя крестным знаменем и обняв друг друга на прощание, они приготовились к казни. Татары сорвали с них одежды до пояса, и, обмазав тела медом, посадили на землю посреди городской площади, так что тучи ос и шмелей окружили их. От ядовитых укусов и палящих лучей солнца тела князей распухли и почернели. Эта пытка, похожая на сожжение на медленном огне, продолжалась целый день. Солнце казалось для мучеников беспощадным палачом, а рои ос, которые кружились над ними и заползали в рот и ноздри, – стаями змей, обвившими их и вонзающими зубы в тела. Элизбару и Шалве отрубили руки и ноги. Эта честь была предоставлена самим близким родственникам убитых татар. Затем обрубки тел были выставлены, как мишени, и каждый из татар мог считать, что исполнил долг мести, путив в них пулю.

---

⁴¹ Память св. преподобномучеников отцов Давидо-Гареджийских совершается во вторник Светлой седмицы (переходящее празднование). — *Ред.*

⁴² Память св. мчч. Бидзина, Шалвы и Элизбара, князей Ксанских, совершается 18 сентября/1 октября. — *Ред.*

А для Бидзины приготовили пытку, которая в древней Персии предназначалась для тех, кто оскорбил Ормузда или его «земное воплощение» – персидского царя; подобной пытке был подвергнут великомученик Иаков Персиянин. Палач клещами выдернул у Бидзины ногти из пальцев рук и ног, затем стал резать тело по суставам. Во время такой пытки несчастная жертва от боли, забывая человеческий язык, кричит, как дикий зверь; но даже стоны не вырвалось у князя. Он тихо читал *Верую...* и *Отче наш...*, пока последние силы не оставили его. Затем палач привычным движением рассек ему грудь, вырвал сердце, словно алую розу, и бросил на землю. Оно лежало под ногами толпы, как сердце Игнатия Богоносца на арене цирка среди диких зверей.

Икона «Слава Грузинской Католикосской Церкви» – не только великое прошлое, но и будущее Грузии. Святые Грузии предстоят Животворящему Столпу, как воины – боевому знамени, как Ангелы – Небесному Престолу. Они озарены лучами, исходящими от Хитона Господня, как от солнца, струящего тихий свет из гробницы Сидонии, из недр земли. Сгущаются сумерки. Тени апокалипсиса, как тучи, нависли над миром. Святые погружены в безмолвную молитву.

Глава 3

О секуляризации церкви

Секуляризация означает отсечение, отъятие. Секуляторами прежде называли палачей, которые отрубали головы осужденным. Теперь же секуляризация – это изъятие из компетенции и из-под власти Церкви принадлежащих ей материальных и духовных ценностей и передача их в руки светской власти, светских учреждений. Кроме того, секуляризация – это и процесс обмирщения Церкви, который может быть как внутренним, так и внешним. О внешних процессах говорить, кажется, излишне: известно, как они проходили, достаточно взглянуть на голые стены храмов и монастырей, которые до сих пор стоят в наших городах и селах, как скелеты. Обратный процесс начался только в последние годы.

Что же касается секуляризации духовной, то это – подмена духовных ценностей ценностями земными, временными: историческими, культурными и тому подобными, то есть снижение жизни Церкви с духовного уровня на уровень душевный, превращение Церкви из Дома Божия, открывающего для людей врата вечности, в одно из земных учреждений, служащих земле.

Секуляризация может происходить в разных планах, на разных уровнях, но она есть внедрение в Церковь традиций, взглядов, этики и ценностей, чуждых самой Церкви, взятых из мира, мира во многом языческого. Секуляризация – это процесс размывания, растворения Церкви в житейском море мира. Это процесс не просто физического сокращения и уничтожения Церкви, но также и ее принижения, профанации, подчинения влиянию мира.

Господь сказал: ***Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня*** (Мф. 10, 37). В сущности говоря, вне Христа и нет настоящей любви; настоящая любовь – это дар Божественной благодати. Иная любовь, которая не от Бога, превращается в нечто другое: в биологическую привязанность, в культурную общность или какие-нибудь иные виды групповой солидарности. Только лишь одна любовь Христова может дать человеку силы истинно и бескорыстно любить других людей. Она преобразует также и любовь человека к своим близким, делает ее чистой и глубокой, заставляет не потакать их слабостям и греховным привычкам, не любить в них их материальное и вещественное благополучие, а любить бессмертную душу, желать для них самого большого блага: вечной жизни, спасения их душ для вечности. Существует для христиан определенная иерархия ценностей, определенная их «шкала»: высшей ценностью для нас является Христос и обетованная Им вечная жизнь. Если же кто-либо или что-либо займет их место в нашем сердце, то ясно, что дух секуляризации основательно вторгся в нашу религиозную жизнь и

мы, по сути, перестаем уже быть христианами. Так например, во многих протестантских союзах, деноминациях, обществах наши верующие с удивлением обнаруживают, что о Боге, о вечной жизни почти ничего не говорится: рассуждают о различных социальных, экономических, экологических проблемах, о благотворительных учреждениях, но не о вечности; о Боге, о внутренней жизни, об очищении души у них практически не услышишь. Там нет не только развитого, развернутого учения, как в Православной Церкви – обобщенного опыта подвижников, опыта внутренней брани – но и даже намеков на это нет, будто этот вопрос их вовсе и не касается. Когда при них кто-то заговорит о непрестанной молитве, о бдении над своим сердцем и тому подобных необходимых видах внутреннего делания, то они смотрят на такого человека как на какого-то «эгоиста», который занят только самим собой, «спрятался от мировых проблем в себе». Вот один из примеров того, как временные ценности, не отрицая самого христианства, подменяют собой вечное; за этим временным вечное исчезает из поля зрения человека. Вот одно из следствий секуляризации, подмена жизненных ориентиров, когда ориентируются не на то, что пребудет до конца, а на то, что возникает и гибнет.

Одно из проявлений процесса секуляризации в современном обществе – развитие идеи обожествления человечества. Церковь учит: даже самое малое добро может совершаться человеком только благодатью Божией, при помощи Божией. Теперь же Бог, как Действующий в нас, отвергается, человечество полагается только на свои силы, и потому на первый план выступают уже иные, не духовные факторы, например, наука, искусство и другие, подобные им.

Секуляризация Церкви проявляется в ориентации на земные учреждения. Церковь имеет свой символический духовный язык. Мирская культура также выработала свои символические языки: язык театра, язык музыки, язык поэзии и т. п. Содержание подсказывает форму: мирское искусство, будучи по содержанию своему приземленным и страстным, и вылилось также в определенные, соответствующие ему формы. Если эти чуждые Церкви формы будут в нее переноситься, то с разрушением церковных традиций станет уничтожаться, размываться само духовное содержание ее жизни.

Вот анекдотический пример.

В Англии состоялось совещание представителей разных Церквей: методистской, англиканской; присутствовали также и католики. Обсуждался вопрос: какой вид современного, наиболее популярного искусства можно использовать на пользу Церкви – чтобы привлечь в нее больше народа. Обсудили и пришли к выводу, что это... *цирк!* Он является самым перспективным, и хорошо было бы служителям Церкви изучать приемы иллюзионизма... Если вы думаете, что это шутка, вы заблуждаетесь. В действительности представители протестантских общин часто прибегают к различным необычным приемам ради привлечения к себе внимания и увеличения числа членов общины. Один протестантский пастор изучил ряд акробатических трюков и на площадях, около рынков и других людных мест демонстрировал их: так он привлекал к себе народ. И когда видел, что толпа, окружающая его, уже достаточно значительна, то, взобравшись на шест, начинал религиозную проповедь.

Вот такие формы может принимать процесс обмирщения, принижения Церкви.

Церковь – Богочеловеческое учреждение: здесь и Божественное, и человеческое вместе. Но Церковь как таковая есть открытие Царствия благодати на земле и введение людей в это Царствие. Церковь в миру, и она над миром. Церковь спасает мир, но она не растворяется, не должна растворяться в нем: Церковь должна возвышать мир до себя, должна воцерковлять мир. Но в процессе секуляризации происходит другое: Церковь опускается до уровня мира, якобы для того, чтобы стать понятной, доступной для него. Церковь не воцерковляет уже мир, а сама обмирщается и в конце концов теряет и духовность свою, и даже, в земном плане, теряет паству. Если Церковь становится похожей на мир, то люди уже не находят в ней чего-либо принципиально нового для себя.

Да потому-то и происходит этот процесс секуляризации, что люди, вступая в Церковь, не хотят изменяться сами. Церковь же требует от человека непрерывного изменения себя.

Церковь включает верующих в Богообщение; Богообщение требует от человека напряженной борьбы с грехом, вне этой борьбы оно невозможно, невозможна жизнь в Церкви; тот, кто не ведет эту борьбу, – мертвый член Церкви. А современный человек весьма неохотно борется с грехом: он слишком изнежен, слишком привык к развлечениям и удовольствиям, часто большую часть повседневного труда за него совершают машины и автоматы, потому он мало способен к постоянному напряженному внутреннему подвигу. Здесь-то и возникает соблазн объявить этот подвиг, требуемый Церковью, чем-то отжившим и устаревшим и начать реформировать ее – не самим изменяться, как этого требует Церковь, а Церковь изменять в угоду своим страстям. И это действительно одна из серьезнейших причин современного секуляризма – нежелание исправлять себя, нежелание пребывать в постоянном внутреннем подвиге, желание найти более легкие, приемлемые для себя условия жизни в Церкви. А так как их не находят, то возникает желание реформировать саму Церковь.

Это реформирование может протекать под разными, внешне благовидными предложениями, личинами, например: перевода текстов богослужения на современный язык, календарной реформы, различных модернизаций богослужения и так далее. Но это все вовсе не так безобидно! Для древних языков характерен другой тип мышления, в них больше динамики и способности к молитве и глубоким созерцаниям. Современные языки носят характер более описательный, информационный, а древние – скорее коммуникативный. И вот, когда переводятся древние богослужебные тексты на этот секуляризованный язык, тогда сама молитва теряет динамичность и глубину: тогда она воздействует уже больше на разум, чем на сердце, тогда она становится чуждой духу человека.

Святые Отцы говорят, что у каждого человека есть внутренний логос, внутреннее слово, некий внутренний язык, не язык внешнего слова, а язык непосредственного созерцания, непосредственных проникновений; этот язык одинаков у всех людей, потому-то люди и понимают друг друга, потому мы понимаем психологию людей, живших в различные эпохи в разных странах, например, когда читаем древнегреческую литературу: «Илиаду», «Одиссею», когда читаем фольклорные произведения народов Африки или берем в руки наших классиков. У всего человечества есть единый внутренний логос, сам человек в писаниях святых Отцов называется *словесным* существом. В результате же определенных исторических условий, известных исторических потрясений, возникли внешние, так называемые профористические, языки – это интерпретация внутреннего слова, происходящая у нас на уровне рефлексии. Они (эти языки) находятся в разной степени приближенности к внутреннему логосу, и у древних языков эта приближенность больше, чем у современных. Поэтому реалии духовной и религиозной жизни лучше выражаются через древние языки, через их структуры, через их внутренний объем слова. Не только синтаксис и грамматика, но и этимология древних языков намного глубже и многограннее. Так что через них люди скорее могут приблизиться к содержанию богослужения, глубже вжиться в него, стать причастными к Богообщению. Усвоение же слова, переведенного на новый язык, происходит внешне, поверхностно, более рассудочно, чем эмоционально.

Процесс секуляризации покушается также и на наш календарь. Идут споры о перемене *юлианского* календаря на *григорианский*. Юлианский календарь был создан в Римской империи за полвека до рождения Христа Спасителя. Григорианский же календарь – «дитя нового времени» – родился в католической среде: руководил его созданием папа Григорий XIII, который сам был астрономом. Юлианский календарь циклический, григорианский же прямолинейный. Юлианский календарь Церковь приняла не ради утилитарного измерения времени, а для отражения ее внутренних ритмов,

внутренних ритмов ее духовной, религиозной жизни и хронологии событий Священной Истории. В этом смысле он имеет все преимущества перед григорианским.

Секуляризация – это ориентация на внешнее, вот она и ориентируется здесь на сезоны – климатические периоды, на внешнюю точность по отношению к солнечному году. Подобное явление происходит в случае сличения иконы и картины: так, например, в иконе отсутствует перспектива, изображение объемов, нарушены анатомические пропорции. Поэтому часто думают, что древняя икона несовершенна, считают ее особый символический язык незнанием художественных приемов изображения. И только впоследствии начинают понимать: как раз в иконе-то и заложены огромная информация и сила, которых не может отразить картина, хотя она внешне и более точна.

Вот и на эти два календарных стиля можно посмотреть, как на икону и на картину: на юлианский календарь – как на икону, а на григорианский – как на картину времени, хотя время – это неопределимая субстанция. Конечно, картины здесь никакой быть не может, я говорю условно – только лишь о некоторых подобиях.

Из-за ориентации на внешнее мы теряем самое существенное и важное для нас. Хотя мы вполне сознаем, что наука имеет *свои* средства, *свои* цели, у нее *свои* материальные объекты для изучения – мы это признаем и не вторгаемся в область науки, – но в то же время религия имеет *свои* ценности, *свой* духовный мир, *свои* средства выражения. Вот поэтому юлианский календарь стал для нас не простым исчислением времени – он стал для нас также определенным символическим языком.

Процесс секуляризации коснулся также и нашей иконописи. Он стремится превратить ее в живопись, в живопись. Икона смотрит на нас из вечности, поэтому-то в ней нет прямой перспективы (в иконе – обратная перспектива); там восприятие пространства и времени иное. Там и пространство, и время не трехмерные, а сферические. Икона – это форма раскрытия внутреннего духовного содержания изображаемого на ней, а картина – портретное изображение определенных материальных реалий. Картина, как и икона, часто создается на основе типовых норм, но всегда выражает чью-то психологию, настроение; картина выражает чувственное состояние, а икона – внутреннюю реальность, внутренний мир. Икона соединена с Божеством, через нее проявляется Дух, картина же соединена с миром. Поэтому великие художники эпохи Ренессанса были ничтожны как иконописцы: они создавали шедевры искусства, но эти шедевры принадлежат земле, не открывают человеку путь к небу, а оставляют его в поле притяжения земли, под тяжестью страстей, в текущем потоке эмоций.

Процесс секуляризации затрагивает и самую сокровенную, внутреннюю жизнь христианина: не только сокращается продолжительность наших молитв, но происходит еще и нечто худшее – наше сознание загружается различной хаотичной, бесконтрольной информацией, которая несет в себе множество страстей и противоречий.

Человек получает огромную «страстную информацию» от театральных постановок, кинофильмов и телепередач. Святые Отцы отрицательно относились к театру. Не следует думать, что такое отношение было вызвано тем, что в то время театр был особенно пошлый, развращенный – нет, известно, что многие древнегреческие трагедии в «земных измерениях» нравственны. Но дело в том, что здесь нет особого различия между классическим театром и балаганом, здесь говорится о принципе: театр страстен сам по себе, он возбуждает воображение, фантазию, грезы, он разжигает страстное сопереживание игре актеров, неочищенным, земным, а часто и явно греховным чувствам. И потому Православная Церковь никогда не смотрела на театр как на средство для проповедания христианских ценностей. А теперь на Западе иные методы: ставятся не только пьесы, но и балеты на религиозные темы, где кошунственно изображается земная жизнь Господа Иисуса Христа; Евангелие хотят превратить в фарс, Спасителя мира – в танцора.

Возникают уже целые серии фильмов на тему жизни нашего Спасителя, Его учеников. С церковной точки зрения это совершенно недопустимо! Игра артиста – это

умение воплощаться: человек – неважно, высоко он нравственный или безнравственный, но человек земной, страстный – как он может представлять себя в роли Христа Спасителя, то есть «воплощаться» во Христа! Для нас это – сплошное кощунство.

Святые Отцы всегда учили, что чем выше духовно поднимается человек, тем более видит он себя грешным, видит огромную пропасть между собой и Богом. Эту пропасть, как два берега – мост, соединяет Святой Крест Господень. В «картинах» же человек сравнивает и отождествляет себя с Богом, а ведь мы помним, кто был первым, отождествлявшим себя с Богом, – это сатана. Создатели подобных фильмов находят себе оправдание: «Это, дескать, такой вид проповеди христианства, популяризация Евангельской истории»; они будто бы таким образом призывают в Церковь народ, развивают в нем интерес к религии и так далее. Но они не говорят о том, что они лгут на Христа, лгут на Апостолов! Кого же может привлечь ложь и куда? Да, она может привлечь, но не к Богу, а к отцу лжи – дьяволу. Привлечь к Богу может только благодать Божия, действующая на человеческое сердце. Самое страшное во всем этом – то, что профанированный образ Христа, который изобразит артист, может навсегда остаться где-то в подсознании человека, и он невольно будет отождествлять Христа с тем, кого видел на подмостках театра или на экране телевизора. Таким образом, здесь происходит секуляризация уже самого священного для нас – образа Христа Спасителя.

Секуляризация захватывает частную жизнь христиан, когда они не хранят поста, считая его ненужным, отжившим свое время. Не соблюдая постов и уставов Церкви, такие люди выпадают из внутренних ритмов церковной жизни, теряют способность сопереживать страданиям Господа Иисуса Христа, испытывать небесную радость праздников, воспринимать сердцем как свет и жизнь святое Причастие.

Секуляризация – это также замещение и вытеснение из круга нашего чтения религиозной православной литературы литературой светской и страстной.

Вот что такое секуляризация сегодня! И ужаснее всего то, что этот процесс непрерывно нарастает, как лавина снега, катящаяся вниз.

Христианство и современная культура

Кажется, ни одно понятие не подвергалось таким искажениям, подделкам, такой изощренной словесной «эквилибристике» и всевозможным спекуляциям, как понятие культуры.

В настоящее время намечается тенденция рассматривать как часть культуры саму религию. Поэтому нам необходимо внести некоторую ясность, хотя бы очертить общие контуры того универсального явления, которое называется культурой.

Во-первых, под культурой мы подразумеваем определенный уровень человеческих знаний: науки, философии, литературы, в том числе – материальные памятники прошлых веков, технико-общественный уровень современной нам жизни и т. п.

Во-вторых, культура – это творческая способность определенного народа, его традиции и особенности, если можно так выразиться, земное лицо этноса.

В-третьих, культура – область взаимоотношений между людьми, этические нормы – правила человеческого поведения, то есть довольно сложная исторически оформившаяся знаковая система общения людей друг с другом.

Религия и культура – понятия вовсе не адекватные. (Мы – христиане, поэтому, говоря о религии, подразумеваем христианское вероисповедание). В основе религии лежит Божественное Откровение. А культура – сложный продукт человеческой деятельности и истории. Объектом религии, ее конечной целью и главным содержанием является Само Божество, точнее – мистическая любовь между человеком и Богом, через которую человек включается в вечную жизнь и становится причастником Божественных совершенств. Объектом же культуры является земная жизнь человека; цель и содержание культуры заключаются в реализации себя человеком через интеллектуальную деятельность, нравственные принципы и нормы поведения. Иными словами, религия –

обращенность души к Богу и реалиям вечности, а культура – обращенность души к земле и бытию во времени.

Имеет ли отношение к культуре религия? – Имеет, но не прямое, а косвенное. Христианство подняло человеческую личность на недоступную для языческого мира высоту; оно освободило личность человека от насилия коллектива, дало ему возможность нравственной свободы и силу для осуществления этой свободы. Оно послужило критерием для переоценки прежних моральных ценностей, раскрепостило человека, положив в основе взаимоотношений между людьми не насилие, не регламент внешних мелочных предписаний, а любовь. В этом отношении христианство дало культуре новый импульс, но ни одно общество никогда не было полностью христианским, и даже лучшие его (общества) представители только шли по пути к идеалам Евангелия, стоявшим всегда впереди, перед человеком и человечеством. Даже для святых спасение было даром Божиим и восполнением благодатью их человеческих немощей и несовершенств. Поэтому культура, как синтез неоднородных и несовместимых в нравственном отношении величин, никогда не была и не может быть христианской.

В определенные исторические времена христиане составляли большую часть населения многих регионов, но ни одно государство не было в полном смысле этого слова христианским. Христианское государство – это небесное Царство, вечная жизнь. Такой взгляд может показаться несколько ригористичным, но если мы, христиане, попробуем проследить и зафиксировать свою внутреннюю жизнь и ее внешние проявления, то увидим, как далека она от христианства. Мы увидим, что главным содержанием этой «мысленной продукции» являются страсти, гордыня, стремление к успеху и власти, житейские заботы, пустые мечтания и целые потоки ненависти и зла. Святой Иоанн Кронштадтский писал, что, по крайней мере, 40 процентов его мыслей принадлежит дьяволу. Это видел святой муж в состоянии духовного прозрения, какая же часть нашего духовного потенциала принадлежит темным силам! А что сказать о людях, индифферентных по отношению к вере, неверующих и тех атеистах, которые с ненавистью говорят о Христе? Разве они изолированы от созидания того, что мы называем культурой? И ведь именно эти люди, оказавшись, так сказать, с развязанными руками и как бы не имея нравственной ответственности за свои слова и деяния, развивают особенно бурную деятельность в земном самовыражении – через искусство, литературу, философию и т. д. Блаженный Августин в период внешнего расцвета христианства (V в.) видел Церковь как город Божий в огромном государстве язычества, как странника, идущего по дорогам языческого мира. Августин и Тертуллиан, испившие до дна чашу мудрости античного мира, являющиеся представителями высокой культуры – в нашем понимании, два самобытных мыслителя, они с особой настойчивостью утверждали границу между древними Афинами и Новым Иерусалимом – между областью души и царством духа.

Устремление человека к Богу выразилось в культе. Отпадение от Бога и обращенность к земле создало культуру и выразилось в ней.

Мы вовсе не хотим охарактеризовать культуру одним общим знаком отрицания. Мы только напоминаем, что это недифференцированное понятие стало сферой всевозможных спекуляций, и в нем хотят растворить, ассимилировать и уничтожить без остатка то высшее, что имеет человек – Божественное Откровение.

Тех, кто критически смотрит на душевную жизнь современного общества, кто видит в истории культуры не прогресс, а нарастающую энтропию, как правило, шантажируют такими кличками, как «сектант», «невежда», «дикарь», или налепляют ярлыки с прозвищами «обскурант» и «фанатик». Таким образом, сторонники «культуризма» религии применяют весьма некультурный способ для подавления своих оппонентов, а именно – метод психологического террора и призыв к общественности подвергнуть их изгнанию из среды «культурных» как париев и гоев.

Нам говорят, что человек должен быть образованным и просвещенным. Мы вполне согласны, но эти слова имеют корнями «образ» и «свет». Противоположностью образования служит не слово «незнание», а слово «безобразие» – потеря образов, бесструктурность, хаотичность; антиподом слова «просвещение» является мрак, затемнение сущности, потеря ориентира. Мы утверждаем, что ложное знание – это не образование, а напротив – более далекое отступление от истины, чем простое неведение; это некая величина со знаком «минус», если сравнить ее с незнанием как с нулем. Ложные знания – это большая опасность, чем незнание; это плотный заслон, который стоит между душой и истиной, заслон, который надо преодолеть, чтобы стать способным увидеть истину; это не путь по бездорожью, а лабиринт, в котором оказывается человек. Поэтому культура, несущая в себе ложную информацию, ложные знания как в интеллектуальном, так и в нравственном аспектах, представляется, скорее, антикультурой, скрывающей свое лицо под чужой маской.

Как мы сказали, культуры, адекватной христианству, не существует, однако самим принципом культуры, если принимать этимологию этого слова, должна была бы стать (чего нет на самом деле) естественная нравственность, которая заложена в душе человека.

Слово культура означает «умение почитать, умение уважать». Истинно уважать человека можно только как образ и подобие Божие, как бессмертный дух, как явление вечности. В этом смысле мы можем назвать культуру – в ее призвании почитать человека – религиозной. Но так как культура – общественное явление, то для нерелигиозного или многоконфессионального общества критерием ее может стать уважение к человеку, основанное на чувстве солидарности и принципе права. Однако посмотрим, насколько современная культура отвечает этому принципу и задаче; как православный христианин, не желающий кривить своей религиозной совестью, идти на компромисс, должен относиться к культуре конца XX столетия.

Сначала рассмотрим культуру как уровень знаний, как развитие науки, философии, литературы и искусства.

Научные знания относятся скорее к понятию цивилизации, чем культуры. Сами по себе они нравственно нейтральны, то есть могут служить как добру, так и злу. К культуре принадлежит не произведение технического гения, а само отношение человека к технике и другим отраслям науки. Здесь мы можем отметить, что человек, пребывая в мире сложной электроники и автоматики, приобретает бездушно-утилитарное отношение как к личности, так и к природе. Повелевая машинами, покорно исполняющими его волю, он постепенно переносит принцип инструментализма и на тех людей, с которыми находится в общении. Человек для человека становится инструментом: им пользуются для достижения своих целей, вне этого инструмент перестает быть нужным.

Эта эмоциональная охлажденность и самозамкнутая гордыня – характерная черта нашей современности. Как оценить это явление в отношении культурном? Как рост и прогресс или как потерю и энтропию?

Человек возложил на машину значительную часть того труда, который прежде исполнял сам. Он дает программу – машина решает задачу; он гордится этим достижением, но на самом деле с его душевными силами происходит то же, что с телом, лишенным привычных нагрузок, – они постепенно ослабевают и деградируют. Работа с машинами требует строгой спецификации, которая сужает поле умственного зрения человека, делает его односторонним. Является ли такая техническая специализация прогрессом в отношении культуры человека?

Обратимся к современному искусству и литературе – их многие авторы пытаются представить христианскими. Какие великие произведения искусства дало наше время? Могут ли они сравниться с произведениями хотя бы прошлого столетия?

Чтобы нести христианские идеи, сама интеллигенция должна быть христианской, но многие ли из ее представителей ведут церковную жизнь? – Почти никто или редкие единицы. Как же из пустого кувшина может вылиться вода, которая туда не налита?

Культура народа – это характерные для него исторические традиции. Сохранены ли они в настоящее время – не как бутафория, а как жизненная сила? Мы можем отметить, что эти традиции разрушаются. Чем заполнены витрины и полки книжных магазинов, что представляют собой телевизионные программы и видеофильмы – то, что играет роль каналов современной культуры? Перед нашими глазами пестрят картины убийств, насилия, секса. Даже классическая литература, сама по себе далеко не религиозная и не христианская, почти не издается. Ее редко принимают букинистические магазины, объясняя это тем, что подобная литература плохо продается, на нее нет спроса. И действительно: светская, но не совсем порвавшая с нравственностью литература стала уже неинтересной; ее вытеснили детективы, многочисленные учебники по сексу и эротике. Этот поток крови и грязи, обезличивший и обесчеловечивший людей нашего века, уничтожает народные и национальные традиции, извращает чувства человека, лишает его представлений о христианской нравственности. Что это: новая культура или потеря культуры?

На уличных стендах и в киосках мы видим открытки и картины, которые раньше показывали из-под полы в каких-либо темных притонах. А теперь они стали украшением наших городов, и если человек отворачивается от них, то его считают, в лучшем случае, чудаком вроде Дон-Кихота, а в худшем – фанатиком, человеконенавистником и даже сектантом. Христианин должен быть против такой спекуляции словом «культура», когда само достоинство человека унижается, втапывается в грязь. Современный абстракционизм порождает чувство безысходности, тупик, гибель. Сам человек в таком искусстве чаще всего появляется в образе распадающихся конструкций. Современная музыка своими ритмами порождает массовый психоз и истерию. Что же это – культура или антикультура? Мы, христиане, против такой культуры, хотя бы нас и обвиняли в обскурантизме.

Культура подразумевает под собой взаимоотношения людей, и определенные ее формы – как бы символический язык этих отношений, основанных на уважении к личности человека. Теперь эти отношения зиждутся на другом фундаменте: деньги, выгода, расчет вытесняют не только дружбу, но и родственные связи. Эталоном жизни становится богатство. Что это? – прогресс культуры как умение уважать и почитать человека, или ее энтропия?

Обычно, разбирая вопросы мировой культуры, исследователи ее, в том числе христиане, забывают поразительный и вместе с тем универсальный факт человеческой психологии и антропологии, а именно: что так называемое «естественное» состояние человека вовсе не естественно, а порождено, словно глубокой болезнью, грехом.

Социальные и нравственные утопии, постулирующие «природное добро» в человеке и относящие все зло к внешним условиям и воспитанию, оказались безжизненными и обреченными на провал. Самые благоприятные внешние условия, окружающие ребенка, самые возвышенные методы воспитания не могли победить в душе человека гордыни, эгоизма и самых низменных страстей. Грех действовал с одинаковой силой и в хижинах бедняков, и во дворцах властелинов, в демократических Афинах и в имперском Риме. Самовыражение не просвещенного христианством человека в искусстве и литературе, науке и других видах интеллектуального творчества всегда оставалось культом гордыни, прикрывающей себя словами о достоинстве человека, и культом страстей, который часто выдавался за утонченный эстетизм.

Искусство – это соперничество, эмоциональный гнозис. Человек, читающий литературные произведения или созерцающий картины, соперничает чувствам и страстям персонажей. Эти страсти проходят через его сердце и сознание, он соучаствует в них. Свет христианства показал безобразие языческой красоты. Нам предлагают во имя земного божества культуры восторгаться как самоценной красотой изваяниями Венеры – воплощением обольстительного сладострастия, или же идолами гималайского пантеона –

воплощением демонизма. Здесь одно из двух: или должно притупиться религиозное чувство человека, или же он с отвращением отвернется от этой фантазмагии.

Интересная историческая деталь: грузинская культура периода, последовавшего за принятием христианства и вплоть до XI века, практически не имеет памятников мирской литературы. Неужели в этот период люди были менее культурны в силу того, что черпали самые возвышенные и чистые идеи и образы из Библии и творений Отцов? Однако затем снижение духовного уровня, переключение интересов и начавшаяся нравственная переориентация вызвали другие потребности, которые и нашли свое отражение и воплощение в светской литературе.

Как относится христианство к светской культуре? Христианская жизнь – это внутренняя борьба человека за чистоту мыслей, желаний, которые воплощаются в словах и делах; это борьба с грехом, таящимся в недрах человеческого сердца, и с темным демоническим миром, стремящимся подчинить себе человека через его гордыню и страсти.

Чему служит то поле, которое называется человеческой культурой? Способствует ли оно победе светлых сил в душе человека, или наполняет его сознание страстными образами и горделивыми мечтаниями? Освобождает ли оно человеческий дух от гнета аффективных эмоций и непрестанного блуждания мысли, похожего на хороводы призраков? Направляет ли оно ум от темного и временного к вечному, или приковывает сердце к видимому и проходящему? Дает ли светская культура цельность человеческой душе как нравственной в христианском значении этого слова личности, или раздробляет ее, заставляя переживать различные чувства: страстную любовь, ненависть, жажду мести, похоть и т. п.?

Чему способствует эта культура: тому, чтобы Бог был конечной целью и главным содержанием человеческой жизни, или тому, чтобы мир с его страстями, представлениями, с его гордыней и самообожанием вторгся в человеческую душу и наполнил ее собой, сделал земную жизнь главным содержанием и целью человека? Культура всегда была и будет культом человеческих чувств, не просвещенных благодатью. Однако нравственный уровень ее, в смысле естественной морали, или уровень безнравственности, колеблется в пределах широкой амплитуды. Лучшие произведения мирского искусства могут восхищать, вдохновлять человека, но не в силах возродить его душу, дать покой его мятущемуся сердцу. Мы не против культуры, но мы настаиваем на необходимости дифференцированного подхода к ней.

Светская культура – это, в земных измерениях, универсальный, всеобъемлющий фактор, не считаться с ней – значит сознательно заключить себя в область собственных иллюзий, выбрать путь волюнтаризма. Мало тех, кто может всецело посвятить себя Богу, поэтому в душах людей образуется вакуум, который они стремятся чем-то заполнить. Для людей нерелигиозных это вообще обычное, постоянное состояние. И здесь лучшие произведения культуры могут послужить тем средством, которое удержит человека от полной моральной деградации. Что же касается людей, отдавших себя полностью религиозной и церковной жизни, то в ней, в этой жизни, они и найдут все лучшее, что разбросано по крупичкам в культуре светской. Но главное: религия дает им то, что недоступно и неведомо миру. Прекрасно образованный для своей эпохи человек, изучивший в молодости языческую философию, святитель Василий Великий писал, что когда он приступил к изучению Священного Писания, то понял: мирские науки и языческая мудрость – это детская игра.

Нам говорят, что современный человек не должен отдаляться от современной культуры; что такое самоограничение сделает его ущербным, даже как христианина. А что представляет собой эта культура в ее наиболее популярных и характерных произведениях? Что читает и смотрит современный «культурный» человек? Здесь излишне что-либо доказывать, достаточно просмотреть телевизионные передачи хотя бы одного дня или зайти в любой книжный магазин; что мы там увидим и услышим, что

ожидает нас там? Мы увидим не культуру как элементарное уважение к человеческому существу, которое еще существовало в минувшие века, а книги по сексу и оккультизму, детективы и руководства по драке и убийствам, увидим на обложках книг вспоротые животы, обнаженные тела и лики демонов. А среди них, как бы в насмешку, мы можем заметить книги Священного Писания, как святыню в грязи, что еще более некультурно, чем продажа одной порнографии. Почему никто не возвысит голос против такой профанации святыни?! И нас хотят уверить, что христианин должен питаться этой отравленной пищей, чтобы его не назвали врагом культуры, чтобы на него не нашили, как тюремный номер, имя фанатика или сектанта!

Нам кажется, что современная культура, за небольшим исключением, является антикультурой, борьбой не только против Православия, но и против всякой культуры как таковой, а с духовной точки зрения – религией секса и насилия. Даже такой нерелигиозный человек, как Наполеон, был возмущен, когда граф де Сад подарил ему свои книги, и велел посадить его в тюрьму. Теперь эти книги свободно продаются в магазинах и киосках, и вряд ли они особенно отличаются от других подобных произведений и руководств. Поэтому мы обращаемся к нашим обвинителям с призывом: очистите сначала авгиевы конюшни в своем дворе, а уже затем мы будем говорить об отношении христианства к культуре.

Вопрос: Может ли христианину нравиться мирское искусство?

Ответ: Это зависит от того, на какой степени духовного развития стоит христианин. Но если спросят меня, то я скажу, что из всех поэтических книг, которые я читал в своей жизни, лучшая – Псалтирь. Нет таких глубоких, душевных, проникновенных стихов, как псалмы. Вся литургика, все богослужение Православной Церкви – это священная поэзия, можно сказать, это – шедевр поэзии. Лично мне кажется, что Церковь имеет возможность удовлетворить любые, самые тонкие эстетические вкусы людей. Например, архитектура храмов – тоже, я считаю, шедевр, даже в том случае, если мы будем смотреть на нее с другой позиции, с мирской. Почему, когда хотят показать лучшее, что создал народ (например – иностранным гостям), то показывают не клубы или театры, а монастыри и храмы и даже их развалины? Потому, что никакое искусство не достигло такой степени совершенства. В этом отношении церковному искусству нечего занимать у мира, оно достигло вершин даже в формальном исполнении.

Но нужно ли читать художественные произведения? Нужно или не нужно слушать мирскую музыку? Это каждый человек пусть решает для себя сам; это зависит от его включенности в духовную жизнь. Для человека, восшедшего на определенные степени духовной жизни, страстное и чувственное мирское искусство перестает быть созвучным его духовному состоянию, оно становится для него неинтересным. Искусство требует сопереживания и включенности, а духовный человек не может сопереживать страстям и эффектности персонажей мирских произведений. Однако нельзя подходить к разным людям с одной меркой, и поэтому мы отнюдь не требуем насильственного отречения от мирского и светского искусства. Это не должно быть преждевременным. Религия – это новая жизнь, и душа ищет в ней живого содержания, которого не может дать ей мир.

О храме Венеры на Голгофе

После распятия Христа Спасителя Голгофа стала главной святыней Новозаветной Церкви. По преданию, туда часто приходила молиться Божия Матерь. К Голгофе совершали паломничество христиане, жившие в Палестине и за ее пределами. Это было вскоре замечено врагами Христа, и они решили превратить Голгофу в свалку для вывозившегося из города мусора. Но Голгофа оставалась святыней. В глазах христиан это надругательство было как бы продолжением страданий Христа. Поруганная Голгофа напоминала о том, что Сын Божий был предан самой позорной и унижительной казни, но это унижение стало вечной славой Спасителя.

Во II веке римский император Адриан, сломив отчаянное сопротивление иудеев во главе с Варкохбой, овладел Иерусалимом.

Иерусалим – мир Божий – он переименовал в Элий – город солнца и, чтобы прекратить паломничество христиан к Голгофе, расчистил ее от мусора и поставил на холме храм Венеры. Знал ли Адриан, что он делал – неизвестно. Римский император по своему положению был главным жрецом Империи – понтификом и поэтому находился включенным в поле демонических сил, являясь медиумом осознаваемых или неосознаваемых им сатанинских планов. Если он сознательно поставил на месте Голгофы храм Венеры-Афродиты, то мы должны приписать ему сатанинскую пронизательность и демоническую гениальность. Культ Венеры – концентрат чувственных наслаждений – чувственным огнем угашает огонь Духа в сердце человека, ночными темными призраками изгоняет из души свет Божества. Культ похоти и блуда парализует волю человека, делает душу глухой к голосу вечности, ввергает человека в рабство материи и вещества. Блудник за пригоршню грязи, как Иуда за 30 сребренников, продает Христа; как Исав за похлебку, отказывается от своего человеческого достоинства и Божественного благословения. Демон знает, что для того, чтобы отнять у человека Бога, достаточно нравственно растлить его.

Существует три вида борьбы с христианством. Во-первых – его физическое уничтожение огнем и мечом. В такой борьбе рождаются герои и трусы, мученики за веру и отступники от нее.

Во-вторых – борьба посредством лжи и клеветы, подделок, циничных насмешек и тонкой иронии, когда в сознание людей постепенно внедряется лживое, карикатурное представление о христианстве. Достаточно сравнить хрестоматийные высказывания идеологов атеизма с площадной бранью, нацарапанной на стенах разграбленных и разрушенных храмов, чтобы увидеть их генетическое и культурное единство.

В-третьих – борьба, которая ведется путем профанации христианства. Храмы не разрушаются, но рядом с ними растут, словно грибы после дождя, капища Венеры – «театры эротики», видеозалы и т. п. На одной полке вместе с Евангелием лежат для продажи руководства по восточному сексу, астрологии и хиромантии; в одном ряду с иконами – самые прихотливые изображения современных «афродит» и «венер». Развратившаяся душа не может полюбить строгую красоту добродетели, не может принять благодати Божией⁴³.

Мы живем в сложную эпоху. Царь Соломон сказал: **Время разбрасывать камни, и время собирать камни** (Еккл. 3, 5). Камни культуры и истории, традиции и морали, камни монастырей и храмов были разбросаны с неумолимой жестокостью и последовательностью. Пришло время собирать камни, снова строить из них монастыри и храмы. Народ начинает осознавать, что в духовности и религии его спасение, вне религии и Церкви – поле центробежных сил. Народ постепенно приходит к пониманию, что прошлое надо беречь так же, как и настоящее, что традициями надо дорожить так же, как могилами предков и жизнью детей. С Голгофы начали счищать грязь и мусор, который набросала на нее атеистическая инквизиция. Но тут же пришла другая опасность – вблизи Голгофы строится храм Венеры. Теперь религия свободна. Людям дается возможность знать и верить, но Валаам снова что-то шепчет тайком на ухо Валаку⁴⁴. А по слову Соломона, в развращенное сердце не входит мудрость Божия (Мудрость Божия – Логос Христос).

---

⁴³ Есть, впрочем, и другие виды борьбы с христианством. Например, теософская школа, общая для древних гностиков и современных оккультистов; ее представители христианство из универсальной и вечной истины хотят обратить в некий религиозно-исторический феномен, который нужно постоянно обновлять и пополнять через заимствование из других религий. Также — реформаторство и модернизм, которые постепенно превращают христианство в социологию, а Церковь — в культурно-общественный институт, где идеи о Боге и вечности приобретают второстепенное, так сказать, вспомогательное значение. Этот процесс особенно ярко выражен в некоторых протестантских конфессиях и общинах. — *Авт.*

⁴⁴ О Валааме и Валаке см. ниже, с. 318. — *Ред.*

Христианство требует борьбы с чувственностью, очищения сердца, помыслов и желаний. **Больше всего хранимого храни сердце твое** (Пр. 4, 23). Благодать Святого Духа делает человеческое сердце храмом Божиим, развратная жизнь – свиным хлебом. Свобода – одна из главных ценностей человека. Однако значение этого слова для многих неясно. Некоторые понимают свободу как уничтожение всех преград на своем пути, возможность делать то, что они хотят; Христос же определил свободу как познание истины. Истина делает человека свободным (Ин. 8, 32). Борьба с грехом и низменными страстями дает человеку потенциал духовной свободы. Свобода – это актуализация в человеке Божественного образа и подобия, свобода – это жизнь согласно своему высшему предназначению.

Внешняя свобода для христианина – это условие для реализации добра. А для кого-то свобода – возможность накопить максимум денег и получить благодаря им максимум наслаждений. В такую свободу вписываются секс и порнография, но это на самом деле жалкое рабство в плену у своей чувственности. Свобода – это становление личности. А культ страстей и секса несет личности развращение и распад. Свобода для религии и в то же время свобода для порнографии – это свобода расти вместе цветам и сорным травам, в расчете на то, что сорные травы и колючки задушат и заглушат цветы. Это коварный, замаскированный вид антирелигиозной борьбы. Потоки мутной грязи льются со страниц журналов и газет, с экранов телевизоров и кинотеатров. Они заполняют собой города и жилища, души и умы людей.

Грех паразитирует на понятии красоты, как зло паразитирует на понятии добра. Грех и зло в своем настоящем виде слишком безобразны и отвратительны. Откровенная порнография прячется за словами «красота человеческого тела», как будто любители порнографии – это бесстрастные эстеты, которые любят подобными картинками, как поэт – звездным небом. Христианам всегда было особенно присуще чувство целомудрия; целомудрие стало почти синонимом святости. Христианские мученицы, которых вели на смерть, просили не о сохранении своей жизни, а о том, чтобы не обнажали их тела. Для развращенных же людей даже сам брак становится эпизодом, а семья – тяжелым ярмом. Если порнография не будет публично осуждена, признана врагом народа и нации, не будет запрещена и уничтожена, то она, как душевный СПИД, разрушит общество. С этим врагом не может быть договора и перемирия.

Христианство и национальность

Церковь – единый народ

Какое значение имеет в христианстве национальность?

Христос пришел спасти человека – личность. В Ветхом же Завете мышление определялось некими общими категориями (в том числе выступал и фактор народности), личность не была раскрепощена, над личностью в большой мере довлело общество. После пришествия Иисуса Христа на землю произошло освобождение самой человеческой личности, человеческого духа. Поэтому добро и зло теперь рассматриваются в личностных категориях, путь к совершенству открыт для всех, но также – и путь к гибели.

Национальность, культура, цивилизация – это земные категории, категория же вечности – дух. Сама *нация* возникла во времени, она является плодом определенных исторических, географических, психологических (и так далее) субстратов, в которых она развивается и существует, причем существует не изолированно, а взаимодействуя с другими нациями. Но это – категории души, а не духа. Дух же един, потому-то Господь сказал Апостолам: **Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа** (Мф. 28, 19).

Нация не может отречься от Бога – от Бога может отречься личность. Нация не может быть христианской, христианской может быть определенная часть людей, входящих в эту нацию. Когда говорят «*христианское государство*», то это только условно

и не совсем верно: государство не может быть христианским, потому что и государство, и нация объединяют людей не по религиозному признаку. Нация – это прежде всего культурная общность с определенными традициями, обычаями, укладом жизни и так далее, то есть всем тем, что принадлежит земле. Христианство не зачеркивает того, что принадлежит земному бытию, но оно дает другую шкалу ценностей. Высшая ценность для нас – Божество и Богообщение, но при этом христианство не уничтожает других ценностей, оно одухотворяет их.

Некто сказал, что мы суть пришельцы на земле и что всякое отечество для нас чужбина, и всякая чужбина для нас отечество. Как это понимать?

Если мы будем смотреть с точки зрения вечности, то вообще вся земная жизнь – это один миг, она является лишь «утробным» периодом, истинная же жизнь – это жизнь вечная. Однако и ребенок, прежде чем появиться на свет, развивается в утробе своей матери, он не может отвергнуть ее организм; так и эта земная жизнь тоже есть подобие какого-то организма, в котором формируется человеческая личность. Поэтому для христиан недопустимо смотреть на земную жизнь как на абсолютную и точно так же недопустимо считать ее за ничто, так как именно здесь, на земле, происходит становление личности человека, здесь решается самый главный вопрос: с Богом или без Бога будет человек в вечности.

Церковь не национальна – Церковь *сверхнациональна*.

Церковь – единый народ, это – *христиане!*

В Церкви категория нации отсутствует – в ней люди объединены Духом Святым. Само христианство не уничтожает понятие нации как таковой: она относится к тем реалиям земной жизни, в которых мы существуем, но мы должны одухотворять их; мы не должны ничего ставить на место Божества. У нас, христиан, должна быть точная шкала ценностей: выше всего стоит Бог, выше всего стоят потребности человеческого духа.

Религия и национальное самосознание

Чтобы несколько уяснить, что представляет собой нация и какое отношение должно быть между христианством и национальным самосознанием, нам кажется, следует обратиться к единственному верному источнику наших духовных знаний – Библии. Библия – удивительная книга. События прошлого как перспективные пророчества повторяются в настоящем и раскрываются в будущем. Время направлено от будущего к прошлому, а пророчества – от прошлого к будущему. В Библии мы находим ответы на волнующие нас вопросы, предостережения, угрозы, обетования, проклятия и благословения. И в ней мы можем найти хотя бы краткие и фрагментарные указания, которые должны послужить ориентиром и своего рода нитью Ариадны в запутанном лабиринте национальной проблематики. Наш путь становится особенно трудным потому, что он проходит через поле человеческих страстей и гордыни. С одной стороны, национальное самосознание представляет собой форму хранения исторических традиций и культуры народа, без которых он превратился бы на душевном уровне в общество нищих или детей из приюта, которые не знают имен своих родителей.

С другой стороны, тонкая и хрупкая граница отделяет это чувство от национального эгоцентризма – превозношения *своим* только потому, что оно *свое* – от такого же, в сущности, нищенского провинциализма. Поэтому национальное чувство является мечом, которым можно защищать исторические права и достоинства своего этноса, и мечом, которым можно поразить свое собственное сердце, иссушив в нем любовь к другим народам, забыв, что каждая нация является только лишь частицей единой человеческой семьи.

Когда-то человечество находилось в теснейшем единении с ангельским миром. После грехопадения праотцев – этой катастрофы, совершившейся на заре истории, – люди стали пришельцами на земле.

Грех представляет собой центробежную силу, он не может объединять, а только разделяет. Еще до потопа определились два рода: Сифа и Каина. Родовое начало, по-видимому, было сильнее личного, поэтому один народ стал носителем добра, а другой – зла. Зло в то время не имело той духовной преграды, которую мы называем благодатью. Добро должно было охранять себя даже физически, мы бы сказали, в материальных формах. Поэтому смешение этих родов явилось новым падением. Не было благодати, как объединяющей силы, поэтому зло, как духовный потоп, еще до всемирного потопа покрыло всю землю. Как бы маленьким островком в этом океане оставалось семейство Ноя, но и оно не было свободно от ига зла и греха. Трое сыновей Ноя стали основателями трех человеческих рас. Исторические судьбы этих рас во многом определило благословение Ноя, которое он дал своим сыновьям. Но язык был один, поэтому наций как таковых еще не существовало. До грехопадения человек имел центр своего бытия в Боге. Он чувствовал постоянную зависимость от Бога, как струя от источника или луч от светила. После грехопадения человек потерял этот духовный центр и психологически он сам стал центром своего бытия.

В Вавилоне же происходит новый этап грехопадения: человечество захвачено демоническим полем уже не личной, а коллективной гордыни. В этой гордыне оно черпает свои силы, пытается воздвигнуть башню человеческой цивилизации, которая достигла бы небес и сделала людей богами. Здесь над человечеством нависла еще более страшная, чем во времена Ноя, опасность – уподобления демоническим существам, вступления в своего рода единство с сатанинским миром.

И вот Господь разрушает это иллюзорное единство зла. Человечество теряет единый язык, внутренний логос перестает действовать, переходит в летальное состояние, и люди больше не понимают друг друга. Здесь возникают многочисленные так называемые «профористические» – внешние языки, языки звуков и знаков, языки символов. Вместе с этим перерождается само мышление человека, оно становится более поверхностным и внешним, оно уже не проникает в истинную суть предметов и явлений, а, образно говоря, лишь скользит по их «коже». Но в данном случае то, что называется в Библии рассеянием народов, было великим благом для человечества, оно спасло его от совершенного уподобления демонам и помешало сделать землю адом, где царит единый язык зла.

По библейскому преданию, человечество было разделено на 72 народа. Однако нельзя сказать, что образование народов и наций является продолжением грехопадения, то есть злом для человечества. Злом было включение людей в импульс зла, следствием – разделение, а образование наций и народов было не центробежным, а, скорее, центростремительным процессом. На месте затонувшего материка появились островки, но нельзя сказать, что островки – это зло. Таким образом, человечество стало похоже на архипелаг, который в одно и то же время разъединен и соединен.

Так как человечество находилось в состоянии ожидания Спасителя мира и проходило горький опыт богооставления, то сохранение первобытного Богопочитания (теми, разумеется, кто его еще сохранил) требовало определенной осторожности в общении с народами и племенами, принявшими демонические культы в форме языческих религий. В этом смысле разделение человечества на народы и нации давало еще ведающим истинное Богопочитание людям возможность как-то защитить, предохранить себя от язычества и идолопоклонства, которые, как духовная эпидемия, распространялись по земле.

В Библии мы находим запрещение для иудеев вступать в брак с иноплеменниками, так как в то время зло было сильнее добра, а Израиль – в определенный исторический период – являлся единственным носителем веры в истинного Бога (хотя мы и знаем, что и в других народах оставались люди, имеющие высокое понятие о Боге: см., например, книгу Иова). Однако запреты означали скорее самозащиту, чем изоляционизм. И в самом родословии Иисуса Христа указаны «представители» моавитян и хананеев – Руфь и Раав. Избранничество израильского народа было не привилегией, а служением, поэтому

пророки призывали народ через покаяние и смирение быть достойным этого служения. Но к сожалению, уже во времена земной жизни Христа Спасителя часть народа считала свое избранничество именно привилегией. Христос принес Себя в жертву за наши грехи, но внешним поводом к Его распятию послужил национальный провинциализм, который хотел видеть в Мессии царя, подобного одновременно Соломону и Александру Македонскому. Поэтому учение Христа о любви ко врагам и о том, что для Бога одинаково драгоценны душа человека и его спасение, к какому бы народу или нации он ни принадлежал, было воспринято как провокация против национально-исторической роли иудеев и их особых прав в царстве Мессии. Приговор над Христом – это приговор национальной гордыни над любовью, но в то же время – приговор над собственным национальным самопоклонением, жертвой которого стал иудейский народ, рассеянный по всему миру, испивший чашу страданий и унижений.

Человечество вступило в новую духовную эру – Дух Святой сошел на Апостолов, Господь послал на землю обетованного Утешителя. В кондаке Пятидесятницы сказано о том, что Господь, разделивший народы во время строительства Вавилонской башни, теперь соединил их благодатью⁴⁵. Человечество получило высшее единство – единство Церкви. В этом духовном единстве нет скифа, эллина и иудея (Кол. 3, 11), в нем человеческие сердца объединены отобразившимся в них Христом (Гал. 4, 19). Однако Господь не уничтожил нации, они продолжают существовать на душевном уровне, не препятствуя единству людей в единой Церкви Христа.

Святые Отцы учат, что душа человека, единая по природе, имеет две направленности, две обращенности. Во-первых, силу души, устремленную к вечности и духовному миру – называемую духом; к свойствам духа относится религиозное чувство, внутренний логос, способность к духовной любви и чувство истины. Во-вторых, силы души, обращенные к земле, называемые собственно душой; здесь можно отметить: логирующий рассудок, способность к творчеству и образному мышлению, область эмоций, силу воли, а также область подсознательных врожденных инстинктов и т. п. Область религии – это область духа. Область культуры, научного, художественного творчества, этических обычаев и т. д. – это область души. На уровне духа мы едины, на уровне души существуют свои особенности, представляющие собой лицо этноса, но не препятствующие единству христианской веры и любви.

Христианство говорит о том, что дух, душу и тело создал Бог как единую личность. Поэтому спасение человека связано с одухотворением его души, а не с ее уничтожением. Душа, находящаяся под воздействием импульсов духа, не мешает, а помогает спасению человека; душа, ставящая временное выше вечного, а свои ценности выше ценностей духовных, подобна служанке, восставшей против своей госпожи. Нет тирана хуже и опаснее для страны, чем раб, захвативший трон. Поэтому христианин должен соблюдать строгую иерархичность сил и способностей своей личности, а именно: тело должно быть подчинено душе, душа – духу, а дух – Богу; тогда временное делается каналом для вечного, тогда этническая и национальная солидарность может стать хранилищем христианских традиций и зерном, из которого при помощи благодати произрастает та христианская любовь, которая распространяется не только на все народы и нации, но и на врагов.

Сила нации – в ее служении Богу, так как зло и гордыня обречены на распад, а добро неуничтожимо. Даже его кажущиеся, видимые поражения служат семенами для новых всходов. Тот, кто не любит другие народы и нации, не может любить и свой народ, так как он любит самого себя под маской любви к народу. Истинное национальное достоинство – это способность к христианскому служению людям, этим нация умножает свои духовные богатства.

---

⁴⁵ **Кондак, глас 8:** *Егда снизшед языки слия, разделяше языки Вышний; егда же огненныя языки раздаяше, в соединение вся призва, и согласно славим Всесвятаго Духа. — Ред.*

Смирение – не капитуляция перед злом, а союз с Богом. Любить врага – не значит соглашаться с ним, опускать меч, когда нужно защищать свои очаги и могилы предков; это значит видеть в каждом человеке явление вечности – образ Божий, хотя и помраченный невежеством и грехами.

В настоящее время мир переживает нравственный кризис. Если раньше религия была гонима извне, то теперь она гонима изнутри. Она грозит выродиться в некие исторические традиции без духовного содержания, стать чем-то вроде национального этикета; духовность при этом подменяется оккультной мистикой, которая соединена с крайней нравственной распущенностью. Оккультизм и разврат растлевают самую душу народа, и это внутреннее отступление от Бога обрекает людей в историческом плане на страдания и катастрофы, предотвратить которые не в силах никакие «известные» структуры. И здесь мы опять находим объяснение происходящему в Священном Писании. В библейской книге «Числа» описывается поразительный случай, когда оккультист Ветхого Завета моавитянский царь Валак, уstraшенный победами Израиля, призвал к себе оккультиста и мага Валаама и просил проклясть израильтян, чтобы Дух Божий отступил от них. Трижды Валаам пытался проклясть Израиль, но вместо этого помимо своей воли трижды благословил его. Валак был в негодовании. Тогда Валаам, чтобы не потерять обещанных Валаком даров, дал совет развратить Израиль через моавитских женщин, заставить его впасть в блуд и идолослужение – тогда Бог отойдет от него. Совет был принят и исполнен. Обессиленный грехом Израиль подвергся страшным испытаниям; пророки и судьи старались суровыми мерами искоренить разврат, чтобы израильтяне не погибли окончательно. Что-то подобное происходит и в наши дни с православными народами. Их хотят развратить гордыней, блудом и магией, чтобы сделать беззащитными перед врагами. В Библии мы можем видеть, как пророки во времена тяжелых исторических испытаний, обращаясь к народу, говорили, что причина его бедствий – не сила и лютоcть врагов, а собственные грехи, и призывали людей к покаянию. Искреннее покаяние – это уже новые отношения человека и народа с Богом, это начало новой истории.

О фанатизме

Человеческое слово – средство общения и самовыражения. Но в нашем лексиконе есть слова, которые уже не несут строго определенной смысловой нагрузки и скорее затемняют, чем проясняют суть дела. Некоторые из них стали ярлыками и кличками, которые стараются приклеить на тех, кто не согласен с каким-либо мнением или с чьей-то позицией. Одним из таких слов, смысл которого люди недостаточно ясно понимают, является столь модное ныне слово «фанатизм». Часто человека, стойкого в своих убеждениях, называют фанатиком только потому, что у него есть твердая мировоззренческая позиция, которую он не желает и нравственно не может менять. Вспомним то время, когда фанатиками называли вообще всех религиозных людей; когда верующего человека называли мракобесом, изувером и саму веру в Бога хотели представить результатом невежества, фанатизма или же лицемерия. И вот теперь, в настоящее время, слово «фанатизм» опять начинают употреблять для того, чтобы в какой-то степени очернить, дискредитировать человека, который имеет свои убеждения и не может менять их, как меняют перчатки, или как хамелеон меняет свой цвет в зависимости от окружающей среды. Поэтому нам надо разобраться, *что* есть фанатизм и *что* есть принципиальность.

Я понимаю фанатизм как духовную гордость, ориентирование на самого себя, убежденность не в истине, а исключительно в справедливости собственного мнения. Фанатизм – это дефицит и даже отсутствие любви к другим людям, фанатизм – это убеждение, как определенная поза, при отсутствии желания понять другого человека; фанатизм – это непробиваемая духовная оболочка, через которую человек неспособен увидеть ничего другого; фанатизм является в некотором смысле саморелигией. Кредо людей, исповедующих ее: «Мое мнение всегда правильно!»

Что же касается убежденности и принципиальности, то здесь – нечто другое. Человек, имеющий свои религиозные убеждения, способен объяснить и отстоять их; способен ответить на вопрос, почему именно они стали для него истиной и жизнью. Человек принципиальный, но не фанатичный, умеет указать на самую суть, самую основу своих убеждений. Не менять своих убеждений, не колебаться в них, не подменять истину пользой, то есть прагматизмом, – это вовсе не значит быть фанатиком. Лично я считаю, что в дальнейшей своей перспективе понятия «истина» и «польза» сливаются друг с другом. Истина не несет в себе внутренних противоречий, исповедующий ее никогда не посрамится, надеющийся на нее никогда не ошибется, не обманется. Человек же, подменяющий истину сиюминутной выгодой, никогда не достигнет высоких целей и результатов. Сиюминутная выгода, полученная за счет отступления от своих убеждений, через некоторое время может обратиться в трагедию. Эта эфемерная польза будет взорвана и разрушена самим потенциалом лжи и противоречий, заложенных в ней, потому что всякая ложь имеет центробежное направление. Всякая ложь сама в себе содержит элементы тления и распада. Истина же – целостна и нетленна.

Люди, внутренне равнодушные к религии и лишь номинально принадлежащие к христианству, видят в непоколебимой приверженности к святому Православию только фанатизм и нежелание посмотреть вокруг и увидеть, что существует множество других религий. Они не представляют, что Православие можно избрать не только как *одну* из истин и даже не только как высшую из истин, но лишь как *единственную* и *универсальную истину*. Взгляд на Православие как на универсальную истину – единственный путь ко спасению и реальному Богообщению – неприемлем для этих безразличных к религии людей. Они видят в таком взгляде отрицание всей истории мировой культуры и мировой цивилизации. Но в таком случае надо посмотреть, как относились к Православию святые Отцы.

Все Отцы Церкви, все Вселенские и Поместные Соборы всегда учили, что истина одна, что нет плюрализма истин и релятивизма в области нравственности. Учение всех святых Отцов, почитаемых Православной Церковью, все соборные постановления, принятые как «конституция» Православной Церкви, основывались на принципе исключительной истинности Православия. Ни в одном соборном постановлении вы не сможете найти даже намек на то, что существует несколько истин и что кроме Православия есть еще некие спасительные религии. Поэтому, если мы примем приверженность к Православию и убеждение, что только в нем осуществляется истинное спасение, за позицию фанатика, то, значит, и все постановления Вселенских и Поместных Соборов нам надо так же отнести к плодам фанатизма, потому что все они говорят о единой истине.

В постановлениях Вселенских и Поместных Соборов чувствуется особая тревога за чистоту веры, за чистоту Православия; видна необыкновенная чуткость святых Отцов к каждому отклонению от древнего церковного Предания, к самой опасности этого отклонения, которая может содержаться в какой-нибудь неверной или неточной формулировке. Мы знаем, как скрупулезно изучались на Вселенских Соборах все те материалы, на основании которых формулировались соборные правила, особенно догматические постановления и каноны. Иногда несогласия среди участников Соборов возникали из-за одного только слова, которое могло внести в определение двусмысленность.

Если мы считаем убежденность в том, что спасение только в Православии, фанатизмом, то постановления Вселенских Соборов должны рассматриваться нами как произведения людей, недостаточно просвещенных и не имеющих христианской любви; тогда мы вообще не должны считать для себя обязательными эти важнейшие соборные постановления. Но что же тогда останется от нашего Православия? Церковь не знает никакого «либерального» Православия. Церковь знает только одно Православие – то, которое доносит до нас букву и дух церковного Предания, идущего от Апостолов.

Либерального Православия не существует. Теософского Православия – тоже. Религиозная «уравниловка», согласно которой все спасутся, во что бы они ни верили, лишь бы верили, ложна и неприемлема. Православие предполагает единственность, уникальность и вечность истины. Допущение множественности истин означает неверие ни в одну из них. Если мы будем подходить к убежденности как к фанатизму, а к индифферентности в убеждениях как к проявлению христианской любви, то к кому же мы тогда отнесем таких святых Отцов, как Киприан Карфагенский, который сказал: «Кому Церковь – не Мать, тому Бог – не Отец», – к людям, через которых говорил Дух Святой, или же к узколобым и злым фанатикам? К кому причислим святителя Николая Мирликийского, который проявил такую горячность во время спора с арианами? К тем, кто имел любовь к Иисусу Христу, подобную любви Апостолов, или же опять – к фанатикам, неспособным понять и принять чужое мнение? Мы не можем назвать ни одного из святых, ни одного из учителей и Отцов Церкви, кто говорил бы о плюрализме истин. Если же сих богоносных мужей называть фанатиками, то что же тогда означает само слово «фанатизм»?

Консерватизм – это не фанатизм. Слово «консерватизм» имеет не только отрицательное значение, как очень часто считают в миру. Консерватизм – это значит «сохранение». Православная Церковь – не эволюционирующая Церковь, в отличие от римско-католической. Святое Православие утверждает, что эволюции в догматической области не существует, что святые Отцы и Вселенские Соборы раскрывали догматы, которые уже находились в первоначальном Откровении. Ничего качественно нового они не внесли, а лишь только выявили, раскрыли и определили все то, что уже было. Теория эволюции имеет в своей основе принцип развития от простого к сложному, от примитивного и низшего – к более высокому. Принцип эволюции в догматической сфере всегда дает возможность предполагать, что в будущем могут появиться какие-то новые учения, догматы и откровения. Что же касается Православной Церкви, то она учит, что мы шли не от бедности, а от богатства. И все богатство дал нам уже Господь Иисус Христос в Своем Откровении. Все это первоначальное богатство было заложено в учении первенствующей Церкви. Святые Отцы и Вселенские Соборы проделали действительно титаническую, колоссальную работу. Но какую работу? Они сформулировали то, что находилось в Священном Предании и Священном Писании, воплотили догматические определения в безупречную словесную форму, не внося в них ничего нового. Эти идеальные формулировки имели огромное значение именно тогда, когда Церкви грозила опасность неправильного понимания тех или иных православно-церковных истин. И потому очень часто непосредственным поводом к созданию их становилось искаженное понимание Священного Предания и Священного Писания еретиками.

В христианское вероучение нельзя вносить никаких новых элементов, ибо Господь уже дал нам всю истину. Господь дал нам некую, образно выражаясь, уплотненную энергию в самом начале Своего благовестия, и этой энергией Церковь питается на протяжении всей своей истории. Мы знаем не больше, чем знала Церковь тысячу лет тому назад. И в те времена Церковь не знала больше, чем во времена Апостолов. Церковь всегда подобна самой себе. В Церкви нет приращений. В Церкви есть только одно – раскрытие: раскрытие символов, раскрытие образов. Само богословие – это рассказ о вечных догматах Церкви на языке, понятном для современного человека. Но богословие не может прийти к каким-то новым открытиям, как, скажем, физика или химия. Даже когда мы говорим о религиозной проблематике, то это не вполне точно. В Церкви нет и не может быть никакой религиозной проблематики. Могут возникать лишь определенные трудности при поиске точных словесных формулировок в процессе раскрытия уже известных церковных истин. Церковные истины не определяются на уровне дискуссии или полемики. Церковные истины – это выявление учения Церкви, которое существовало всегда. Например, в XIV веке были так называемые паламитские споры, говорили, будто Церковь приняла «новый» догмат о Божественном Существо и Божественных энергиях. Но если мы обратимся к патристике, то увидим, что «паламитами» до святого Григория

Паламы были преподобные Макарий Великий, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит и многие другие, что это учение всегда существовало у Отцов Восточной Церкви. Уже святой Василий Великий учил о Божественных свойствах и Божественном Существо. В его книге «Против Евномия» мы находим учение о Божественной природе и Божественных именах. Святитель Григорий Палама сформулировал православное учение, которое было подтверждено на двух Константинопольских Соборах. Но это не было новым шагом или новой ступенью в развитии христианской догматики. Это было правильным богословским выявлением уже существующей и известной церковной истины.

Позиция, согласно которой нельзя соединить несоединимое, – ибо Православие обладает полнотой истины и не нуждается в приращении истины извне – не может рассматриваться как проявление личного фанатизма. Эта позиция подтверждается историей Церкви, примерами святых Отцов и постановлениями Вселенских и Поместных Соборов, которые Церковью не отменены и отменены быть не могут, иначе будет отменено само святое Православие. Другой вопрос, сохранилась ли в какой-то мере истина в инославии; какова степень искажения истины в тех или иных конфессиях? Апостол Павел говорит, что мы не судим внешних (1 Кор. 5, 12–13). И потому мне кажется, что для нас главным остается понимание: спасение **только в Православной Церкви**. Инославие и иноверие – это внешнее. Внешних судим не мы, а Бог.

Психология раскола

Раскол в жизни Церкви является не только экклесиологическим, но в большей степени и психологическим явлением. Корни раскола лежат в глубине человеческого сердца, в области темных страстей и демонических переживаний, нередко скрытых от сознания самого человека. Раскольники, по словам святых Отцов, повторяют грех падшего архистратига. Что заставило Первоангела восстать против Творца и отторгнуть треть ангелов от Небесной Церкви?

Святые Отцы говорят, что этот безумный поступок был вызван гордыней. Люцифер, залюбовавшись своей красотой и величием, забыл, что его совершенство – лишь Божий дар, что сам он – ничто, вызван из небытия волей Божией, и, посчитав себя равным Богу, из Ангела света превратился в ангела тьмы. Итак, причина раскола – гордость. Сама гордость при своем проявлении распадается, как цвета в спектре, на многие страсти, представляющие собой звенья одной цепи. Это – непослушание, властолюбие, тщеславие, самолюбование, мечтательность и, наконец, состояние полной демонической медиумичности, которое у святых Отцов называется прелестью. Это состояние граничит с безумием.

Сатана до грехопадения был Ангелом, исполненным любви к Богу, его пламенная любовь выразилась в имени Люцифер, то есть – «светоносный». Когда он сам захотел стать Богом, то сила прежней любви к Божеству превратилась в такую же невыразимую и несравнимую ни с чем любовь к самому себе. Эгоцентризм обрек его на гордое одиночество, он закрыт от всего мира непроницаемой завесой гордыни; он ненавидит Бога с такой же силой, с какой любил Его; он ненавидит человека как образ Божий; он ненавидит и презирает тех, кто оказался под его властью. Он недоступен ни для какого общения, он не внимает никому. Любовь как единственная возможность выйти из вечного мрака и вечного одиночества для него потеряна. Нет ни одного существа, которое бы он не презирал. При этом интеллект сатаны и других падших духов хотя и поврежден грехопадением, но еще сохранен. И мы видим здесь проявление гордыни как самозамкнутость и безграничную веру в самого себя.

Преподобный авва Дорофей пишет: «Я не знаю другой причины падения монаха, кроме как доверие своему мнению». Надо отметить, что все формы психических заболеваний – от истерии до шизофрении – имеют одну общую черту с состоянием темных духов. Это внутренняя отключенность ото всех и вера исключительно в свои

собственные мысли и представления. Душевнобольной замыкается в себе и перестает реагировать на слова окружающих. Душевнобольные относятся даже к самым близким и родным людям бесчувственно и бессердечно; они похожи на черный цвет, который поглощает лучи, не отражая их, – так и эти больные не могут отражать и излучать любовь, хотя при некоторых формах истерии они и способны театрально играть в любовь и произносить высокопарные фразы.

Когда человек безусловно верит своим мыслям, с ним происходит то же, что нередко происходит с людьми, которые верят своим снам. Вначале сатана влагает в его ум тонкие рассуждения, остроумные сравнения, блестящие идеи, а затем, когда убедит его в превосходстве над другими, то начинает нашептывать свои пагубные мысли, но скрытые, тайно, как бы перемешивая яд с медом. Если такой человек открывает свои помыслы духовному отцу, то диавол оказывается в положении внезапно пойманного вора, так как духовный отец, не включенный в поле страстей искушаемого, со стороны лучше увидит расставленные сети и скрытые уловки врага. Затем, обращение к духовному отцу за советом или благословением является проявлением смирения, а благодать ищет смиренных сердец. Если же человек скрывает свои помыслы, лелеет их, как змею, на своей груди, верит в них как в «откровение» Божие, то постепенно он оказывается в плену темных сил.

Так и раскол начинается с веры в самого себя: демоническое чувство самолюбования и самодостаточности рождает непослушание. «Кого теперь слушать?» – спрашивает обычно с презрением будущий раскольник. Святые Отцы постоянно искали случаи для послушания, отвержения своей воли, чтобы совершенствоваться в смирении. Преподобный Антоний Великий, когда дело касалось лично его, не доверял себе, а спрашивал совета у ученика. Другой преподобный – Макарий Египетский – говорил: «Когда я встречаю человека, то держу помысл: “Это мой господин, и мне надо слушать его”, когда встречаю маленького ребенка, то также думаю: “Это сын моего господина, и поэтому надо слушать его” и так сохраняю мир в сердце». Преподобный авва Дорофей рассказывает, как один монах отказывался слушать игумена, говоря, что послушался бы, если бы на его месте были фиваидские или скитские подвижники. «Если бы был Макарий Великий, то я бы послушался», – заявлял он. Прошло время, и этот же брат сказал, что Макарий тоже может ошибаться, и он послушался бы только Григория Богослова и Василия Великого. Затем решил, что слушаться можно только первоверховных апостолов Петра и Павла, а затем, будучи все более одержим гордыней, сказал: «И Апостолы тоже люди, я могу послушаться только Самой Святой Троицы». Кончилось тем, что он совсем обезумел. Когда монах гордо вопрошает: «Кого теперь слушать?», то подтекст этих слов таков: «Почему я должен слушать всех вас, такую мелкоту в сравнении со мной?.. Мне самому непосредственно Бог дает мысли». Такой монах, как у преподобного Дорофея, говорит: «Раньше были духовные отцы, а теперь где духовные отцы? – Их нет». На это демон отвечает ему: «Есть: я твой духовный отец».

Существует духовный закон «подобный ищет подобного». Гордый демон, видя гордыню человека, находит в нем отражение себя, поэтому он входит в его душу, как хозяин в собственный дом.

Для монаха грех непослушания является также грехом клятвoprеступления, потому что перед Крестом и Евангелием он дает обет, клятву об отсечении своей воли и послушании игумену и братии. Ад – это вечное непослушание Богу. Раскол – непослушание Церкви.

Гордыня рождает властолюбие. Сатана захотел стать вторым Богом и присвоить себе не подобающие ему честь и имя. Одна из причин раскола – это властолюбие. Расколы начались уже во времена Апостолов. Апостол Иоанн Богослов пишет в Третьем Соборном Послании о современном ему раскольнике: *Любящий первенствовать у них Диотреф не принимает нас* (3 Ин. 1, 9). Грех властолюбия хитер и коварен. Он внушает человеку, что власть дает возможность приносить людям добро и счастье, твердой рукой защищать

Православие от всяких искажений и ересей. Он поселяет в сердце человека ложную уверенность в том, что он своими немощными человеческими силами, при помощи власти как внешнего инструмента, может осуществить волю Божию на земле; тогда все средства для получения власти кажутся позволительными. Человек, не понимая, что он действует по страсти гордыни, считает, что желание первенства в Церкви – это желание наиболее полно отдать себя служению Богу и людям (сатана обещал всех ангелов возвести в степень серафимов). Так что желание первенства и власти – одна из важнейших причин раскола.

Святые Отцы называют сатану первым мечтателем. Он увидел себя в своих мечтаниях равным Богу, он увидел себя в своей собственной фантазии обладателем божественной силы и власти. Если Господь создал миры Своим Словом, то сатана – творец иллюзорных миров и неосуществимых утопий. Если сатана представляет себя Божеством, то раскольник в своих мечтаниях представляет себя Церковью. Но это всего лишь иллюзия. Поэтому святой апостол Иуда, сын Иосифа Обручника, в своем Соборном Послании называет тех, кто не сохранил единство веры, мечтателями (Иуд. 1, 8), сравнивает их с безводными облаками, которые не могут напоить землю дождем, с осенними деревьями (Иуд. 1, 12), которые своими оголенными ветвями похожи на кости скелета – напрасно путник искал бы на них плодов. Он сравнивает раскольников со свирепыми морскими волнами (Иуд. 1, 13), то есть волнами во время бури: кажется, что волна все сметет на своем пути, но мгновение – и от нее уже нет и следа. Раскольник находится в мире собственных иллюзий, но утопия, как и всякая ложь, ведет человека к смерти.

Святитель Димитрий Ростовский пишет, что демон совершил безумие: восстать против Бога, сравнить себя с Богом, вести борьбу со Всемогущей Силой – это безумие. Однако гордость сделала сатану безумным. Ни собственное падение, ни падение его соратников, ни беспросветный мрак ада, ни ужас вечной смерти – ничто не может уже изменить некогда светлого архистратига, в нем все поглощено ненавистью к Богу и желанием самому стать Богом. Несмотря на свой интеллект первоангела, сатана находится в состоянии безумия.

Почему трудно убедить раскольника? Потому что раскол, как и всякий грех, алогичен. Гордость лишает человека способности мыслить объективно. У человека, уверенного в силе своего ума и в своей правоте, образуется особая психическая установка, похожая на плотный фильтр, который не допускает до его сознания все, что противоречит желаниям его сердца. Раскольник, еще не выслушав доводов своего собеседника, уже заранее отвергает их. Он игнорирует любые доказательства и продолжает, не обращая ни на что внимания, утверждать свое. И тут нет уже никакой логики, а только уверенность в собственной правоте. Психические больные не поддаются убеждению, потому что их внутренний мир – визуальных представлений, голосов, которые они слышат, – это для них мир высшей реальности, недоступный для «профанов», которые не понимают их. Так и в расколе мы видим подобие интеллектуальной изоляции, уход в мир собственных представлений, неспособность и нежелание понять другого. Гордость не может не только слушаться, но и слушать. Поэтому, разговаривая с раскольником, нередко испытываешь чувство, что твои слова обращены к спящему или глухому.

Одно из проявлений гордыни – осуждение. Все расколы основаны на осуждении и отрицании. Нам запрещено осуждать даже брата, а раскол – это непрестанное осуждение всей Церкви. Слово «диавол» означает клеветник. Святые Отцы поясняют это: диавол клеветал на самих Ангелов. Раскол – это осуждение прежде всего иерархов, которых Иоанн Богослов в Откровении символически называет Ангелами Церквей. Именно грех осуждения делает раскол живучим. Люди, одержимые этой страстью, всегда будут находить в расколе возможность предаться ей под видом борьбы за правду. Святитель Григорий Богослов пишет о том, что ничто так сильно не льстит падшему человеку, как если его пороки называют добродетелями. А в расколе осуждение является лакомым

блюдом, хотя на самом деле это вид душевного людоедства. Психологизм раскола переходит в демонизм раскола. Апостол Иуда пишет, что Господь *ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня... Так точно, – говорит он, – будет и с сими мечтателями, которые... отвергают начальства и злословят высокие власти* (Иуд. 1, 6, 8). Ангелы не сохранили своего достоинства – верности Богу, а раскольники не сохранили верности Церкви; по словам Апостола, их ожидает одна участь.

Святой апостол Иуда открывает нам еще одну сторону раскола: полную потерю духовности и замену ее душевностью – областью человеческих страстей, через которую действуют демонические силы. Дух – это самая глубокая из всех гностических сил человека, через него осуществляется Богообщение. Дух обращен к Богу, душа – к земле, дух – к тому, что невидимо и вечно, душа – к тому, что существует во времени. В духе человека заложено религиозное чувство – внутреннее видение духовного мира и себя как части этого мира, способность к Богообщению – способность переживать Богообщение в личном духовном опыте. В духе заключен внутренний духовный логос человека – непосредственное познание, которое иногда выражают словом интуиция. Только через благодать, пребывающую в Церкви, силы духа пробуждаются и освобождаются от порабощения душе.

Потеря духовного и замена его душевным – это потеря правильного внутреннего духовного опыта и замена его душевной фальсификацией, при которой реальность подменяется религиозной фантазией, а воображение и страсти соединяются с внушениями сатаны. Апостол Иуда пишет: *Это люди, отделяющие себя (от единства веры), душевные, не имеющие духа... уста их произносят надутые слова* (Иуд. 1, 19, 16). Пузырь может казаться значительным по величине, но он пуст внутри; так высокопарные слова этих людей внутри пусты, так как не имеют силы духа; они *злословят то, чего не знают* (Иуд. 1, 10), их злословие Церкви основано на невежестве, но это волевое невежество – они не знают, потому что не хотят знать.

Мы сравниваем самоизоляциизм раскола с самозамкнутостью душевнобольных. Душевнобольной всегда самозамкнут, хотя бы и был болтлив. Но здесь аналогия не вполне точна: больной – жертва темных сил или своего психического заболевания; у него парализована воля, он не имеет возможности понять следствий своих поступков; поэтому сумасшествие не обрекает человека на вечную гибель, скорее это страдание, которое будет вознаграждено. А раскольник сам выбрал свой путь и стал добровольным безумцем, он приглушил в себе голос своей совести: смеясь над ним, как над детскими страхами, он гордо восстал против Церкви, он сам помог сатане завладеть своей душой.

Демон может появляться в виде ангела света, раскол обычно появляется под маской особой ревности о чистоте веры. Апостол Павел в Послании к Тимофею пишет про таких людей: *...имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся* (2 Тим. 3, 5). В расколе остается только утрированная форма и театральное православие. Сила благочестия – это не человеческие таланты и способности, а благодать Духа Святаго. Откуда изгнана благодать, туда приходит дух велиара. Апостол Павел в том же Послании пишет: *...как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине* (2 Тим. 3, 8), а имя «сатана» означает противник – противник Бога. *Люди, развращенные умом* (там же), – это те, у кого ум находится под властью самой страшной из всех страстей, развращающих человека, – страсти гордыни. Апостол Павел называет их невеждами в вере: хотя бы эти люди изучали богословие и знали Священное Писание, но, потеряв благодать, они становятся невеждами в вере, в том, что открывается духу и хранится в Церкви. Когда гаснет свет, то даже зоркие глаза перестают видеть дорогу, и человек, как слепой, падает в яму. Знают ли раскольники, какому темному лику они поклоняются?

Что такое икона

Откровение в красках

Преподобный Иоанн Дамаскин сказал: «Икона – это то же Божественное Откровение, только написанное не буквами, а красками». Поэтому, прежде чем говорить о языке икон, нам нужно коснуться языка Библии, языка Священного Писания.

Святые Отцы утверждают, что в Священном Писании, как в Ветхом, так и в Новом Завете, все тексты многоплановы. В них содержатся, кроме буквального исторического смысла, еще другие пласты, другие смыслы: нравственно-назидательный, духовно-символический и так далее. Некоторые Отцы находят в них аналогический, возвышающий, эсхатологический (относящийся к будущим событиям), типологический (в котором отражается пророческое видение) и другие смыслы, которые превращают буквальные, исторические события и явления, описываемые в Библии, в цепь перспективных пророчеств.

Все Священное Писание подчинено единой цели – спасению человека. Библия – это указание пути от земли к Небу, пути человеческой души к Божеству. Задача Священного Писания и задача иконы – помочь человеку найти путь Богообщения, открыть перед ним мир духовный. Эта цель обусловила определенный, специфический язык как Писания, так и иконы. Из-за своей безграничной глубины, внутренней емкости смысла, Библия характеризуется особым языком: с одной стороны, этот язык предельно лаконичен, с другой – глубоко поэтичен. Здесь употребляются аллегории, символы, метафоры, метафорические образы; их расшифровка позволяет нам проникнуть в духовную сущность явлений, помогает увидеть лежащие за буквальным смыслом неведомые человеку духовные пласты. Некоторые Отцы говорили: «Сколько слов в Священном Писании, столько в нем и тайн».

Само Священное Писание представляет собой огромный, величественный, ослепительно-белоснежный айсберг, лишь вершина которого видна над поверхностью моря, а большая часть этой огромной ледяной горы находится в глубине океана, в бездне Божественных тайн. Язык же Священного Писания позволяет нам увидеть не только вершину «айсберга», но и представить те его очертания, которые скрыты от поверхностного взгляда.

Аллегорические толкования Библии существовали еще во времена, предшествовавшие Рождеству Христову. Иудейско-греческий философ Филон, рассказывая о жизни ферапевтов (иудейской общины наподобие монашеской), говорит о том, что у них было много книг, которые аллегорически толковали Священное Писание. Позже святые Отцы создали целую науку толкования Библии – *экзегетику*. Среди них: свв. Афанасий Великий, Григорий Богослов, Василий Великий, Ефрем Сирийский, Климент Александрийский и многие другие. Язык Библии оказывает могущественное, непосредственное воздействие на душу человека: никакое переложение Библии, никакой пересказ не может передать ту внутреннюю энергию, то духовное величие, которое сокрыто в словах, излившихся из сердец пророков – сердец людей, находившихся под действием Духа Святаго. Всякий пересказ Библии становится уже обесцвеченным, прозаическим, обедненным, похожим на Священное Писание не более, чем тень человека может быть похожа на него самого.

Итак, язык Священного Писания – это особый язык, он дает возможность в видимых событиях прозревать духовное, невидимое, то, что позволяет соприкоснуться, сделаться соучастником другого эона – эона вечности.

Так же и у иконы есть свой условный язык. Перед иконой и Священным Писанием стоят одни и те же цели: через земное показать небесное, через вещественное – духовное; включить человека в другую – благодатную, стоящую вне земных ограничений и категорий жизнь, дать ему возможность соприкоснуться с вечностью, пережив ее в своем внутреннем, духовном, религиозном опыте.

Как складывалась икона? В чем ее отличие от картины? Картина – живописное изображение; она мимитична, то есть подражательна: в картине художник стремится зеркально отразить реалию и действительность – чем больше сходство, тем лучше считается картина. Но перед иконой стоит другая, более сложная задача – передать не столько внешний, сколько внутренний образ человека.

Святые Отцы утверждают, что существует невидимый, духовный образ человека – это как бы сама идея, софийное существование человека, его идеальное предназначение; иногда называют это внутренним логосом, живущим в человеке. И вот, перед иконой стоит задача передать внутренний образ, сохранив в то же время конкретность личности и событий. Сложный синтез картины мимитического (зеркального, подражательного) характера и символического образа, сочетание картины и иероглифа дали почву для создания мистического знакового языка христианской иконы. Святой Дионисий Ареопагит пишет о священных изображениях, что в них должно быть сходство и несходство. Сходство должно помогать человеку узнать в изображении первообраз, а несходство подчеркивает: первообраз не может быть выражен портретно, но через определенный язык с ним можно соприкоснуться, возвести к нему ум и сердце, реально почувствовать его. Поэтому икона всегда условна: икона – это не портрет, икона – это символ небесного; икона – это обнаружение проявления действия духовного мира в нашем земном бытии, в наших земных реалиях.

Как мы знаем, христианское богословие, богословие Восточной Церкви сочетает в себе *катафатику* и *апофатику*. *Катафатичность* – это возведение ума от низшего к высшему через подобие и через аналогии, а *апофатичность* – отрицательное богословие; оно подчеркивает, что Божество невыразимо и неизреченно, что Бог, присутствуя во всем, Сам – выше всего. В иконе отразились эти два аспекта богословия – катафатика и апофатика. Икона, являя нам реалию духовного, в то же время говорит, что сам первообраз намного выше любого его изображения.

В иконе мы имеем дело не с простым метафорическим мышлением, но с мышлением символическим, а символ всегда устойчив. Знаково-метафорические образы могут меняться, а символ обладает определенной кафоличностью, устойчивостью, поэтому-то иконы, написанные по канонам Православной Церкви, всегда, где бы они ни находились, узнаются верующим человеком.

Если говорить о различных школах иконописи, то здесь можно привести сравнение со многими диалектами одного языка. Нельзя говорить о философии иконы, но можно говорить о ее богословии, богословии – не как абстрактном мышлении, а как внутреннем религиозном опыте. Икона – это воплощение мистического опыта всей Восточной Православной Церкви. Иногда икону относят к византийскому искусству – это неверно, неточно, это очень условно. Кроме огромного региона Восточной Римской Империи, к православному миру Востока нужно отнести и другие области, например: Закавказье, западную часть Персии, где одно время процветало христианство, Сирию и так далее. Кроме того, православная икона впитала, вобрала в себя традиции Александрии и Египта, но оттуда она взяла еще только сырой материал – нужно было его воцерковать, переосмыслить, исправить, одухотворить.

Окно в вечность

В VIII веке в Византии возникла так называемая иконоборческая ересь. Император Лев Армянин, считая, что иконопочитание является главным препятствием для обращения мусульман в христианство, решил произвести реформу Церкви, уничтожить иконопочитание. Нашлись идеологи иконоборчества – философы, религиозные деятели, которые выдвинули ряд аргументов против почитания икон. Эти аргументы заключались в следующем: духовный мир имеет иные субстанции, иные измерения по сравнению с миром материальным, следовательно, духовный мир не может быть изображен, выявлен, определен в материальных формах. Иконопочитание иконоборцы сравнивали с

поклонением идолам в язычестве, настаивая на том, что основой языческих религий является космофилия, то есть обожествление космоса и его сил; следовательно, по их мнению, идолопочитание в языческих религиях было вполне естественно и логично, потому что в идолах отображались идеи и феномены материального мира, к которому была привязана мысль язычников. Что же касается христиан, то их обращенность к вечному и духовному, с точки зрения иконоборцев, не может быть выражена через материальное и вещественное. Для иконоборца выражать духовный мир через материальные образы – значит профанировать его, овеществлять, заземлять, то есть лгать на Самого Бога. Повторение аргумента иконоборцев мы встречаем и в современных рационалистических сектах, а также в некоторых протестантских конфессиях.

Что касается православных, то они, возражая иконоборцам, говорили: и духовный, и материальный миры – произведения одного Творца; духовный и материальный миры – это две картины, написанные одним Художником. Если между духовным и материальным мирами нет природной, субстанциональной тождественности, то существует другая связь – связь подобий. Человек – представитель материального мира в мире духовном, и Бог, создавая космос, Своей премудростью в самом космосе заложил информацию о духовном мире; поэтому видимый мир представляет из себя знаковую систему мира духовного, систему, в которой духовный мир отражен не мимитически, то есть не в зеркальных его отражениях, а в символах, как бы в тайнописи и иероглифах. Оттого-то икона и является для нас не портретом, а символом горнего мира.

Однако у иконы есть свои особенности. Господь принял человеческую плоть, Он был видим и осязаем. Святые – это люди, которые жили на земле, но стали носителями Духа Святаго; в них преобразились человеческая природа и естество, преобразились через соединение с Божественным Светом, поэтому, как мы уже говорили выше, в образе должно быть и сходство, и несходство. Несходство, условность иконы закономерны: изображенный на ней человек находится в духовном мире, он смотрит на нас из вечности, области других измерений; поэтому духовный опыт и мистическое видение Церкви создали *канон иконы*. Условность иконы мирские люди часто считают некой инфантильностью, «детским периодом» (было время, когда так же считали и искусствоведы). На самом же деле икона глубоко продумана. Если бы она была простым портретом, мы имели бы дело не с преобразенным человеком, а с его душевным, земным состоянием. Но икона – это окно в вечность. Икона являет нам человека-обитателя духовного мира. Икона открывает и обнаруживает в себе прежде всего духовную сущность, поэтому язык ее должен говорить нам о духовной сущности того, кто изображен на ней.

Католическая Церковь, оторвав себя от традиций Единой Вселенской Церкви, потеряла чувство иконы. У католиков икона превратилась в картину на религиозную тему, на которой изображены те же люди, которых мы видим на улице. Поэтому католическая «икона» не возвышает ума, не дает человеку возможности внутреннего общения с тем, кто изображен на ней. «Портрета» Неба быть не может, но символы духовного присутствуют в земном; иначе человек вообще был бы лишен всякой информации о Небесном.

Иконопочитатели, опровергая доводы иконоборцев, говорили о том, что само человеческое слово – это тоже символ, тоже знак. Однако через Священное Писание, через слово мы имеем сведения о духовном мире. В молитве мы также употребляем слово, и хотя оно является символом, мы через молитву общаемся с Богом. И икона, если она написана правильно, – это то же священное повествование, которое начертано не буквами, а красками; не пером, а кистью. Существующий канон иконописи необходим, православный иконописец должен строго придерживаться его; если этот канон нарушается, то обязательно нарушается и наше внутреннее отношение к иконе. Когда икона превращается в картину, пусть даже прекрасную картину, в подсознании начинает действовать возбужденное эмоциональное чувство, оно поглощает, притупляет и подавляет чувство духовное. Перед прекрасно написанной («прекрасно» – в мирском

значении этого слова, как художественное произведение) «иконой» человек может испытывать даже некоторое молитвенное возбуждение, но это будет возбуждение земной красотой, при котором человек не отрывается от земли, а, наоборот, пригвождается к ней.

Если икона написана не по канонам Церкви, то она превращается или в абстракцию и фантастику, или в картину, отражающую земную реальность и земные категории красоты. Такая «оземленная» картина неспособна внести в душу человека мир и покой, неспособна открыть ему свет Вечности. Она может вызвать эстетическое чувство и эстетическое удовольствие, которое на самом деле является фальсификацией чувства духовного, утонченной страстью непросвещенной души. В еще большей мере это относится к статуям, объемным изображениям, имитирующим трехмерные земные реалии, ощущение вещественности и телесности.

Изображение на иконе смотрит из вечности, оно лишено притяжения к земле. В ней – преображенная духом материальность, которая становится как бы невесомой и прозрачной. В статуе, напротив, ощущаются тяжесть, масса, физическая уплотненность, принадлежность земле. Статуя не только стоит на земле – статуя тяготеет к земле. Изваяния языческих богов устанавливались в античных храмах. Ум и сердце язычника не могли подняться над космосом, они всецело принадлежали этому миру. Статуя – это выражение материальности. Характерно, что зачастую величайшие скульпторы Ренессанса изображали человеческое тело обнаженным, даже если перед ними стояла задача запечатлеть образы Ангелов или мучеников; тем самым сознательно или подсознательно они подчеркивали свою генетическую связь с языческими ваятелями Греции и Рима.

Но в то же время икона – именно символ, она не может быть абстракцией. Например, на Западе – не только в протестантизме, не ограниченном традицией, но и в Католической Церкви – «иконы» стали создаваться уже такими художниками, как Дали. Абстракционизм проник в эти Церкви, но он никак не может создать настоящую икону. Почему? Потому что икона – это выражение Церкви, а Церковь есть общность – общность религиозного чувства, религиозного сознания. Абстракционизм же создает знаки, которые каждый человек подвергает своей личной, внутренней интерпретации, поэтому соединять находящихся в храме верующих он не может.

Следовательно, православная икона не должна переродиться ни в натурализм Ренессанса, ни в абстракцию, совершенно оторванную от объективной реальности. И в том, и в другом случае она перестает быть иконой. Абстрактные знаки – это не икона; они могут иногда пробудить некое мистическое чувство, ощущение некой тайны, но не могут направить это чувство, наполнить его содержанием; а самое главное – они совершенно не способны соединить душу человека с тем, кого они изображают. Что же касается натурализма Ренессанса, то этот натурализм только лишь еще больше оземляет и приземляет человека.

Икона должна возвысить человека, возвести его к духовному миру, а натурализм Ренессанса сам духовный мир снизил до уровня земли. Икона является для нас сложным образом, в котором нет зеркального изображения, но есть узнавание того, кому мы молимся; узнавание – потому что узнаваемый, находясь в другом мире, в других измерениях, в другом бытии, остается при этом той же личностью. Отсюда упоминавшиеся сходство и несходство иконы. Отсюда символика в деталях иконы: условное изображение больших глаз, высокого лба, узких губ. Здесь подчеркнута: глаза – это способность к духовному видению, направленность человеческой души к Небу, способность к мистическим созерцаниям, обращенность к Богу; глаза отражают внутреннее видение человеческого сердца. Широкие губы – символ чувственности, узкие – знак аскетизма⁴⁶. Таким образом, икона является не абстрактным знаком или портретом,

---

⁴⁶ Под аскетизмом здесь понимается покорение своих страстей и чувств высшим ценностям (христианство требует аскетизма от всякого человека: не только от монахов, но и от людей, живущих в миру). — *Ред.*

а священным изображением. Иконопись, даже если, скажем, смотреть не с религиозной точки зрения, а только лишь с точки зрения искусства, уже являет собой идиому⁴⁷ искусства.

Иконописец обязательно должен быть включен в религиозную жизнь, а если не так, то он будет, в лучшем случае, добросовестным копировщиком, в худшем – фантазером, который станет навязывать верующим людям свои собственные фантазии, мечты и представления о духовном мире, с которым он сам не имеет ничего общего.

Святые Отцы считали весь процесс иконописания священнодействием. Раньше иконописцы готовились к своему труду так же, как священники – к совершению литургии. Иконы писались в монастырях только в утренние часы, до принятия пищи. Перед работой служился молебен тому святому, над образом которого трудился иконописец. Затем, во время писания икон, читалась Псалтирь. Таким образом, икона создавалась в духовной атмосфере. Неудивительно, что больше чудотворных икон написано в древности: древние иконописцы впитали в себя самый дух Православной Церкви. И если художник пренебрегает иконописным каноном, то это значит, что он хочет опыт Церкви заменить своим собственным индивидуальным опытом.

Об иконе и абстрактном искусстве

Запад, разорвав догматическое единство с Восточной Церковью, потерял мистическое, созерцательное восприятие духовного мира, свойственное древней Церкви. Это восприятие он заменил мимитической картиной на визуальном уровне. Мимитическая картина, по сути дела, – это искусство художественной фотографии – чем больше сходство с изображенным предметом, тем выше и талантливее считается картина. Но визуальная картина может отразить индивидуум, а не личность, то есть она не проникает за завесу человеческого тела. Духовная красота в такой картине часто подменяется красотой телесной и психологическим состоянием изображаемого человека. Такая картина динамику мистических созерцаний заменяет внешней экспрессией.

Расцвет западной католической живописи и искусства приходится на эпоху Ренессанса. Ренессанс значит «возрождение». О каком возрождении здесь идет речь? О возрождении античного искусства, о возрождении язычества. Язычникам особенно было свойственно изображать олимпийских богов, ваять их в металле и камне. Статуи языческих богов были сделаны по-человечески столь прекрасно, что до нас дошли предания о том, как некоторые люди безумно и страстно влюблялись в них. Так и живописцы эпохи Возрождения стремились передать живые пластические формы – на полотне. Мы чувствуем в фигурах «святых», которых изображали гениальные по-человечески, но слепые духовно художники Ренессанса, присутствие не духа, а плоти и крови. Пластичность, красота и вместе с тем – тяжелая материальность, заключенность в вещество человеческого тела, его тяжесть, массивность, страстность, «оземленность».

Икона – мистична, а картина – психологична. Картина вызывает у человека определенные эмоциональные переживания, икона – переживания духовные, мистические. Вид прекрасного человеческого тела может вызвать подсознательные эротические чувства, которые человек по ошибке воспримет как мистический экстаз. Такой человек, внешне молясь святому, в темных глубинах души наслаждается сексуальными переживаниями, которые имитируют духовное вдохновение. Такой человек остается невозрожденным и непросвещенным.

В иконе эпохи Возрождения, этой вершине мимитической религиозной картины, обоготворен сам человек, абсолютизированы его земные страсти, его земное бытие. Поэтому в творениях великих художников Ренессанса (великих по тому, как превозносил

---

⁴⁷ *Идиома* (от греч. корня, означающего своеобразие) — единица речи или другой знаковой системы, в т. ч. искусства, значение которой не сводится к сумме значений, ее составляющих. Хороший пример идиом — пословицы, например: «*ухом не ведет*». — *Ред.*

и превозносит их таланты этот мир, и ничтожных в измерениях духовных), в их картинах человек поклоняется самому себе. В них потерян символический язык.

Другая крайность, характерная уже для нашего столетия, – абстрактное искусство. В нем язык иконы также потерян. Символ – это общечеловеческое явление, в отличие от эмблем, метафорических образов, олицетворений, которые могут иметь индивидуальный, субъективный, единичный характер. Символ – это обобщенность и определенное постоянство. В абстрактном искусстве символ отсутствует. Абстрактное искусство всегда глубоко индивидуально и субъективно. Вместо символа оно пользуется образом, но образом деформированным, искаженным, как бы вывернутым наизнанку, который часто переходит в некие бредовые сюжеты, в некий мираж, подчеркнутую иллюзорность. Поэтому о языке абстрактного искусства так же невозможно говорить, как о языке наркоманов, о языке их безудержных, безумных видений.

А язык иконы – это язык именно символов. Через церковные символы осуществляется реальная общность молящихся, их религиозное единство, единое чувство, единая вера и надежда. Абстрактное же искусство не может никого объединить, оно индуктирует у людей на основе подсознательных ассоциаций различные образы и состояния – совершенно не сходные. Перед абстрактной картиной каждый замкнут в кругу своих глубоко личных, индивидуальных переживаний и эмоций. Поэтому-то абстрактное искусство не объединяет, а разъединяет и разобщает.

Художник-абстракционист имеет дело с темными глубинами подсознания, он вызывает из этих глубин посредством ассоциаций мрачные, неясные грезы, как заклинатель вызывает призраки из тьмы ночи. «Абстракция» – это отвлечение, отвлечение от конкретности, от реалий, это бегство в ничто, это поэзия тьмы, хаоса и безумия, поэзия катастрофы. Поэтому абстрактное искусство никогда не сможет стать искусством храмовым, никогда не сможет нести и отражать в себе храмовую символику.

Сама Церковь – это значит единство, общность, сосредоточенность. Церковь – общность молитвы, богослужения, общность символов. Установившаяся символика имеет историческую преемственность, поэтому мы должны дорожить церковным преданием как языком Церкви. Разучившись понимать этот язык, мы станем чужды ее внутренней жизни.

Если церковное искусство – обобщенный опыт подвижников и аскетов, то абстрактное искусство – опыт декадентов, имитация искусства картинами душевнобольных.

Церковное искусство показывает личность человека преображенной, просветленной Фаворским Светом. Святой смотрит в этот мир из вечности. В церковном искусстве отражена не просто человеческая личность, а личность логоизированная, то есть личность, в которой пробужден внутренний логос, личность, преображенная Духом Святым. В абстрактном искусстве отражен другой мир: распад личности, ее деформация. Абстрактное искусство – это внутренний взрыв, предчувствие будущих катаклизмов и потрясений.

В церковном искусстве дышит надежда вечной жизни и Воскресения; в абстрактном искусстве дышит смерть и ощущается запах разложения.

Церковное искусство – искусство внутренней гармонизации, внутренней логоистичности, исцеления человеческой природы. Абстрактное искусство – искусство первобытного хаоса и безумия.

В церковном искусстве вечный, незримый свет проникает и изливается как бы изнутри тех ликов, которые изображены на иконе. В абстрактном искусстве мы ощущаем тьму, которая сочится из недр картины.

В церковном искусстве фон – это вечность; в абстрактном искусстве фон – это разрушающаяся и агонизирующая Вселенная.

Церковное искусство находило свое выражение и вдохновение в монастырях, в пустынях, в молитвенных созерцаниях. Абстрактное искусство – в психиатрических больницах, в дурмане наркотиков.

В церковном искусстве не только личность человека, но и весь мир видятся преображенными в Божественном Свете, здесь приоткрывается тайна вечности. Абстрактное искусство – это состояние отчаяния или холодного демонического презрения к миру.

Церковное искусство несет в себе огромный потенциал нравственных ценностей, красоту добродетели. В абстрактном искусстве мир чаще всего показан с подчеркнутым натурализмом и цинизмом, в состоянии взрыва и распада; он видится здесь через призму демонического мистицизма, переживания ужаса будущей глобальной катастрофы. Абстракционизм – это мрачная поэзия смерти, реквием неизбежного конца, в котором звучит страшная безысходность. Полет абстракционизма – это падение в бездну. Абстракционизм не может изобразить человеческой личности, он изображает только фрагменты человеческого тела или конструкции из них как мертвую модель человека. В абстракционизме любовь подменена ужасом; где нет любви, там нет единства, там все в распаде, противостоянии и вражде. Там бунт вещей против человека и бунт человека против Бога. Там человек, который должен служить звеном между духовным и физическим мирами, сам оказался в состоянии распада. Он, как атлант, упал под тяжестью небесного свода, и этот свод, столкнувшись с Землей, превратил Вселенную в пламя испепеляющего пожара. Поэтому абстрактное искусство – это судороги и конвульсии больного мира. Мир, потерявший Бога, бьется в агонии, и художник-абстракционист стоит, зачарованный этой мрачной картиной.

Абстракционизм – уничтожение форм, поэтому картины абстракционистов воспринимаются субъективно. В абстрактном искусстве царит дух опьянения, вседозволенности, той мнимой свободы, которая переходит в пляску смерти.

Подобное познается подобным. Икона познается через совершенствование, преображение души и сама содействует этому преображению; картина – посредством культуры эмоций, эстетизмом, под которым часто скрывается культ изощренных страстей. А абстракционизм – через действие самых темных инстинктов и наклонностей человеческой личности.

Христианство и модернизм

Модернизм в нравственном отношении представляет собой приспособленчество: это путь непрерывного компромисса между христианством, хранимым в церковном предании, и духом, обычаями мира с его языческими представлениями, мира, который поставил человечество на место Бога.

Экзегеты считают символом мира апокалиптическое море – эту неустойчивую, всегда меняющуюся стихию. Модернисты, провозглашая обновление Церкви, хотят, чтобы Церковь менялась по образу мира, а не мир по образу Церкви.

Церковь – это не синтез философских систем и не взаимодействие культур, а Божественное Откровение. Мы имеем две формы Откровения: Священное Писание и Священное Предание, основу которого представляет литургия. Как Ветхий Завет раскрывается в Новом Завете, так ветхозаветная литургия раскрылась и воплотилась в богослужении новозаветной Церкви. В «Пятикнижии» Моисея повествуется о том, что образ ветхозаветного храма – Скинии – был открыт Моисею на Синае. Предметы Скинии, богослужебные обряды и устав были также показаны ему в синайской теофании.

По церковному преданию, христианская литургия ведет свое начало от Самого Спасителя. Этому высшему священнодействию был научен апостол Иаков, епископ Иерусалимский, именуемый братом Господним, когда Христос явился ему после Воскресения из мертвых.

Модернисты, требующие изменения обрядов, или видят в них не божественное установление, а человеческое творчество, или же, что также похоже на реформаторов, считают себя носителями благодати Святаго Духа и пророческого вдохновения,

способными усовершенствовать и уточнить то, что сделано Апостолами и святыми Отцами.

Религия относится к области духа, человеческая культура – к области души. Творчество, ориентированное на культуру и вкусы современников, неизбежно совершит фальсификацию – подмену духовного душевным. Модернизм есть «мини-революция».

В основном, модернисты требуют реформы языка, календаря, иконописи и церковного пения. Более крайние считают, что надо пересмотреть христианскую догматику и христианскую мораль с целью их либерализации.

Модернисты утверждают, что древний церковный язык мало понятен для современного человека, то есть они сводят язык к его семантике, игнорируя значение духовное и эмоциональное. Но литургия – это тайна, никакой язык не сможет сделать ее понятной на рассудочном уровне; она открывается душе по мере ее внутреннего очищения. Ни одно словесное объяснение обряда не может исчерпать его внутреннего смысла. Обряд и молитвы – это не столько средство информации, сколько коммуникации – включенности человека в духовную реальность.

В Библии написано, что долг иерея отделять священное от несвященного. В Церкви должен быть особый священный язык, отличный, то есть отличающийся, от обыденного языка улицы и рынка или от языка философских абстракций и лирических переживаний. Сам язык Нового Завета представляет собой не простонародный и не литературный греческий язык, а идиому⁴⁸, не имеющую аналогии с произведениями того периода.

Богослужбный язык таких народов, как грузины, славяне, сирийцы, представляет собой не язык определенной эпохи, а неповторимую идиому языка. Так, например, идиома богослужбного грузинского языка была выработана в монастырях Тао-Кларджети, а доведена до совершенства – отцами Афонского Иверского монастыря, также выходцами из Тао-Кларджети.

Святые Кирилл и Мефодий на основе македонского наречия болгарского языка создали языковую идиому, которая стала священной речью славянских Церквей. Блаженный Иероним отбросил классический язык Цицерона и Вергилия, которым он владел в совершенстве, и в основу своего перевода Библии (который до сих пор остается непревзойденным у романских народов) положил идиому латинского языка.

После реформации мы видим на Западе другой процесс – десакрализацию церковного и библейского языков.

Древний язык ценен для нас как русло традиции, в котором мы находимся, как язык, на котором говорили святые, как язык более тонких духовных вибраций. Древний язык по своей динамике и богатству глагольных форм лучше выражает молитвенные переживания и чувства человека; его корневые основы более онтологичны, чем у современных языков, слово более объемно и многогранно. Древний язык соответствует типу религиозного мышления-созерцания, новый язык – научным описаниям и рассудочным суждениям. Древний язык проникает в суть предметов и вещей (ноуменов), новые языки приспособлены к описанию свойств и явлений (атрибутов и феноменов), что означает материализацию стиля языка. Если в древнем языке доминировали глагольные формы, то в современном – прилагательные всех видов, указывающие не на действие, а на качество.

Святые Отцы учат о внутреннем логосе, присутствующем изначально всем людям, и о внешних профористических языках, появившихся в определенный период истории и находящихся в процессе дальнейшего разделения.

Древние языки ближе к внутреннему логосу, поэтому они более глубоко воздействуют на человеческое сердце. Новые языки имеют центробежное направление – от сердца к рассудку, поэтому молитва на новом языке, несмотря на кажущуюся семантическую ясность, оставляет сердце сухим и неудовлетворенным.

---

⁴⁸ Здесь слово *идиома* употреблено автором в его исконно греческом значении, как определение чего-то совершенно своеобразного, самостоятельного, обособленного. — *Ред.*

Слова древних языков часто не имеют адекватных переводов на языки новые, поскольку в их основе лежит другое мирозерцание, другое видение вещей. Если мы попытаемся перевести слово древнего языка на новый язык также одним словом, наиболее близким ему по смыслу, то обедним содержание, сделаем его узким и односторонним, нам потребуется для перевода целый ряд синонимов, а это значит, что мы потеряем ритм речи, сделаем ее складом имен. Богослужение имеет свой ритм, свое дыхание. Растянуть богослужебный стих – это значит превратить его в комментарий, а перевести на новый язык, сохранив ритм, – значит картину в красках перерисовать одноцветным карандашом. Сохраняя древний язык, мы сохраняем особую духовную красоту богослужения, отделяя священное от обыденного и повседневного, а самое главное – через сохранение языка противостояем новому стилю материалистического рассудочного мышления.

Следующее, чего добиваются модернисты, это реформа церковного календаря. Она отчасти осуществилась: целый ряд поместных Церквей перешел на так называемый «новый стиль» (к нашему счастью, Иерусалимская, Грузинская, Сербская и Русская Православные Церкви остались верны традиционному церковному календарю). Однако, чтобы избежать прямого противоречия с каноном I Вселенского Собора относительно сроков празднования Пасхи⁴⁹, принявшие новый стиль Пасхалию по-прежнему продолжают определять по календарю юлианскому и оттого вынуждены пользоваться одновременно двумя календарями, напоминая тем самым человека, который сидит в двух привязанных друг ко другу лодках. При этом некоторые из них называют реформированный календарь новоюлианским, а некоторые – григорианским. В то же время часть духовенства и верующих в этих поместных Церквях принять новый стиль не пожелала и оказалась в оппозиции к правящей иерархии. Таким образом, результатом реформы оказалась кровоточащая рана на теле Церкви; ее внутреннему единству был нанесен тяжелейший урон.

Имеет ли григорианский календарь какое-либо преимущество перед юлианским? По нашему мнению, юлианский календарь в отношении астрономической масштабности и библейского осмысления времени стоит неизмеримо выше григорианского⁵⁰. Следует сказать, что григорианский календарь изначально был воспринят Православной Церковью вовсе не как научное достижение, а как культовый папистский календарь, как новое средство агрессии для проникновения папизма в государственные и церковные структуры. Этот календарь был осужден в 1583 году на Константинопольском Соборе, где присутствовали все восточные патриархи. Употребление его в Православной Церкви было запрещено навсегда. Неоднократно повторялось это решение и на последующих Соборах. Поэтому те, кто сегодня выступает за принятие григорианского календаря, выступают, по сути, против самой Церкви, против ее постановлений.

Некоторые считают, что величина солнечного года, указанная в григорианском календаре, является достижением науки нового времени. Но это не так. Кумранский календарь, созданный, по крайней мере, за несколько столетий до Рождества Христова, имеет год почти такой же величины, как григорианский (разница – в четвертом ряду десятичной дроби), а солнечный календарь Омара Хайяма (XI век) даже превосходит григорианский календарь в отношении астрономической точности.

Вопрос о культовом значении для католической Церкви григорианского календаря требует специального разбора. С этой точки зрения календарная реформа рассматривается, в частности, в книге профессора Полака «Время и календарь»⁵¹.

---

⁴⁹ Согласно постановлению I Вселенского Собора в Никее, Пасха должна праздноваться христианами непременно отдельно от Пасхи иудейской, после нее, в первый воскресный день после того полнолуния, которое, будучи вычислено по известным предписаниям, случится в день весеннего равноденствия или непосредственно после него (см. «Христианство», энциклопедический словарь. М. 1995. С. 311). — *Ред.*

⁵⁰ Подробнее об этом см. ниже, в статье «Календарный вопрос». — *Ред.*

⁵¹ Воениздат, 1948.

История Церкви датирована по юлианскому календарю. Перевод этих дат на другой календарь вызывает хронологический хаос. В литургическом отношении григорианский календарь произвел деформацию и изменение самого Устава, то есть нарушил Типикон, составленный святыми Отцами и ставший частью церковного организма.

Дух модернизма проникает в церковную иконопись. Символика и условный язык священных изображений заменяются портретным натурализмом или абстрактными знаками, похожими на оккультную тайнопись. В портретно-мимитических изображениях суть иконы – духовное преображение человека – заменяется душевным психологизмом и эстетизмом. Такая икона «из окна в небо» превращается в «окно на улицу», она не открывает перед человеком другого мира, того, что выше земли. Что касается абстрактных изображений с религиозным содержанием, то они остаются проекцией субъективных переживаний художников-абстракционистов, чаще всего – переживаний ложно-мистического характера, оккультным визионерством.

Православная икона – это созерцание и духовный опыт святых восточной Церкви, опыт, обобщенный и кристаллизированный в иконописном каноне.

Дух мира все больше проникает в церковное пение. Можно сказать, что музыка (в данном случае пение) – это интим человеческих чувств, чуткий барометр переживаний человека. Напевы несут в себе информацию и силу даже вне слов, а иногда и вопреки словам. Светские напевы насыщены страстями; они могут вызывать восторг, но не приводят душу к покаянию. Душевно-чувственный восторг, нечто вроде поэтического вдохновения, и молитвенное состояние не похожи друг на друга. Светские напевы не способны принести душе умиротворение и очищение, они вносят в богослужение струю душевности и чувственности. Это эстетическое, а в сущности своей, страстное восхищение противостоит молитве, отвлекает от нее сердце, и человек выходит из храма таким же, каким он вошел в него, как выходят из оперного зала.

Святые Отцы придавали пению огромное значение. Уже Климент Александрийский говорил о языке напевов и считал, что в богослужении может употребляться напев только дорийский. Православный «Осьмогласник» был составлен святыми гимнографами, это плод их молитвы, переложенной на язык напевов, включающих душу в ритм небесного хора.

Церковный язык, икона, архитектура, убранство храма, литургические напевы, все это – единое духовное поле Церкви, в котором воскресает и преображается человеческий дух.

О церковном языке

Церковный язык ближе к внутреннему логосу – языку духа, языку религиозной интуиции и молитвенных созерцаний, чем языки современные. Это язык не рассудка, а сердца, язык непосредственных проникновений, язык напряженной духовной энергии и особой динамики. Древние языки вызывают в человеческой душе нечто вроде «припоминания» о потерянной человеком способности непосредственной внутренней передачи своих мыслей, восприятия содержания другой души и озарения от Бога.

Это язык логоса, который глубже внешнего языка, нуждающегося в материальной форме – слове.

Внешние профористические языки все больше отдаляются от своего центра – духовного логоса, все больше дифференцируются и материализуются.

Новые языки обращены преимущественно к рассудку человека – аналитической способности его разума, низшей по сравнению с духовной интуицией. Они также способны выразить эмоционально-чувственные, страстные состояния человека, но для выражения проявлений области духа, которая раскрывает себя в молитвенном порыве, новые языки оказываются вялыми, бессильными, как мышцы дряхлого старика.

Сторонники языковой реформы богослужения утверждают, что на новом, современном языке литургика станет более понятной. Но литургика – сама по себе тайна.

Она не может быть понятна на вербально-семантическом уровне, иначе ее можно было бы понять и усвоить, сидя в кресле с книгой в руках за письменным столом.

Литургика – это не повествование, которое может быть подробно разъяснено, не ребус, который можно разгадать или решить. Литургика – включенность человека в духовную реальность, а средством этого является воздействие на человека всего духовного поля Церкви: храмовой архитектуры и убранства, богослужебных напевов, а главное – силы молитв священнослужителя и народа, находящегося в Церкви. Про святого Иоанна Кронштадтского рассказывали, что когда он совершал литургию или молча молился на проскомидии, люди чувствовали силу его молитв и Божественную благодать явно, почти физически.

Древний язык ближе к внутреннему логосу, поэтому он имеет сильнейшее воздействие на человеческое сердце. Странное явление: иногда фраза на славянском языке, минуя аналитический рассудок человека, потоком горячего света озаряет, как будто открывает его сердце, и оно трепещет, как душа странника, который после долгого пути увидел огни отеческого дома. Здесь происходит то, что мы уже назвали – может быть, не вполне точно – «припоминанием». Человек вспоминает о потерянном рае и о том языке, которому повиновались все живые существа, языке, на котором он беседовал с Ангелами. Здесь – мистика языка. Древний священный язык трогает сердце человека, заставляет звучать сокровенные струны души. Модернисты не знают и не чувствуют этого, они хотят древние языки заменить новыми для того, чтобы была понятнее семантика слова, которая не делает понятнее тайну богослужения.

Кроме того, в литургии существует параллельный язык образов и ритуалов, не менее важный, чем язык словесный. Этот символический язык еще менее понятен, но он служит включенности человека в живую реальность происходящих событий. Если мы хотим сделать богослужение доступным для нашего плотского рассудка, то мы должны сделать понятными обряды: или заменить их словесной интерпретацией, или перевести на язык театральной пантомимы, то есть превратить обряд из многогранного священного символа в мимический жест. Что же останется тогда от литургии? Назидательное представление? Когда мы говорим, что литургия – это воспоминание земной жизни Христа Спасителя, то мы вовсе не имеем в виду, что литургия – инсценировка Евангелия. Литургия – это возможность для человека посредством священных символов самому стать участником библейских событий, внутренне пережить Голгофскую Жертву как Жертву, совершенную лично для него, а Воскресение Христа – как воскресение своей души.

Мы сказали, что древний язык – это напоминание сердцу человека о его древнем отечестве – потерянном рае. А современный язык – это язык школы и университета, язык улицы и рынка, фабрики и вокзала. Он не помогает человеку вырваться из плена обыденных повседневных дел, забот и интересов. Священный язык как бы свидетельствует, что в храме мы имеем дело с другим миром, другой, необычной для нас реальностью.

Не только между содержанием речи и чувством, но также и между чувством и самой формой языка существуют ассоциативные связи. Вообще форма не может быть совершенно абстрагирована от содержания.

Новый язык, хотим мы этого или нет, будет нести в себе новое содержание, новую информацию, новый эмоциональный подтекст, выявить и определить которые невозможно нашему логизирующему рассудку.

Богослужение нельзя смешивать с проповедью или богословием. Проповедь рассказывает нам о духовном мире, а молитва включает нас в этот мир; богословие указывает путь, а молитва ведет по этому пути.

Мы говорим о красоте древних языков. Что мы подразумеваем под этим? Мы думаем, что это некое тайное созвучие ритмов сердца с ритмами древнего языка, и эта гармония воспринимается нами как особая красота языка. Внимательно прочитаем вслух псалмы на новом и древнем языках; какую разницу увидим мы в своем внутреннем

состоянии? Новый язык подобен воде, которая может утолить жажду, но оставит душу холодной, а древний язык – вино, веселящее и радующее сердце человека.

Церковь и наука

Цель *науки* – подчинить себе видимый мир и природу. Цель *религии* – это вечная жизнь как вечное общение души с Божеством. Поэтому при попытке объединения науки и религии просто не сходятся ни цель, ни предмет, ни средства (метод). Наука не может ни подтвердить, ни опровергнуть религию. «Медвежью услугу» оказывают религии богословы, пытающиеся построить свои доказательства бытия и промысления Божия о мире путем апелляции к научным знаниям, тем знаниям, которые через некоторое время будут уже устаревшими.

Для религии свобода воли – это необходимое свойство личности, это возможность выбора. Чем выше в нравственном отношении личность, тем больше у нее внутренней свободы, тем независимее выбор.

Материализм смотрит на свободу как на осознанную необходимость. Но там, где необходимость, уже нет свободы. Впрочем, надо отличать материализм от материалистов. Материалист как личность часто поступает в своей жизни по принципу свободы воли. Материалист может жертвовать своей жизнью ради другого. Два человека в одной и той же ситуации могут поступить по-разному: один – своей грудью закрыть друга от ножа, а другой – убежать, спасая собственную жизнь. Так где же здесь осознанная необходимость? Уже само слово «осознанная» делает понятие свободы элитарным, получается, что свобода может быть доступна только тем, кто осознал ее необходимость, а те, кто не могут ее осознать, – несвободны. Если свобода зависит от осознания, то она обуславливается степенью интеллектуального развития, то есть внутренним фактором, тем, что материализм отрицает.

В своей повседневной жизни материалисты не смотрят на другого человека как на конгломерат атомов и молекул, а питают друг к другу чувства любви и дружбы. В общественной жизни не ориентируются на принцип необходимости поступков (детерминизации воли, обусловленности воли), а, наоборот – если человек поступает хорошо, его поощряют, и если человек поступает плохо, не говорят, что он детерминирован и не смог поступить по-другому, но наказывают его. Когда говорят: «Почему ты поступил плохо?», то здесь уже подразумевается существование свободы воли как факта.

Но надо сказать, что и признание первичности сознания и первичности духа еще не делает человека религиозным. Человек может быть идеалистом по своему мировоззрению и в то же время быть нерелигиозным, как, например, Гегель. Он был идеалистом, но религиозным человеком не был, потому что сама религия – это не абстракция, сама религия – это непосредственное свидетельство души о существовании Божества и духовного мира, союз и общение с Божеством. Это чувство ближе всего стоит к интуиции, поэтому мы и называем его религиозной интуицией. И одна из задач православной аскетики – усилить, очистить эту интуицию, поэтому аскетика тесно связана с христианской антропологией.

Церковь является хранительницей Фаворского Света. Церковь – это живой, харизматический организм. В ней были созданы и ей принадлежат Священное Писание, творения святых Отцов и гимнография. Поэтому эти произведения могут быть поняты и правильно восприняты только в Церкви. Вне Церкви они становятся мертвыми телами, вне Церкви нельзя понять ни Священного Писания, ни патристики. Если организм изъять из среды, в которой он существует, то организм станет трупом. Труп можно анатомировать, разложить по клеткам, можно описать морфологию мертвого тела, но труп никогда не даст представления о самой жизни организма.

Вот почему Священное Писание, патристика и гимнография не могут быть рассматриваемы человеком, который стоит вне Церкви, они будут мертвы и немы для него.

Между тем, в последнее время в светской науке, которая проникла и в науку церковную, часто фигурируют туманные термины, начинающиеся с приставки «псевдо»: псевдо-Климент, псевдо-Макарий и т. д. Приставка «псевдо» означает «ложный», и поэтому ученые-рационалисты зашифровывают под этим термином определенную идею, а именно: «Лжец обманул, профаны приняли, а умные люди обнаружили». Однако Церковь обладает более устойчивыми ориентирами, чем любая наука. Церковь обладает традицией, преемственностью, поэтому в Церкви не только хранятся, но и живут ее духовные сокровища.

Прошлый век в науке был отмечен тенденцией панкритицизма, то есть всеобщим критицизмом. Признаком высокой культуры интеллекта считались безудержный скептицизм, разрушение доверия к первоисточникам, в результате чего факты дискредитировались. Истины и идеи, казавшиеся прежде непреложными, отменялись, как «не заслуживающие доверия»; людям казалось, что привычный, окружавший их мир – мир этих истин и идей рушится и вокруг – пустота, вакуум. И этот вакуум стремительно заполняла безудержная фантазия самих ученых, наперебой предлагавших различные, противоречащие друг другу концепции. Однако в результате это лишь отбросило далеко назад саму науку.

Церковь сохраняет принцип преемственности, Церковь имеет определенные «берега» традиции. Вне берегов река или превращается в неуправляемый, разрушительный поток, или же застывает в гниющих болотах. Вся история науки является в какой-то мере историей крушения теорий и гипотез. Теории, которые только-только казались последним словом науки, через некоторое время оказывались несостоятельными. Самые блестящие гипотезы, когда под ними нет фактов и традиций, немного спустя уже рассматриваются как представления и фантазии самого ученого.

Только в последнее время наметилась тенденция к более внимательному, более бережному и осторожному обращению с первоисточниками. История науки показала великую роль традиции, которая лучше всего могла сохранить сокровища прошлого.

Опровергая факты, сохраненные нам традицией, ученый расчищает поле для своей собственной фантазии, здесь уже начинается не наука, а научная романтика. Ученый составляет свою концепцию и хочет эту концепцию оправдать так же, как адвокат своего клиента в суде – любым путем. И оттого нередко обращается к тем же способам, что и неразборчивый в средствах адвокат. Используется тенденциозный подбор фактов: принимается только то, что отвечает данной концепции, а остальное отбрасывается в сторону, об остальном умалчивается, как будто бы оно и не существует. Это вид нечестного молчания. Затем, факты даются не точно, а в перифразах, в определенном тенденциозном изложении. Часто бывает и прямое искажение фактов. Некоторые из ученых прибегают к такому методу: повторению одного и того же в различных вариантах. Если какой-нибудь факт, по-видимому, благоприятствует их теории, то они стараются как можно чаще повторять ссылку на этот факт, варьируя его в различных словесных формулировках, так что у читателя возникает иллюзия, что он имеет дело со многими фактами и многими доводами. Затем – подтасовка фактов. Приводятся факты, не имеющие отношения к данному вопросу. Приводятся как доказательства сомнительные положения и доводы, которые еще сами не доказаны.

Затем – тенденциозный подбор мнений других ученых. Из каждого научного труда можно «выдернуть» несколько фраз и при их помощи необходимым образом изобразить позицию его автора. Такая «ссылка на источники», когда точка зрения другого деятеля науки намеренно искажается, приводится в «соответствие» с утверждаемой идеей, имеет своей целью создать впечатление, что все ученые в этом вопросе единомысленны. На самом же деле такого единомыслия не существует.

В других трудах, напротив, наблюдается метод дискредитации своего оппонента. А некоторые из ученых действуют точь-в-точь по методу Остапа Бендера, который начал спор с утверждения: «Бога нет, это медицинский факт», а так как это доказано якобы наукой, то и доказывать больше нечего.

Нечестность полемики проявляется еще и тогда, когда человек апеллирует к страстям своей аудитории.

В прошлом веке была обнаружена рукопись «Учение двенадцати Апостолов». До сих пор ученые спорят о том, к какому времени принадлежит этот памятник, Церкви он принадлежит или нецерковным кругам и т. д. Между тем, только сама Церковь может сказать, ее это произведение или не ее. Когда в научном мире был поднят вопрос о подлинности посланий священномученика Игнатия Богоносца, то были выражены противоположные мнения: одни говорили, что они подложные, другие – подлинные, третьи утверждали, что эти произведения подвергались в позднейшее время интерполяции⁵², некоторые полагали, что послания были сокращены и т. д. Таким образом, светила европейской науки выражали диаметрально противоположные мнения, которые невозможно было согласовать. И поэтому, когда вы сегодня слышите слово «псевдо», то помните, что ученый, стоящий вне Церкви, потерял самый главный ориентир – традицию, предание и преемственность. У него другой метод, казуальный, то есть случайный, он делает выводы из разрозненных фрагментарных фактов, совпадений.

Церковь всегда была ближе к тем событиям, о которых теперь спорят. Отцы Церкви знали ее жизнь и поэтому интуитивно скорее могли отличить подлинник от фальшивки, чем те ученые, которые такой духовной интуицией не обладают. К тому же древние Отцы лучше знали саму патристику, поэтому могли с большим правом сказать: истинно или ложно, свое или чужое. И конечно, те Отцы Церкви, которые стояли ближе ко времени создания этих произведений, лучше могли ориентироваться, подложные они или нет, чем мы – по прошествии столетий. Поэтому наиболее объективным во всех отношениях является голос Церкви, а не мнение человека, который полагается на силу своего собственного интеллекта и почему-то предполагает, что именно он нашел и обрел истину. История свидетельствует о том, как часто то, что считалось опровергнутым, оказывалось на самом деле истинным. Сколько таких свидетельств представила нам археология! А те произведения критического направления, которые когда-то казались последним и неизменным словом науки, теперь воспринимаются как ее детский лепет...

О дарвинизме

Сразу следует оговориться: в современной науке имеется множество теорий и гипотез подобного рода, не только отличающихся друг от друга, но и диаметрально противоположных. И потому теория Дарвина – лишь одна из многих (к тому же не имеющая под собой фактических доказательств), но при этом – наиболее распространенная. В чем ее принцип? – В природе идет непрерывный естественный отбор. В борьбе за существование выживают более приспособленные организмы. Менее приспособленные и слабые гибнут. У организмов возникают отклонения от типа, которые могут быть полезными, и тогда эти организмы имеют дополнительный шанс выжить. Полезные признаки передаются по наследству. Так возникают новые формы и виды живых существ. Развитие идет от простого к сложному.

Могут ли удовлетворять нас эти положения? Можем ли мы на них возвести грандиозное здание эволюции?

Во-первых, надо сказать, что теория Дарвина является *гипотезой*, так как очевидных доказательств она не имеет. На памяти человечества один вид никогда не переходил в другой и нового вида в природе не создано. Мы можем говорить только о разновидностях, но не о качественно новом виде.

---

⁵² *Интерполяция* — позднейшая вставка в текст слов или фраз, не принадлежащих автору. — *Ред.*

Согласно теории Дарвина, три принципа – приспособление к окружающей среде, внутривидовая борьба и способность к размножению – обуславливают эволюцию. Но мы видим нечто парадоксальное: этими качествами обладают в наибольшей степени не высшие существа, а низшие – грибки и растения, размножающиеся посредством спор. Легче всего приспособляются к окружающей среде как раз они. После извержения вулканов, после наводнений или, наоборот, в пустыне, когда долго нет дождя и она превращается в мертвое поле, более высокоразвитые существа вымирают, а остаются жить (сохраняют жизнеспособность) существа примитивные. Также эти примитивные существа обладают, по сравнению с высокоразвитыми, лучшей способностью к размножению. Таким образом, если исходить из трех принципов дарвинизма, то жизнь должна была бы остановиться на уровне грибков и спор. Это был бы оптимальный вид живых существ, приспособленных для обитания на Земле. Таким образом, из этих трех принципов никак не вытекает возникновение более сложных и поэтому более «хрупких» и более «нежных» по отношению к окружающей среде существ.

Далее: теория Дарвина казуальна, то есть основана на случайностях. Случайно у какого-то существа появляется новый признак. Если этот признак полезен (дает ему новый шанс и возможность выжить в настоящих условиях), то этот полезный признак закрепляется за данным существом и передается по наследству. Вот основа морфологии дарвинизма: высшие существа происходят от низших казуально, через случайное возникновение каких-то отклонений от общей нормы. Можем ли мы быть удовлетворены таким решением вопроса, оправдано ли оно? Мы знаем, что органы бывают полезны только тогда, когда они развиты; находясь же в зачаточном состоянии или будучи недостаточно развиты, они не оказывают никакого благоприятного воздействия, не дают преимущества, наоборот, являются бременем для организма.

Например, у какого-то существа, которое эволюционно должно стать птицей, вырос некий отросток – на месте будущего крыла. Сама теория Дарвина отрицает появление крыла сразу, она говорит о постепенном превращении чего-то в крыло. И вот у существа, неизвестно почему (по какой-то аномалии) появился отросток, из которого потом развилось крыло. Какое отношение этот отросток может иметь к выживанию этого индивидуума? Никакого. Он не будет ему полезен. Наоборот, этот отросток будет еще мешать ему в борьбе за существование: настигать добычу, убежать от врага и т. д. Таким образом, пока отросток не разовьется в крыло, он будет не помогать, а обременять это существо. И почему, возникнув, он должен остаться? Как случайно он возник, так же случайно – в других поколениях – он должен и исчезнуть. Это второе возражение против дарвинизма, на которое дарвинизм ничего еще не смог ответить.

Затем, бывают существа, которые переживают сложные метаморфозы. Например, гусеница превращается в бабочку, тело гусеницы в коконе растворяется, становится похоже на густой крем, и потом из этого крема постепенно образуется другой организм – организм бабочки. При чем здесь полезные или вредные признаки? Эту метаморфозу никак нельзя объяснить тем, что у существа «случайно» появились зачатки каких-то органов или другие, так сказать, полезные признаки. Здесь говорится уже о сложном плане существования.

Кроме того, никакой из органов тела не может рассматриваться изолированно. Все они тесно связаны своими функциями друг с другом, поэтому какое-либо изменение одного органа влечет за собой изменение всего организма.

Говорят и о так называемых остаточных (рудиментарных) органах – одном из положений дарвинизма. То есть, в человеческом теле есть органы, которые уже не функционируют, и это доказывает, что когда-то человеческий организм был иным. Однако мы не можем удовлетвориться таким объяснением.

В прошлом веке ученые-эволюционисты находили в организме человека около ста восьмидесяти органов, которые, по их мнению, были совершенно бесполезны. Однако большинство из них оказалось органами внутренней секреции, без которых жизнь

человека вообще невозможна. Поэтому здесь нужно поставить вопрос по-другому. Во-первых, не все функции органов нам достаточно хорошо известны; во-вторых, человеческий организм имеет так называемые резервные органы, которые в случае повреждения какого-то органа как бы заменяют его, берут на себя его нагрузку. Таким образом, мы можем утверждать, что в человеческом теле нет ничего лишнего.

Ученые определяют возраст геологических пластов, окаменелостей и т. д. в различных числовых данных, и некоторым людям кажется, что Библия противоречит науке. Но когда мы говорим о возрасте человечества, то за точку отсчета принимаем окончание творения, создание человека. До этого были периоды творения, которые названы в Библии «днями». Под «днями» святые Отцы (например, свт. Василий Великий) подразумевали периоды, продолжительность которых нам неизвестна. «Дни» начались еще до творения солнца, поэтому «дни» – это этапы, когда творилось новое, а какие промежутки были между этими этапами – неизвестно, этого мы установить не можем.

Да и может ли наука вообще опровергнуть библейское летосчисление? Диалектический материализм говорит о том, что материя – универсальная субстанция, что все связано со всем, и рассматривает мир как бесконечное и целое, где ничего, изолированного от окружающего, быть не может. Ученые, определяя возраст окаменелостей, пластов и т. д., употребляют различные методы датировки. Есть радиоактивный метод, называемый калий-аргоновым. Есть другой, углеродный, метод, основанный на том, что известен период распада молекулы двуокиси углерода. Есть еще способы, основанные на измерении слоев метеоритной пыли, которая оседает на поверхности Земли; основанные на измерении увеличения дельты реки от наносов (так как река несет определенное количество осадков, то дельта все более удлиняется). Можно ли назвать эти способы датировки точными? Для того, чтобы датировать прошлое нашей планеты, нужно принять принцип униформизма, а именно: процессы, которые происходили в прошлом, тождественны по своему характеру и по своей интенсивности с теми процессами, которые происходят в настоящее время и будут происходить в будущем. Но оправдан ли этот принцип?

Существуют так называемые катализаторы, в присутствии которых один и тот же химический процесс может происходить с различной быстротой. Есть катализаторы, ускоряющие процессы в сотни раз. Поэтому как мы можем доказать, что раньше не существовало других факторов, не имеющих места сейчас, что раньше не существовали катализаторы, в присутствии которых те же самые процессы могли происходить в неизмеримо более короткие сроки, чем в настоящее время? Кто нам дал право утверждать, что раньше условия были точно такие, как сегодня, и что участвовали в образовании Земли точно такие же силы, как действующие в настоящее время? Таким образом, все эти датировки являются гипотетическими.

Униформизм плохо согласуется с диалектическим материализмом, который говорит как раз о взаимосвязи явлений и о непрерывных качественных изменениях в природе. Мы знаем, что в недалеком, даже доступном для нашего обозрения, прошлом, процессы развивались по-другому. Например, магнитное поле Земли было гораздо большим, чем теперь. Оно за полторы тысячи лет уменьшается чуть ли не вдвое (приблизительно). Степень интенсивности радиации раньше была другой. Сами же материалисты говорят об ином составе атмосферы в прошлом; значит, тогда действовали и другие силы. Теория униформизма, на которой зиждятся все «датировки», не может быть признана нами обоснованной.

Далее, разные методы датировки дают разные, противоречащие друг другу результаты, не согласующиеся между собой. Особенно это относится к методу датировки путем измерения слоя метеоритной пыли. Если бы Земля имела такой возраст, как считают эволюционисты, то вся она была бы скована панцирем космической пыли. На дне океанов также должен был бы лежать слой этой пыли. Нам могут возразить, что пыль постепенно растворялась в пластах земли. Однако метеоритная пыль имеет другой

химический состав, нежели земная поверхность: там намного больше никеля, и поэтому выявить слой метеоритной пыли нетрудно. Оказалось, что слой этот весьма тонок, особенно на дне океанов. Но ярче всего противоречия метода датировки путем измерения слоя метеоритной пыли с концепциями эволюционистов были выявлены после того, как люди достигли поверхности Луны. Так как предполагается, что Земля и Луна приблизительно ровесники друг другу, то, следовательно, слой космической пыли на Луне, где практически отсутствует атмосфера, должен быть весьма значительным. Предполагали, что этот слой достигает нескольких километров, и поэтому космические корабли конструировали так, словно их надо было посадить в болото.

Кроме того, считали, что во впадинах слой космической пыли должен быть еще больше. Однако, когда люди достигли Луны, то оказалось, что поверхность ее покрыта сравнительно тонким слоем космической пыли и люди вовсе не увязали в ней. Это уже свидетельствует о том, что Земля намного моложе, чем утверждают сторонники теории эволюции.

Далее, эволюционисты говорят о том, что жизнь возникла из простейших форм – вирусов. Однако оказалось, что вирусы могут существовать, только паразитируя на более высоких организмах. Сами по себе вирусы существовать не могут!

И о другом «постулате» дарвинизма: существа, морфологически похожие на человека, еще не могут быть приняты нами как человеческие существа. Человек – духовный феномен, не имеющий аналогий в видимом земном мире. Сходство оболочек еще не доказывает сходства зерен, заключенных в них (пример: пшеница и плевелы). Мы ничего не знаем о психической жизни тех ископаемых существ, которых пытаются выдать за наших предков. Предположим, что в нашем мире исчезли все обезьяны; в таком случае, обнаружив при раскопках несколько скелетов и фрагменты костей горилл, а рядом камни и палку для сбивания орехов, ученые, исходя из морфологического принципа, могли бы сказать, что перед нами – останки примитивных людей. Кости гориллы послужили бы источником для научных вдохновений, монографий и диссертаций. Но мы знаем, что обезьяна – совершенно другое существо, качественно отличающееся от человека, – это зверь. Итак, когда находят скелеты разных существ, то лишь по внешним анатомическим данным еще ничего нельзя сказать об их умственных способностях. Эти существа, как и обезьяны, могут быть просто человекоподобными зверями. Вообще, психологию нельзя вывести из морфологии, тем более, довольно сомнительного характера. Когда-то говорили о том, что характерным признаком, отличающим человека от животного, является площадь коры головного мозга и отношение коры головного мозга к общему объему мозга. Однако сделано открытие, что кора головного мозга дельфина по площади превышает кору головного мозга человека как в абсолютном, так и в относительном измерениях. Таким образом, если исходить лишь из формального строения, то дельфин должен находиться в интеллектуальном отношении на более высокой ступени развития. Затем стали говорить о том, что важна не только эта величина, но и сложность структуры мозга. Но и здесь оказалось, что кора головного мозга у дельфина структурно более сложна, чем у человека. Таким образом, нельзя по останкам ископаемых говорить о степени умственного развития того или иного существа. Пока никаких переходных форм между человеком и зверем не обнаружено. Если бы они были, то непонятно, почему все человекозвери вдруг исчезли (причем исчезли во всем мире, в регионах с разными условиями). Вероятно, только потому, что их и вообще не было.

Эволюционисты говорят еще о том, что зародыш человека проходит (повторяет) в развитии главные стадии эволюции. Однако это тоже совершенно бездоказательно. Главным образом ссылаются на жаберные щели у человеческого плода на определенной стадии внутриутробного развития; но так называемые «жаберные щели» при тщательном исследовании оказываются лишь складками, которые не имеют ничего общего с жабрами рыб. Они построены из другого материала и никогда не выполняют этой функции, из них образуется лицо человека. К тому же, плод обезьяны в определенные ранние периоды

больше похож на человека, чем на обезьяну: нет волос, другое строение головы и т. д. И если мы будем исходить из принципа эволюционистов, то нам следует сделать вывод, что обезьяна произошла от человека. Таким образом, и это положение не имеет под собой никаких доказательств.

Об эволюции и кумранском календаре

Две концепции, две точки зрения на происхождение и существование нашего мира, теория креационная⁵³ и эволюционная – эти два мировоззрения представляют собой не философскую абстракцию, а отношение к жизни, стиль мышления с его психологическими установками, шкалу ценностей, взгляд на нравственные законы, понятия добра и зла.

Нам с детства внушали, что эволюционная теория является не шаткой гипотезой, а объективной, твердо установленной и доказанной истиной, наукой, оперирующей лишь неопровержимыми фактами, в том числе, из области археологии и палеонтологии. Нам говорили об ископаемых останках вымерших обезьяноподобных существ, якобы предков человека, и о различных способах определения их возраста. Этих ископаемых гоминидов распределяли по клеткам эволюционной карты, точно из их костей, как из кубиков, строили башню, на верхней площадке которой помещали человека.

Однако эволюционная теория и все ее доказательства, включая химические и радиоактивные методы, имеют ряд неустранимых ошибок, которые эволюционисты предпочитают обходить молчанием. Во-первых, «забывается», что человек – это прежде всего понятие психологическое, а не анатомическое. Мы можем найти физическое сходство между всеми зоологическими существами, но оно закономерно, так как зоологические организмы пребывают в одной жизненной среде. Иначе было бы невозможно их существование и выполнение необходимых физиологических функций. Поясним примером: корабли и лодки – от маленького челна и ладьи до огромных фрегатов и современных эсминцев, несмотря на все их различия, должны иметь общий принцип конструкции, учитывающий их пребывание в водной стихии. Но было бы странно говорить, что ладья сама собой трансформировалась в галеру, а галера превратилась в нефтяной танкер – их создал человеческий разум, учитывая объективные физические законы, пребывание и движение объемных тел в водной среде. Поэтому сходство зоологических существ свидетельствует не о происхождении высшего от низшего, а только об идеальной модели живых организмов, находящихся в единой внешней среде.

Вторая ошибка заключается в неправильности постулатов, на которых основаны все методы определения возраста геологических и биологических объектов. Изолированных материальных структур вообще не существует, поэтому процессы, происходящие в них, находятся в сложном взаимодействии с другими системами; это относится как к макро-, так и к микромиру. Напомним при этом, что система существует не только в пространстве, но и во времени.

Между тем химические, радиоактивные и другие виды анализов предполагают постоянную и независимую от среды стабильность процессов. Продолжительность фиксируемых процессов представляется для них как бы «счетчиком» времени, как для отдаленного прошлого, так и для отдаленного будущего. Однако мы знаем, что даже незначительное присутствие катализаторов может изменять время тех или иных процессов в тысячу и даже в десятки тысяч раз. Совершенно невозможно реально учесть факторы, ситуации и космический фон в прошлом и будущем; а ведь это есть то, что обуславливает течение любого химического, физического или внутриядерного процесса. Если рассматривать процесс изолированно от изменяющейся пространственно-временной среды, то результат будет столь же сомнительным, как и при попытке понять смысл

---

⁵³ Креационизм — учение о сотворении мира Богом из ничего. — *Ред.*

фразы, выдернутой из контекста. Странно, что эволюционисты для доказательства теории саморазвивающегося мира прибегают к методам, подразумевающим принцип неизменности самих процессов. Итак, вторая ошибка – это анализ процессов в реально не существующих закрытых системах, изолированных от взаимодействия со средой, остающейся вечно неразрешенным вопросом для наблюдателя. Поэтому все используемые методы определения возраста Земли или существования человека лежат за границей фактологии, в области гипотез и предположений. Здесь мы говорим о принципах, не касаясь качества самих методов анализа, не дающих адекватных результатов и не согласующихся друг с другом. Это уже вопрос частного характера.

Третья ошибка, отчасти психологического характера, – это претензия эволюционистов на создание научной (именно научной, а не романтической) картины мироздания. Такая претензия вызвала к жизни, как призраков из небытия, десятки космогонических теорий, гордо названных научными, которые, поразив воображение современников, затем тихо и незаметно растаяли и исчезли как тени. Наиболее популярной в настоящее время является теория взрыва, теория расширяющейся Вселенной. При этом предполагается первоначальное существование мира в виде материи огромной плотности. Но если признать, что эта плотность абсолютна, то трансформация такой субстанции невозможна, потому что при абсолютной плотности не может быть движения как перемещения или превращения – одно исключает другое. Если же плотность была относительна, то вопрос «до» или «после» остается нерешенным, а картина мироздания, которую рисуют эволюционисты, превращается в эпизод или фрагмент. В таком случае, наиболее логичной была бы позиция агностицизма (непознаваемость причин и конечной цели). Но эта позиция лишила бы эволюционистов основания для какой-либо философской теории. Агностицизм является рассудочным выводом о границах нашего рассудка и относительности наших интеллектуальных знаний. Он может привести человека или к поиску другого гносиса – к вере, или к ползучему позитивизму, то есть поражению и отказу от поиска смысла жизни (образно говоря, позитивизм – это фантазмагория фактов, предстающая перед сознанием интеллектуального паралитика).

Теперь мы обратимся к более близкому нам, то есть обозримому периоду истории. Здесь мы находим обильный материал, добытый археологами – этими неутомимыми плователями по подземному океану. Перед нами – произведения античного искусства, извлеченные из недр земли, как жемчужины из моря. О чем говорят они нам? Об эволюции человеческого интеллекта? О постоянном развитии и утончении эстетического чувства? О возрастании и совершенствовании с каждым веком мастерства древних художников? О поступательном движении в истории искусства от несовершенства к совершенству? В таком случае, античное искусство должно было бы уступить место постаменту для некоего трона красоты, на котором восседали бы современные абстракционисты и сюрреалисты. Но видим другое: произведения древних мастеров, даже небольшие сохранившиеся фрагменты их предстают перед нами как шедевры искусства, они поражают нас совершенством форм, внутренней экспрессией, психологичностью, динамизмом композиции, единством содержания и художественных воплощений и тем, что мы назвали бы музыкальностью произведения, где творческие идеи, как звуки единого аккорда, присутствуют и звучат в каждой детали.

Искусство древнего Востока не менее поразительно – это поиск мистической глубины бытия. Искусство Востока становится условным и символическим, не теряя экспрессии и психологизма, свойственных эллинизму. Уже древние египтяне нашли то художественное средство, которое открывает возможность «взглянуть» из вечности во время, из космоса во вселенную – это обратная перспектива. Если бы теория эволюции, которую называют теорией исторического прогресса, была верна, то XX век, наверное, обрадовал бы нас рождением гениев, которые превосходили бы по силе своего дарования Гомера и Вергилия. Однако этого не произошло. Сторонники эволюции почему-то

отождествляют развитие человека с технократией, как будто идеал человека – мощный, сверхсовременный компьютер. Но даже и в отношении научных знаний древних людей археология дает нам материал для размышления.

На востоке Палестины находится впадина, похожая на лунную долину. Это берега Мертвого моря; здесь огонь, ниспавший с неба, сжег преступные города. Во времена земной жизни Христа Спасителя жителям Палестины казалось, что эта местность – безмолвное пророчество, образ будущего огненного потопа. Берег моря покрыт солью, точно инеем. Во время бури волны выбрасывают из его глубин глыбы застывшей смолы; в нем нет жизни, оно похоже на ту чашу полыни, которую Ангел возмездия поднимет ввысь и изольет на землю (Откр. 8, 11). Долина Мертвого моря безмолвна как могила. В прибрежных скалах, прячась от лучей палящего солнца, ютится тощий кустарник; ветер с юга, как дыхание пустыни, несет песок, смешанный с солью; там почти не бывает дождей. Высоко в небе повисли на своих могучих крыльях орлы; так ладьи, подняв паруса, плывут по океану. Они высматривают свою добычу – ядовитых змей.

Эту местность, где, кажется, остановилось само время и все живое уснуло до Страшного Суда, ветхозаветные монахи ессеи сделали своей обителью, они выкопали в скалах пещеры, скрылись здесь от мира, подобно тому, как их предки покинули Египет, чтобы найти Обетованную Землю. Там не было ничего, что радовало бы взоры и развлекало ум. Днем небосвод походил на струи расплавленной меди, напоминая им о смерти. Ночью звездное небо говорило им о вечности.

Ессеи были замкнуты в своей секте, в которую новые члены допускались только после долгого и тяжелого испытания: опыта безмолвия, поста и полного послушания старшим представителям общины. В противоположность другой ветхозаветной секте – ферапевтов, искавших внутреннего мистического единения с Божеством, ессеи представляли собой сплоченную организацию с четкой структурой и строгим уставом, который предписывал им многочисленные правила и ритуалы. Эти люди были объединены эсхатологическим ожиданием Мессии, который истребит грешников на земле, презрением к миру и враждой к храмовому священству. Священную Историю они представляли как непрестанную борьбу сынов света с сынами тьмы и были готовы вступить в эту борьбу с мечом в руках. Ритуалы ессеев были окружены таинственностью, но особое место в них занимал солнечный свет, как символ божественной эманации. Первые лучи восходящего солнца они должны были встречать гимном Богу.

История этой секты сложилась драматично. Во времена неудачного восстания иудеев против Рима пещерные монастыри ессеев превратились в один из последних оплотов отчаянно сопротивлявшихся мятежников. Разъяренные римские воины предали захваченных в плен иудеев мучительной смерти. На месте монастырей ессеев осталось только пепелище. Однако осажденным ессеям удалось сохранить свое главное сокровище – обширную библиотеку – спрятав пергаментные свитки в нескольких отдаленных пещерах. Так здесь, в кумранских скалах, словно в каменном саркофаге, сохранялись они в течение почти девятнадцати столетий. (Впрочем, есть сведения о том, что некоторые пещеры Кумрана были открыты раньше и на рынках Дамаска продавались древние рукописи, привезенные из Палестины). Нередко на суде главный свидетель решает выступить последним – с неопровержимыми доказательствами невиновности обвиняемого, доказательствами, от которых зависит приговор. И так в финале многовекового суда – пристрастного, лживого и грязного, суда рационалистов над Библией (они не переставали утверждать, что все Священное Писание – это ряд фальсификаций и подделок), в XX веке свидетелями истинности Библии неожиданно выступили кумранские рукописи.

История этой находки необычна, она чем-то напоминает библейский рассказ о Сауле, который пошел искать пропавших ослов своего отца и, встретившись с пророком Самуилом, был наречен им царем Израиля (1 Цар. 9–10). У юноши бедуина пропала коза.

Он взбирался на скалы и заглядывал в овраги, не сорвалось ли туда животное, полз по склонам горы, держась за кустарник, и вдруг увидел в пустынном месте, куда, казалось, не ступала человеческая нога, вход в пещеру. Предполагая, что коза могла забрести туда, он вошел внутрь и увидел глиняные кувшины, в которых хранились древние свитки. Разыскав животное и возвратившись к своим родным, юноша рассказал о двух находках: козленка и пещеры. Домашние его догадались, что рукописи можно продать (не будем останавливаться на этом подробно: последующее по остроте сюжета походило на детектив), и в конце концов кумранские тексты оказались в руках ученых.

Кумранская библиотека явилась одним из величайших археологических открытий XX века. Рукописи доказали идентичность современных библейских книг с их древними кодексами, а также существование оригиналов неканонических книг на иудейском языке, что отрицалось рационалистами. Отрицательная критика Библии, оказавшись в состоянии шока, стала заниматься поисками разночтений незначительных фрагментов, то есть «мелкими вылазками», не решаясь давать бой в открытом поле.

Но сенсацией эта находка стала не только для библеистов, но и для астрономов, поскольку среди кумранских рукописей был обнаружен солнечный календарь, являвшийся ритуальным календарем ессеев. Календарь, как и некоторые другие документы, например, карта храмовых сокровищ, был закодирован. В этом календаре были указаны величины года, но отсутствовал интервал «выравнивания» и число вставочных дней. Астрономы трудились над разгадкой календаря с таким же рвением, как Шампольон⁵⁴ над египетскими иероглифами. Когда «выравнивающие» величины были найдены, то оказалось, что год кумранского календаря совпадал с годом календаря григорианского до 4-го порядка десятичной дроби, то есть практически был тождествен ему.

Ессеи поселились в Кумране во II веке до Рождества Христова, но секта существовала гораздо раньше, и время создания календаря ессеев теряется в глубине веков. Некоторые ученые предположительно относят его к периоду израильских царей, а другие считают его самым архаичным календарем Палестины. Хотя, конечно, все это – область гипотез, и как ни заманчиво вступать в зазеркалье научной романтики, но мы предпочитаем не отходить слишком далеко от интересующего нас факта, а именно: величина солнечного года была известна астрономам древнего мира задолго до чеканки в Риме медали в честь папы Григория XIII и создания «сверхточного» календаря, носящего имя этого иерарха. Достоинство кумранского календаря настолько значительно, что в ЮНЕСКО было предложено взять его в образец всемирного календаря.

Теория эволюции учит о прогрессе человечества как биологического вида и человека как особи, что должно было бы отразиться в поступательном развитии искусства и философии, а также научного мышления – умения находить решения технического характера. Но вот, как мы можем видеть, история свидетельствует о другом.

В связи с календарным вопросом мы коснулись более широкой проблемы: выбора между креационной и эволюционной теориями, которые нельзя согласовать. В настоящее время в наших учебных заведениях сложилась странная ситуация: обе взаимоисключающие системы преподаются параллельно: креационизм (творение) как историческая истина – на уроках Закона Божия и эволюционизм как научная истина (а не гипотеза) – на уроках биологии. При этом эволюционизм преподается по дарвинистическому варианту. Не способствует ли такая система преподавания развитию скептицизма и нигилизма среди учащихся? Почему в курс преподавания таких предметов, как биология, зоология, геология и т. д. не входит ознакомление молодежи с критикой эволюционистической концепции, в то время, как наука накопила для этого достаточно материала? – Во-первых, здесь ощущается инерция прежнего идеологического материализма, во-вторых, – некомпетентность части педагогов, которым легче учить по

---

⁵⁴ Жан Франсуа Шампольон (1790–1832) — французский ученый, основатель египтологии. Ему принадлежит заслуга расшифровки египетских иероглифов. — *Ред.*

существующему шаблону, нежели заняться самообразованием. Но есть еще один фактор: тем, кому внушалось, что они – высокоорганизованные представители рода гоминидов, а в сущности – «интеллектуальные общественные животные», теперь трудно и страшно нести тяжкий крест своего богоподобия. Цивилизация, на которую любят ссылаться эволюционисты, оторвав науку от нравственности, поставила мир на грань апокалиптических катастроф. Мир наш похож на сверкающий огнями иллюминаций «Титаник», который плывет в ночном океане истории неизвестно куда. В заключение мы хотим сказать, что, с нашей точки зрения, эволюционизм представляет собой в значительной мере психологическое явление.

Календарный вопрос

Икона времени

Среди неизвестного в окружающей нас природе самым неизвестным является время, ибо никто не знает, что такое время и как им управлять. *Аристотель*

Постоянным фактором нашего бытия является время. Однако античная и современная философия не дали какого-либо удовлетворительного объяснения этого вездесущего феномена. Определить – значит найти характерные свойства. Время не имеет ни природы, ни свойств, кроме одного свойства – необратимости. Философы, работавшие над этой проблемой, или отступали, признав свое интеллектуальное поражение, или пытались одно неизвестное определить другим неизвестным, впадали в тавтологию или, в лучшем случае, заменяли язык философских суждений и определений языком поэзии: аллегориями, метафорами и иносказаниями, то есть образным языком древних мыслителей.

Наиболее глубокие рассуждения о времени мы находим у Платона и у блаженного Августина. Платон в своих знаменитых «Диалогах» указывал, что до сотворения мира времени не существовало. В вечности пребывала Божественная идея как образец космоса. Время возникло вместе с мирозданием, оно является только тенью и подобием вечности. «Время возникло вместе с небом, чтобы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них такой распад» (под «небом» Платон подразумевал космос). Характерно, что взгляды Платона на феномен времени совпадают с положениями теории относительности, которая также говорит о невозможности рассматривать время до момента мироздания, то есть о «временности времени». Платон учил, что Солнце, Луна и звезды созданы для определения времени, как стражи-«блюстители» времени. Здесь Платон почти дословно повторяет Моисея (христианские апологеты считали, что древним философам было известно Пятикнижие Моисея).

Попытке осмыслить время посвящен ряд глав знаменитой «Исповеди» блаженного Августина, епископа Иппонийского. Заслуга Августина в том, что он указал на два измерения времени:

- 1) объективные ориентиры, существующие вне нашего сознания;
- 2) субъективные ориентиры – ритмы и восприятия времени, заложенные в самом человеке.

Для измерения времени может служить любое явление природы, если оно равномерно и периодически повторяется: вращение Земли вокруг своей оси (сутки), смена фаз луны – лунный месяц, движение Земли по орбите вокруг Солнца – год.

При создании единой системы времени возникают трудности, так как основные единицы времени – год, месяц, сутки – не соразмерны между собой (например, год не вмещает в себя целое число суток и так далее).

Календарь является одной из попыток выявить ритмы времени, создать модель времени, образ времени, составить его периодическую систему. Для этого берутся различные ориентиры, которые условно считаются устойчивыми. Календарь – не только продукт науки, не только таблица математических исчислений, но также и религиозное и философское осмысление времени, переданное языком математики. Говорить о точности времени невозможно. Это недоразумение, которое стало для нас привычным и поэтому не воспринимается как бессмысленность; ведь главное, а то и единственное свойство времени – его неповторяемость. Повторяется не время, а условные отсчеты и ориентиры времени. Пример – картографическое повторение положения космических тел через определенные периоды, которые мы условно берем за вехи и этапы времени. Но даже пространственные совпадения космических ориентиров времени мнимы и иллюзорны, так как весь космос находится в движении: миллиарды галактик, как «корабли, плывут в свой путь безвестный... кто ведает: куда» (Верхарн).

Достоинства календаря – это ритмичность структуры (периодичность и гармония) и точность по отношению к заданным ориентирам (то есть к их мнимому пространственному совпадению). Кроме того, церковный календарь должен соответствовать библейскому учению о времени, а именно: учитывать семисуточную неделю, восходящую к этапам творения; сутки – как простейший цикл времени; космические тела – Луну, Солнце и звезды – как совокупность ориентиров времени. Наша задача – рассмотреть возможности и достоинства двух календарей – *юлианского* и *григорианского* – главным образом по отношению к литургической жизни Православной Церкви.

Одной из основных единиц измерения всех календарных систем является год. Однако многим неизвестно, что год как период времени определяется не однотипно. Современная астрономия имеет дело с несколькими математическими картинками года.

1. Сидерический, то есть звездный год, – это время одного оборота Солнца в небесной сфере среди неподвижных звезд. Он включает в себе 365,2564 средних солнечных суток. Этот год учитывает фактор звезд (например, положение Солнца относительно звезд Малой Медведицы), поэтому имеет наиболее постоянные устойчивые ориентиры и соответствует библейскому учению: «И сотворил Бог Солнце, Луну и светила для отделения времени» (см. Быт. 1, 14–19).

2. Тропический год – период прохождения Солнца между точками весеннего равноденствия, он равен 365,2422 средних солнечных суток. Его фактор – Солнце (положение Солнца относительно Земли).

Математическая картина тропического солнечного года менее устойчива, чем звездного.

3. Аномалистический год – период прохождения центра Солнца через перигей его видимой геоцентрической орбиты – 365,2596 суток.

4. Драконический год – период прохождения Солнца через один узел Луны на эклиптике (круге небесной сферы, по которому проходит видимое годовое движение Солнца) – 346,6200 суток.

5. Календарный год – 365 суток в простом году, 366 – в високосном (сутки условно взяты как неделимое целое).

6. Лунный год, состоящий из 12 лунных месяцев, – 354,367 суток.

Юлианский календарь ориентирован на сидерический – звездный год. Григорианский – на тропический, солнечный год, поэтому сопоставлять их точность относительно друг друга невозможно. Этот фактор многие критики юлианского календаря упускают из вида или же умышленно умалчивают о нем. Между тем точность юлианского календаря нельзя рассматривать в измерениях тропического года. Эта ошибка, ясная для ученых, остается обычно не замеченной широкой аудиторией.

К достоинствам юлианского календаря относятся: строгое чередование простых и високосных лет в ритме 3–1; одинаковое число високосных лет в столетии; связь и

симметричность юлианского календаря с лунным календарем: цикл в 28 лет, когда дни недели возвращаются к тем же числам месяца; цикл в 19 лет, когда повторяются те же фазы Луны по отношению к числам месяца. Пасхальный цикл, или Великий Индиктион, содержащий 532 года (28×19) – цикл, по прошествии которого расположение фаз Луны, дни, недели и числа месяцев повторяются, то есть праздник Пасхи становится периодичным.

Через юлианский календарь, его математико-символическую знаковую систему время воцерковляется в ритмах богослужения, особенно в Пасхалии. Воцерковленное время становится символом и образом Вечности.

В григорианском календаре четырехсотлетний период на 3 дня короче, чем в юлианском, из-за превращения трех високосных годов в простые, и эта, казалось бы, незначительная разница разрушает гармонию и ритм календаря.

Григорианский календарь лишен цикличности. Его периоды столь велики, что он практически прямолинеен; по отношению к лунному календарю он не симметричен, а параллелен, он учитывает меньше космических факторов, чем юлианский календарь (отсутствие звездных ориентиров; его факторы – движение Солнца через геоцентрическую ось – изменчивы). Григорианский календарь из всех библейских ориентиров времени сконцентрирован на движении одного лишь Солнца, которое рассматривается с геоцентрической позиции. Он потерял связь с лунным календарем, потому стал чужд библейскому летосчислению. Григорианский календарь по сравнению с юлианским по своей структуре более примитивен, а его вычислительные таблицы более громоздки и неуклюжи.

Цикл дает возможность предвидеть будущее и воспроизводить прошлое. Ритм – это жизнь, всякое бытие – физическое, биологическое и психологическое протекает в определенных ритмах. Разрушение ритмов – это распад и смерть. Само слово «космос» означает «упорядоченная вселенная», космические ритмы – проявления его логизаций. Где закон, там ритм. Вне ритма космос превратится в хаос.

Григорианский календарь оземлен, он фиксирует вместо ритмов климатические периоды на Земле; юлианский календарь космоцентричен, он стремится улавливать пульс Вселенной. В юлианском календаре, по образному выражению пифагорейцев и платоников, «звучит музыка небесных сфер», а его числовые таблицы – ноты «звездной симфонии». Цикл и круг – это символы вечности.

Григорианский календарь, как уже было сказано, прямолинеен. Прямая линия – образ «дурной бесконечности», символ увековечения времени, то есть неодухотворенной материальности. Юлианский календарь эсхатологичен. Григорианский утилитарен и технократичен. Он лишен какого-либо мистического подтекста. Юлианский календарь – космическая поэма. Григорианский – сухая бухгалтерия. Григорианский календарь, потеряв ритмичность, стал деструктуризирующей силой.

Что положительного дал так называемый «новый стиль»? В григорианском календаре полугодия, кварталы и месяцы содержат различное число суток. Дни недели не совпадают с числами месяца. Чередование «расщепленных» недель происходит независимо от продолжительности месяцев. Число дней в столетиях в григорианском календаре неодинаково. Високосные годы не имеют периодичности. Григорианский календарь по отношению к космосу является провинциализмом (Солнечная система – вместо Вселенной). Он связан с земными явлениями, климатическими временами года, что представляет собой главный аргумент сторонников григорианской Пасхалии. Однако не надо забывать, что следование точной календарной дате для определения Пасхи с игнорированием остальных факторов, в том числе – воскресного дня недели, было практикой некоторых малоазийских общин: они праздновали Пасху 14 нисана, стремясь к точному повторению исторической даты Воскресения Христа. Этот малоазийский обряд был осужден на I Вселенском Соборе, а его последователи с тех пор рассматривались как еретики – их называли четырехдесятники, или квадродециманы. Следовательно, точность

месяца и числа в праздновании Пасхи самодовлеющей ценности не имела, а при игнорировании других библейских факторов такая практика приравнивалась даже, как сказано выше, к ереси (вопроса о Пасхалии мы коснемся позже и рассмотрим его отдельно, так как этот вопрос – кардинальный для церковного календаря).

Календарь как осмысление и логизация времени заключает в себе духовный потенциал мировоззрения эпохи, общества, в которых он возник и сформировался. Юлианский календарь – творение александрийских астрономов. Александрия была одним из главных философских, религиозных и научных центров мира. В Александрии проживала самая большая колония иудеев (до 200 тысяч). Там происходил плодотворный синтез между ветхозаветным монотеизмом и античной философией. Там образовалась впоследствии школа библейской экзегетики, которая отличалась приверженностью к аллегорическому толкованию Священного Писания.

В Египте и на Синае жили монахи и аскеты из иудеев и их прозелитов (ферапевты). А в Александрии имели широкое распространение библейские книги, переведенные на греческий язык. Александрия являлась перекрестком культур Египта и Рима, Иудеи и Эллады. Египет был погружен в думы о вечности, колоссальные пирамиды были порывом к ней.

Год юлианского календаря относится к звездному году, однако его исчисление не совпадает со звездным годом, а на 9 минут и 1 секунду меньше его; год юлианского календаря больше солнечного тропического года на 11 минут 14 секунд. Созиген⁵⁵ имел в руках таблицы Гиппарха⁵⁶, однако не принял их, поэтому можно сказать, что год юлианского календаря в числовой характеристике представляет собой некое среднее уравнение между сидерическим и тропическим годами, их гармонизацию с большей приближенностью к звездному году. В этом мы видим провиденциальное значение юлианского календаря для Церкви. Если бы год юлианского календаря полностью совпадал с сидерическим годом, то праздник Пасхи вскоре отошел бы от земных координат; если бы совпадал с тропическим, то был бы отключен от космических факторов, от так называемого «истинного года» и привязан только к климатическим периодам на Земле. Во втором случае терялась бы сама идея Пасхи, преобразование не только Земли, но и всего космоса через преобразование человечества. Юлианский календарь учитывает и космические факторы, и земные климатические периоды, и лунные (синодические) месяцы.

Современные критики юлианского календаря говорят о неточности календаря как о его ошибке или несовершенстве. Однако они упускают тот очевидный факт, что ошибка не может создать гармонию, что из несовершенства не может произойти целый ряд временных циклов, составляющих необычайную по красоте среди других календарей картину времени.

Время – неуловимая субстанция, время – тайна, и как тайна оно может быть выражено и зафиксировано через символы. Юлианский календарь – это иконографическое выражение времени, это священная икона времени.

Включение космоса в вечность

В Библейской книге «Бытие» сказано: *И увидел Бог* (высшая степень достоверности), что все сотворенное Им *хорошо весьма*, то есть – прекрасно (Быт. 1, 31).

Я исхожу из Библейского Откровения и постулата древних философов, что красота – свойство истины, и поэтому красота – путеводная звезда, ведущая к истине. Если

---

⁵⁵ Александрийский астроном, один из главных создателей юлианского календаря, I век до Р. Х. — *Авт.*

⁵⁶ Астроном и математик, II век до Р. Х. Гиппарх определил солнечный год с отклонением на 6 минут (по другим данным — на 4 минуты) от принятого в настоящее время расчета, а год звездный — с отклонением всего лишь на 20 секунд. Разницу между звездным и солнечным годом, составляющую около 20 минут, он определил с отклонением в 5 минут — *Авт.*

юлианский календарь в сравнении с григорианским красив (его математическая картина стройна, изящна и гармонична), то он обладает дополнительной возможностью быть более точным и полным выразителем «физической сути» того, что философы называют ноуменами и целевыми идеями, а физики – динамическими законами Вселенной. Мысль о гносисе красоты может показаться парадоксальной, но она стара, как сам мир.

Знаменитый теоретик физики А. Пуанкаре в книге «Математическое творчество» утверждал, что «красивые уравнения – самые полезные», и писал об особом эстетическом чувстве ученых (похожем на научную интуицию), неведомом профанам от науки, которые недоумевают и даже смеются над этим.

Известный шведский физик, лауреат Нобелевской премии Ханнес Альвен, изучая творчество выдающихся ученых современности, пришел к следующему выводу: «Хотя имена великих ученых-теоретиков хорошо известны, не каждый представляет себе, каким образом они работают. Часть их работы напоминает деятельность художника. Подобно тому, как художник выражает свои мысли и чувства в красках, скульптор – в глине, музыкант – в звуках, так и профессионал от искусства науки использует формулы и законы, которые, подобно всякому обогащенному отражению окружающего нас мира, являют собой степень красоты. Высочайшая похвала, которую теоретик может заслужить, показывая вновь выведенную формулу, это восторженный возглас его коллеги: “Как она красива!”»

Фактически красота формулы отличается от красоты музыки не более, чем красота музыки от красоты картины... Древние греки относили астрономию к изящным искусствам, ее музой была Урания.

Многим нашим современникам кажется, что физическая формула – это не обобщенная типовая и закодированная в числах картина, а слепок, фотография физического феномена. Между тем математика и физика – это преломление образов явлений через сознание человека с целью обнаружения общих законов и закономерностей, ритмов и циклов неких устойчивых принципов, свойственных явлениям. Теоретику математики необходима сила воображения для построения сложных, часто неожиданных комбинаций и способность к философским абстракциям для нахождения общих законов. Известный физик Бор сказал о своем друге: «У него не хватило воображения для математики, и он стал поэтом».

В синтетическом мышлении древних философов красота была категорией высших реалий. Для Платона красота глубоко мистична. Это – свет Божественной идеи, прообраза мира. Душа в состоянии мистического восхищения, «божественного эроса» созерцает красоту первоначальных идей (диалог «Филеб»).

Мир для пифагорейцев и платоников, как произведение Высшей Красоты, включает в себя принципы гармонии и теневое отражение прекрасного. Для пифагорейцев «небо – это гармония и число». Космос – не только порядок, но и украшение и наряд.

Великие ученые древности и многие ученые нового времени – Максвелл, Бор, Эйнштейн и Гейзенберг при решении физических и математических задач исходили из принципа красоты и гармонии Вселенной. Основоположник квантовой механики Гейзенберг писал: «Наука нового времени показывает, что в окружающем нас мире неизменными являются не геометрические формы, а динамические законы, (и) гармонию пифагорейцев ищем в математических структурах». Бор старался представлять физические законы в зримых образах.

В древнем мире астрономия и математика считались сакральными науками. Платон учил, что без знания математики и музыки никто не должен переступать порога философских школ.

Математика и музыка – это проникновение в тайны мировой гармонии. Числа приводили пифагорейцев в состояние интеллектуального экстаза, музыка – в состояние экстаза эмоционального. Душа мудреца, слушающая музыку, особенно дорийские напевы, в

своем подсознании созерцала священные числа. Музыка была построением числовых рядов и уравнений за пределами знаков и рефлексий в царстве логоса души.

Математик, составляющий формулы, чувствовал музыку, напевы и созвучия этих формул. Он ощущал их гармонию и совершенство, или, наоборот, их деструктивность и распад. Число для пифагорейцев было не только измерением, но и квинтэссенцией явления, его постоянным индексом. Числа не только определяли меры и соотношения предметов, в числах были закодированы феномены Вселенной, ее прошлое и будущее.

Особое значение в духовной истории античного мира имела Александрия. Она была сплавом преданий, цивилизаций и культур Азии, Африки и Европы. Она являлась преемницей древних погибших цивилизаций, похороненных, как в огромном саркофаге, под жгучими песками Сахары. Каменные гряды, почерневшие и потрескавшиеся от солнца, и песчаные холмы Сахары похожи на вздыбленные в буре и внезапно застывшие волны бескрайнего мертвого моря, в котором погребены, как затонувшие корабли, города и поселения хамитских государств.

Пирамиды Египта изумляют не только грандиозностью своих форм, но и высокой точностью математических и астрономических расчетов, и мощным творческим гением их создателей, которые находили неожиданные и неповторимые решения для каждой архитектурной композиции. Глубоким знаниям звездной карты неба, инженерным талантам безмянных строителей пирамид и храмов не перестают удивляться современные ученые. Погруженные в летаргический сон пирамиды, эти рукотворные скалы-усыпальницы фараонов стоят у побережья пустыни, как надгробные памятники над кладбищем древних цивилизаций.

Хамитская цивилизация рано вошла в соприкосновение с семитской (халдейской и израильской), а затем арийской (персидской и греческой). В древних равнинистических преданиях есть рассказы о беседах халдея Авраама с египетскими мудрецами, они делятся друг с другом познаниями в математике и астрономии. Со времен Александра Македонского Египет входит в орбиту эллинистического мира. Великий Александр решил создать мировую империю. Его замысел не осуществился, но Александрия – детище Александра – стала интеллектуальной столицей огромного региона и целой эпохи. (Впоследствии самая большая в мире Александрийская библиотека была сожжена халифом Омаром в VII в. по Р. Х. Древними рукописями из пергамента и папируса завоеватели отапливали бани города в течение 8 месяцев. Вместе с библиотекой умерла Александрия: она была погребена под пеплом сожженных книг, как Помпеи под пеплом Везувия. На ее месте родился новый город – Аль-Искандар).

Во время пребывания Юлия Цезаря в Египте царица Клеопатра представила ему знаменитого александрийского астронома и математика Созигена, которому Цезарь поручил составить календарь. Созиген был знаком не только с гелиоцентрической системой Аристарха Самосского, но и с космоцентрическими системами пифагорейцев, которые считали центром Вселенной космическое пламя – энергетический источник, не видимый с земной орбиты. Александрийские астрономы во главе с ним создали одну из самых совершенных в мире календарных систем (созданная в 46 г. до Р. Х., она подверглась незначительной коррекции в I и IV веках по Р. Х.). Созиген взял за основу календаря звездный год с учетом тропического года и создал астрономическую таблицу такой красоты и гармонии, которая могла привести в восхищение самого Пифагора. Существует мистика чисел. Школа Пифагора считала особенно значимыми в мистическом значении те числа, из которых можно извлечь корень. Платоническая традиция, имеющая много общего с пифагорейством, выделяла 1, 3 и 10 (1 – точка, нематериальное число; 3 – первое реальное число, трехгранник – атом огня и основа других многогранников – моделей атомов; 10 – полнота, плерома, включает в себе цифры, из которых составляются все числа).

В христианской символике единица и триада относятся к Божеству и Его Ипостасям, а десять означает совершенство, полноту и законченность. Представим математическую картину юлианского года в его элементарных циклах – сутках:

$3^5(243)+3^4(81)+3^3(27)+3^2(9)+3^1(3)+3^0(1)+1^1(1)+0,5^2(0,25)=365,25$ – число дней юлианского года.

Три основных цикла юлианского календаря дают нам следующую картину: первый цикл – чередование трех простых и одного високосного года (3 и 1), триада и единица – священный символ Божества.

Второй цикл – совпадение чисел месяца и дней недели через 28 лет; сумма этих чисел (2+8) дает 10 (плерома, совершенство и законченность).

Третий цикл – совпадение фаз Луны с числами месяца через 19 лет (1+9=10). Также плерома.

Священным циклом христианизированного и воцерковленного юлианского календаря является Великий Индиктион – Пасхальный круг, это 532 года. Сумма цифр 5+3+2 опять дает плерому – 10.

Могут ли такие уравнения быть простым совпадением, или же это мистический подтекст календарно-астрономической таблицы?

Три цикла юлианского календаря имеют числовую сумму 10, а по учению христианских экзегетов $10^3=1000$ – означает вечную жизнь, совершенство в Боге, не имеющее конца, служит символом вечности. Ритмы и циклы юлианского календаря – это включение космоса в вечность.

Юлианский календарь, как звездный, учитывает истинный годовой путь Земли вокруг Солнца. Тропический год – движение точки равноденствия навстречу мнимому движению Солнца. Это перемещение точки равноденствия составляет разницу у звездного года с солнечным приблизительно 21 минуту в год, а у юлианского календаря – 11 минут, которые за 128 лет составляют одни сутки. Тропический год нельзя назвать более точным, чем звездный, но он более видимый и наглядный, он решает утилитарные задачи, связанные с климатическими периодами и органическими фазами жизни на Земле. Звездный год – это год философов и мистиков, тропический год – год земледельцев и ремесленников.

Сознание человека, рационализовавшись и опредметившись в «новое время», перестало ощущать космические ритмы, переключилось на периодичность земных явлений, связанных с практической утилитарной жизнью человека, и звездный год был вытеснен годом солнечным. Высшее достоинство юлианского календаря – ритмы и цикличность – материалистический и прагматический ум стал воспринимать как ошибки в расчетах (хотя уже вавилоняне в XI в. до Р. Х. и шумеры во II тысячелетии до Р. Х. знали разницу между солнечным и звездным годами⁵⁷).

Сторонниками календарной реформы выступали папы Сикст IV, Климент VII, Григорий XIII – вдохновитель Варфоломеевской ночи, при котором реформа была осуществлена. Самое деятельное участие в работе над григорианским календарем принимал орден иезуитов. Комиссию возглавлял иезуит Христов Клавдий. Работы были окончены в 1582 году. По этому случаю в Риме изготовили медаль с изображением папы Григория и надписью «Григорий – лучший из верховных жрецов». Но календарь вызвал бурную полемику внутри самого католического мира. Ведущие ученые XVI века, в частности Виет, которого называют отцом современной алгебры, утверждали, что григорианский календарь астрономически не обоснован⁵⁸. К числу противников нового календаря принадлежал знаменитый Скалигер – основоположник научной хронологии.

⁵⁷ См. Бикерман, «Хронология древнего мира». — Авт.

⁵⁸ См. Гордон Мейер, «Григорианский календарь». — Авт.

Многие выдающиеся астрономы выступали против реформы или предлагали взамен свои системы. Чтобы прекратить опасные споры, папа Григорий издал указ, в котором угрожал церковным отлучением тем, кто откажется принять новый календарь.

Разница между юлианским календарным и тропическим годами – одни сутки в 128 лет – ко времени введения григорианского календаря составляла 10 суток (точнее, около 11). В новом календаре это время было аннулировано, календарь ориентирован только на тропический год; количество високосных годов в столетии – изменено, вследствие чего календарь практически потерял периодичность и ритмичность.

Церковь, забыв о своих измерениях времени, о самой идее времени, подчинила себя обсерватории, для которой григорианский календарь – далеко не самая совершенная система тропического года. Существуют более точные измерения солнечного года, созданные как до григорианского календаря, так и после него. До григорианского календаря – это календари древних инков, Омара Хайяма и Скалигера (лунный арабский календарь также астрономически совершеннее, чем григорианский). Более точные числовые измерения тропического года дают календари XX века – Сикха и Всемирный календарь, принятый ООН в 1954 году. Интенсивно разрабатываются новые календарные системы с различными числовыми характеристиками недель и месяцев.

Поэтому, если Церковь станет на путь календарного реформаторства и будет ориентироваться на технократический мир, то ей придется непрерывно менять астрономические календари, непрерывно ломать и деформировать устав и формы своего богослужения.

Симптоматично, что недавно Афинский университет обратился к Церкви Эллады с рядом рекомендаций, в том числе с советом принять новый, так называемый универсальный, календарь.

Церковь должна сохранить свои мистические знания, свое духовное видение времени и вечности, свое Священное Предание. Секуляризация – это обмирщение и омертвление Церкви. Такая Церковь не сможет стоять над миром, а окажется позади него, будет пренебрегаема миром как его иждивенка, и, растеряв свои сокровища, в конце концов окажется ненужной для мира.

Жажда реформ

Календарь – это система отсчета времени. Но что такое время?

Время – одномерная величина, предполагающая три фазы: прошлое, настоящее и будущее.

Реально – прошлого нет. По отношению к человеку прошлое существует как воспоминание. Реально – будущего нет. По отношению к человеку будущее – предвидение. Будущее – это возможность, прошлое – то, что имеет в настоящем свои следствия. Мы чувствуем, что все наши определения времени недостаточны.

Блаженный Августин в своей бессмертной книге «Исповедь» писал: «Я знаю, что такое время, когда меня не спрашивают об этом, а когда спрашивают, то чем больше думаю, тем больше недоумеваю».

Будущее – небытие, прошлое – небытие, настоящее – грань между двумя безднами небытия, луч, тонкий, как геометрическая линия, непрестанно скользящий от будущего к прошлому.

Николай Кузанский сказал: «Вечность – это свернутый свиток, а время – это развернутый свиток». Для пантеиста Кузанского вечность – это потенция времени, а время – это модификация вечности. Но и переход времени в вечность, а вечности во время заставляет предполагать временное небытие вечности или же протяженность вечности как некоего интервала между двумя периодами времени, то есть приводит к абсурдному выводу о начале и конце вечности.

Христианство смотрит на вечность как на изначальное бытие, где соединено воедино будущее, настоящее и прошлое, где исчезает необратимость, неповторимость и

односторонняя протяженность времени, то есть асимметрия времени. Время протекает на фоне вечности, но вечность не зависит от феномена времени. Во времени: небытие поглощает бытие. В вечности: бытие не поглощается небытием, а само поглощает потенцию небытия.

Время является, по нашему мнению, дискретным движением материи физической и духовной. Совершенство дискретного движения – это гармония, ритм и цикличность. Несовершенство дискретного движения – дисгармония его волновых энергий, которую условно можно назвать энтропией времени.

Вечность – это большая тайна, чем время. Но, говоря неуклюжим человеческим языком, условно и иносказательно, можно предположить, что вечность как совершенная форма совершенного бытия является отсутствием дискретного движения, энергетической уплотненностью, где энергия приобретает свойства необратимости и не превращается в шлак энтропии, где бытие осуществляется не в молекулярно-атомных структурах, а в простых энергетических монадах, подобным которым становится воскресшее тело человека и преобразившийся космос.

Время как дискретное движение – это ритм и созвучие. Вечность – безмолвие, не как отсутствие, а как полнота ее совершенства. Коммуникативными символами вечности являются космические ритмы. Юлианский календарь учитывает космические ритмы, соприкасается с ними, отражает их. Следовательно, юлианский календарь сам является гармоническим образом вечности.

Церковь – это образ вечности на земле, это – явление вечности во времени, то есть возможность перехода из времени в вечность. Пульс Церкви – календарь – должен быть звездным, а не солнечным, космоцентрическим, а не гелиоцентрическим.

В Священном Писании нам открыто, что будет новое небо и новая земля (2 Пет. 3, 13; Откр. 21, 1). Поэтому поле действия Церкви не гео- или гелиопланетарно, а метакосмично. Миссия Церкви – преображение и одухотворение Вселенной через спасение и преображение ее ипостаси – человека.

Календарь – форма исторической памяти, запечатленной, как в созвучиях, в периодах и ритмах. Для многих эта мысль покажется странной и непонятной. Для сравнения обратимся к феномену памяти человеческой. Запоминание и припоминание происходят по принципу сходства и аналогий. Припоминание похоже на воспроизведение картины по ряду ее сохранившихся фрагментов или же на решение алгебраической задачи. Эти фрагменты представляют из себя закодированные созвучия, из которых составляется аккорд. Все содержание нашей психической жизни располагается в памяти по закодированным системам, каждая из которых имеет свой индекс. Мы привыкли считать, что память оперирует словами и чувственными образами. Однако на самом деле в подсознании человека, как в складах и подвалах памяти, хранятся закодированные записи, похожие на генетический код, которые только на уровне сознания воспроизводятся в формах образов и слов. Возможно, что эта огромная работа по составлению каталогов памяти происходит во сне. Есть мнение, что в глубоких фазах сна отсутствуют сновидения. Отсутствуют формы сновидений как интерпретации шрифтов и кодов в образе и слове. Но происходят процессы сновидений как образование сновидений и конструкций из самих кодов, без их рефлексивной расшифровки. Одним из самых существенных элементов кода запоминания является ритм и созвучие. Пастернак писал: «Аккорды – это дневник». Поэты преимущественно имеют дело со своим подсознанием. В древние времена они почитались наряду с прорицателями, но и теперь поэты иногда говорят правду.

Конструкции кодов памяти строятся в ритмах. Дискретное движение мыслей, как и всякое дискретное движение, требует ритма. Иначе оно превращается в дисгармонию и хаос. Почему музыка захватывает и пленяет дух? Почему поэзия дает наслаждение? Потому, что мелодия и ритм сродни процессам нашего подсознания, био- и психоритмам. Склероз и психические заболевания нарушают симметрию и гармонию в электрограмме

человеческого мозга. Почему сильные эмоциональные переживания (радость и скорбь) вызывают инстинктивную потребность в пении? Например, в погребальных плачах и причитаниях? Бальмонт писал: «Мало плакать, надо стройно-гармонически рыдать». Через ритм и гармонию пения налаживаются психофизические ритмы, нарушенные взрывом эмоциональных переживаний. Пение является важной стороной богослужения, настроен человеческого духа. Поэтому древняя Церковь строго следила, чтобы в храмовое пение не проникали мирские и страстные мелодии.

Говоря о гармонии, нужно вспомнить известный закон Оккама: «Не следует без надобности умножать число сущностей». Этот закон отвечает тому же принципу: в гармоническом ряду требуется меньше сущностей и усилий, чем в беспорядочном, для достижения того же результата. Во всей Вселенной от метagalктики до атома наблюдаются ритм и порядок, закон и созвучие. А современная музыка часто превращается в антимузыку. Музыка, лишенная мелодии и ритма, несет в себе взрывной заряд. Она разрушительно действует на человека и окружающую природу. Цветаева писала: «Музыка – это бунт». Музыка в ее подсознании была бунтом, и поэтому ее стихи похожи на картины Вальпургиевой ночи. Пастернак в одном из своих стихотворений предполагал, что «на четвертом поколении» музыка станет «полетом валькирий».

И современное абстрактное искусство – это выпадение из космических ритмов. Это не только фиксация, но и индуктирование взрыва, катастрофы. Рок- и поп-музыка – это диссонирующая лавина звуков, конвульсии и агония, образ первобытного хаоса и будущего богооставления. После концертов рок- и поп-музыки происходят сцены массового психоза и истерии, доходящие до убийств и самоубийств. Доказано, что звуки подобной музыки даже на значительном расстоянии могут приводить животных к заболеванию и гибели. Есть также данные, что мелодичная музыка способствует росту растений, а хаотичные звуки подавляют и заглушают их. Жизнь человека и общества в измерениях и структурах календарной системы, в периодическом и ритмизованном времени несет в себе память о прошлом и предвидение будущего. Изменение форм мышления связано с новыми ритмами, поэтому в истории человечества можно найти параллели между социальными потрясениями и интенсивной разработкой новых календарных систем.

В языческом мире существовали различные календарные системы. Наиболее точным был год древнеегипетского календаря, ориентиром для которого служила звезда Сириус. И Юлий Цезарь во время пребывания в Египте поручил знаменитому астроному Созигену составить совершенный астрономический календарь. Неизвестно, был Созиген монотеистом или язычником, во всяком случае, как образованнейший человек своего времени, он был знаком с учением Библии. Его тонкая научная интуиция, граничащая с мистическим прозрением, дает нам возможность предположить, что он не был лишен Божественного откровения – хотя бы на уровне пророчества сивилл. Египетские пирамиды по своей форме похожи на атом огня, как его изображали пифагорейцы и платоники. По росписям египетских пирамид, выполненных почти в иконографическом стиле, без прямой иллюзорной перспективы, можно судить о мистических знаниях и прозорливости их создателей. Эллада размышляла, Рим воевал и властвовал, Египет созерцал. Эллада создала европейскую философию, Рим – политику, Египет – математику и астрономию. Египет смотрел на землю через звездную кальку неба. Созиген быстро окончил колоссальную работу.

В 46 году до Р. Х. календарь был окончен, в 45 году он стал государственным календарем. В 44 году был убит Юлий Цезарь, как будто смерть только и ждала завершения этой огромной работы, более величественной, чем построение пирамиды Хеопса. Созиген, как великий композитор, написал непревзойденную симфонию времени.

Юлианский календарь был создан на основе календаря древнеегипетского. Звездный год учитывает реальное положение Солнца относительно отдаленных звезд, так что он практически постоянен. Солнечный год учитывает движение точки равноденствия

навстречу солнцу, которое происходит с постепенным ускорением; от прохождения солнца через точку весеннего равноденствия зависят климатические периоды. В древние времена они обычно включали в себя только лето и зиму, а впоследствии – четыре времени года.

Звездный год называется в астрономии истинным, он математически более точен и постоянен. Солнечный год связан с сельскохозяйственными работами, животноводством и ремеслами, поэтому он менее точен, но более практичен и «очевиден».

Знаки Зодиака, черед которые проходит солнце, являются картиной звездного года. При солнечном годе картина знаков зодиака смещается. Знаки зодиака – это сакральные иероглифы космического мира. Изображение знаков зодиака в древних храмах свидетельствует о том, что годом храмового богослужения признавался звездный год. Разница между звездным и тропическим годом составляет приблизительно 20 минут, но этот разрыв постепенно увеличивается.

Когда родился Христос, Иудея была включена в состав Римской империи. Она входила в Сирийскую провинцию. Даты Рождества Христова и все главные события Его земной жизни Церковь отмечает по юлианскому календарю. История Церкви также была зафиксирована в знаковой системе юлианского календаря. Переменить календарь – значит оторваться от этих чисел. Нам могут возразить, что мы празднуем события, а не числа. Но числа осуществляют ритм, последовательность и порядок событий. Библейские события даны в космических аккордах, нотами которых является календарь. Замена календарной системы разрушает или изменяет эти созвучия. Наряду с юлианским календарем в ряде провинций существовали местные архаичные календари, которые имели главным образом культовое значение. К IV веку они постепенно исчезли (в некоторых, впрочем, местах они существовали вместе с юлианским до V–VI вв.).

Юлианский календарь имел огромное значение для Церкви. Она получила единое измерение времени, единый храмовый календарь и могла синхронно отмечать праздники, посты и другие церковные даты. Соблюдение юлианского календаря осуществляло связь прошлого с настоящим и будущим в одних ритмах времени.

Из какого лагеря вышли первые критики юлианского календаря? В Византии наиболее известные из них – Григор Никифор и Исаак Аргик.

Григор Никифор – представитель рационалистического крыла византийской философии, отпочковавшегося от пантеистической системы Иоанна Итала. Он был энциклопедически образованным человеком – историком, философом, математиком и астрономом. Впрочем, некоторые из современников (Акиндин) указывали, что его познания более обширны, чем глубоки и основательны и он часто берется за дело, не изучив его как следует. Григор Никифор выступал противником и оппонентом святителя Григория Паламы, защитника святоотеческого учения о Фаворском Свете, о вечных Божественных энергиях, в которые включается человек через православную аскезу. Антипаламиты не признавали вечных Божественных сил и энергий, а Фаворский Свет считали атмосферным явлением. Для противников Григория Паламы исихазм, основанный на безмолвии молитвы, был непонятен. Они не только отрицали его, но и делали предметом насмешек и даже политических интриг. Григор Никифор был сторонником унии с Римом и составил свою объединительную программу, отличавшуюся релятивизмом.

Другим противником юлианского календаря выступал, как сказано выше, Исаак Аргик, византийский монах. Впоследствии он был уличен Церковью в тайном язычестве и предан на Поместном соборе анафеме. Возможно, он принадлежал к мистрийскому кружку философов, мечтавших о возрождении великой Греции с ее языческими культами и философскими школами. Такие союзы существовали до самого падения Византии.

В XI веке католическая Церковь порвала связь с Церковью Вселенской. Прежде всего было потеряно мистическое единство. Католическая Церковь была ориентирована на мирскую культуру и цивилизацию. Восток, если можно об этом говорить в

психологических обобщениях, созерцателен и глубок, а Запад деятелен. Православная Церковь готовит свою паству к Царству Божию, которое начинается в глубине человеческих сердец, среди страданий и превратностей земного бытия и раскрывается в вечности. Запад хочет построить Царство Божие здесь, на земле: Церковь – с институтами и прерогативами государства, во главе которого стоит монарх и теург – папа с властью самодержца.

Православная Церковь – соборна. Истину может хранить только общее церковное сознание. Католическая Церковь – мобильна. Дисциплину в войске может осуществить единый центр с неограниченными законодательными и исполнительными правами. Восток смотрит на Церковь как на единую и единственную духовную живую среду, где происходит общение души с Богом. Запад смотрит на Церковь как на войско, борющееся с силами ада, где всем принадлежат трофеи победы. Восток считает субъектом Богообщения личность, Запад считает им Церковь. Поэтому в западной Церкви личность подчинена коллективу с тенденцией к нивелированию личности. Враги Рима часто хотят представить римских первосвященников и иерархов как носителей всевозможных грехов и пороков. Большею частью такие сведения неверны и анекдотичны. Римские папы были представителями своей среды, не хуже и не лучше ее (скорее – лучше). Среди них были люди различного нравственного и интеллектуального уровня. Но сам метод управления Церкви государством с подчиненной Риму армией и репрессивным аппаратом, с непрерывными модификациями и реформаторством, необходимым для государства, требовал решений и действий, которые казались поверхностному взгляду проявлением личных слабостей и амбиций самих пап. Примат коллектива над личностью, взятый в качестве стратегии, породил такие явления, как защита коллектива идеологической разведкой (орден доминиканцев), разведкой политической (орден иезуитов), репрессивным аппаратом (инквизиция), которые действовали так же, как репрессивный аппарат любого государства. Критики католицизма часто забывают об исламской, китайской и других инквизициях.

Сикст и Юлий наполнили Рим произведениями художников античности и Ренессанса. Они были щедрыми меценатами. Они украсили Вечный город, как некогда украсил его Помпей. Искусство служило средством для привлечения мира в Рим, поэтому оно было ориентировано на мир. Это искусство было страстно и чувственно, как сам мир. Даже на фресках святые изображались обнаженными.

Один из Римских пап, войдя в Ватикан, воскликнул: «Иисусе мой, ведь это языческие боги!» Над ним много потом смеялись в Риме; этот случай рассказывали как анекдот – про деревенщину и профана. Материальный мир был абсолютизирован. Небо – втиснуто в категории материального вещественного бытия. Главным образом, именно здесь назревала потребность в новом календаре, как в новом дыхании времени. Уже на Базельском Соборе вопрос об изменении календарной системы поднял Николай, епископ Кузанский, предшественник Джордано Бруно, который самой католической Церковью не без основания подозревался в пантеизме. Выдвигались различные проекты различных систем, но они оказывались неточными или слишком громоздкими.

Календарная реформа была осуществлена в 1582 году при папе Григории XIII. Это был выдающийся иерарх, аскет в личной жизни. Но в его нравственные правила входило «насилие во имя добра». Это был тот период, когда католичество вело ожесточенную борьбу с протестантством, переходя от защиты к контрнаступлению. Григорий XIII начал свое правление с организации Варфоломеевской ночи, так как считал гугенотов врагами Бога, подлежащими уничтожению. Он принял голову вождя гугенотов как символ победы католицизма и приказал выбить по этому случаю медаль, как император после блистательной победы. Он считал, что провел великолепную операцию, удалил омертвевшие ткани и спас организм от заражения и гангрены. Для самих гугенотов он считал лучшим пострадать на земле и этим отчасти искупить грехи, чем распространять лжеучение и идти в ад. Он отлучил от церкви английскую королеву Елизавету, чтобы

снять с ее подданных присягу верности. Он помогал Филиппу Испанскому потопить в крови восстание в Нидерландах, боясь, что власть перейдет к протестантам. Он засылал иезуитов в протестантские страны – Англию и Нидерланды – под видом учителей и воспитателей. Он заложил основы унии на Западной Украине через привлечение православных в католические семинарии, которыми руководили иезуиты. При этом в тайных циркулярах запрещалось поощрять переход православных в католичество. Более выгодным считалось иметь сторонников католичества среди самих православных, чем явных католиков, которые не могли оказывать влияния на народ.

Римская Церковь была канонически оторвана и мистически отключена от Церкви Вселенской. В новом календаре солнечно-планетарная система выделена и исключена из космоса. В самой католической Церкви центром стали Рим и папа. А в новом календаре единственным ориентиром – Солнце. Римская Церковь, ориентируясь на мирскую цивилизацию и культуру, эволюционировала и менялась. В григорианском календаре истинный год, космическое время подменено меняющимся земным временем, зависящим от движения точек равноденствия и от ускорения этого движения. Для Церкви-государства нужен земной календарь.

От симфонии юлианского календаря в григорианском календаре остались только два цикла: день и год, остальные созвучия были разрушены. Многим людям кажется, что чередование простых и високосных годов сохранилось, но это не так. Из четырех столетий выпали три високосных года. Пульс календаря стал аритмичен. Некоторые астрономы – современники Григория XIII считали, что григорианский календарь является порчей юлианского. Но дело обстояло сложнее. Были подменены главные принципы и ориентиры юлианского календаря. Григорианский календарь игнорирует космос. Струны космоса у него порваны, осталась только одна струна времени, натянутая между Землей и Солнцем.

В 1792 году Франция была объявлена республикой. Победила революция, была провозглашена декларация прав гражданина и отменена смертная казнь. Вместе с тем королевская чета была публично казнена, а ее ребенок – втихомолку забит до смерти сапожником, которому его передал Конвент на перевоспитание. Гильотина уничтожила больше людей, чем было казнено преступников за столетия королевского правления. Чтобы заставить народ забыть свое прошлое, была вырезана значительная часть аристократии, духовенства и ученых. Революционное правительство создало «религию человеческого разума» – с карнавално-цирковыми обрядами, в которых осмеивалось и пародировалось христианство. На престол собора Парижской Богоматери посадили голую артистку – аллегория человеческого разума – и члены Конвента приветствовали ее. Парижского епископа заставили сложить сан. Большинство членов парижского Синода последовали его примеру. Но требовались еще другие реформы, чтобы создать «нового человека», порвавшего со своим прошлым. Одной из них явилась реформа календарная. Ее осуществил революционер и астроном Ромм, впоследствии окончивший жизнь самоубийством.

В революционном календаре семидневная (библейская) неделя была заменена десятидневной декадой. Началом эры было объявлено не Рождество Христово, а провозглашение Французской Республики. Календарь был лишен законченности и гармонии; в каждом году оставалось несколько дней, которые не входили в число месяцев. Они были объявлены праздничными днями и получили имена, напоминающие о революции. Это мертворожденное дитя просуществовало десять лет.

В 1921 году революция победила в Турции. Султан был отстранен от власти. Новое правительство объявило себя внеконфессиональным. Турецкая империя распалась. Патриархи оказались включенными в новообразовавшиеся государства. В Церкви подняло голову движение, которое принято называть обновленчеством. Константинопольский патриарх Мелетий выступил с программой, согласно которой разрешалось священникам вступать в повторные браки после принятия сана, епископам – иметь жен и т. д.

Наряду с этим был поставлен вопрос о новом календарном стиле. Новое время революций и потрясений, расшатавшее церковные традиции, не укладывалось в рамки календаря, который закреплял и оберегал эти традиции. Правительство Ататюрка благосклонно смотрело на календарные реформы, видя в этом один из элементов европеизации Турции.

Так же и в России – к числу первых декретов Ленина относится принятие григорианского календаря, так называемого «нового стиля». С 1923 по 1940 год предпринимались неоднократные попытки замены семидневной недели на пятидневную и шестидневную.

Да, именно так: обычно календарная реформа происходит при насильственной ломке народного сознания, чаще всего – во времена общественных потрясений, революций, при стремлении отказаться от традиций, порвать с прошлым, забыть о своей истории, создать новый ритм мышления, новое мироощущение, выйти из духовного русла прошлого, поставить текучую фактичность выше вечных реалий, видимое и конкретное предпочесть их идее, ее вечному содержанию.

Прогресс цивилизации превращается в эволюцию жестокости и инволюцию духовности. В наше время смена календаря будет означать новый этап в оземлении и принижении духа, девальвации религиозных ценностей.

Глава 4

Оккультная агрессия

Существует два вида магии: магия «черная» и магия «белая». Магия «черная» – это магия откровенного зла, магия, при помощи которой целенаправленно творится зло и причиняется вред людям – болезни, ущерб, гибель. «Белая» магия – зло, замаскированное под личиной добра. Но и в той, и в другой действуют одни и те же силы. В черной магии демон являет свое собственное лицо, а в белой, по слову апостола Павла, *принимает вид Ангела света* (2 Кор. 11, 14)⁵⁹.

Конечная цель и смысл человеческой жизни, жизни христианина, – это Богообщение, переход в вечность. Для христианина высшая ценность – Бог; для христианина вечная жизнь – это преодоление своей тварной ограниченности, выход из себя как из самоцентра, самооценности для приобщения к совершенствам Божественного абсолютного бытия. Все иное имеет для него лишь относительное значение; все земные обстоятельства: богатство, бедность, здоровье или болезни – это лишь условия формирования его личности для будущей жизни, и когда мы называем что-либо добром или злом, то называем по-человечески, с точки зрения земных ценностей. С точки зрения вечных ценностей, абсолютное благо – это только Бог, а единственное реальное зло – это грех, отпадение от Бога.

Теперь, в последнее время, стали особенно часто и наглядно проявляться различные феномены, похожие на чудеса. Широкой волной захлестнуло европейский мир увлечение оккультными, большей частью индийскими учениями. Можно даже сказать, что Восток (я имею в виду Индокитайский регион) берет реванш. Если раньше Запад физически поработал Восток, превращая его в свою колонию, то теперь Восток стал духовно поработать Запад. Современные оккультные и мистические течения, которые так широко идут на экспорт из стран Юго-Востока, – это вид духовной агрессии. В Священном Писании сказано о том, что в последнее время будут происходить необычайные чудеса, проявляться поразительные феномены – как демонстрация антихристовой силы; эти феномены будут подражанием чудесам Христа и Его святых учеников. Святой Василий Великий пишет, что диавол лишен творческой силы, он может только подражать и

---

⁵⁹ Сегодня говорят также о магиях «красной», «зеленой» и т. п., но это — только уловка адептов темных сил, стремящихся дезориентировать людей, ввести их в заблуждение. Суть же любой магии одна — демонообщение. — *Ред.*

воровать. Дьявол – вор, он ворует наше, «дьявол – обезьяна Бога» – он пытается подражать Богу, как обезьяна старается подражать человеку своими ужимками и прыжками.

Итак, с христианской точки зрения, эти явления, имитирующие чудеса, имеют демоническую сущность и направленность. Доверие и внимание к ним весьма пагубны. Начало опасности здесь – в незаконном вторжении человека в мир духов, к которому он совершенно не подготовлен. Святые Отцы говорят, что хотя с одной стороны наша плоть противостоит духу, но, с другой, она же хранит душу от преждевременного вступления ее в мир духовный, так как вступив в него, мы подверглись бы чрезвычайной опасности. Вторгшись в этот мир, наша не очистившаяся от страстей душа неизбежно, по закону подобия, окажется ближе не светлым Ангелам, а духам падшим, духам тьмы – потому что мы творим их злую волю, потому что в душе у нас имеется неукротимое внутреннее влечение, стремление ко греху. Господь дал нам «завесу» – плоть; пока нами еще не пройден путь борьбы со грехом, пока не очищено наше сердце от страстей, пока не определилась наша личность в своем отношении к Богу – центру всего существующего, – до тех пор непосредственное общение с миром духов будет для нас пагубным, как для ребенка – лес, полный диких зверей.

В наши дни лица, занимающиеся оккультными науками, гипнозом, йогой, различными магическими учениями Востока, предлагают людям путем определенных ритуальных действий и систем тренировки приобрести некие таинственные «дары», способности, сверхъестественные силы. В том числе обещают обучить их влиянию на других, подчинению себе чужой воли, «лечению» болезней и т. п. А взамен требуют от своих последователей (хотя бы те этого и не понимали) отречения от Христа и ориентации на совсем иные «духовные сущности», посредниками которых и являются сами оккультисты. Занятия йогой, участие в гипнотических сеансах, изучение оккультных наук – все это есть внутреннее отречение от Христа Спасителя, сознательное или бессознательное приобщение демоническим силам.

Способны ли демоны творить чудеса? В житиях святых описывается множество подобных «чудотворений». Сатана – это бывший первоангел, который в своем падении не потерял всей своей силы, только воля его извратилась: вместо любви к Богу теперь содержанием его бытия стала ненависть к Богу и к человеку как образу и подобию Божию. Он похож на реку, которая обратилась назад и течет от устья к истоку. Будучи извергнут из духовных сфер, сатана борется с Богом в глубинах человеческих сердец. Человеческое сердце стало полем боя Божественных и демонических сил. Демон готов обещать человеку и сделать для него все, лишь бы тот принадлежал ему. Господь неизреченно любит душу каждого человека – так же как и все человечество, всю вселенную, и потому сатана, привлекая к себе людей, мстит этим Богу за свое падение и изгнание.

Сегодня распространение оккультных опытов, их широкая открытая демонстрация являются грозными симптомами, исполнением предсказаний, которые содержатся в Святом Евангелии и Апокалипсисе. **...Восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных** (Мф. 24, 24) – прельстить ложными чудесами, соблазнить видимостью добра, за которой – страшное зло. Вообще говорят, что худший вид лжи – это полуправда, самый опасный вид зла – это зло, скрывающееся под личиной, под маской добра. Как артист скрывает свое лицо под гримом, так часто действует и зло, особенно теперь. Человек, прибегнувший к услугам магов и экстрасенсов, теософов и оккультистов, нередко расплачивается за свое исцеление, даже не зная – действительное оно или мнимое (порой и не подозревая о возможности обмана), ценой своей души, ее будущей участью. Этот человек, сам того не ведая, подписывает договор с дьяволом, как это бывало и в тех страшных случаях, когда люди подписывали договор с дьяволом своей кровью – многие из нас об этом читали. Нечто подобное, сознательно или бессознательно, совершается и теперь: те, кто участвует

в различных «сеансах», те, кто поддается добровольно гипнозу, становятся учениками, в какой-то степени даже собственностью новоявленных «чудотворцев», которые сами – ученики, служители темных сил. А значит, и подпавшие под их власть становятся адептами этих же сил.

Посмотрим с психологической точки зрения: что представляет собой гипноз? Гипноз – это разложение и распад личности: человек добровольно отдает себя, свою свободную волю, не зная сам кому. Вне свободной воли человек – био-машина, живой автомат, но не личность. Здесь человек отдает свою волю другой личности, становится послушным автоматизированным роботом, исполняющим все приказы «хозяина», то есть лишает себя высшего человеческого достоинства. Человек, который подвергает себя гипнозу, становится и вообще особенно восприимчив ко всякому влиянию. Он делается внутренне пассивен, он ищет другой сильной воли, чтобы отдаться ей и стать как бы паразитом того человека, который управляет им: то есть он и подчиняется этой более сильной воле, и в то же время, как паразит сосет чужую кровь, так и он черпает силу из нее. Он становится чьим-то придатком, перестает быть личностью. Человек, который подпал под власть гипноза, становится медиумом не только другого человека, но и невидимых демонических сил.

Согласно непреложным законам жизни духовной, с Ангелами Божиими могут общаться лишь те, кто сами подобны им своей жизнью. Конечно, бывают редкие исключения, но я говорю об общем правиле. Для общения с Ангелами нужно иметь внутреннее подобие им. Для общения с темными силами не нужно никакого труда, не нужно никакого очищения себя – наоборот, чем ниже пал человек, тем он способнее к общению с духами тьмы, зла и греха.

И вот человек, опрометчиво подчинивший свою волю каким-то людям, занимающимся оккультизмом, этим самым подчинил себя импульсам, идущим от мира темных духов, стал их медиумом. Способность сопротивляться злу и греху в нем до крайности ослабевает. Когда люди, имевшие дело с оккультизмом, желают обратиться ко Христу, то им необходим трудный и долгий подвиг покаяния, они подвергаются особо сильным искушениям и нападениям от диавола. Поэтому таким людям, когда они стараются стать христианами, необходимо в противовес их прошлой подчиненности злым духам иметь беспрекословное послушание своим духовным руководителям и через них – Христу. В житиях святых мы часто читаем о тяжелых испытаниях, которым подвергал демон тех, кто, занимаясь прежде магией и оккультизмом, затем становился на путь покаяния. Но, конечно, сила Божия выше и сильнее всего, поэтому для каждого человека, в каком бы он ни находился падении, пока он жив, открыта возможность исправления и спасения.

Гипноз есть агрессия одной души по отношению к другой. Например, физическая агрессия: более сильный захватывает в рабство слабого, заковывает его в цепи, заставляет выполнять унижительную работу. А здесь агрессия духовная: гипнотизер в большей степени владеет душой, загипнотизированной им, чем иной рабовладелец своими рабами. Загипнотизированный человек попадает, погружается в мир иллюзий, мир лжи. Господь сказал о демоне, что *он лжец и отец лжи* (Ин. 8, 44). Все «феномены» происходят в области иллюзорных представлений загипнотизированного человека, который находится в состоянии «самопотерянности», невменяемости. Подвергавшиеся гипнозу говорят, что ощущали себя как бы принявшими наркотики, все плыло у них перед глазами, как в тумане. Человек, находящийся под гипнозом, может совершать нелепые поступки, часто постыдные, не понимая, что с ним происходит. Демоническая сила, ненависть в человеке образ и подобие Божие, конечно, радуется такому жалкому состоянию, в которое человек сам добровольно ввергает себя.

Что же касается других оккультных наук, то все они связаны между собой, связаны общим источником, связаны общей целью. В них ищут не истинного добра, в оккультных науках ищут временных благ, но получают вместо них – в этой жизни – разрушение,

разложение своей личности, и общение с темными, злыми духами, и мучение вместе с ними – в жизни будущей.

Некоторые гипнотизеры прямо говорят, что они могут повторить чудеса Иисуса Христа, иногда даже и на афишах своих осмеливаются писать нечто подобное. И это опять-таки – обличение той антихристовой сатанинской силы, которая старается уподобиться Богу, «копирует» те чудеса, которые творил Христос, но – в уродливой, иллюзорной форме. В Новом Завете сказано о признаках последнего времени: о все большем и большем натиске этой демонической силы, об открытых ее демонстрациях; о том, что люди, привязанные к временным благам, люди, потерявшие духовные ориентиры, духовную интуицию, будут следовать злым духам, одни – бессознательно, слепо, другие – понимая, с кем имеют дело. Уже открываются «церкви сатаны» с оккультно-магическими ритуалами. Как грибы после дождя, появляются новые экстрасенсы и различные целители. Многие из них путем определенных упражнений и тренировок берутся из любого человека сделать подобного себе экстрасенса. Иными словами, на наших глазах происходит массовое, конвейерное, так сказать, производство экстрасенсов.

Антропософия (штайнеризм): кушанье из отбросов

Однажды преподобный Савва Освященный, игумен палестинской Лавры, наблюдал за тем, как монастырский повар готовится трапезу для монахов: отбросы повар выкидывал в ручей, протекавший через Лавру. И вот Савва решил преподать повару урок. Он тщательно собрал все отбросы, годные в пищу, которые тот выбросил, принес их в свою келью, там приготовил из них варево и пригласил повара на трапезу. Тот вкусил пищу, предложенную святым Отцом, и с удивлением спросил, из чего же приготовил ее авва. Преподобный ответил: «Из того, что ты выбросил в ручей».

Нечто подобное произошло и со Штайнером. Все, что на протяжении столетий Церковь выбрасывала на «свалку», в помойные ямы истории, Штайнер тщательно подобрал и состряпал из него свое учение, свою систему; с той только разницей, что если пища, которую приготовил преподобный Савва, по его молитве приобрела превосходный вкус, то кушанье, изготовленное Штайнером, оказалось пропитанным страшным духовным ядом.

Итак, то, что оказалось негодным для Церкви, то подхватил Штайнер. Он – не оригинальный мыслитель, даже не ересиарх, а только эклектик и компилятор. Чтобы говорить о Штайнере, нужно знать историю религии, начиная с такого крупного религиозно-философского движения, как гностицизм. Гностицизм существовал уже в первые века христианства: гностики были современниками Апостолов. У святого Иоанна Богослова есть предостережение против тех лжеучителей, которые утверждали, что Христос пришел не во плоти, – в древности они назывались *докетами*. Гностицизм пытался примирить языческие мистерии и языческую философию с христианством и потому создавал противоречивые синкретические системы. Прежде всего гностицизм искажал евангельское учение о лице Христа Спасителя. Для гностиков Христос был не Сыном Божиим, а только лишь одним из «эонов» (представителем, согласно их взглядам, тех ангельских сил, которые пришли в мир для того, чтобы спасти другой эон – Софию, удалившуюся от Бога и материализовавшуюся в видимый космос).

Итак, первый источник антропософии – древний гностицизм: системы гностиков Валентина и Василида, а также учение Карпократа. Но антропологические и космологические взгляды в системе Штайнера уходят своими корнями и в индуистские системы, ветви позднейшего брахманизма, – это второй источник антропософии. Третий источник – манихейство, также гностическая система, но уже не христианское

еретическое учение, а персидская секта, возникшая в маздеизме⁶⁰. Здесь Христос отождествляется с «солнечным духом», «солнечным эоном». И для Штайнера мир гелиоцентричен, в центре его солнце; согласно этому учению, Христос – световой, солнечный эон, а Сыном Божиим Он назван только лишь иносказательно, в нравственном смысле. Штайнер пользовался также средневековой алхимией, учением, называемым *герметизмом*, книгами Трисмегиста. И вот из всех этих языческих религий и оккультных систем он составил свое учение – антропософию, которую выдал за новое «откровение». Но, повторяю: это новое «откровение» на самом деле было суммой старых, отвергнутых Церковью и уже основательно позабытых современным религиозным и философским миром заблуждений.

Во второй половине девятнадцатого века в Индии и в Европе возникло движение, называемое *теософией*. Слово «теософия» в переводе значит «божественная мудрость». Во главе этого движения встала русская дворянка немецкого происхождения – Елена Блаватская, которая в свое время эмигрировала в Европу, затем жила в Америке, много путешествовала по Индии и наконец выступила со своим оккультно-мистическим учением, главной целью которого было показать мнимое единство всех религий, то есть доказать, что истина едина, а разные религии сами по себе ложны, но содержат крупинцы этой истины, и потому цель теософа – искать, находить и объединять истину, содержащуюся в различных религиях. Девиз теософии: нет религии выше истины. Здесь мы встречаемся с определенным психологическим парадоксом: верующий человек ищет истину именно в религии, а здесь религия отделяется от истины; здесь говорят, что религия не выше истины. В каком же положении оказывается человек вне всяких объективных ориентиров?! Для него все религии и одинаково истинны, и одинаково ложны. Определить истину должен он сам, ориентируясь на свои симпатии, на собственный выбор. Таким образом, по сути дела, теософ становится не только богоискателем, но и богостроителем: в системе теософии он создает свою собственную религию, можно сказать, по своему образу и подобию.

Елена Блаватская, до того как создать теософское общество, долгое время занималась спиритизмом и издавала спиритический журнал в Америке: тогда спиритизм был в моде. Когда мода прошла и число приверженцев спиритизма уменьшилось, Блаватская, как это ни странно, выступила против спиритизма. Зато она стала издавать журнал, носивший название «Люцифер», – целью журнала было реабилитировать сатану, показать, что он является добрым началом, творцом и космическим духом (именно так античные эллины представляли «бога» Пана). Затем Блаватская организовала ряд религиозно-философских обществ в Индии, Америке, Европе.

В Индии почва для теософии уже была подготовлена шиваистами и йогами. Крупнейший представитель индуистской теософии Рамакришна, жрец богини смерти Кали, говорил, что миссия его жизни – доказать, что божество присутствует во всех религиях; он утверждал, что в него по временам вселяется то Христос, то Магомет, то Будда и что при этом он испытывает сходные состояния – только разной силы и интенсивности. Рамакришна имел учеников, из которых самым выдающимся оказался Вивекананда (что в переводе с индийского означает «белый лебедь»). Вивекананда выступал с лекциями по йоге в Америке и в Англии. «Гуру» утверждал, что посредством йоги может вернуть людям не только духовное равновесие и гармонию, но и утраченную молодость. Его выступления, окруженные рекламой, привлекали к себе множество людей с невысокими духовными запросами. Интеллектуальный мир как Америки, так и Англии сразу же отверг и осудил теософское движение. Так в Англии теософию развенчал знаменитый этнограф Мюллер, в России – известный философ Владимир Соловьев и, особенно, его двоюродный брат, талантливый писатель Всеволод Соловьев.

---

⁶⁰ *Маздеизм* — религия древнего Ирана и Азербайджана, названная по имени божества Агура-Мазды (Ормузда) — «светлого начала», борющегося с божеством «злого начала» Ариманом. — *Ред.*

Вивекананда откровенно говорил о том, что Индия должна духовно завоевать мир, взять у Европы реванш: прежде Европа колонизировала Индию, а теперь Индия превратит Европу и Америку в своих духовных пленниц. В книгах Елены Блаватской был собран огромный материал по индийской, а также средневековой европейской магии и оккультизму. Теософы считают, что ее «Разоблаченная Изида» и другие произведения являются целой энциклопедией по оккультизму. Как ни странно, книги Блаватской были переизданы католическими кругами, близкими Ватикану, якобы для «научных целей», но тиражом, явно превышающим потребности ученых.

По смерти Елены Блаватской теософское движение возглавила бывшая социалистка и анархистка – Анна Безант, которая до того выпускала атеистические брошюры. С ней в течение нескольких лет сотрудничал Штайнер, но затем разошелся по одному вопросу: Анна Безант утверждала, что Христос должен воплотиться в индусского юношу – Кришнамурти, который проходил специальный психологический и оккультный тренинг в среде теософского общества, а Штайнер говорил, что Христос придет на землю не в физическом, а в эфирном теле, поэтому скептически относился к «миссии Кришнамурти».

Для основательницы теософского общества Елены Блаватской исторического Христа вообще не существовало. Она говорила, что не верит во Христа, но под Христом подразумевает божественную сущность каждого человека и пробуждение этой сущности называет рождением Христа в личности индивидуумов. Каждый из нас, как пишет она, может посредством определенных медитаций стать «Христом».

Рудольф Штайнер основал, отделившись от теософов, общество, называемое антропософским (антропософия – «мудрость о человеке»). По своему происхождению антропософия берет начало, таким образом, от левого, радикального крыла теософии. Ибо, хотя Штайнер и разошелся с теософами, главные их концепции он сохранил. С той только разницей, что если в теософии центральной фигурой был все-таки Будда, и наибольшее влияние оказывал на нее необуддизм (он был как бы подземными водами, питающими все теософские концепции), то в антропософии фундаментом служили учения древних гностиков и манихеев. Штайнер, защищая «честь манихейства», объявил главного литературного противника манихеев, блаженного Августина, воплощением Иуды. Это было жалкой мстостью за те сокрушительные удары, которые нанес манихейству Иппонийский епископ.

Каким методом пользовался Штайнер? Дело в том, что никакого метода у него не было: все его произведения основаны на крайнем субъективизме. Он утверждал нечто, ничего не доказывая и ссылаясь только на свой личный опыт и на свои не проверенные ничем откровения. В своих ритуалах Штайнер повторяет медитации индусов, ритуальные танцы гностиков, а также ряд масонских обрядов. Из масонства он заимствовал так много, что во время Первой империалистической войны, когда деятельность масонов была официально запрещена, собрания антропософов в Германии также запретили как масонские. Незадолго перед этим Штайнер начал строительство антропософского храма в Швейцарии. Впоследствии этот храм сгорел, и антропософы построили другой, похожий, как и первый, на языческое капище. Его Штайнер разделил по знакам Зодиака и в каждом притворе, в каждом отделении поставил деревянные изваяния языческих божеств: Марса, Венеры и других. Таким образом, вместо храма христианского антропософы построили храм языческим богам или тем, кого христианские апологеты называли демонами. Причем «божества» эти не походили даже на древние античные статуи, а носили явно демоническую личину. И сам Штайнер говорил, что в изображении их должна присутствовать асимметричность, угловатость, не должно чувствоваться никакой гармонии, ибо в них воплощен дух распада и разрушения.

По специальности Штайнер был инженером-архитектором, кроме того он самостоятельно изучил медицину, увлекался гомеопатией. Он изобрел даже ряд гомеопатических лекарств, которые употребляются до сих пор. У антропософов есть свои больницы, где лечат преимущественно гомеопатическими средствами, но не только ими:

медицина там объединяется с астрологией и различными магическими приемами. Штайнер написал много книг по различным вопросам: философским, искусствоведческим, медицинским и т. д. В частности, почитая Гете, он посвятил много трудов ему. Гете ведь был не только известным всему миру поэтом, но и философом-пантеистом: в своих произведениях этот мыслитель сводил на один уровень Христа и сатану, проводил и другие ужасные, неприемлемые для христиан мысли.

Штайнер выступал с толкованием Евангелия – конечно же, в гностическом духе, а также написал так называемое «Пятое евангелие», где утверждал, что Иисус и Христос – два разных лица, одно из которых – человек Иисус, человек со слабостями и недостатками, колеблющийся, как Гамлет, человек, проявляющий малодушие. Далее он пишет, что в видении ему было открыто, будто в Галилее Иисус один раз чуть не отказался от Бога и едва не принес жертву идолам, только глубокий обморок спас Его от богоотступничества. Затем Штайнер утверждает, что крещение было не Богоявлением, а соединением человека Иисуса с «солнечным эоном», который и есть Христос. В довершение всего он заявляет, что Христос не воскрес как таковой, что тело Его провалилось в образовавшуюся во время землетрясения трещину и находится в глубине земли, что Христос воскрес только своим эфирным телом и этим эфирным телом снова придет в мир. Он даже указал время пришествия Христа в мир: 1914 год. Эта дата оказалась датой начала страшной трагедии – Первой империалистической войны, которая окончилась ужаснейшей катастрофой для многих государств. Сам же Штайнер спокойно занимался предпринимательством, имел акции ряда фирм по производству табачной продукции, получал доход от занятий медициной, принимал разные пожертвования и так далее. Последователи Штайнера называли себя не только антропософами, но и «духовными христианами», а кое-где – «белыми братьями»...

В учении манихеев утверждается, что в мире постоянно идет борьба добра и зла. Добро отождествляется со светом и огнем, зло же – со мраком и темнотой. Ормузд и Ариман – это два полюса персидской религии, религии Заратустры, маздеизма. Это персидское поклонение солнцу подхватил Штайнер, для него образ Христа слился с образом Ормузда, со световым началом. Ормузд побеждает Аримана, так что пришествие Христа означает для Штайнера пришествие солнечного эона, изгнание из мира тьмы и мрака, вечный праздник солнца. Сам Штайнер придерживался отвергнутой и осужденной христианством теории перевоплощения. Когда его спрашивали, кто же теперь перевоплотился, чьи души живут на Земле, он отвечал: «Те, которые жили в Египте при древних фараонах».

Штайнер свою систему духовного развития заимствует из систем восточных, и в этом он отнюдь не оригинален; он спекулирует именем Христа для того, чтобы скорее привлечь европейца, воспитанного в христианском духе, или, по крайней мере, в среде цивилизации, некогда принявшей христианские понятия. На самом деле в учении Штайнера Христа нет, а есть только маска, одна искаженная личина, одно имя – для маскировки.

История знает немало таких примеров. Так иезуиты для того, чтобы успешнее проповедовать в Китае католицизм, объявили китайского философа Конфуция... «христианином» и «святым», объявили его праведником, как, скажем, ветхозаветного пророка, и более того, внесли его изображение в храм, чтобы показать китайцам, что от них не требуется ломки старых понятий при переходе в новую религию, как будто христианство в сущности своей не отличается от конфуцианства, признает Конфуция и почитает его учение. Этот недостойный прием под давлением католического мира был в конце концов осужден самим папой.

Так и Штайнер предпринимает подобную же попытку показать миру, не забывшему еще о Христе, что антропософия не антихристианское учение. Более того! Он пытается доказать, что его учение – это одна из разновидностей и, как он утверждал, углубление самого исторического христианства. (При этом Штайнер снабжал своих учеников

комплексами восточных упражнений, включавших и медитацию, которым он приписывал способность развивать в человеке необычайные «духовные» силы. И большинство последователей теософских и антропософских течений были привлечены, конечно, не какими-то не существующими религиозными или философскими «глубинами», а именно желанием развить свои, как говорил Штайнер, «спящие способности» и приобрести силу и мужество).

Антропософы хотят показать, что сами верят в то, что учение Рудольфа Штайнера – это христианство в «его чистом» и глубоком виде, что они не изменяют христианству, а только «дополняют», «углубляют» его. Но мы хорошо видим, что на деле концепция Штайнера – антихристианская, это уже не раз предпринимавшаяся попытка возвращения к язычеству. Штайнер взял много и у таких средневековых философов, как Сен-Мартен, Бёме, заимствовал кое-что из иудейской Каббалы (имена Ангелов, мистику чисел и тому подобное). В антропософии мы встречаемся с бесчисленными компиляциями и заимствованиями. Ни одной собственной идеи не внес Штайнер в свою систему: он только заимствовал и обрабатывал, перекладывал, разделял и опять слагал, другими словами, он создал своеобразную эклектику из индуистских верований, гностических ересей и манихейства, соединяя их с уже устоявшейся и хорошо знакомой европейцам религиозно-философской терминологией.

Вот какую неприглядную картину представляет краткий обзор этого учения.

Астрология и Православие

Астрологи уверяют, что цель их учения – помочь людям стать христианами, углубить и укрепить веру. Они говорят, что астрология относится к числу точных наук и, вооружившись ею, христиане могут более глубоко понять, изучить и узнать свою религию. Итак, большинство астрологов высказываются за симбиоз между Православием и наукой «звездочетов».

Мы же утверждаем, что они не могут существовать вместе: или астрология должна быть осуждена как языческое учение и отвергнута, или само христианство, соединенное с астрологией, окажется искаженным и деформированным.

Что такое православное христианство? – Это прежде всего неизблемое сохранение апостольского и святоотеческого Предания, верность содержанию и форме религии, ведущей свое начало от Божественного Откровения. Православие – это чистота веры и твердость традиции.

Уже в первые века еретики-гностики, пытавшиеся согласовать христианство с язычеством, утверждали, что они – «духовные», «элитарные» христиане и в противоположность остальным верующим, которых называли профанами, обладают таинственными знаниями, при помощи которых можно понять глубины христианства и расшифровать все Священное Писание. На самом деле «тайна» гностиков заключалась в том, что они объявили Христа одним из космических эонов, который сошел на землю в призрачно-иллюзорном облике человека.

Оккультисты нашего времени – теософы и антропософы – также заявляют, что они хотят помочь людям понять Евангелие глубже, чем учит Церковь, а оканчивают тем, что объявляют Христа и Люцифера двойниками.

Если спросить астролога, живущего в православной стране, какой он веры, то чаще всего в ответ прозвучит: «православный христианин». Но почему в таком случае Церковь, к которой он формально принадлежит, отрицает астрологию? Вероятно, астролог ответит, что это плод невежества и незнания, а на самом деле Церковь в лице своих лучших представителей отнюдь не была против астрологии. Тогда мы спросим у астролога, за кого он почитает святителя Василия Великого или святителя Иоанна Златоуста – за лучших представителей Церкви или за суеверных и невежественных людей? Почему они не занимались астрологией, а стремились искоренить ее вместе с демоническим

наследием язычества? Почему Церковь назвала их великими святыми и учителями вселенной?

Голос Православия – это Вселенский Собор. На Пятом Вселенском Соборе астрология в числе других лжеучений была осуждена. Известный средневековый астролог Иоанн Агарик за свое пагубное учение был отлучен от Церкви и предан анафеме. Если астрология – истинное и не противоречащее Православию учение, то почему она не вошла в церковное Предание? Церковь не утаила от людей ничего из того, что было передано ей Апостолами. Если астрологи считают историю Церкви периодом невежества, незнаний и заблуждений, то, значит, они фактически отрицают само Православие и создают новую религию, спекулируя именем Христа, до Которого им мало дела.

Многие из святых Отцов имели не только религиозное, но и философское образование. Уже сама их борьба с астрологией говорит о том, что они были знакомы с этим учением и свидетельствовали, что астрология – один из многочисленных врагов христианства. Сомневаться в их святости значит сомневаться в том, что Церковь, по словам апостола Павла, – *столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15). Значит, астрология, чтобы оправдать свое существование, должна разрушить веру в Церковь, уничтожить Православие и создать новое учение, подобно гностицизму и теософии. Астрология дискредитирует православное учение, другими словами, отказывается от него, потому что дискредитированная религия не может быть предметом почитания и веры. Если астрологи будут говорить, что их учение – это новое откровение Церкви, то мы снова войдем в лабиринт противоречий. Астрология – не новое, а древнее учение, которое было уже у вавилонян, поклоняющихся Астарте – богине неба и звезд.

Почему это учение стало популярным в наше время, когда мы видим катастрофическое падение нравственности, бездуховность и эгоцентризм? Не связаны ли эти явления друг с другом? Мы здесь не стремимся к разбору астрологии как учения, а только хотим сказать, что она – такой же отказ от Христа, как и поклонение идолам. Пусть астрологи имеют мужество сказать, что они порвали с традиционным церковным православным христианством и создали новую религию со своими жрицами и жрецами.

По словам пророка Илии, поклоняющиеся одновременно Иегове и Ваалу хромают на оба колена (3 Цар. 18, 21). Истина одна. Она не может измениться и переменить свой облик.

В Ветхом Завете Авирона, который внес во святилище чуждый огонь, покарал Бог (Чис. 16, 12–35).

Православие имеет свою мистику – это внутренняя Иисусова молитва, очищение ума и сердца от греховных помыслов. Православная мистика носит волевой характер, она связана с аскетизмом; эта мистика имеет цель – вечную жизнь как вечное Богообщение – и основана на любви к Богу. На земную жизнь она смотрит как на период испытания и путь к вечности. Христианский мистик утверждает центр своего существования не в себе, а в Божестве. Он умирает для себя, предавая свою душу Божественной Воле, чтобы получить ее возрожденной и преображенной, поэтому христианская мистика есть смерть и воскресение души.

Оккультная же мистика имеет ярко выраженный эгоистический и эгоцентрический характер. Она ищет наслаждений, удовлетворения страстей и прежде всего гордыни, а также – опьянения демоническими ощущениями, которые человек может принимать за духовные состояния. Эта мистика насыщена грехом и страстями, хотя иногда, как, например, в системе йоги, требует определенных упражнений, соединенных с воздержанием. Центром бытия в ней остается сам человек. Суть этой мистики – служение собственным чувствам и переживаниям а средства, на которые опирается мистик-окультист, – обладание магическими знаниями, образно говоря, шифром ада. Человек утверждает себя в духовном мире через оккультные знания, а в этом видимом мире – через подчинение других своей воле, его метод – агрессия. «Пророки» оккультизма и

астрологи занимаются предсказанием обычных житейских дел, так как это интересует их клиентов, да к другому они и не способны.

В Библии говорится о поразительном безумии людей, которые, отвернувшись от Бога, стали служить золотому тельцу (Исх. 32, 1–8). Плутократия (власть денег) способствует развитию не только нигилистического материализма, но и оккультизма – лишенной Бога и нравственности мистики. Астрологи, замалчивая многочисленные места Библии, где осуждаются колдовство и оккультизм, в том числе и волхвование по звездам, пытаются делать нелепые выводы о том, что само Рождество Христа зависело от звездной ситуации. Между тем ученик святого апостола Иоанна Богослова священномученик Игнатий Богоносец, послания которого признаны подлинными даже рационалистами, пишет о том, что Вифлеемская звезда являлось в отличие от других звезд ангельской силой. Ни одна звезда не могла стать над Вифлеемом, над тем местом, где родился Христос. Эта звезда указывала путь, но нигде не говорится, что она предопределила судьбу. Она была ангельским знаменем об исполнении древних пророчеств, а вовсе не элементом звездной карты. Ни один из святых Отцов не толковал это место Евангелия в астрологическом смысле.

Астрологи утверждают, что Церковь в свое время по невежеству отвергла их учение, тем самым свидетельствуя, что они не в этой Церкви. А в какой же еще? Дух Святой не может ошибаться и лгать. Но для астрологов, согласно их взглядам, таинства и обряды Церкви – историческая профанация, другого варианта нет.

Если бы жизнь человека могла быть определена звездной картой его рождения, то младенцы, родившиеся в одно время, в одном регионе, имели бы одинаковый характер (астрологический тип) и одинаковые судьбы. Почему люди, увидевшие свет под разными созвездиями, родившиеся в разных странах и полушариях, погибают одинаково, все вместе, при кораблекрушениях? Почему двое близнецов имеют разные способности и таланты, разный характер и судьбу?

Астрологи попытаются возразить, что даже два близнеца рождаются не одновременно, но тогда как же они берутся составлять звездные карты людям, родившимся десятки лет назад? Значит, если следовать их логике, в первом случае, для того, чтобы звездная карта была составлена правильно, астролог должен сидеть на крыше роддома и дожидаться рождения ребенка (минута продления, и карта неба уже изменилась!), а во втором, зная только приблизительно место и день рождения, они смело берутся составлять таблицы и определять по ним все события человеческой жизни. Сделаем простой опыт: предложим астрологу по звездной таблице неизвестного человека определить его тип и судьбу. Ошибка неизбежна, так как демоническая сила не знает человеческих мыслей и не может участвовать в таком эксперименте, а астролог так же запутается в звездной карте, как ребенок, еще не знающий букв, в географической карте мира.

Почему же некоторые из астрологических прогнозов все-таки сбываются? Обычно эти прогнозы даются в такой обтекаемой форме, что события, указанные в них, – встречи, неприятности, выигрыш, прибыль, убыток и т. д. – когда-нибудь да совершатся в жизни человека. Например, вполне возможно, что близкий друг меня обманет, а я получу неожиданную помощь, что я буду мучиться от болезни, а потом выздоровею или умру (если я выздоровею, то жаловаться на астролога не буду, если умру, то жаловаться не смогу).

Но мы не хотим представить астрологию такой невинной шуткой. Здесь включены демонические силы, которые имеют определенную информацию о конкретном человеке и, не зная будущего, догадываются о нем. Однако демон – всегда лжец и человеконенавистник, даже когда говорит по всей видимости правдоподобно.

В «Деяниях Апостолов» рассказывается, что одержимая бесом служанка кричала, идя вслед за Павлом и его спутниками: «Эти люди Божии, послушайте их» (Деян. 16, 16–17). Но святой Апостол не одобрил такого свидетельства, «возмутился духом», то есть

вознегодовал, как смеет бес свидетельствовать об истине, и запретил демону, после чего служанка перестала «прорицать».

Священномученик Киприан Карфагенский в своей книге «О суеидаолов» (III в.) пишет о римских консулах, которые, поверив предсказаниям о победе, вступили в битву и были убиты и взяты в плен; напротив, «консул Цезарь, пренебрегший прорицаниями, которые запрещали ему плыть прежде зимы в Африку, тем удобнее доплыл туда и победил». В этой книге он называет предсказания «обольщением призраками, затемняющими истину».

Христианство не признает учения о «судьбе», ибо в действительности всем руководит Промысл Божий, учитывающий свободную волю человека. Оно отрицает астрологию: эта оккультная наука ложна уже потому, что, утверждая зависимость человека от планет, считает его не свободным существом, а одним из предметов, то есть зачеркивает в нем образ и подобие Божии. Поэтому-то святые Отцы Церкви и, в частности, святитель Василий Великий, обличали астрологию как языческое учение, в котором властвуют рок и необходимость, и, следовательно, нет места свободной воле человека, и отсутствует различие добра и зла. Церковь не принимает астрологию ни в каких формах, по справедливости считая ее одной из разновидностей языческой магии.

О грехе проклятия

В Священном Писании синонимом творческой силы служит слово. Словом Господа *сотворены небеса* (Пс. 32, 6), *ибо Он сказал, – и сделалось; Он повелел, – и явилось* (Пс. 32, 9), *правда Его пребывает во век* (Пс. 110, 3). Через Слово Божие создается мир. Через слово благословляется каждый акт творения. В Евангелии от Иоанна Сын Божий назван Словом (Ин. 1, 1). В Сыне Божиим является сущность Отца; в Нем как Слове отражается познание Бога. Через Него творится все из ничего. Слово Божие – Сын Божий – совершенно как Отец. Человек – образ и подобие Божие. У святых Отцов он назван словесным существом; через слово он мыслит, через слово обращается к Богу с молитвой; через слово Пророки и Апостолы возвестили миру о Спасителе. Слово Божие воплотилось, Сын Божий стал Человеком. Весть о спасении через слово была пронесена до концов вселенной. Таинства Церкви совершаются через слово; с произнесением сакральных слов священнослужителя соединены действия Святаго Духа. Через слово Церковь благословляет своих чад, а родители – своих детей. Через благословение передаются обетования и милости Божии.

Благословение – это благое слово. В благословении родителей присутствуют благословение Небесного Отца – Бога и Небесной Матери – Церкви. Библия открывает нам божественную животворящую силу благословения (родители-христиане соответственно являются образом и символом: отец – Бога, мать – Церкви): *благословение отца утверждает дома детей* (Сир. 3, 9), «домы» – это значит последующие поколения. Благословение отца не исчерпывается жизнью сына или дочери; если оно сохранено, то переходит к их детям и к детям их детей.

В Палестине существует небольшое пастушье племя рехавитов. Оно сохранилось с библейских времен до наших дней. Палестина была ареной нескончаемых войн. Ассирийцы, вавилоняне, египтяне превращали ее города в пепелища, а поля – в пустыни. Римские легионы во время восстания Варкохбы разрушили Иерусалим и славу его – Храм, срыли до основания крепости иудеев, точно железный сапог наступил на грудь Палестины. Арабы, крестоносцы и турки, сменяя друг друга, орошали кровью ее землю. Ураган истории разметал ее жителей по всем концам мира, но племя рехавитов не покидало Палестины, как будто пламя войн и нашествий проходило мимо, не опалая его сынов. Милость Божия хранила этих людей, потому что они берегли благословение своего родоначальника, считали его самым большим сокровищем и сохраняли завет, данный им.

Через слово создается душа ребенка. Святитель Василий Великий вспоминал, что когда он был младенцем, то старшая сестра сажала его на колени и учила произносить имя

Иисуса – это было его первое слово, которое он говорил своим лепечущим языком. Когда будущая мать еще до рождения ребенка посещает храм и читает молитвы, она уже через слово освящает и благословляет свой плод. Благословение и молитва – это сакральные слова, но есть слова, подобные яду или удару ножа – это проклятие. Если благословение родителей спасает детей от многих бедствий, выравнивает их духовный путь, а иногда избавляет и от неминуемой смерти, то проклятие родителей – это черный траурный покров, подобный крыльям сатаны, который простерт над их жизнью. Когда отец проклинает своего ребенка, то он совершает такую же жестокость, как если бы убил его своей рукой. Проклиная ребенка, он отрицается от своего отцовства и словом проклятия вручает ребенка демону. Проклятие – это пожелание бедствий в земной жизни и гибели в вечной.

В древности финикийские язычники приносили детей в жертву демону, бросая их в пламя. Христианские родители, проклиная своих детей, призывают темную силу овладеть их ребенком, мучить его всю жизнь и взять в вечности как свою добычу. Они толкают ребенка в ад. Не менее страшно то, что проклятие, как и благословение, переходит на последующие поколения и печать его будет лежать на еще не родившихся младенцах. Сирах пишет, что проклятие матери разрушает дома детей (Сир. 3, 9). Есть семьи, на которые постоянно обрушиваются несчастья, в которых расстраиваются все дела, умирают дети, рождаются калеки и больные. Есть люди, на лицах которых лежит печать какой-то обреченности, и чаще всего это – следствие проклятия их родителей или предков.

Проклятие, произнесенное даже на своего кровного врага и обидчика, остается несправедливостью и жестокостью, так как его пагубное и разрушительное действие превосходит то зло, которое один человек может нанести другому. Поэтому святой апостол Павел не только заповедует христианам, но и умоляет их: *благословляйте, а не проклиняйте* (Рим. 12, 14). Самое страшное из проклятий – это проклятие духовного отца, а затем – родителей. Священник, который проклинает своих обидчиков и врагов, превращается в убийцу, который держит в одной руке крест, а в другой топор. Родители, проклиная своих детей часто по пустякам, а иногда по привычке – это змеи, кусающие ребенка ядовитыми зубами. Проклятие – это молитва диаволу о том, чтобы он отомстил за нас человеку, был преткновением на путях его, стал болезнью в теле его, взял как добычу сердце его, чтобы Ангел-хранитель отошел от человека и Бог отвернулся от него.

Часто человек проклинает сам себя. Тогда он похож на безумца, который вонзает нож в свое собственное тело и зовет сатану, чтобы тот взял его к себе. Душа такого человека идет по мытарствам как бы закованная цепями. Если самая большая заповедь – это заповедь любви, то проклятие – самый большой грех против этой заповеди.

Замечено, что те народы, где распространено проклятие, постепенно, но неуклонно вырождаются. Христос пришел на землю, чтобы снять со всего человечества древнее проклятие. Значит, тот, кто проклинает, противится делу Христа. Как поступить тем, кто проклинал своих детей? – Прежде всего исповедать этот грех в Церкви, просить Бога о том, чтобы его безумные слова не исполнились, понести за это епитимью; если позволяют условия, то заказывать службы о спасении и благополучии тех, кого он проклинал, или раздавать за них милостыню бедным. Свои уста, оскверненные проклятием, как человеческой кровью, надо очистить и омыть постоянным призыванием Иисуса Христа. Что делать тем, кого проклинали родители? В ответ на проклятие горячо молиться за родителей, осознавать свои ошибки, за которые последовало проклятие, просить, чтобы священник прочел особую молитву на снятие проклятия и назначил епитимью, стараться часто причащаться Святых Таин, если есть возможность, то сказать об этом архиерею.

Легче нанести рану, чем ее залечить, но покаяние и милость Божия врачуют всякую рану или дают человеку силы перенести испытание⁶¹.

Есть слова, которые животворят, есть слова, которые умерщвляют. Благословение – это воды, текущие в вечную жизнь. Проклятие – мертвые воды, текущие в ад и выплескивающиеся на землю через уста безумных людей.

Об иных цивилизациях и о «летающих тарелках»

Библия ничего не говорит о жизни в космосе, духовная космология Библии геоцентрична, для нее Земля является центром мироздания, только не физическим, а аксиологическим, духовным. В материальном измерении Земля – песчинка в океане космоса, но в духовном смысле она – наивысшая ценность и центр всей Вселенной, так как на Землю сошел Сын Божий; из Земли Он взял Свое Тело, которое остается навечно соединенным с Его Божеством; на Земле жила Мать Божия. Потому-то Земля драгоценнее всего из видимого мира, окружающего ее. Остальные же небесные тела, как открывает нам святая Библия и святые Отцы, – это лишь картина, свидетельствующая о Божественном величии.

Некоторые удивляются: ведь Бог премудр, почему же Он так нецелесообразно сотворил столько галактик, если они необитаемы, если они – только мертвые тела, несущиеся куда-то в необъятном пространстве?! Зачем же все это? Здесь ошибка в том, что человек опирается на свои собственные понятия, основанные на его ограниченных способностях и возможностях. Человек забывает, что для Бога одинаково просто и легко сотворить один атом или миллиарды галактик, что Бог – это Дух Всемогущий. Само по себе звездное небо является одним из яснейших свидетельств присутствия во Вселенной Божества, это величественная и живописная картина, написанная Создателем для нас. Только представьте, что Земля одна, не существует звездного неба. Тогда для нас исчезли бы самые яркие образы всемогущества Божия, Его бесконечности, Его силы и величия, Его славы! Звездное небо приводило древних мудрецов к глубоким размышлениям о жизни человека, о смысле его существования. По иудейскому преданию, Авраам из язычества пришел к монотеизму через размышление о безграничности Божества, когда рассматривал звездное небо. Согласно преданию церковному, святая великомученица Варвара также пришла к мысли о Едином Создателе мира, Едином Боге, наблюдая из окна башни звезды. Итак, миллионы и миллиарды галактик – это не впустую, бесцельно созданное творение, это явление всемогущества Божия – для нашего ума, красоты – для нашего сердца. Неужели же все это только ради человека?! Но одна душа для Бога драгоценнее, чем весь этот видимый мир!

Существуют ли другие разумные существа в каких-либо звездных пространствах? Раньше люди думали, что есть обитаемые планеты; так, еще в семнадцатом веке был написан ряд философских трактатов, где говорилось, что населены Луна и все небесные тела. Затем, по мере развития науки, люди стали предполагать, что условия для наличия жизни в нашей Солнечной системе могут быть (кроме Земли) только на планетах Марсе и Венере. Современная же наука приходит к выводу, что, кроме Земли, на иных планетах Солнечной системы жизнь нигде не обретается, нет там ни следов, ни признаков органической жизни, все они мертвы.

---

⁶¹ Кроме того, необходимо помнить: все происходящее с нами — как отрадное, так и прискорбное — происходит не по воле других людей и не по какому-то «стечению обстоятельств», но по Премудрому Промыслу Божию. Люди и обстоятельства — лишь орудия Промысла. Поэтому, какая бы скорбь ни постигла человека, постигла она его лишь попустием Божиим. Бог все устроит к нашему вечному спасению. И оттого, если попустил Он непостижимыми Своими судьбами пострадать кому-то, подпав действию проклятия, то и тогда человек не должен отчаиваться или чувствовать себя «конченным», «обреченным». Нет, Бог волен, как попустить человеку страдания — для очищения прежних его грехов, так и по вразумлении его подать скорую Свою и Всемогущую помощь. — *Ред.*

Но что же тогда представляют собой неопознанные летающие объекты – НЛО, о которых столько говорят, пишут, изображения которых демонстрируют? Можно предложить несколько решений этой загадки.

Есть такая отрасль видеотехники – *голография*, позволяющая при помощи определенной оптической аппаратуры создать некий объемный образ, изображение в пространстве. То есть можно создать иллюзорное представление любого предмета и в любой точке – и при том не только неподвижного, но и движущегося предмета. Таким образом сейчас открывается, можно сказать, широкая и просторная сцена для демонстрации разных иллюзорных явлений и представлений, и потому даже в нашей религиозной сфере к различным визуальным сверхъестественным явлениям надо относиться весьма осторожно. Это первое.

Второе: каждое государство имеет свои технические тайны и секреты. И эти неопознанные объекты могут быть аппаратами, принадлежащими той или иной стране. Но это тоже лишь одно из предположений.

И наконец, здесь может проявляться активное вмешательство в нашу жизнь духовных, демонических сил, которые преобразуются в материальные предметы или людей; иными словами, эти явления могут быть бесовскими.

Наша земля, то есть мы, люди, все больше отходим от Бога, хотя по статистике примерно пять шестых от всего народонаселения верующие. Но здесь один арифметический подсчет ничего не значит, показательное действительное отношение людей к вере, которое проявляется в реальной жизни. Трагично не только безбожие и прямой атеизм, но и то, что религия не является нормой жизни современных людей, не слита органично с ее направлением; даже для формально «верующих» религия – сама по себе, а жизнь, интересы, поступки – сами по себе. Здесь получается некая двойственность, психологический дуализм у людей: человек верит, а живет так, как будто Бога нет. Или скажем по-другому: условно силы человеческие можно разделить на ум, чувство и волю. Человек умом может принимать идею бессмертия и Божественного бытия, но волю свою он не включает в деятельное исполнение заповедей, хотя это – необходимое условие для того, чтобы душа вошла в общение с Божеством. Вера такого человека остается только на уровне сознания, как бы застывает где-то в далеком уголке души. Иногда к такой вере подключаются эмоции – во время молитвы, богослужения или чтения духовной литературы. Но они не подкреплены волею, то есть они не переходят в императив действий, в жизнь верующего. Поэтому-то человечество отдаляется от Бога, и, значит, создаются все более благоприятные условия для явления иных, темных сил. Вакуума в духовной жизни быть не может: человечество, дехристианизируясь, в то же время подпадает под мощные импульсы демонических сил и, таким образом, представляется все больше объективных возможностей для явления демона во плоти.

Теперь следует задать вопрос: а зачем это нужно демонам? Зачем демонам ставить такие «сценарии»? Что это дает им? Объяснение просто: учение о неопознанных летающих объектах как инопланетных – это новая возможность распространения материализма в человеческой ментальности. Здесь ход мысли таков: мир бесконечен, и в тех частях его, где есть благоприятные условия, возникают сами по себе новые формы органической жизни, то есть где-то существуют или более древние, или более молодые цивилизации. Тем самым подспудно развивается материалистическая точка зрения на происхождение жизни. Уже сама Библия для людей, верящих в эти объекты как в инопланетные, воспринимается весьма условно (в свете релятивизма, что ли). Здесь, дескать, на Земле, дана нам Библия, а там где-то, в других мирах, даны другие, неведомые нам откровения и так далее.

Таким образом, человек отвлекается от самого главного: от спасения, от общения с Богом и принимается искать выход из того тупика – духовного, социального, политического – в который зашло современное человечество, в «контактах» с «внешними», неземными цивилизациями. Ведь сегодня не только мы, христиане,

имеющие Священное Писание и Откровение, видим в происходящих вокруг нас событиях грозное предвестие неких страшных событий. Нет – и люди, далекие от Бога, тоже не могут не чувствовать, не видеть, как нарастают те процессы, которые ведут к непоправимой трагедии, катастрофе. Как быть, как избежать этой опасности, этих бедствий?!

Священная История имеет примеры, когда не только люди, но и целые народы перед лицом неотвратимой угрозы обращались с покаянием к Богу. Когда надежды на спасение уже нет, человек прибегает к Своему Творцу. Ищет спасения и находит его – у Бога. Поэтому сегодня, чтобы не допустить нашего обращения, нашего устремления к Богу, диавол и подбрасывает «выход»: искать спасения в опыте иных цивилизаций, в общении с ними, ждать помощи от обитателей иных планет и галактик. Вот причина подобного рода «феноменов». Мне, во всяком случае, такая теория представляется наиболее вероятной.